

Е. Б. Черняк • ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

Е. Б. Черняк

Историография
против

ИСТОРИИ

Издательство
Института
международных
отношений

Москва 1962

Е. Б. Терняк

Историография
против

ИСТОРИИ

Е. ЧЕРНЯК

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

*(Критика реакционной историографии эпохи
крушения капитализма)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Института международных отношений
Москва 1962

ЕФИМ БОРИСОВИЧ ЧЕРНЯК
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

Редактор *Л. М. Королюк*
Оформление художника *Н. К. Зикеева*
Художественный редактор *Л. М. Воронцова*
Технический редактор *Е. А. Ерхова*
Корректор *Е. В. Дейнеко*

А 03196 Сдано в набор 2/II-1962 г. Подп. в печать 14/IV-1962 г.
Формат 84×108 Физ. печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 18,86 Уч.-изд. л. 20,4
Тираж 4200 экз. Заказ 530 Цена 92 коп.

Издательство Института международных отношений
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Типография ЦИНТИ легкой промышленности

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире происходит ожесточенная борьба коммунистической и буржуазной идеологий, отражающая в духовной жизни человеческого общества процесс перехода от капитализма к коммунизму. «Идейное обоснование господства монополий, оправдание эксплуатации, опорожнение общественной собственности и коллективизма, воспевание милитаризма и войны, оправдание колониализма и расизма, разжигание вражды и ненависти между народами — таковы идеи, которыми проникнуты политические и экономические теории, философия и социология, этика и эстетика современной буржуазии»¹.

В борьбе между коммунистическим и буржуазным мировоззрением огромную роль играет осмысление и интерпретация истории XX столетия — века невиданных по значению событий, определяющих будущее человеческого общества. Идейные защитники капиталистического строя все шире прибегают к извращению истории эпохи крушения капитализма в тщетной попытке подкрепить этой фальсификацией рушащиеся устои буржуазной идеологии.

Современная буржуазная литература, трактующая узловые проблемы истории XX столетия, — это огромная разнообразная масса работ — от капитальных исследований до популярных книжек, от многотомных коллективных трудов до журнальных статей, тысячи и десятки тысяч изданий, посвященные самым различным аспектам исторического процесса, различным периодам, различным странам и континентам.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1961, стр. 53—54.

В числе трудов профессиональных буржуазных историков и вообще работ, специально посвященных историческим вопросам, можно выделить многочисленные общие курсы истории XX века и истории отдельных стран, книги и статьи по истории международных отношений, внешней политики СССР и других социалистических стран, а также отдельных капиталистических государств, исследования по экономической истории эпохи империализма, все увеличивающийся поток реакционных книг по истории международного рабочего и коммунистического движения, монографии по истории колониальной политики и национально-освободительного движения, работы по истории общественной мысли и т. д. Но круг работ, трактующих основные вопросы истории XX века, не исчерпывается историческими исследованиями в узком смысле слова. К ним примыкает обширная группа работ по международным отношениям, многочисленные исследования из области так называемых в буржуазной литературе «политических» наук (изучение политических партий, национального состава, избирательных систем, профсоюзного движения, демографических данных и других аналогичных вопросов), книги и статьи по современной экономике, социологические исследования и т. д. Вся эта литература выходит в различных странах на десятках языков. На ее содержание накладывают явственный отпечаток политические и научные взгляды, а также индивидуальные особенности автора, обстановка в стране, в которой появляется та или иная работа, нередко общая международная атмосфера в период выхода в свет этой работы.

Как же разобраться во всей этой литературе, возможно ли обнаружить какие-либо общие черты, присущие огромной массе столь различных изданий?

Прежде всего, конечно, их объединяют общие классовые корни и прямая или косвенная защита основ буржуазного строя. В этом отношении к откровенно буржуазной литературе (включая и клерикальные издания, содержащие лицемерную «критику» капитализма) примыкают в основном правосоциалистические и ревизионистские работы. Характерным для подавляющей массы буржуазных и реформистских сочинений является и то обстоятельство, что в них по существу проповедуется единая концепция истории XX века. Вкратце эта концепция сводится к утверждению, что якобы в буржуазных странах на смену старому,

эксплуататорскому капитализму XIX века постепенно приходит (а в ряде стран уже пришел) новый, «народный», «демократический» капитализм, который является, собственно, уже не капитализмом, а «строем общего благоденствия».

По справедливому выражению В. И. Ленина, «вся история капитала есть история насилий и грабежа, крови и грязи»¹. Буржуазные ученые пытаются отделить от сущности капиталистического строя как такового все эти грабежи и насилия, отмыть эту кровь и грязь и представить современный капитализм в виде строя, обеспечивающего благоденствие народных масс. В то же время в буржуазной литературе объявляется, что в странах социализма якобы существует не социалистический строй, а какой-то другой, во всяком случае нынешний капитализм называется более прогрессивным.

Разумеется, «доказательства» этих фальшивых концепций могут быть весьма различными (хотя и здесь можно обнаружить немало общих черт). Так, например, ревизионистские разглагольствования о «трансформации» капиталистического строя могут внешне отличаться от обоснования той же идеи буржуазными историками, проводиться под флагом «развития» марксизма и даже «интересов коммунистического движения». Однако сущность ревизионистской и реформистской идеологии как разновидности буржуазного влияния на пролетариат ярко проявляется в защите реакционной концепции истории XX века, которая проповедуется всей буржуазной литературой. Более полувека назад Бернштейн, выступая со своей «критикой» марксизма, пытался снабдить свои ревизионистские вымыслы целой серией аргументов. «Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась теория классового боя, неприложимая будто бы к строго демократическому

¹ В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов Соч., т. 21, стр. 87.

обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.»¹.

Ревизионистские доводы, как подчеркивал В. И. Ленин, не представляли уже в начале нашего столетия ничего нового, они были прямо взяты из буржуазной литературы². Эти обветшалые аргументы и поныне составляют основу реакционной концепции истории XX века, получив развитие в теории «старого и нового капитализма», а также в клевете по адресу социалистических стран.

Вся буржуазная и реформистская литература глубоко враждебна марксизму-ленинизму. Конечно, в наш век, когда марксистское учение стало идеологией сотен миллионов людей, когда само развитие науки тысячекратно доказывает правоту марксизма и это оказывает влияние даже на часть буржуазных ученых, глубоко враждебных марксизму, такая вражда нередко облекается в форму «признания» некоторых идей Маркса. С помощью такого «признания» буржуазные ученые пытаются подкрепить в корне антимарксистские теории и концепции. Недаром, например, американский реакционный ученый Мур разъясняет, что лживые концепции «трансформации» американского капитализма нужно осмысливать с использованием «марксистских идей»³. Другой американский исследователь — Р. В. Даниельс — пишет, что марксизм — это, мол, общее наследие как коммунистов, так и их противников, которое каждый трактует по-своему и в своих целях⁴. Особенно широко используется фальсификация марксизма для доказательства антинаучных и антимарксистских взглядов в правосоциалистической и ревизионистской историографии.

Социальный заказ, который выполняет буржуазная историография, нередко дается в прямой и непосредственной форме. Стоит напомнить, что ведущие университеты США (Колумбийский, Гарвардский, Йельский и т. д.), а также почти все крупные издательства непосредственно контролируются финансовыми империями морганов, рок-

¹ В. И. Ленин, Что делать? Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 7.

² Там же, стр. 8.

³ См. В. Моогге, Political Power and Social Theory, Cambr. (Mass.), 1958, p. 116.

⁴ См. R. V. Daniels, Fate and Will in the Marxian Philosophy of History, «Journal of the History of Ideas», 1960, Oct — Dec., p. 544.

феллеров, фордов, дюпонов, меллонов и др. и что аналогичное положение существует в большей или меньшей степени и в остальных буржуазных странах. Влияние крупного капитала, реакционных политических кругов явно ощущается в сосредоточении сил на изучении определенной тематики. Достаточно указать, в частности, на поток выходящих в США реакционных работ по истории ленинизма и международного коммунистического движения¹.

Одновременно в фокусе внимания американских исследователей оказался Советский Союз. В настоящее время в США свыше 150 исследовательских центров (включая крупнейшие университеты) занимаются изучением экономики, истории, внешней политики СССР², причем число их непрерывно растет. Так, осенью 1961 года фонд Форда ассигновал 5,5 млн. долл. на создание при Колумбийском университете специального института по изучению коммунизма³. Аналогичное положение существует в Западной Германии, где изучение СССР и других стран Восточной Европы («Ostforschung») прямо подчинено милитаристским и реваншистским целям⁴.

Деятельность этих американских буржуазных «специалистов» по Советскому Союзу, западногерманских остфоршеров и им подобных лучше всего можно охарактеризовать гневными словами Ленина, сказанными в адрес реакционной науки: «...Общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие неле-

¹ Автор одной из якобы «солидных» работ этого рода должен был, учитывая, видимо, отношение читателя к таким сочинениям, заверять, что его книга — не полицейский справочник для розыска коммунистов. (См. D. Shapiro, The Decline of the American Communism. A History of the Communist Party of the United States since 1945, N. Y., 1959, p. XI.)

² См. «Новое время», 1960 г., № 47, стр. 16—17.

³ См. «Правда», 4 ноября 1961 г.

⁴ См. «Die Ostforschung — eine Stosstrupp des westdeutschen Imperialismus», «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, Nr. 6; Б. Спиру, Западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма, «История СССР», 1960 г., № 1, стр. 237—249; В. Салов, М. Тульчинский, Мюнхенский институт Восточной Европы на службе боннской реваншистской политики, «Вопросы истории», 1960 г., № 12, стр. 164—174.

пости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»¹.

В этой связи стоит упомянуть о настойчивом стремлении бонских реваншистов, рвущихся к руководящей роли в западноевропейских экономических союзах и в агрессивном Североатлантическом блоке, к «унифицированному» освещению в странах НАТО истории международных отношений. Нынешние западногерманские реваншистские круги и здесь выступают прямыми наследниками гитлеровцев. В 1935 году фашистская Германия подписала с Францией специальную конвенцию, содержащую изложение концепций истории международных отношений, которых впредь должны были придерживаться авторы немецких и французских учебников². Теперь эти одобренные гитлеровцами «принципы» объявлены устами одного из видных западногерманских историков П. Рассова основой для исследования и школьного преподавания³. Руководствуясь теми же принципами, бонские историки заключили соответствующие договоры об унификации трактовки узловых вопросов истории с американскими, английскими и французскими, итальянскими, австрийскими, шведскими историками; получился своеобразный «НАТО» в области историографии⁴.

Субъективистская методология «презентизма», которой

¹ В. И. Ленин, Либеральный профессор о равенстве, Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 364.

² См. W. Tritsch, Europa und die Nationen, Darmstadt und Genf, 1953, S. 13; Europa und der Nationalismus, Bericht über das III Internationale Historiker-Treffen in Speyer. 17. bis 20. Oct. 1949, Baden-Baden, 1950, S. 137, 144 (в дальнейшем: «Europa und Nationalismus»).

³ См. «Europa und Nationalismus», S. 148.

⁴ См. «Deutschland und die Vereinigten Staaten. Empfehlungen der 2. amerikanisch-deutschen Historikerkonferenz etc.», Braunschweig, 1956; «Deutschland und England, 1918—1933. Empfehlungen zur Behandlung der englisch-deutschen Beziehungen in der Zwischenkriegszeit», Braunschweig, 1957; «Deutsch-französische Vereinbarung über strittige Fragen europäischer Geschichte», Braunschweig, 1958; «Deutsch-italienische Thesen über die geschichtlichen Beziehungen der beiden Völker im 19—20 Jahrhundert», Braunschweig, 1954; «Deutschland und Österreich, 1848—1939. Empfehlungen der 2. deutsch-österreichischen Historikertagung», Braunschweig, 1957 и т. д. Интересно в этой связи отметить недавнее решение Комитета по преподаванию географии при Европейском Совете восстановить на картах Германии границы 1937 года. (См. «Известия», 16 сентября 1961 г.)

открыто или замаскированно придерживается наиболее реакционная часть буржуазной историографии, служит обоснованием «постоянного» переписывания истории в соответствии с нуждами империализма. При всем этом было бы совершенно неправильно игнорировать фактический материал, собранный в буржуазной литературе по новейшей истории, в том числе и в реакционных работах, в целом представляющих явную фальсификацию подлинной картины исторического развития. В. И. Ленин, называя реакционных специалистов в области общественных наук «учеными приказчиками» буржуазии, писал: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»¹.

Грубым упрощением было бы огульно зачислять всех или даже большинство буржуазных исследователей в лагерь сознательных фальсификаторов истории, хотя число их особенно велико среди специалистов по истории узловых вопросов новейшего времени. Столь же неправильно считать, что все буржуазные историки представляют собой сплошную реакционную массу. Среди буржуазных ученых множится число тех, которые критикуют различные стороны политики империализма и добросовестно стараются понять движущие силы и тенденции исторического развития². Из уст таких ученых раздается критика «презентизма» и «переписывания» истории под диктовку империалистических вдохновителей «холодной войны». Тем не менее, оставаясь в рамках буржуазной идеологии и методологии, эти ученые оказываются неспособными подняться до подлинно научного понимания исторического процесса.

В задачу настоящей книги входит критика реакционного «переписывания» узловых вопросов истории XX века (история промышленного капитализма затрагивалась лишь

¹ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 364.

² Число таких ученых растет даже в главной империалистической стране — США. (См. Г. Аптекер, К вопросу о современных течениях в буржуазной историографии США, «Вопросы истории», 1959 г., № 11, стр. 111—112.)

в тех случаях, когда это было необходимо для освещения главной темы) ¹. Нашей целью было выявление и критика общих, типических черт в трактовке современной эпохи во всей буржуазной историографии в целом. Особенности этой трактовки в отдельных работах, в трудах разных школ, в историографии различных стран и т. п. должны составлять предмет специального исследования или, вернее, исследований. Естественно, характеризуемые в книге новейшие работы буржуазных ученых ² служат не более чем примерами, позволяющими судить о чрезвычайно обширной в количественном отношении реакционной литературе по истории XX века. В нашу задачу не могла входить всесторонняя оценка взглядов упоминаемых ниже буржуазных авторов. Цель книги — анализ ведущих реакционных тенденций современной буржуазной историографии в целом; положения и выводы отдельных работ подвергались рассмотрению и критике лишь поскольку они являются конкретным выражением этих общих тенденций.

В процессе реакционного «переписывания» истории выработался целый набор методов и приемов фальсификации истории. На этих приемах и необходимо остановиться в первую очередь.

¹ Разумеется, в работе, трактующей исторические проблемы, не было возможности специально останавливаться на многих реакционных теориях, оправдывающих современную политику империалистических стран (вроде теорий «балансирования на грани войны», «отбрасывания коммунизма» и т. п.).

² То есть преимущественно работы, изданные за последнее десятилетие.

Глава I

О ФОРМАХ И МЕТОДАХ БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

1

Субъективный идеализм в его различных разновидностях составляет философскую основу современной реакционной историографии: Попытки части западных историков вырваться из субъективистского тупика не меняют общей картины и не могут иметь успеха, поскольку они не выходят из рамок буржуазной идеологии и философского идеализма¹.

Метафизический характер буржуазной методологии истории ярко проявляется в ее неспособности и нежелании представить историческую действительность в качестве связанного целого, единого процесса развития, вскрыть всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость явлений. Для современной буржуазной историографии типично выхватывание отдельных фактов из их действительной взаимосвязи для доказательства тенденциозных выводов. «Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, — указывал В. И. Ленин, — не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»². Отказ от рассмотрения

¹ См. И. С. Ко н, Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, Соцэкгиз, 1959; е г о ж е, Буржуазная философия истории в тупике, «Вопросы истории», 1960 г., № 12, стр. 30—54.

² В. И. Л е н и н, Статистика и социология, Соч., т. 23, стр. 266.

явлений в их объективной взаимозависимости — один из наиболее распространенных приемов, применяемых буржуазными учеными для фальсификации истории. Характерно, например, что буржуазная историография не создала никакого единого объяснения, вскрывающего взаимосвязь событий в эпоху империализма. Там, где подобная попытка все же делалась, она носила абстрактный, полумистический характер.

Буржуазная историография не может совсем отказаться от установления причинной связи между историческими явлениями, несмотря на то что субъективистская методология прямо отрицает такую связь. Однако там, где буржуазная историография пытается установить причинные связи, для нее характерно игнорирование главных причин явления, подмена существенных причин несущественными, внутренних причин — внешними, непосредственных причин — косвенными причинами и наоборот. Игнорируя всеобщую взаимосвязь явлений, буржуазные историки в то же время софистически используют ее для всяческого принижения значения наиболее существенных причинных связей, а также для фальсификаторского представления любого исторического события причиной всех других исторических явлений. О том, как используется реакционерами этот «метод», открывающий дверь для любых произвольных концепций, можно судить по разъяснению известного английского социолога и историка Д. Брoгена, что если Французскую буржуазную революцию XVIII века считают (и совершенно справедливо) фактором, способствовавшим воссоединению Германии и Италии, то возможно объявить ее также ответственной... за первую и вторую мировые войны, развязанные германскими империалистами¹. Эту «возможность», о которой говорил Брoген, другие буржуазные исследователи, как мы убедимся ниже, с готовностью превратили в «действительность».

Реакционная историография, как и буржуазная философия, пытается игнорировать или принизить значение единства и борьбы противоположностей в обществе — источника и основной движущей силы развития, абсолютизировать равновесие, примирение противоположностей. Буржуазная наука отрицает непримиримость антагонистических противоречий капиталистического общества. В то же

¹ См. D. B r o g a n, The Price of Revolution, L., 1952, p. 18.

время как вымышленные, так и реальные, но носящие неантагонистический характер (и к тому же отличающиеся от неантагонистических противоречий в других формациях), противоречия социалистического общества изображаются в виде глубоких антагонизмов. При этом противоречия, связанные с наличием пережитков капитализма, выдаются за конфликты, якобы порождаемые сущностью социалистического строя.

Весьма типично для буржуазной историографии также искаженное освещение значения внутренних и внешних противоречий, подмена одних другими. Отрицая определяющую роль внутренних (классовых) противоречий в капиталистическом обществе, буржуазные ученые нередко выдвигают на первый план роль внешних противоречий (в частности, отношения общества и природы). Развитие, определяющееся прежде всего внутренними противоречиями (развитие экономики), часто изображается как следствие внешних противоречий. В то же время нередко там, где внутренние противоречия не являются главной причиной развития (например, развитие идеологии), они, напротив, принимаются за решающий фактор этого развития.

Процесс внутреннего развития различных стран, приводящий на определенной стадии к переходу от капитализма к социализму, неизменно изображается следствием внешних противоречий (мнимого «советского давления», войны между великими державами и т. д.). При освещении истории социалистического общества реакционные историки пытаются выдать за внутренние противоречия социализма те противоположности, которые порождены борьбой империалистического лагеря против социалистических стран. В частности, такое проявление внешних противоречий между социалистической и капиталистической системой, как империалистический экспорт контрреволюции, неизменно изображается как порождение внутренних противоречий в странах, служивших объектом империалистического вмешательства извне (попытка контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 г., высадка американских наемников на Кубе весной 1961 г. и пр.). Консервирование старых общественных порядков в ряде стран с помощью прямой империалистической интервенции или скрытого вмешательства иностранного капитала (после второй мировой войны — в Греции, Южном Вьетнаме, Южной Корее, на Кубе и Ираке до свержения там диктаторских режимов

и т. п.) также рисуется как результат внутреннего развития этих стран. Спекулируя на том, что борьба противоположностей происходит в рамках единого процесса развития, буржуазные историки софистически пытаются объявить революцию ответственной за действия реакционных сил.

Буржуазная историография отказывается признать существование качественных изменений в обществе путем либо отрицания качественных различий (например, пресловутая теория «вечности капитализма» и т. д.), либо же посредством абсолютного метафизического противопоставления количественных и качественных различий (теория А. Тойнби и др. о существовании извечно, принципиально различных «цивилизаций»). Буржуазные историки игнорируют переход количественных изменений в качественные и наоборот, что постоянно происходит в процессе развития общества. Реакционной историографии чуждо понимание диалектического отрицания как результата внутреннего развития явления победы нового, при сохранении этим новым в преобразованном виде отдельных элементов старого. Как мы убедимся ниже, буржуазные ученые пытаются, фальсифицируя закон отрицания отрицания, использовать факт спиралеобразного характера развития для нападков на идею общественного прогресса.

Буржуазным историкам свойственно как неосознанное, так и нередко сознательное смешение сущности и явлений в историческом процессе. Так, например, критика К. Марксом и Ф. Энгельсом современных им конкретных политических фактов и деятелей — критика, вытекающая из основ марксистского учения, — нередко выдается буржуазными учеными за сущность марксизма. На основе этой подмены создано клеветническое изображение великого освободительного учения пролетариата в виде «специфической идеологии середины XIX века», якобы применимой только к условиям эпохи промышленного капитализма.

Не менее типичен для буржуазной историографии отрыв явления от сущности. Характернейшей особенностью современной буржуазной историографии, ее лейтмотивом является стремление доказать, что все проявления основного противоречия буржуазного общества — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим присвоением: эксплуатация, обнищание грядущих масс, милитаризм, войны — никак не связа-

ны с капитализмом как таковым. При этом обычно явления, свойственные данной сущности, не только отрываются от нее, но и объявляются имеющими другую основу. В результате многие отрицательные явления, порождаемые сущностью капитализма, выдаются в буржуазной историографии за явления, якобы вытекающие из природы социалистического строя, а преимущества социализма приписываются современному умирающему капитализму. Буржуазная историография систематически представляет изменение внешних проявлений сущности (в частности, того же капитализма) изменением самой сущности. Наоборот, изменение сущности нередко изображается как простая смена явлений неизменной сущности (вспомните, например, лживое отождествление советской внешней политики с внешней политикой дореволюционной России).

Из разности форм, в которых проявляется содержание исторического процесса, буржуазные ученые выводят мнимое различие его сущности. В. И. Ленин предсказывал — и это гениальное предвидение полностью подтверждено опытом истории, — что переход от капитализма к социализму «не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»¹. Буржуазная историография либо игнорирует разнообразие политических форм, лживо утверждая, что коммунисты во всем мире механически копируют «большевистский образец», либо выводит из этого различия мнимую «неприменимость» диктатуры пролетариата к «нерусским условиям». Абсолютизируя различие политических форм, буржуазная наука на этом основании пытается скрыть существование общих для всех стран закономерностей перехода от капитализма к социализму.

Это одновременно может служить одним из примеров смешения единичного и общего в буржуазной исторической науке. Изображая единичное в качестве общего (например, гражданскую войну за непремennую форму революции), реакционные ученые в то же время склонны выдавать общее за единичное (например, изображая социалистическую революцию особенностью исторического развития одной страны или определенной группы стран). Метафизический

¹ В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 385.

разрыв общего и единичного служит одним из многих методологических «принципов», объединяющих буржуазную историографию и идеологию ревизионизма.

В целом буржуазная историческая мысль враждебна идее закономерности общественного развития, обычно противопоставляя ей ту точку зрения, что «законы» существуют лишь в сознании людей и могут ими изменяться по собственному произволу. Достаточно напомнить об отчаянной борьбе против исторического материализма в работах представителей различных направлений в реакционной буржуазной философии и социологии — неокантианства, неогегельянства, прагматизма и в последние десятилетия неопозитивизма (Риккерт, Вебер, Кассирер, Кроче, Поппер и др.). В одной из своих последних работ — «Нищета историзма» (1957 г.) — Поппер доказывает, что в истории не существует закономерностей, подобных естественнонаучным законам. Социологические и экономические «законы» фиксируют лишь «функциональные взаимоотношения» между явлениями и должны всегда сопровождаться оговоркой, что они действуют, пока существуют «ограничительные условия», в которых протекает это действие. Так, например, можно предсказать, как будет развиваться современный капитализм, если сохранятся нынешние тенденции развития. По утверждению К. Поппера, Марксу и Ленину удавалось предсказать тенденции общественного развития только потому, что оставались неизменными прежние «ограничительные условия» их действия. При этом К. Поппер не упоминает, что открытые марксизмом законы дают глубокое объяснение также изменениям, происходящим и в той группе общественных явлений, которые буржуазный философ именуется «ограничительными условиями». Утверждение сторонников К. Поппера о том, что ему якобы удалось доказать «ненаучный характер» марксистского учения об исторической миссии пролетариата¹, лишь ярко вскрывает подлинные мотивы, которыми руководствуются новейшие буржуазные «критики» марксизма.

Показательно, что совершенно аналогичные нападки на марксистские «пророчества» раздавались также из ревизионистского лагеря и что эти нападки были сочувствен-

¹ См. S. B e n n and R. P e t e r s, *Social Principles and Democratic State*, L., 1959, p. 305.

но встречены буржуазными историками¹. С теориями К. Поппера и ему подобных тесно связана проповедуемая то в откровенной, то в скрытой форме фактически всеми правосоциалистическими идеологами (Д. Стрэчи, Ч. Кросленд, Ф. Штернберг и т. д.) идея о том, что буржуазная демократия якобы в состоянии отменить действие экономических законов капитализма. Эта же мысль красной нитью проходит через всю буржуазную историографию, освещающую проблемы новейшего времени.

«Аргументированность» подобной «критики» нисколько не возрастает и в том случае, когда некоторые буржуазные историки пытаются с позиций волюнтаризма рассуждать следующим образом: если, мол, Ленин и коммунисты и могли отчасти предвидеть будущее, то не потому, что опирались и опираются на познание объективных законов общественного развития, а потому, что они сами сумели «навязать» определенное направление истории России, которая могла развиваться по любому пути².

Учитывая дух времени, буржуазные историки пытаются использовать в своих целях именно тот факт, что сотни миллионов людей осознают и высоко оценивают имеющую всемирно-историческое значение деятельность великих вождей пролетариата Маркса, Энгельса, Ленина, а также других выдающихся деятелей международного рабочего движения. Извращая действительность, реакционные ученые пытаются выдать деятельность вождей рабочего класса и трудящихся масс за свидетельство мнимого отсутствия исторической необходимости. Так, ссылаясь на роль В. И. Ленина в октябре 1917 года, буржуазные историки... отрицают историческую закономерность Великой Октябрьской революции. Они пишут об Октябрьской революции как о результате «все сметающей воли (overriding will) одного человека»³, не желая видеть, что гениальное ленинское руководство революцией является примером глубочайшего познания и использования объективных законов

¹ См. «Journal of the History of Ideas», 1960, Oct. — Dec., p. 544.

² См. M. C. Swabeу, The Judgement of History, N. Y., 1954, pp. 158, 160. На основе подобных «доводов» некоторые буржуазные историки доходят до абсурда, заявляя, что победа Великой Октябрьской социалистической революции означала «конец» марксизма в России! (См. «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought», Cambr. (Mass.), 1955, p. 106.)

³ «Journal of the History of Ideas», 1960, Oct. — Dec., p. 545.

общественного развития. По мнению многих буржуазных ученых, история — область полного господства случайности. Например, известный английский философ Б. Рассел объявлял причиной второй мировой войны отказ нескольких американских сенаторов-республиканцев голосовать за ратификацию Версальского договора 1919 года и одобрение устава Лиги наций¹.

Когда все же некоторые буржуазные историки признают необходимость в историческом процессе, она приобретает в их изображении непознаваемый, полумистический характер. Нередко при этом следствие случайности (скажем, временно благоприятно сложившееся географическое положение) представляют как необходимый результат общественного развития. И наоборот, необходимые и неизбежные социальные изменения и перевороты изображают в виде исторической случайности. Часто возникновение той или иной закономерной цепи событий, отдельные формы проявления необходимости преподносятся как случайные явления.

Результат закономерных причин предстает обычно в трудах буржуазных ученых как следствие «случайных» поступков отдельных исторических деятелей. К тому же искажаются причины, истинные побудительные мотивы этих поступков. Как известно, буржуазные государственные деятели часто не в состоянии определить реальные причины и конечные общественные результаты своих действий. Буржуазные ученые, когда им это выгодно, просто верят на слово этим деятелям, подменяя действительные причины субъективными мотивами, которыми руководствовались (или утверждало, что руководствовались) то или иное лицо. В других случаях взамен мотивов, указанных данным лицом, подставляются иные, но столь же субъективные «причины». Напротив, когда дело идет о деятелях рабочего движения, хорошо осознающих объективные общественные причины и следствия своей политики, буржуазные ученые изыскивают какие-то посторонние «мотивы» и вдобавок доказывают, что руководители революционного пролетариата якобы всегда заблуждались относительно последствий, к которым должна была привести проводимая ими политическая линия. Некоторые историки (С. Пейдж

¹ См. «New York Times Magazine», Sept. 21, 1953. См. также А. Т о у н б е е, Some Great Ifs of History, «New York Times Magazine», March 5, 1961.

и др.), используя фрейдизм, пытаются проводить различие между осознанными целями и тайными «подсознательными» мотивами (вроде «стремления к власти», «к укреплению престижа»), которые якобы определяют политику прогрессивных деятелей.

В буржуазной историографии широко практикуется подмена реальных законов общественного развития закономерностями психологии, «законами», построенными по аналогии с естественнонаучными (физическими, химическими, биологическими) законами, геополитические построения и мальтузианские «интерпретации» исторических событий. Обостряющееся несоответствие характера производительных сил капиталистическим производственным отношениям в современную эпоху предстает во многих буржуазных работах в виде несоответствия между умением людей контролировать и использовать в своих целях природу и способность понимать и контролировать самих себя. Психологизм и биологизм в объяснении общественных явлений получил особенно широкое распространение в буржуазной историографии как средство сокрытия классовых корней политической жизни. Так, известный историк Д. Перкинс (повторяя в этом отношении многих американских историков прошлого века и английских «вигских» историков, в частности Маколея) в своей речи в качестве президента Американской исторической ассоциации объявил, что либерализм коренится «в желании людей улучшить социальный порядок, в благоприятной оценке способностей человеческой личности». Напротив, источником политического консерватизма (т. е. реакции!) служит стремление «подвергнуть тщательному и критическому анализу любые предложения об изменениях, учитывать людскую непримиримость и способность ко злу, признание тактических сложностей, связанных с любым проектом реформы», и т. д.¹ На основе подобных рассуждений буржуазные ученые пытаются доказать, что политические течения также нередко возникают как выражение психологических особенностей людей — сторонников привычного или поклонников изменений, «оптимистов» и «пессимистов» в отношении существующих порядков и т. п.² При каждом изменении в об-

¹ «American Historical Review», Jan., 1957, p. 308.

² См. A. Leiserson, Parties and Politics, N. Y., 1958, p. 45 and next.

шестве, по мнению американского ученого Д. Г. Рэндалла, возникают четыре группировки. Это—1) лица плывущие по течению, 2) радикалы, или экстремисты, 3) реакционеры — поборники старых порядков, 4) сторонники соглашения, посредники. Во время революций получает преобладание вторая группа, но после власть переходит к четвертой группе, осознающей «пределы», которыми должен ограничиваться переворот¹. Мы не останавливаемся в данной связи на тенденциозном утверждении Рэндалла, согласно которому революция должна быть обязательно впоследствии «ограничена» пришедшими к власти сторонниками соглашения. Рэндалл просто-напросто «абсолютизирует» опыт ранних буржуазных революций XVII—XIX веков, которые не могли перерасти в социалистические революции и после которых, как правило, действительно следовала политическая реакция, хотя, однако, сохранились главные социальные результаты прошедшей революции. Буржуазно-демократическим и социалистическим революциям XX века свойственны иные закономерности.

Победоносная социалистическая революция по мере своего развития все более уменьшает и в конце концов совершенно исключает возможность капиталистической реставрации со стороны внутренней реакции, а развитие мировой социалистической системы ныне создало непреодолимую преграду для всех попыток «экспорта контрреволюции» в страны социализма со стороны международного империализма.

«Психологизм» и «биологизм» буржуазных историков представляют собой уродливое, извращенное отражение борьбы старого и нового в процессе исторического развития, являются попыткой вывести эту борьбу из якобы неизменной человеческой природы, игнорируя классовую сущность политических событий. «Биологизм», ныне сравнительно редко проявляющийся открыто в форме социалдарвинизма и расизма, когда дело идет об освещении внутренней истории отдельных стран, выступает неприкрыто в интерпретации вопросов внешней политики. Так, например, уже упомянутый выше Д. Перкинс изображает американскую экспансию в Западном полушарии «как вид биологического процесса, который едва ли можно было

¹ См. J. H. Randall, Nature and Historical Experience, N. Y., 1958, pp. 104—108.

приостановить»¹. Для многих буржуазных историков характерно стремление изобразить некоторые закономерности, свойственные капиталистическому обществу (например, закономерности капиталистической индустриализации), в виде общесоциологических тенденций, действующих во всех формациях, и, напротив, ряд общесоциологических законов объявить недействительными для капитализма XX века. В тесной связи с этим, а отчасти и на базе этой фальсификаторской линии и возник лжеисторизм, столь распространенный в реакционной историографии.

Буржуазной историографии всегда были чужды принципы подлинного историзма — то есть рассмотрения общественных явлений в их диалектическом развитии, во взаимосвязи с породившими их историческими условиями. Даже в свой лучший период, в XIX веке, буржуазная историческая наука была полностью антиисторична, в частности в оценке современной ей эпохи промышленного капитализма. Антиисторизм — характернейшая черта современной буржуазной историографии. Известно, что все грани «в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность»². Всячески эксплуатируя подвижность и до известной степени условность граней, буржуазная историография фальсифицирует сущность общественных явлений. Наряду с игнорированием условий, в которых протекало определенное явление и которые необходимо всесторонне учитывать при определении характера указанного явления, буржуазные ученые прибегают и к тенденциозному извращению этих конкретно-исторических условий. В нашу эпоху буржуазные философы и историки в своих книгах пытаются вообще ниспровергнуть идею историзма. Однако теоретическое отрицание этой идеи совмещается у реакционных ученых с попытками использовать ее в фальсифицированном виде на практике. Ранее лжеисторизм служил буржуазным авторам в качестве удобного приема приписывания фальшивой «родословной» тем или иным общественным явлениям, в восхвалении которых были заинтересованы господствующе-

¹ D. Perkins, The American Approach to Foreign Policy, Cambr. (Mass.), 1953, p. 17.

² В. И. Ленин, О брошюре Юниуса, Соч., т. 22, стр. 295; е го ж е, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 50.

щие классы. Ныне метод лжеисторизма применяется в буржуазной историографии прежде всего в следующих целях:

Во-первых, для проведения принципиального различия между капиталистическим строем XIX (а также отчасти начала XX) века и современным капитализмом; для «доказательства» ложного положения, будто открытые марксизмом-ленинизмом законы развития капиталистического общества не действуют в современную эпоху. (Об этом будет подробнее говориться ниже.)

Во-вторых, лжеисторизм используют для полного искажения причины неизбежных — на определенном этапе общественного развития — явлений (капиталистической эксплуатации, национального гнета, империалистических войн и т. п.), отрываемых от природы капитализма, и для того, чтобы ссылками на историческую неизбежность, на «условия эпохи» оправдать эти явления и вообще любые гнусности и злодеяния, порожденные эксплуататорским строем. По существу то или иное злодеяние эксплуататорских верхов «оправдывается» указанием на другие насилия и жестокости, творившиеся в эту эпоху господствующими классами.

Научная оценка значения исторических явлений и деятелей определяется, как известно, не тем, что ими не было достигнуто и часто не могло быть достигнуто вследствие условий эпохи, а тем, в какой мере они способствовали или препятствовали общественному прогрессу. Буржуазная историография перевертывает этот научный метод с ног на голову. Апелляция к «условиям эпохи» превратилась у буржуазных историков в средство оправдания идеологии и политики реакционных явлений и деятелей (и обычно также явлений, составляющих «оборотную сторону» прогресса при капитализме), которые нередко к тому же преподносятся как факторы, не сдерживавшие, а продвигавшие вперед развитие общества.

К. Маркс заклеил «историзм» немецкой исторической школы права, которая оправдывала подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего¹. Современный реакционный историзм надеется оправдать подлость сегодняшнего дня, отрывая ее от подлости вчерашнего и амнистируя вдобавок тут же и эту последнюю.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, К критике гегелевской философии права, Соч., т. 1, стр. 416.

Среди реакционных историков ныне стало модой пренебрежительно отзываться о «морализировании», свойственном историографии XVIII и XIX веков, причем эта критика нередко перерастает в обоснование отказа от любых оценок исторических явлений¹. На деле подобный отказ в современной буржуазной историографии лишь прикрывает отречение от научных характеристик и сознательное или бессознательное навязывание читателю произвольных оценок с помощью тенденциозного отбора и группировки фактов. Мнимый отказ от «морализирования» и буржуазный лжеисторизм, с которым он тесно связан, оказываются объединением антинаучности с воинствующим аморализмом.

Наконец, в-третьих, лжеисторизм служит также для того, чтобы (в тесном сплетении с буржуазным объективизмом) изображать заранее обреченными на неудачу прогрессивные и революционные движения, которые не привели в тот или иной период к конечному успеху. Самые корни революционных настроений и революционных движений фальшиво рисуются не как следствие антагонизмов, заложенных в господствующем способе производства (феодальном или капиталистическом), а в виде специфической особенности узкого отрезка общественного развития, которая исчезает по мере дальнейшей эволюции общества. С помощью подобной «обработки» прошлого буржуазная историография стремится притупить революционное острие великого марксистско-ленинского учения, представить его «непригодным» для современной эпохи. Буржуазные историки уверяют, что та же «специфика» небольшого отрезка истории порожидала и самую мысль возможности революционного переворота, являющуюся на деле простой иллюзией. Такими методами, например, в реакционной историографии изображается якобы «утопизм» Маркса, боровшегося за объединение Германии снизу, противопоставляемый «реализму» Бисмарка и его пути объединения «железом и кровью», который, мол, олицетворял истинные нужды своего времени. (Отрицая необходимость и закономерность в общественном развитии, буржуазные историки проповедуют в этих случаях самой чистой воды фатализм.) Разоблачая подобные, отнюдь не новые, теории, В. И. Ленин писал: «Буржуазный ученый, во имя «объективизма» оправ-

¹ См. Н. Butterfield, *The Whig Interpretation of History*, N. Y., 1957, pp. 73—75.

дывающий действительность, говорит: Бисмарк победил Маркса, Бисмарк учел, как «строилась новая Германия в сложном процессе борьбы различных интересов». А Маркс «задавался химеричными планами построения» великогерманской демократической республики, вопреки либералам, силами рабочих и демократической (не идущей на союзы с реакцией) буржуазии».

Именно это говорят на тысячи ладов буржуазные ученые. Рассматривая этот вопрос чисто теоретически, спросим себя: в чем их ошибка? В прикрытии и затемнении классово-вой борьбы. В том, что они (посредством якобы глубокомысленного оборота речи: Германия строилась в процессе и т. д.) затушевывают ту правду, что бисмарковская Германия была построена буржуазией, которую ее «измены и предательства» сделали «бессильной против дворянства».

«Марксу же объективизм классово-вой борьбы позволил в сто раз глубже и точнее понять *политическую действительность*, отнюдь не оправдывая ее, а, напротив, указывая и выделяя в ней именно те классы, которые строили Германию демократическую, которые сумели стать оплотом демократизма и социализма даже при обороте событий, исключительно благоприятном Бисмарку»¹.

Если речь идет о прогрессивных (положительных) возможностях, буржуазная историография отрицает их реальность во всех случаях, когда они не превращались в действительность. Так, буржуазные ученые утверждают, что неудача революционного штурма пролетариатом капитализма после первой мировой войны якобы свидетельствовала о том, что не существовало реальной возможности (т. е. объективных предпосылок в тогдашних конкретно-исторических условиях) для революции, а революционные настроения были «иллюзиями эпохи». На деле — этого нам придется коснуться подробнее ниже — в тот период существовала вполне реальная возможность победы революции, не превратившаяся в действительность вследствие раскола пролетариата оппортунистами.

Прямо противоположную позицию занимает буржуазная историография, как только заходит речь о реакционных (отрицательных) возможностях. Когда эта реакционная возможность реальна, буржуазные историки стремят-

¹ В. И. Ленин, О политической линии, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 103.

ся скрыть временный, непрочный характер ее возможной победы. Если же отрицательная возможность является абстрактной, то буржуазные ученые пытаются в своем изображении придать ей черты реальности.

2

Буржуазная историография в настоящее время стремится осуществить широкое нападение на марксистское понимание определяющего влияния способа производства на характер общественного развития. Помимо традиционного, идущего от Риккертта, Макса Вебера и Дюпша, отрицания объективного существования социально-экономических формаций, это нападение проводится главным образом тремя способами:

- 1) путем принижения роли «экономики» вообще;
- 2) путем игнорирования антагонистических противоречий капиталистического способа производства;
- 3) путем оценки развития страны исключительно с точки зрения развития производительных сил, искусственно отрываемых от производственных отношений.

Отрицание роли «экономики» обычно ведется с позиций эклектической «теории факторов», каждый из которых якобы в различные периоды может становиться решающей силой исторического процесса¹. Так, по распространенному среди буржуазных и реформистских историков взгляду экономика могла играть решающую роль в XIX веке или в предшествующие ему периоды, но никак не в новейшее время². К этому добавляется порой и такое «умное» опровержение марксизма, что он, мол, не объясняет, как при «неизменном» способе производства возникает политическая борьба и изменения³ («ученые критики» делают вид, что им вовсе ничего не известно о классовой борьбе). Ренегат рабочего движения С. Хук, ныне считающийся одним из влиятельных реакционных социологов в США, сделал даже «открытие», что Великая Октябрьская революция, а также победа народной революции в Китае, оказывается, не являются блестящим подтверждением марксизма, а,

¹ См. W. E b e n s t e i n, *Today's isms. Communism, Fascism, Capitalism, Socialism*, N. Y., 1954, p. 6 (в дальнейшем: «Today's isms»).

² См. R. H. S. C r o s s m a n, *Government and the Governed. A History of Political Ideas and Political Practice*, L., 1958, pp. 231—232 (в дальнейшем: «Government and the Governed»).

³ См. J. H. R a n d a l l, *Nature and Historical Experience*, p. 101.

напротив, опровергают материалистическое понимание истории, поскольку они произошли в результате не экономических причин, а «фанатизма» коммунистов. Отсюда, «глубокомысленно» заключает Хук, очевидно, что решающим «в нашу историческую эпоху является не экономический способ производства, а политические действия»¹. (Таким путем Хук пытается не только отрицать историческую необходимость социалистической революции, но и обнаружить проблеск надежды для капитализма, явно не рассчитывая на его победу в экономическом соревновании с социализмом.)

Отрицание антагонизмов капиталистического способа производства буржуазная историография производит прежде всего с помощью теории «старого» и «нового» капитализма. Согласно этой теории, антагонистические противоречия капитализма были якобы обусловлены лишь генезисом буржуазного общества, а не его природой, появлением фабричной системы, а не самой капиталистической эксплуатацией. Вызванные к жизни лишь условиями раннего капитализма, эти противоречия будто бы исчезают по мере его дальнейшего развития. Под углом зрения этой лже-теории строится все изложение истории XX века у подавляющего большинства буржуазных ученых.

Не меньшее распространение получил и третий прием «опровержения» марксистского понимания роли способа производства в системе исторических явлений, а именно отрыв производительных сил от производственных отношений. Цель, которую преследует последняя категория «опровергателей» — проводники новейшей разновидности экономического материализма, — весьма прозрачна. Они пытаются в максимальной степени использовать тот факт, что в ряде экономически развитых стран еще сохраняется капиталистический строй. Учитывая это, буржуазные ученые уверяют, будто бы из уровня развития производительных сил можно механически «вывести» уровень общественного развития и материального благосостояния всего населения. Создав «критерий», который игнорирует ни много ни мало, как общественный строй, существующий в данной стране, буржуазные историки сразу же объявляют ряд

¹ S. H o o k, Was hat uns Karl Marx heute noch zu sagen, «Politische Studien», München, 1960, Juni, H. 122, SS. 365—366. Об этом же пишет Ибенштейн. (W. E b e n s t e i n, Today's isms, p. 7 and next.)

социалистических стран, в которых разворачивается индустриализация, находящимися на том этапе развития, который США и Западная Европа переживали в XIX веке. Далее делается еще один фальсификаторский вывод, что социалистическим странам якобы свойственны те же пороки, которые имелись у западноевропейских стран и США в прошлом столетии (эксплуатация трудящихся, внешнеполитическая агрессия и т. д.) и от которых они, мол, избавились в новейшее время. «Экономические материалисты» стремятся, конечно, также прибавить свои «доказательства» к фальшивому утверждению о неприменимости ленинизма к условиям высокоразвитых капиталистических стран. Тот же фальсификаторский метод используется и для изображения в качестве реакционных явлений борьбы революционного пролетариата, национально-освободительного движения, конфискации помещичьей земли и распределения ее среди крестьян и т. д., поскольку они иногда ведут к временному «разрушению» производительных сил и нарушению экономических связей. Этот последний довод особенно ярко отражает буржуазный характер мышления идеологов новейшего вида экономического материализма. Для буржуа важно производить ради прибыли, для трудящихся масс самое важное — свержение эксплуататоров, обеспечение для тружеников возможности работать на себя¹.

В. И. Ленин, опровергая идейных предшественников современных буржуазных теоретиков, в этой связи писал: «В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860-го года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *т а к о м* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!»².

Задачу обобщения и приведения в единую систему свойственных буржуазной историографии тенденций к «отрыву» производительных сил от общественного строя взял на себя известный американский историк и экономист (ныне являющийся председателем планового совета государственного департамента США) У. Росту в книге «Ста-

¹ См. В. И. Ленин, Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, Соч., т. 31, стр. 137.

² В. И. Ленин, Письмо к американским рабочим, Соч., т. 28, стр. 51.

дии экономического роста» (1959 г.). Эта работа, демонстративно озаглавленная «Не-коммунистический манифест» и открыто претендующая на то, чтобы заменить собой марксизм в объяснении исторического процесса, была шумно разрекламирована в буржуазной печати. Американская пресса, сравнивая книгу Ростоу по ее значению для буржуазного общества с апологетическими экономическими работами Кейнса, писала, что эта книга вызвала самую оживленную научную дискуссию последних лет в капиталистическом мире и что «политические лидеры приняли терминологию», предложенную У. Ростоу. Такие журналы в США, как «Лайф», посвятили Ростоу восторженные статьи, а солидный лондонский «Экономист» даже перепечатал в несколько сокращенном изложении автора всю книгу еще до ее выхода в свет¹.

«Исторические» построения Ростоу возникли в результате осознания идеологами реакции непреодолимой идейной силы марксизма-ленинизма и невозможности создания хотя бы внешне правдоподобных «опровержений» без использования в фальсифицированном виде отдельных положений марксистского учения. Очень характерно для тенденций Ростоу, что, пытаясь заменить марксизм «своей» вульгарно-экономической теорией, отрицающей значение социального строя, буржуазный историк одновременно пытается эклектически сохранить в силе и откровенно идеалистическую критику исторического материализма. «Настоящая теория развития,— пишет Ростоу,— является в известном смысле альтернативой марксистского понимания новой и новейшей истории. Но эта теория ни в коем смысле не подразумевает, что политическая жизнь, социальная организация и культура являются лишь надстройкой, вытекающей из экономики»².

Тщетные попытки изобрести различные теории «стадий развития», которые можно было хотя бы внешне противопоставить марксизму, предпринимаются буржуазной историографией вот уже почти в течение ста лет. Несмотря на полную научную несостоятельность этих попыток, их авторы (К. Бюхер, Г. Шмоллер, В. Зомбарт и др.) все же пытались доказать существование особой системы экономических отношений на каждой из выдуманных ими «ста-

¹ См. «Life», Apr. 11, 1960, p. 77.

² «The Economist», Aug. 15, 1959, p. 409; W. W. R o s t o w, The Stages of Economic Growth, Cambr. (Mass.), 1960, p. 2.

дий». Ростоу, как признает даже буржуазная критика (В. Хозелитц)¹, попросту уклоняется от решения этой задачи.

Все докапиталистические «стадии» Ростоу ненаучно объединяет под рубрикой «традиционное общество», куда относятся, следовательно, и первобытнообщинное, и рабовладельческое, и феодальное общества, имеющие, как известно, коренные отличия. Объединять эти различные формации только по тому признаку, что во всех них преобладало сельское хозяйство и богатство было сосредоточено у получателей земельной ренты (что уже совсем нелепо, если говорить о первобытнообщинном строе), — значит с помощью пустых, антинаучных «генерализаций» скрывать суть дела. Подводя совершенно разнородные формации под понятие «традиционное общество», Ростоу лишь демонстрирует полную бессодержательность этого понятия. Во многом подобными же «генерализациями» занимался в царской России небезызвестный кадет П. Струве еще более полувека тому назад. При этом характерно, что таким путем, как и Ростоу, Струве пытался доказать, будто экономика и даже социальный строй логически, экономически и исторически должны быть отделены от социального неравенства. В. И. Ленин, разоблачив всю несостоятельность «ученых» дефиниций и определений Струве, справедливо охарактеризовал их как отказ от науки, как издевательство над логикой и историей². «Теория» Ростоу является не меньшим, если не большим, насилием над исторической наукой, чем квазиученые разглагольствования П. Струве.

Развитие от «традиционного общества» к следующей стадии — «переходному обществу» происходит, по мнению Ростоу, не в результате деятельности народных масс, а небольшой верхушки, готовой рисковать своими капиталами, способной использовать научные изобретения и обеспечить «дисциплину» и руководство крупным и постоянно изменяющимся производством и торговлей. При этом главной причиной такого перехода Ростоу объявляет воинст-

¹ См. «Journal of Modern History», 1961, June, p. 201. Автор цитируемой рецензии В. Хозелитц пишет, «что любое опровержение марксистской интерпретации общественного развития требует более изощренного критического анализа, чем тот, который содержится в книге Ростоу».

² См. В. И. Ленин, Еще одно уничтожение социализма, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 43—44.

вующий национализм, шовинизм. Люди ликвидируют «традиционное общество» не для того, чтобы лучше «делать деньги» (Ростову думает, что таким образом «опровергает» исторический материализм!), а чтобы спастись от унижения со стороны соседей. В этом стремлении объединялись купцы, помещики, солдаты, чиновники. Так происходило, мол, дело в Германии и России в XIX веке. Народ, классовая борьба трудящихся против эксплуататоров, ликвидирующая старые формы эксплуатации, исчезают в теории Ростова, как по мановению волшебной палочки. Поистине легковесность буржуазных «опровержений» марксизма находится в прямой пропорции к репутации солидности, которую создает им реакционная печать!

После «переходного общества» наступает, по мнению Ростова, следующая стадия — «скачок» (take-off), длящаяся примерно 2—3 десятилетия. Англия пережила этот «скачок» в 1783—1802 годах, Франция — в 1830—1860, США — в 1843—1860, Германия — в 1850—1873, Россия — в 1900—1914 годах и т. д. Уже при одном сопоставлении этих дат бросается в глаза вся нелепость «схемы» Ростова, при которой сравнивается Англия первых десятилетий промышленной революции с только формирующимся промышленным пролетариатом и Россия эпохи империализма с ее монополиями, финансовым капиталом, развитым рабочим движением, возглавляемым революционной марксистской партией. Абсурдность и политическая тенденциозность теоретизирований Ростова становятся особенно очевидными, когда выясняется, что он сравнивает Англию конца XVIII века с Китаем второй половины XX века — страной, в которой победила социалистическая революция и которая успешно строит социалистическое общество! В сконструированной Ростовой четвертой стадии — «путь к зрелости» (drive to maturity) сравнивается Англия времен расцвета домонополистического капитализма (1851—1873 гг.) и Советский Союз в 30—40-х годах XX в. В развитии СССР по его схеме нет ничего принципиально отличного от путей развития передовых капиталистических стран в прошлом столетии, имеются лишь «национальные особенности». Так вещает американский историк, пытаясь с помощью нагромождения подобных квазиученных нелепостей принизить историческое значение для народов всего мира советского опыта строительства социализма. «Доказательства» Ростова очень просты: и в Англии XIX века, и в СССР XX века

быстро росла промышленность. Более того, в Англии было проведено впервые фабричное законодательство (10-часовой рабочий день, ограничение детского труда), и в СССР ныне «тоже» сокращают рабочий день, «тоже» улучшают условия труда и жизни рабочих.

Фальшивые отождествления социалистического Советского Союза с капиталистической Англией на том «основании», что и в той и другой стране происходила «индустриализация», можно найти не у одного Ростоу. Такие же домыслы проповедует один из наиболее известных английских реакционных историков Х. Сетон-Уотсон¹, многие лидеры правых социалистов во Франции, Англии, Австрии и других странах. С целью придать хоть какую-либо тень правдоподобия своим выводам буржуазные историки сознательно идентифицируют понятия «индустриализация» и «промышленная революция». В Англии промышленная революция, то есть замена ремесла и мануфактуры крупным фабричным производством и формирование двух основных классов современного общества — промышленной буржуазии и промышленного пролетариата, произошла в столетие между 1760 и 1860 годами. Осуществление промышленного переворота в Англии означало вместе с тем индустриализацию, то есть превращение страны из аграрной в индустриальную. В царской России промышленная революция произошла в XIX веке. Индустриализация протекала в нашей стране уже после победы социалистической революции и носила социалистический характер. Капиталистическая индустриализация привела в Англии к окончательному разорению непосредственных производителей и превращению их в пролетариев и сосредоточению всех средств производства в руках буржуазии, к жестокой эксплуатации рабочих и обострению классовой борьбы. Социалистическая индустриализация в СССР, наряду с коллективизацией сельского хозяйства, была органической частью процесса строительства нового социалистического общества, при котором ликвидирована эксплуатация, обеспечены условия для рас-

¹ См. H. S e t o n - W a t s o n, *The Intellectuals and Revolution. Social Forces in Eastern Europe since 1848*, «Essays Presented to Sir Lewis Namier», 1956, pp. 423, 427—428; см. «Die Zukunft», 1958, März, S. 69; A. M e y e r, *Marxism. The Unity of Theory and Practice*, Camb. (Mass.), 1954, p. 139 (в дальнейшем: «Marxism»); J. M o n n e r o t, *Est-ce l'avènement du prolétariat? «De Marx au marxism (1848—1948)»*, P., 1948, p. 177.

цвета свободной человеческой личности и созданы все необходимые предпосылки для осуществления заветной мечты человечества — коммунизма.

Но вернемся к «теориям» Ростоу. Последней ступенью развития, по его мнению, является «стадия высокого массового потребления» (the age of high consumption), которого достигли США и могут достигнуть вскоре как другие капиталистические страны, так и СССР. Нам еще придется более подробно вернуться к характеристике, даваемой в книге Ростоу новейшему времени. Сейчас достаточно подчеркнуть тот характерный факт, что, учитывая притягательную силу социализма, идеологи буржуазии, ранее расписывавшие преимущества капиталистического строя, теперь уже готовы «признать» его «равенство» с социалистическим строем, игнорировать коренные различия между ними и «признать», что «оба» строя приведут человечество к периоду всеобщего изобилия.

После второй мировой войны в буржуазной историографии усилились попытки выдавать всякое государственное вмешательство за социализм. Таким образом создавали дутую разницу между капитализмом и «демократическим социализмом», якобы «почти» осуществленным в Англии и Скандинавских странах, и вместе с тем искусственно отрывали фальсифицированный подобным образом «социализм» от коммунизма. В последние годы эта подтасовка фактов кажется уже буржуазным идеологам недостаточной. Они хотели бы доказать отсутствие существенного различия между капитализмом и коммунизмом. Так, например, буржуазные авторы начинают разъяснять, что наблюдаемый в Советском Союзе бурный рост материального благосостояния трудящихся должен происходить при любом строе, как только достигается определенная степень индустриализации, и что так даже было... в царской России, поскольку после падения зарплаты в конце XIX века в 1900—1914 годах отмечалось увеличение зарплаток рабочих¹.

Попытки такого скрадывания принципиальных различий между капиталистическим и социалистическим строем, искусственного отрыва социализма от коммунизма харак-

¹ См. «Problems of Communism», 1960, Jan. — Febr., p. 12. Как хорошо известно, заработная плата рабочих в царское время оставалась на нищенском уровне — даже у тех категорий пролетариата, которые в ходе ожесточенной классовой борьбы добивались незначительного повышения зарплаток.

терны отнюдь не только для Ростоу, но и для других буржуазных историков и социологов — Р. Арона, «объединяющего» капитализм и социализм под понятием «промышленное общество», Д. Кеннана, пишущего о единстве социальных целей «русского коммунизма» и «западного либерального индустриализма», и др. Однако никакая гримировка не в состоянии выдать современный империализм с его господством финансовой олигархии, обнищанием трудящихся, острой классовой борьбой, милитаризмом и т. д. за строй «всеобщего благоденствия», подобный социализму и коммунизму!

Выше были кратко перечислены основные приемы, с помощью которых буржуазная историография игнорирует или искажает роль способа производства в общественном развитии. Это искажение дополняется ложной картиной отношений, существующих в реальной исторической действительности между базисом и надстройкой. При современном уровне развития исторической науки было бы смешно отрицать воздействие базиса на надстройку. Буржуазные историки поэтому стремятся не прямо отрицать, а крайне сузить это влияние, утверждать, что оно может существовать или не существовать в различных обществах и т. д. Широко используется также тот факт, что на многие надстроечные явления базис действует не непосредственно, а через другие элементы надстройки, гипертрофируется преемственность в развитии общественного сознания и его способность к отставанию от общественного бытия или к его опережению.

Абсолютизируется относительная самостоятельность надстройки и ее обратное влияние на базис, а также то обстоятельство, что некоторые ее части сохраняются и после гибели старого общества, в котором они возникли. Изложение исторических событий строится под углом зрения доказательства тезиса о полной самостоятельности надстройки и ее во многие эпохи определяющей роли в процессе исторического развития. Утверждение капиталистического базиса рисуется реакционной историографией прежде всего как утверждение буржуазной надстройки. Более того, часть буржуазных историков ныне вообще склонна отрицать, что «индустриальное общество», возникшее на развалинах феодального строя, — это капиталистическое общество (иначе ведь, как писал со страхом видный американский историк Неф, недалеко и до марксистского пред-

ставления о капиталистическом мире как обществе, движущемся к неизбежному переходу к коммунизму)¹.

Это позволяет выдавать революционную борьбу пролетариата, направленную на ликвидацию капиталистического базиса, за стремление к переменам в надстройке, отражающей особенности исторического развития в XIX веке, а частичные социальные и политические реформы — за изменение природы капиталистического общества и превращение его в «общество благосостояния». В свое время идеологи феодального строя отвергали идею замены его любым другим строем. Так же поступали идеологи уверенной в себе буржуазии прошлого века — эпохи подъема капитализма. Ныне защитники умирающего капитализма вынуждены занять прямо противоположную позицию — утверждать, что капиталистического строя больше не существует прежде всего потому, что изменились некоторые элементы буржуазной надстройки. На этой основе зиждется «методологический прием», красной нитью проходящий через современную реакционную историографию новейшего времени: «отделение» от сущности современного капитализма как социального строя всех порождаемых им явлений вроде кризисов и нищеты масс, колониального гнета, политической реакции, милитаризма и войн. С примерами подобного «отделения», которое превращается во всестороннюю фальсификацию истории, нам не раз придется встречаться в дальнейшем изложении².

Реакционная историография, отражающая общую систему буржуазного мировоззрения, пытается изобразить утопическими передовые общественные идеи, в которых формулировались подлинные законы исторического раз-

¹ См. J. Neff, *La Naissance de la civilisation industrielle et le monde contemporain*, P., 1954. По теории Нефа, «индустриальное общество» — это уникальное явление, а, напротив, капитализм — явление, наблюдающееся во все времена. (*Ibid.*, p. 29.)

² Американский «критик» марксизма Д. Смит наивно выдал этот излюбленный метод буржуазной историографии, когда объявил, что, мол, отрицательные явления, о которых сказано в ленинской работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», — милитаризм, политическая реакция и т. д., «не вытекают прямо из капиталистической промышленности». Следовательно, заявил Смит, можно утверждать: «не капитализм виновен, а кто-то другой». (См. D. G. Smith, *Lenin's «Imperialism». A Study in the Unity of Theory and Practice*, «Journal of Politics», 1955, Nov., p. 564), ср. M. Bland, *Economic Imperialism Revisited*, «Gale Review», Spring, 1961, p. 349.

вития, и одновременно представить прогрессивными и научными реакционно-утопические взгляды.

Одна из наиболее явственно проступающих тенденций буржуазной историографии — маскировка классово-природы различных исторических явлений. С этой целью буржуазные историки (вслед за социологами) рисуют общество разделенным не на классы, а прежде всего на многочисленные группы, объединяемые по профессиональному, образовательному или возрастному цензу, месту жительства, вероисповеданию, национальности и т. д.

В то же время осуществляется и другая подмена — на основании анализа характера и настроений или же в других случаях имущественного положения и социального происхождения того или иного деятеля выискиваются «корни» его политики. Между тем «в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому* выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры»¹. Ясно, что изыскания буржуазных историков лишь уводят в сторону от главного — от классовых корней и классовой сущности политики того или иного исторического лица. В результате мелкобуржуазное происхождение главаря немецких нацистов Гитлера нередко выдается за доказательство «небуржуазного» характера фашизма, а происхождение некоторых министров из бедных семей — за безусловное свидетельство демократичности и народности власти в капиталистических странах.

В Англии в 20-х годах недавно умерший ученый Л. Немир создал целое направление в английской буржуазной историографии. Он и его последователи, отбросив изучение фразеологии и деклараций английских политиков, чем занимались прежде историки, принялись за исследование имущественного положения и семейных связей государственных деятелей и парламентариев, что должно было, по мысли Немира, послужить ключом к выяснению корней политики этих лиц. Разрушивший немало легенд, созданных старой вигской историографией, «немиризм» скоро, однако, обнаружил свою консервативную направленность. Иногда из изучения имущественного положения данного лица (в духе вульгарного социологизма) механически выводилась оценка классового характера его политики. Но

¹ В. И. Ленин, «Кому выгодно?», Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 61.

значительно чаще ключом к объяснению этой политики считались просто непосредственные имущественные интересы данного лица. Таким образом, попытки исходить при оценке исторического значения деятельности того или иного лица из его личного материального положения все более служили не выяснению, а, напротив, сокрытию классового смысла этой деятельности. Более того, характеристика исторического деятеля в конце концов стала основываться не на проводимой им политике, а на личных мотивах его поведения. Вульгарный материализм биографического метода обернулся не менее вульгарным идеализмом.

Игнорирование классовой природы различных социальных явлений служит для буржуазной историографии прежде всего средством для отрицания или извращения действительной роли классовой борьбы в развитии общества. Существует и целый арсенал других приемов. Следуя субъективистской методологии риккерттианства и близких к нему школ, буржуазные ученые пытаются изобразить вывальные роли классовой борьбы лишь как один из многих равноценных методов «организации» исторического материала наряду, например, с «методом» английских буржуазных историков, выдвигающих на передний план «технику свободы и парламентского управления», или американских историков, использовавших «метод демократии» и т. п.¹ К числу основных приемов извращения роли классовой борьбы в конкретно-историческом исследовании следует, в частности, отнести:

1. Игнорирование связи классов с определенным конкретным способом производства. Утверждение, что классовое деление связано с экономическим строем лишь в некоторых, но далеко не во всех обществах², и на основе этого — а) антиисторическое раздвижение хронологических рамок существования классов капиталистического общества (античная «буржуазия» и т. п.); б) отрыв классовой борьбы в буржуазном обществе от противоречий, заложенных в природе капиталистического способа производства; в) попытки утопить основной антагонизм капиталистического общества между пролетариатом и буржуазией, антагонизм между монополиями и народом в массе других со-

¹ См. J. R a n d a l l, *Nature and Historical Experience*, p. 113.

² См. «The Social Science in Historical Study. A Report of the Committee on Historiography», «Social Research Council Bulletin», N. Y., 1954, № 64, p. 48.

циальных конфликтов и отрицать антагонистический характер главного противоречия; г) утверждения, что роль классовой борьбы может резко изменяться и исчезать, как и сами классы, по мере развития капиталистического общества; д) защита противоположного, но в равной мере ложного тезиса о том, что классовая борьба, как якобы вытекающая из «природы человека», является вечной категорией, и в связи с этим выдвигание клеветнических измышлений о борьбе «антагонистических классов» в СССР и других социалистических странах; е) постоянные попытки доказать, что классы не являются самостоятельно действующими историческими силами, а лишь «материалом», который постороннее влияние может направить по тому или иному пути; ж) стремление подменить классовую борьбу противоречиями между различными профессиональными, религиозными, кастовыми и другими группами, между «промышленными» и «аграрными» интересами, между различными районами данной страны и т. п.¹; з) нередкое отрицание того, что эти противоречия в конечном счете являются выражением классового антагонизма, и, напротив, уверения в том, что классовые конфликты — форма проявления сословной, религиозной, «биологической» и т. п. борьбы.

С особой настойчивостью буржуазная историография пытается доказать, что не классовые противоречия порождают национальные противоречия, а, напротив, национальные конфликты являются причиной классовых конфликтов. Она пытается извратить опыт новейшей истории, и в особенности истории мировой социалистической системы, одним из величайших достижений которой является подтверждение «на практике марксистско-ленинского положения о том, что вместе с падением антагонизма классов падает антагонизм наций»².

2. Изображение классовых действий (например, буржуазии) в виде национальной политики, а борьбы рабочего класса, направленной на защиту коренных интересов всей нации, якобы продиктованной интересами только

¹ Интерпретацию на основе подобной методологии истории США см., например: M. Cunliffe, *The Nation Takes Shape. 1789—1837, Chi., 1959.*

² «Документы Советских представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», Госполитиздат, 1960, стр. 21.

пролетариата (или даже «меньшинства» этого класса), является одним из типичных методов буржуазных историков.

3. Подмена исторической роли одних классов и социальных слоев другими (например, систематически проводимое утверждение о якобы руководящей роли интеллигенции, а не рабочего класса в русских революциях 1905 и 1917 гг.).

4. Изображение некоторых видов классовой борьбы как классового сотрудничества¹, о чем будет говориться ниже.

5. Фальсификация классового анализа. Отрицание реальных классовых и внутрикласовых различий (пролетариат и рабочая аристократия, бедняки и кулачество, национальная буржуазия и компрадорская буржуазия и т. д.)² и изобретение мнимых коренных различий (например, между отдельными монополистами, наиболее активно поддерживавшими фашизм, и остальной частью финансовых магнатов).

6. Представление господствующих классов буржуазного общества не господствующими и не эксплуататорскими, а эксплуатируемых — в виде классов «правящих».

Одним из показателей усиления реакционных тенденций в американской буржуазной историографии является появление за последнее десятилетие влиятельного течения, которое в отличие от прежних школ Тэрнера, Бирда и др. отрицает вообще существование сколько-нибудь серьезных социальных конфликтов в истории США. Это направление подчеркивает, как отметил в докладе на съезде Американской исторической ассоциации в декабре 1960 года Д. Хайгем, мнимое отсутствие глубоких потрясений, «единство» и «стабильность» общества в США³. Типичные представители «нового» течения Д. Поттер и Л. Хартц «доказывают» неизменную привязанность американского народа на протяжении всей его истории к «либеральному капитализму», вследствие чего политические споры в США носили внешний, поверхностный характер (в таком свете рисуется даже гражданская война 1861—1865 гг.)⁴. Другой выразитель

¹ См., например, E. Brown, *The growth of British Industrial Relations*, L., 1959.

² См. H. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev. The History of World Communism*, N.Y., 1960, p. X (в дальнейшем: «From Lenin to Khrushchev»).

³ См. «American Historical Review», 1961, Apr., p. 866.

⁴ См. D. Potter, *People of Plenty: Economic Abundance and American Character*, Chi., 1954; L. Hartz, *The Liberal Tradition in America*, N.Y., 1955.

тех же взглядов Д. Бурстин пишет, что американцев никогда не разделяли серьезные разногласия по вопросам политического устройства и распределения собственности¹. С. Хейс изображает выступления рабочих и фермерских масс против крупного капитала плодом недоразумения, следствием того, что все слои общества терпели временные неудобства, неизбежные, мол, при приспособлении к условиям нового, индустриального общества². Р. Хофстадтер представляет массовые выступления сугубо консервативными по характеру и направленности³ и т. д. Попытки «нового» направления низвести острую классовую борьбу, которая пронизывает всю историю США, до уровня несущественных столкновений между группами, придерживающимися по сути дела одинаковых «консервативно-либеральных» взглядов и равно приверженных к основам «американского образа жизни», отличает чрезвычайная легковесность «аргументации», на что было указано даже критиками из среды самих американских буржуазных историков⁴. Грубая тенденциозность всех этих работ особенно выпукло проявляется в выводе, делаемом представителями «нового» течения, что США «и впредь» якобы не угрожают никакие классовые конфликты⁵.

В связи с искажением места классовой борьбы в буржуазной историографии производится систематическое извращение вопроса о соотношении классового и политического деления общества, классов и политических партий. Как известно, конкретно-исторические формы этого соотношения часто весьма сложны. «Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих *«на границе»* основных делений, неизбежны...»⁶. Надо учитывать также, что определенный класс (и даже его прослойка) может быть представлен различными, порой остро сталкивающимися между

¹ См. D. Boorstin, *The Genius of American Politics*, Chi., 1953, pp. 20 33—34 and next; ег о же, *America and the Image of Europe. Reflections on American Thought*, N.Y., 1960.

² См. S. Hays, *Response to Industrialism. 1885—1914*, Chi., 1957.

³ См. R. Hofstadter, *The Age Reform: from Bryant to F.D.R.*, N.Y., 1956. Эта же линия, как мы увидим ниже, проводится при фальсификации всей истории американского рабочего движения.

⁴ См. E. Weber, *Les études historiques aux Etats-Unis: une histoire, «Revue historique»*, t. CCXXV, 1961, avr. — juin, p. 349.

⁵ См. L. Hartz, *The Liberal Tradition in America*, p. 283.

⁶ В. И. Ленин, *Избирательная кампания в IV Государственную думу, Полное собрание сочинений*, т. 21, стр. 39.

собой партиями. Господствующий класс нередко может использовать в своих целях партии других классовых групп (так, монополистический капитал нередко осуществляет свою политику при посредстве кулацких, право-социалистических партий и т. д.). С другой стороны, истории известны партии, отражавшие интересы блока нескольких классов (что особенно типично для периода борьбы против феодализма, а также антиколониальных движений в современную эпоху). Имеются исторические примеры партий, которыми руководили представители какого-либо определенного класса, но которые защищали интересы других классов (например, английские виги, бывшие, по выражению К. Маркса, аристократическими представителями буржуазии, мелкобуржуазные руководители различных «демократических» партий вроде французских радикалов конца XIX — начала XX в., проводившие политику крупного капитала, и т. д.). Во многих различных по классовому характеру партиях руководство находится в значительной мере в руках интеллигентов. Социальный состав партий господствующих классов в эпоху империализма как в условиях буржуазно-демократического строя, так и при фашистских режимах резко отличается от классового характера этих партий и проводимой ими политики. С помощью всех видов экономического, политического и идейного принуждения господствующим классам удается вовлечь в «свои» партии отсталые слои трудящихся, хотя существо политики этих партий противоречит коренным интересам народных масс. Наконец, наряду с главным классовым делением общества существует деление по национальному, религиозному и другим признакам, которые также нередко служат основой для объединения в партию. Порой партии создавались из весьма разнородных элементов, опираясь на личность какого-либо влиятельного политика, эксплуатируя такие факторы, как националистические или реваншистские настроения и т. п. Нельзя забывать также, что классовая сущность многих партий изменялась в ходе исторического развития.

Все это широко используется буржуазной историографией для извращения сущности политики различных партий, имеющей всегда в конечном счете классовые корни. Нередко, например при изложении истории фашизма, читателю настойчиво внушается мысль, что партии не только не являются представителями определенных классовых

сил, а напротив, «используют» классы в своих политических целях. Буржуазная историография признает классовый характер партий только в случаях, когда ей выгодно это признание. Буржуазные ученые искажают сущность партий, выдавая партии монополий за выразителей интересов народа на том основании, что под их влиянием находится часть трудящихся. С другой стороны, большинство реакционных историков отрицают характер фашистских партий как исполнителей воли наиболее агрессивных кругов монополистического капитала и тем самым пытаются обелить финансовую олигархию. С помощью подобных приемов грубо искажается вся политическая история новейшего времени, и капитализму выдается еще одно фальшивое свидетельство о невиновности в создании безработицы и нищеты масс, в ведении войн, а также колониализме и во многих других «отличительных чертах» буржуазного строя.

В то же время поддержка трудящимися массами революционных партий, выражающих их коренные классовые интересы, объявляется следствием не согласия с программой этих партий, а случайного стечения обстоятельств, «психологических», «национальных» и других причин.

О характере партий следует судить не по их словам, а по их делам. Буржуазная историография, когда ей это выгодно, принимает во внимание только или преимущественно «слова» (например, при оценке консервативных, клерикальных, фашистских партий, а также правых социалистов), сводя к минимуму анализ «дел». При этом сами «дела», вроде социальных реформ, отрываются от классовых целей, которыми продиктовано их проведение. Изолируя таким образом «слова» от «дел», буржуазные историки в других случаях отрывают «дела» от «слов» (изображая, в частности, практическую деятельность революционных рабочих партий в отрыве от их коммунистической идеологии). Временные трудности перехода от капитализма к социализму (в период гражданской войны и военной интервенции в Советской России) заставляли советский народ идти на лишения, на известные ограничения социалистической демократии. Эти временные жертвы, которые требовались суровыми условиями борьбы за социализм, объявляются буржуазными клеветниками «сущностью» коммунизма, а конечные цели коммунистического движения — «пропагандой». Выдающиеся успехи социа-

листических стран в улучшении условий жизни народных масс, расцвет социалистической демократии показывают всю лживость этих вымыслов реакционных историков.

В досоциалистических общественных формациях как отдельные лица, так и партии обычно не в состоянии вполне представить себе подлинные общественные последствия своей экономической и политической деятельности. (Исключение представляют лишь революционные партии пролетариата, вооруженные компасом марксистско-ленинской теории.) В буржуазной историографии это обстоятельство также нередко используется для искажения прошлого. Буржуазные историки берут отдаленное следствие, результат противоречивого развития определенного явления, происходившего в диалектическом взаимодействии с другими силами, и из оценки этого «конечного» результата выводят характеристику указанного явления. В частности, например, реформы, направленные на укрепление старого режима, но впоследствии в ходе классовый борьбы в какой-то форме использованные революционным лагерем, считаются свидетельством «просвещенности», «бескорыстия», «гуманизма» и т. п. старого строя, якобы добровольно шедшего в интересах народа по пути самоликвидации. В то же время дается ложная оценка характера революционных сил в связи с тем, что они нередко не осознавали в полной мере исторические последствия своих действий.

Всячески возвеличивая лидеров реакционных партий и правительств, буржуазные ученые приписывают этим деятелям не свойственную им «прозорливость» и усердно затушевывают их классовую слепоту, нежелание и неспособность уразуметь действительные тенденции общественного развития, особенно историческую роль рабочего движения и социалистических революций. Это не мешает в других случаях тем же ученым изображать тех же реакционных политиков в виде слепцов, действовавших, правда, из самых лучших побуждений, но не ведавших, что творят. Таким путем значительная часть буржуазных историков думает отыскать довод для оправдания реакционных сил, развязавших первую мировую войну, проводивших накануне второй мировой войны политику «умиротворения» фашистских агрессоров в надежде натравить их на Советский Союз и т. д.

В новейшей буржуазной литературе протаскивается мысль, что каждый класс порождает как демократическое

умеренное), так и «экстремистское» течение, «все равно» революционное или контрреволюционное. При этом, мол, демократические течения всех классов имеют значительно больше общего между собой, чем демократическое и «экстремистское» течение в одном общественном классе. Так же якобы обстоит дело и с экстремистскими течениями, которые куда более родственны между собой, чем два противоположных течения одного класса ¹. Не нужно объяснять, какие фальсификаторские «возможности» открывает перед буржуазными исследователями эта лжетеория. «Уничтожается» классовая борьба как основа политической борьбы. Взамен реальных классовых противоречий появляются внутриклассовые антагонизмы, порождаемые идеологическим конфликтом. Подводится «научная база» под сотрудничество правосоциалистических и буржуазных партий в интересах реакции и подрыва правыми социалистами единства рабочего класса, подводится «теоретическая база» под клевету на «левых экстремистов», то есть коммунистов, которых представляют «родственными» правым экстремистам.

Нередки и попытки представить различные, в частности фашистские, партии выразителями не классовых интересов реакционной буржуазии, а, напротив, «деклассированных элементов» ².

3

Во многом аналогичны фальсификации исторической роли и характера государства. Эти методы основаны на всестороннем использовании относительной самостоятельности государства как надстроечного явления по отношению к базису данного общества. Буржуазные историки уверяют, что государство якобы имеет классовый характер лишь в определенные периоды исторического развития, в частности во время раннего капитализма. Напротив,

¹ См., например, S. M. Lipset, *Social Stratification and Rightwing Extremism*, «The British Journal of Sociology», 1959, Dec. Буржуазные историки пишут о мнимой устарелости деления политических течений на правые и левые (т. е. реакционные и революционные). (См. E. Weber, *The Right in France. A Working Hypothesis*, «American Historical Review», 1960, Apr., pp. 554—568.)

² См. S. M. Lipset, *Social Stratification and Rightwing Extremism*, «The British Journal of Sociology», 1959, Dec., p. 346.

в современную эпоху государство в капиталистических странах будто бы является надклассовым институтом и превратилось в орудие любого класса или коалиции классов, к которой «переходит власть» на очередных выборах¹. В буржуазной науке вполне возможно изображение истории государства как «фирмы, продающей безопасность» и в конце концов переходящей во владение «потребителей»².

Буржуазной историографии свойственно абсолютизировать различие форм одного и того же капиталистического типа государств. Реакционные ученые выводят основы политики не из типа, а из формы государства (например, приписывая агрессивность ряда капиталистических государств существовавшей там монархической форме правления), широко используя факт относительной самостоятельности бюрократии, военной касты и т. п. Многие буржуазные исследователи хотели бы не замечать, что эти силы лишь осуществляют волю капитала, и возложить на них ответственность за многие пороки капитализма. (Иногда вина перекладывается на остатки феодализма при умалчивании, разумеется, что они сознательно консервируются правящей буржуазией для борьбы против пролетариата.)

С целью подкрепления всей этой фальсификации подлинной роли партий и государства грубо вульгарно изображаются «интересы» буржуазии в виде непосредственной материальной выгоды. Доказав, что при осуществлении тех или иных политических действий не преследовалось достижение непосредственных материальных выгод, буржуазные историки победоносно провозглашают доказанным неклассовый характер этой политики.

Буржуазной историографии присуще искажение важного вопроса о роли личности и народных масс в истории. Значительная часть буржуазных ученых прямо выдвигает «героев» (причем в этот ранг все чаще зачисляются открытые реакционеры, а то и магнаты финансового капитала) в качестве главной силы исторического развития. Правда, имеется и немалое число буржуазных историков, которые на словах ставят задачу изучения массовых явлений, деятельности простого человека и т. п. Однако и этим историкам свойственно в той или иной форме преуменьше-

¹ См. «Politische Studien», 1960, Juni, S. 367.

² См. F. C. Lane, The Economic Consequence of Organised Violence, «The Journal of Economic History», 1958, Dec., pp. 401—417.

ние роли «экономики», означающее принижение значения деятельности трудящихся масс — основных создателей материальных благ. Отрицание законов развития общества, последовательной смены социально-экономических формаций, волюнтаризм, всяческое принижение и искажение роли классовой борьбы — эти характерные черты буржуазной исторической науки приводят к тому, что вся она в целом дает превратную картину значения народных масс в истории. Разрывая связь между трудящимися массами и многими прогрессивными движениями (например, борьбой против милитаризма и войны), буржуазная историография, как мы убедимся ниже, стремится в то же время взвалить на сами народы ответственность за невиданные лишения и жертвы, которые выпали на долю человечества по вине империализма. Реакционные историки пытаются либо «опровергать» очевидный факт возрастания роли народных масс в современную эпоху (изображая ее временем, когда якобы все решает воля отдельных лиц), либо отождествлять это возрастание с мифическим усилением участия трудящихся в управлении буржуазным государством.

С фальсификацией места классовой борьбы переплетается и «традиционное» для буржуазной историографии извращение роли революций в общественном развитии. Искажение соотношения между эволюцией и революцией, принижение исторической роли революций и приписывание всех элементов прогресса эволюционному развитию, изображение многих революционных скачков в виде эволюционного процесса и в то же время именованье эволюционных явлений «революцией», чтобы представить их в качестве коренного изменения существовавших ранее условий, — все это хорошо известные тенденции буржуазной историографии. Своеобразие многих революций заключается в обилии «обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового... Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений»¹. Всяческое выпячивание только этого разрушительного значения революций при замалчивании ее великой созидательной роли также принадлежит к «традиционным»

¹ В. И. Ленин, Очередные задачи Советской власти, Соч., т. 27, стр. 243.

средствам фальсификации, применяемой буржуазной историографией.

Некоторые реформистские писатели и поныне отождествляют революцию с жестокими, а эволюцию — с более гуманными формами преобразований, как это делает, например, Ф. Штернберг, цитируя не относящийся к делу отрывок из предисловия к «Капиталу»¹. Это отождествление лживо от начала до конца. Конечно, в истории есть немало примеров, когда революционный класс должен был с помощью жестких мер подавлять сопротивление свергнутых классов, не брезгавших никакими способами борьбы. От степени развития, от сознательности революционного класса зависит, насколько меры подавления реакции ограничиваются пределами революционной необходимости. Именно на это указывал К. Маркс в том месте предисловия к «Капиталу», на которое ссылается Штернберг. Общеизвестно, что революция может протекать мирным путем, то есть без вооруженной борьбы. И шансы на осуществление этой возможности резко возросли в современную эпоху благодаря успехам международного революционного движения. Нужно ли также напоминать, что «эволюционный путь», на который толкнула социал-демократия трудящихся Германии после 1918 года, обошелся в конечном счете германскому народу и другим народам Европы в миллионы человеческих жизней, загубленных нацизмом. Или что «эволюционный путь» освобождения колоний, на котором настаивали лейбористы, обрек десятки и сотни миллионов людей на дополнительные десятилетия колониального гнета, нищеты, массовых голодовок и т. п.

К числу «приемов» искаженного освещения роли революции также относятся попытки вывести ее причины не из главных, а второстепенных факторов развития, не связанных с существующим общественным строем. В целях всяческого умаления закономерности и значения революции буржуазная наука дает «соответствующую» трактовку важной проблемы революционной ситуации. Как правило, формирование революционной ситуации рисуется в отрыве от основных классовых антагонизмов в стране, вытекающих из конфликта между производительными силами и характером производственных отношений. Но это лишь

¹ См. F. Sternberg, Marx und die Gegenwart, Köln, 1955, S. 17.

начало фальсификации. Как известно, для революции недостаточно одного существования объективных причин, необходимо наличие субъективного фактора, то есть способности революционного класса на решительные действия, могущие сломить сопротивление защитников старого строя. Во многих случаях в истории возможность революции не превращалась в действительность благодаря незрелости субъективного фактора. Во всех этих случаях буржуазные историки утверждают, что отсутствовали не только субъективные предпосылки, но и объективные условия для революции. С помощью подобного метода и рисуется история ряда стран в виде плавного эволюционного процесса, не прерываемого даже угрозой революционных потрясений. Этот тезис проводится, например, в курсах английской истории Тревельяна, Темперлея, Галеви, упомянутых выше работах «нового» течения в американской буржуазной историографии и т. д. Так же «доказывается» мнимое отсутствие условий для пролетарской революции в Европе в 1918—1923 годах и т. п.

Для революции обычно недостаточно, чтобы низы не хотели жить по-старому, нужно, чтобы верхи не могли управлять по-старому, чтобы существовал кризис верхов. Акцентируя порой односторонне значение кризиса верхов, буржуазные историки пытаются объяснить его причинами случайного характера (вроде неспособности или пороков отдельных политических деятелей) и таким образом отрицать закономерность революции, происходившей якобы лишь в силу неожиданно возникшего «политического вакуума». (Так представляют дело, в частности, реакционные американские и западногерманские «историки» Великой Октябрьской социалистической революции.) К этому нужно прибавить, что и недовольство низов представляется не связанным с основами общественного строя. Отрицая многократное формирование революционной ситуации в ряде капиталистических государств, реакционные историки выдумывают «революционные ситуации» в СССР и других социалистических странах, то есть якобы не раз возникавшие возможности реставрации капитализма¹. Эти измышления отражают лишь ненависть и злобу врагов социализма, бессильных повернуть назад колесо истории.

¹ См. L. Shapiro, The Communist Party of the Soviet Union, N. Y., 1960, p. XI and next..

Буржуазная наука твердит, что революции в развитых капиталистических странах могут возникнуть только в результате поражения в войне¹ или каких-либо сугубо случайных причин. Цель этой фальсификации — во-первых, обелить капиталистический строй, доказывая, что революции порождаются «посторонней», случайной причиной (которой может и не случиться), во-вторых, лживо обвинять коммунистов в желании развязать войну, в-третьих, перетянуть на сторону буржуазии всех, кто опасается жертв, связанных с войной и революцией, протекающей в форме вооруженной борьбы.

Ранее буржуазная историография прославляла «мирные» революции (типа английского переворота 1688 г., проведенного без активного участия народа). Теперь в попытках доказать «устарелость» революции буржуазные историки нередко ударяются в другую крайность, отрицая факт революции, если она протекала в мирной форме (т.е. без вооруженной борьбы). Отрывая эволюционное развитие от революционного скачка, буржуазные историки клеветнически именуют «отказом от революционности» и переходом на позиции реформизма борьбу коммунистических и рабочих партий за защиту экономических и политических интересов трудящихся в рамках капитализма — борьбу, служащую подготовкой к социалистической революции. Чрезвычайно типично также для буржуазных историков именование революцией контрреволюционных переворотов или путчей, вне зависимости от того, стараются ли эти историки скрыть реакционный характер движения (например, захват фашизмом власти в Германии, который и гитлеровцы именовали «национальной революцией», а также фашистский путч в Венгрии в 1956 г. и т. д.). В то же время нередко проповедуется теория, что в XX веке пролетарские революции препятствуют общественному прогрессу².

¹ На этом «основании» некоторые западные историки доказывают: поскольку, мол, многие немцы верили легенде, что германская армия не потерпела военного разгрома в первой мировой войне, в Германии в 1919—1920 годах не существовала почва для вооруженного захвата пролетариатом политической власти. (См. W. M a e h l, *Recent Literature on the German Socialists. 1897—1932*, «Journal of Modern History», 1961, Sept., p. 297.)

² См. например, R. A r o n, *L'opium des intellectuels*, P., 1955, p. 53 et suiv; A. S h k l a r, *After Utopia. The Decline of Political Faith*, Princeton, 1957, p. 150 and next. Одновременно Французская буржуазная революция конца XVIII века объявляется элс-

Попытки «опровержения» гениальной ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую идут в реакционной историографии преимущественно по следующим линиям. Реакционные историки уверяют, будто «органичными» всегда являлись лишь буржуазно-демократические задачи революции, что только «чрезвычайные условия» (главным образом последствия войны, «фанатизм коммунистов», мнимое «советское вмешательство» и т. п.) привели к перерастанию буржуазно-демократической революции в «коммунистический переворот», который, таким образом, объявляется не связанным с внутренними противоречиями капитализма и антагонизмом буржуазии и пролетариата. Буржуазные историки используют и тот факт, что в истории не бывает «чистых» социалистических революций, как не существует «чистого» капитализма без остатков докапиталистических форм хозяйства, и социалистическая революция походя решает и еще нерешенные задачи буржуазно-демократической революции. Все это дополняется уверениями, что революции возможны лишь на раннем этапе развития капитализма.

Ранее оппортунисты доказывали, будто социалистическая революция невозможна, поскольку в силу «недостаточного» развития капитализма она натолкнется на сопротивление всех классов, кроме пролетариата, составляющих большинство населения. Теперь доказывается нечто прямо противоположное: социалистическая революция невозможна, так как она вызовет сопротивление всех классов вследствие высокого уровня развития капитализма. Раньше оппортунисты твердили, что немыслима социалистическая революция, если задолго до нее не происходила буржуазно-демократическая революция. Ныне реформисты вместе со всеми буржуазными идеологами пишут, что не могло и не может быть пролетарской революции в странах, где нет почвы для революции буржуазно-демократического характера¹.

В период Октябрьской социалистической революции и

вредным источником «тоталитарной демократии». (См. J. L. T a i m o n, *The Origins of Totalitarian Democracy*, L., 1952; A. C o b b a n, *In Search of Humanity. The Role of the Enlightenment in Modern History*, L., 1960, pp. 192—193.) Некоторые историки, как мы увидим ниже, возлагают на французскую революцию даже вину за современный милитаризм.

¹ См. R. C r o s s m a n, *Government and the Governed*, p. 240.

первых лет существования Советской власти оппортунисты громко кричали об отсутствии условий для победы пролетарской революции в России, поскольку развитие производительных сил в стране не достигло уровня, при котором возможно создание социалистического общества. Российский пролетариат во главе с Коммунистической партией, руководствуясь марксистско-ленинским учением, практически доказал, что страна, в которой победила социалистическая революция, способна в кратчайшие исторические сроки догнать и перегнать самые развитые страны капитализма. В наши дни реакционные и ревизионистские историки в стремлении «уберечь» от социалистической революции главные империалистические государства выдвигают прямо противоположный тезис, что социалистическая революция может победить только в слаборазвитых в экономическом отношении странах.

Х. Сетон-Уотсон объявляет, что русская революция является просто следствием «западного влияния на незападное общество» и поэтому по пути Советского Союза «могут идти восточноевропейские, азиатские, латиноамериканские страны, но никак не Западная Европа и Северная Америка»¹. До 1917 года оппортунисты II Интернационала игнорировали особенности русского исторического процесса и представляли дело таким образом, что Россия с запозданием повторяет весь путь, пройденный западноевропейскими странами вплоть до утверждения буржуазного парламентского строя. Когда СССР был единственным социалистическим государством, идеологи империализма и ревизионисты всех мастей твердили о «русской исключительности». Ныне, во второй половине XX века, после образования мощной социалистической системы, буржуазные историки стали поговаривать о «самобытности» империалистических государств Западной Европы и США, благодаря которой они сумеют избежать неизбежной для всех стран победы пролетарской революции.

Одним из распространенных методов фальсификации является отрицание социалистического характера пролетарских революций и уверения, что они якобы имели объективной задачей лишь индустриализацию слаборазвитых стран.

¹ H. Seton-Watson, *The Intellectuals and Revolution. Social Forces in Eastern Europe since 1848*, «Essays Presented to Sir Lewis Namier», p. 430.

Нередко клеветнически изображается и буржуазно-демократическая революция, причем игнорируется факт гегемонии или вообще передовой роли пролетариата; в виде руководящей силы рисуются кулацкие и мелкобуржуазные элементы и партии, которые часто являлись лишь временными попутчиками революции, переходившими по мере ее развития в контрреволюционный лагерь.

Автор ряда реакционных книг по истории международного коммунистического движения Х. Сетон-Уотсон недавно попытался сочинить «теорию», «опровергающую» ленинское учение о революционной ситуации и революции. Признавая «неприятный» факт, что XX век — столетие революций, он, однако, утверждал, что эти революции происходили только в экономически недоразвитых («до-современных») странах, где государство выполняет в основном лишь функции насилия. В «современных» странах, где господствует «городская цивилизация», функциями капиталистического государства являются, мол, наряду с «насилием» (Сетон-Уотсон «дипломатично» не уточняет, против кого направляется это насилие) забота о «благополучии» и просвещении. «Государственная машина там не просто навязана сверху, она связана горизонтально с каждым словом населения». Это не обязательно должно быть «демократическое» государство. Такого рода государствами были, например, кайзеровская Германия, Япония после первой мировой войны и т. д. В подобных государствах «революция» может быть, по мнению Сетон-Уотсона (мысль, которую он развивает в ряде своих работ), только результатом военной катастрофы, а не внутреннего развития.

Нетрудно заметить всю искусственность и антинаучность построений Сетон-Уотсона. Царская Россия, скажем, по его мнению, «принципиально» отличалась от кайзеровской Германии. В действительности, хотя Германия Вильгельма II далее, чем царская Россия, продвинулась по пути превращения из феодальной в буржуазную монархию, они обе принадлежали к одному и тому же эксплуататорскому типу государств, в которых государственная машина являлась орудием в руках господствующих классов для подавления эксплуатируемых масс. Конечно, между государственным строем России и Германии начала XX века имелись серьезные отличия, однако не меньшая разница существовала между той же Германией и Францией или США, которые зачисляются Сетон-Уотсоном в одну группу. Легко

понять, что псевдонаучная классификация Сетон-Уотсона — лишь слабое прикрытие несостоятельного утверждения, будто революции могут происходить только в «западных странах», не выдерживающего даже легкого соприкосновения с фактами. (Достаточно вспомнить о революциях в Центральной Европе после первой мировой войны — о мощном подъеме революционного движения в ряде западноевропейских государств и т. д.). Чтобы окончательно запутать картину, Сетон-Уотсон сопровождает свою антинаучную группировку стран столь же произвольной классификацией революций.

По его мнению, во-первых, существует тип революции, при котором «крепость» старого режима берется фронтальной атакой сил, находящихся вне этой «крепости». Второй тип революции — это перевороты, при которых революционные силы находят сторонников внутри самой цитадели. В третьем случае революция совершается силами, обретающимися внутри «крепости». При четвертом варианте революции навязываются из-за границы.

К первому типу революции Сетон-Уотсон относит русские революции, а также революции в Турции и Китае. Нетрудно заметить, что Сетон-Уотсон совершенно игнорирует при этом факт кризиса внутри «крепости», невозможности для верхов управлять по-старому, что разбивает всю его искусственную классификацию. Революции первого типа могут, как мы уже догадываемся, происходить, по мнению Сетон-Уотсона, лишь в странах преимущественно крестьянских, с немногочисленным пролетариатом и буржуазией. Что касается второго типа, то это революции, которые происходят в силу того, что по случайным внешним причинам у революционных сил находятся союзники «внутри цитадели». Третий тип революций — это вообще не революции, а просто «смена лидеров». С помощью подобной классификации Сетон-Уотсон приравнивает социалистический этап народно-демократической революции (например, в Чехословакии в 1948 г.), происшедший в действительности при активном революционном творчестве народных масс во главе с коммунистическими партиями, к ...латиноамериканскому пронунасиаменту и даже контрреволюционному захвату власти фашистами в Италии и Германии. Здесь еще более полно раскрывается смысл лживой классификации Сетон-Уотсона, направленной на сокрытие социальных задач и классового характера рево-

люции и отождествление ее с помощью вырванных из исторической связи (или просто выдуманных) «общих черт» с контрреволюционными движениями.

Фашисты пришли к власти, используя отряды штурмовиков и СС, разъясняет далее Сетон-Уотсон, а коммунисты вооружали рабочих. Используя такой «метод», можно «доказать» все, что угодно. Почему, например, не объявить, что в феврале 1917 года революционерами были не только народные массы, с оружием в руках свергавшие царизм, но и Николай II, приказавший стрелять в народ. Ведь и царская полиция, и восставшие массы стреляли из винтовок! Видимо, никакая бессмыслица не останавливает реакционных ученых в их попытках оклеветать пролетарскую революцию и коммунистов!

О четвертом «типе» Сетон-Уотсона не стоит и говорить — это просто повторение набившей всем оскомину клеветы о «советской экспансии». Окончательно разоблачая свою «концепцию», Сетон-Уотсон объявляет, что в нашу эпоху революции — это, мол, лишь орудие «внешней политики», или точнее «постоянной политической войны» со стороны СССР и Китайской Народной Республики. Западу поэтому следует «защищать» от революций «свои собственные страны и возможно еще в большей степени слабые и молодые народы, которые находятся под его опекой в колониальной Африке или в других местах»¹.

За три года, протекавшие со времени издания этих строк, Западу не удалось «защитить» от достижения независимости многие страны Африки. Но ученые рассуждения Сетон-Уотсона по-прежнему ярко свидетельствуют, что фальсификация реакционными историками характера революций XX века является прямым орудием борьбы за увековечивание эксплуатации и империалистического гнета.

4

Враждебная оценка революций, в том числе буржуазных революций, в современной реакционной историографии представляет собой лишь частный случай в целой цепи «отказов» буржуазии от собственного прошлого. Вначале это был «отказ» от буржуазных революций, позднее, в эпоху

¹ «Zur Geschichte und Problematik der Demokratie, Festgabe für Hans Herzfeld», В., 1958, SS. 114—124. (Перепечатано у Н. С е т о н - У а т с о н, Neither War nor Peace, L., 1960, pp. 188—209.)

общего кризиса, последовал отказ от «старого» капитализма XIX века, наконец, в наши дни буржуазные идеологи «отрекаются» от капитализма периода 1918—1939 годов, якобы принципиально отличного от капитализма середины XX столетия. Буржуазия, ранее открещивавшаяся от своего революционного прошлого, ныне отказывается от всего своего прошлого в тщетной попытке представить современный капитализм «строем благосостояния», ничем не похожим на старый «эксплуататорский капитализм». Этот «отказ» сопровождается нередко одновременным возвеличиванием самых реакционных сторон истории капитализма — империалистической реакции, милитаризма, бонапартизма и т. п.

Буржуазная историография по существу игнорирует диалектически противоречивый характер общественного развития, в частности развития капитализма. «Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала»¹. Буржуазная историография либо вовсе не замечает «второй» противоположности развития капитализма, либо сводит к минимуму значение этой «оборотной стороны» капиталистического развития.

Для буржуазных ученых, изучающих эпоху упадка и крушения капитализма, характерно пренебрежительное отношение к новому в развитии общества, пока это новое кажется слабым и не имеющим значения. Новое, передовое выдается за случайность, отнюдь не вытекающую с необходимостью из хода исторического процесса. Буржуазная наука не желает признавать, что появление нового связано с назревшими потребностями материальной жизни общества, с интересами передовых классов. Отрицая необходимый характер проявления нового, буржуазная историография всячески пытается не замечать неодолимость этого нового

¹ В. И. Ленин, Разногласия в европейском рабочем движении, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 65—66.

и передового и главной ее причины — расширения социальной базы, служащей опорой передовых сил.

Появление нового не исключает более или менее длительного сохранения пережитков старого. Наоборот, как указывал В. И. Ленин, «остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе»¹. С другой стороны, новое, отрицая старое, вместе с тем критически отбирает и перерабатывает отдельные элементы и черты старого, видоизменяя их в соответствии со своей сущностью. Так, примером преемственной связи нового со старым может служить широкое использование пролетариатом при строительстве нового коммунистического общества достижений техники, науки, культуры прежних эпох. Грубо искажая смысл этих закономерностей развития, буржуазная наука стремится таким путем перекрашивать старое в новое и новое в старое.

Буржуазная наука нередко ставит на одну доску передовые прогрессивно развивающиеся явления и «новые» формы, в которые часто облекается старое, отжившее, реакционное в жизни общества (например, социализм и государственно-монополистический капитализм). Буржуазные историки скрывают объективно прогрессивный характер и значение многих общественных явлений, протекавших в силу различных исторических причин в старой (религиозной и т. п.) форме. Напротив, сущностью реакционных явлений нередко объявляют ту псевдопрогрессивную идейную оболочку, в которую их облачают господствующие классы эксплуататорского общества для обмана и одурачивания народа.

Широко использует буржуазная историография, конечно, и то обстоятельство, что в обществе вообще нет и не может быть «чистых» явлений. Марксистская диалектика показала, что «самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности. На свете нет и быть не может «чистого» капитализма, а всегда есть *примеси* то феодализма, то мещанства, то еще чего-нибудь»². Используя отсутствие «чистых» формаций, буржуазная историография (еще со времени М. Вебера) стремится объявить не-

¹ В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25. стр. 443.

² В. И. Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 210.

существующими сами формации, растворить «непопулярный» капитализм среди различных «экономических систем», якобы существующих в буржуазных странах, и т. д.

Буржуазная историография часто жонглирует терминами «капитализм» и «западная цивилизация» (синонимами последней являются «культура», «европейское наследие» и т. п.). В ряде случаев буржуазные историки прямо отождествляют эти понятия, в частности при освещении истории эпохи подъема капитализма и при противопоставлении капиталистического строя социалистическому. В других случаях, когда ей это выгодно, реакционная историография тщательно различает понятия «капитализма» и «западной цивилизации». Буржуазные авторы твердят о «закате Европы» и в то же время продолжают проповедовать выдумки о новом расцвете капитализма, о превращении его в «строй благоденствия». В цепь «отказов» буржуазной историографии неизбежным звеном входит и «отказ» от идеи прогрессивного развития общества.

Идея прогресса, вера в конечное торжество «разумных» отношений между людьми провозглашалась идеологами буржуазии, когда она была подымавшимся, революционным классом. (Во второй половине XIX в. идея прогресса стала приобретать у буржуазных идеологов в одних случаях либерально-пацифистскую, а в других — шовинистическую и нередко социал-дарвинистскую окраску¹.) Отказ от веры в прогресс связан со страхом реакционной буржуазии перед будущим, перед исторически неизбежной ликвидацией капиталистического строя. «Ныне самодовольство девятнадцатого века безвозвратно утеряно, — пишет известный английский буржуазный историк Х. Тревор-Ропер. — Мы уже не чувствуем более, что история является историей прогресса»².

Нападая на идею прогресса, буржуазные историки пытаются представить ее идущей от религии или от теологического взгляда на мир, предполагающего, что общество движется к заранее предустановленной цели. Другим ходким доводом против идеи прогресса является ссылка на то, что она была порождена рационализмом века просвещения, верой в торжество разума, возникшей в XIX веке, когда

¹ См. J. Baillie, *The Belief in Progress*, L., 1951, p. 138 and next.

² H. R. Trevor-Roper, *Historical Essays*, L., 1957, p. 286.

достижения науки и техники обещали, казалось, привести ко всеобщему изобилию, миру и благоденствию. Но все эти надежды, мол, опрокинуты опытом истории, показавшим, что научный и технический прогресс может привести к ядерной войне, социальному хаосу, «диктаторским режимам» и т. д.¹ Крах в империалистическую эпоху фритредерских и либерально-пацифистских иллюзий, возникших в период победы и утверждения капитализма, выдается буржуазной историографией за крушение самой идеи общественного прогресса.

Подмечая и выпячивая черты исторической ограниченности, свойственной понятию «прогресс» у идеологов просвещения, буржуазные историки не в состоянии привести сколько-нибудь убедительные доводы против марксистского понимания общественного прогресса как последовательной смены одной формации, одного социального строя другой формацией, другим более высоким общественным строем. Буржуазные историки лишь голословно утверждают, что К. Маркс заимствовал у современных ему либералов «рационализм» и в то же время фатализм, «веру в прогресс», которая в новом виде стала «верой» в замену капитализма социализмом. Эти «новейшие» утверждения реакционных историков совсем не новы. Их опять-таки повторял в царской России все тот же незадачливый «ниспровергатель» марксизма Струве. «Право, не веришь даже своим глазам, когда читаешь такие вещи,— писал В. И. Ленин о «теориях» Струве.— До такой степени маразма, упадка и протитутции дошла современная профессорская наука! Г-н Струве прекрасно знает, что научный социализм опирается на факт обобществления производства капитализмом. Этот факт доказывается бездной явлений, наблюдаемых во всем мире. О степени развития и быстроте развития этих явлений имеется богатейший «эмпирический» материал.

¹ См. С. А. Chambers, *The Belief in Progress in Twentieth Century America*, «Journal of the History of Ideas», 1958, Apr., p. 224; Cp. J. Baillie, *The Belief in Progress*; C. Becker, *Progress and Power*, N.Y., 1949; M. Ginsberg, *The Idea of Progress. A Reevaluation*, L., 1953; S. B. Fay, *The Idea of Progress*, «American Historical Review», 1947, Jan. Некоторые реакционеры договариваются до того, будто свидетельством против идеи прогресса являются даже ненавистные для империалистов «триумфы коммунизма или восстание Африки и Азии против Запада». (См. А. Буллок, Hitler: the Last Word, «Observer Weekend Review», Febr., 26, 1961.)

А наш ученый, обойдя вопрос об обобществлении производства, не прикоснувшись своим «научно-эмпирическим исследованием» ни к одной области многочисленных фактов, объявляет вопрос научно решенным на основании нескольких пустых фраз о либерализме и рационализации»¹.

Каких только нелепых и демагогических «доводов» ни изобретает буржуазная историография против идеи прогресса, вплоть до уверения, что это «европейская» идея, которая даже носит расистский и империалистический характер, что, согласно этой идее, народы всех континентов должны следовать за Европой...²

Как известно, прогресс в одних областях общественной жизни нередко сопровождается регрессом в других ее областях.

Так, возникновение капиталистического способа производства, в целом являвшееся крупнейшим прогрессивным событием, вместе с тем было связано с массовым разорением крестьян и ремесленников, с колониальным ограблением, обращением в рабство, истреблением народов Америки, Азии, Африки. Новейшая буржуазная историография склонна всячески преуменьшать те бесчисленные жертвы, пот и кровь миллионов и миллионов трудящихся, которыми оплачивался прогресс в истории классового общества, переход от одной антагонистической формации к другой, и особенно от феодального строя к капитализму. Напротив, страдания, которые приносит значительной части человечества обострение противоречий современного капитализма, порождаемые им фашизм и империалистические войны объявляются свидетельством против идеи прогресса. При этом вдобавок общий кризис капитализма выдается за явление общественного прогресса, конечно, не путем выяснения того, что крушение капитализма сопровождается заменой его более высоким, социалистическим строем, а посредством изображения самого загнивания и разложения капиталистического строя в качестве трансформации в «общество благосостояния».

Буржуазные и правосоциалистические авторы ныне не-

¹ В. И. Ленин, Еще одно уничтожение социализма, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 51.

² См. «The Concise Encyclopaedia of World History». Ed. by J. Bowle, L., 1958, p. 478.

редко высказывают мысль о том, будто марксистское учение о социально-экономических формациях вызвано к жизни «совершенно уникальными» условиями перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе и что это учение, мол, неправомерно распространять на вопрос о замене капитализма другим общественным строем. Что же касается Советского Союза и стран Азии, то, по мнению этих историков, марксистская теория здесь вообще неприменима. После этого фактически ничем не доказываемого «открытия» делается еще один шаг. Спекулируя на существовании в современных условиях некапиталистического пути развития, на многообразии форм перехода от капитализма к социализму, а также, с другой стороны, на использовании частью буржуазии некоторых недавно ставших независимыми стран Азии и Африки в демагогических целях социалистических лозунгов и т. д., буржуазные и реформистские ученые объявляют, что капиталистической строй может быть заменен не только социализмом, но и другими самыми различными формами социального устройства¹. Такой «вывод» при этом тут же используется для отрицания социалистического характера общественного строя в СССР и других странах социализма, а также для изображения капиталистических стран государствами с самыми различными социальными системами. Так, известный американский дипломат и историк Д. Кеннан писал: «Принципы свободного предпринимательства и частной собственности на средства производства должны были в течение последнего полстолетия повсюду сыграть значительную роль в экономике некоммунистических стран. Но нет двух стран, где эта роль была бы одинаковой. Элементы публичного и общественного контроля повсеместно бросили вызов действию этих принципов. Возникшее в результате соотношение между частным контролем, с одной стороны, и публичным и общественным контролем, с другой, сильно варьируется от страны к стране. Ныне нет единой социальной и экономической системы, которая преобладала бы за пределами коммунистической орбиты. Существует почти столько же систем, сколько имеется стран, и многие из этих систем ближе к тому, что Маркс понимал под социа-

¹ См., например, E. Van der Vlugt, *Asia Aflame. Communism in the East*, N. Y., 1953, p. 8 and next.; F. Sternberg, *Marx und die Gegenwart*, SS. 25—31 ff.

лизмом, чем к фритредерскому капитализму марксовых дней»¹.

Еще два-три десятилетия назад главным способом нападения на марксистскую теорию смены социально-экономических формаций и доказательства извечности капитализма было отыскание якобы «капиталистической» основы в добуржуазных способах производства (М. Вебер, А. Допш и др.). Еще недавно во имя той же реакционной цели идеолог американских «историков бизнеса» профессор Грас доказывал, что даже коммунизм — это «капитализм с общественной собственностью на средства производства»². Углубление кризиса капиталистической системы, полная моральная дискредитация капитализма заставляют ныне буржуазных идеологов лихорадочно подыскивать для него новые «благозвучные» названия, объявлять современный капитализм качественно отличным от старого. В этих условиях понятно изменение позиции буржуазных историков, их стремление обнаружить в буржуазных странах сколько угодно выдуманных типов социального устройства, чтобы скрыть за ними капитализм.

На основе существования элементов государственного капитализма в экономике буржуазных стран Кеннан объявляет об исчезновении капиталистического строя и замене его таким количеством различных систем социального устройства, что затруднительно выдумать для них даже название и тем более считать их чем-то существенным для жизни общества.

Если Кеннан сделал открытие, что сохранение основ частной собственности — это не капитализм, то правосоциалистический теоретик Ф. Штернберг уверяет, что переход после пролетарской революции в общественную собственность «средств производства не является социализмом». При этом Штернберг ссылается на то, что несмотря на переход после Октябрьской революции средств производства из собственности капиталистов в собственность государства большевики еще только начали говорить о возможности победы социализма в Советской России!³ Как видно, расчет на читателя, совершенно не искушенного в основных вопросах истории и политики, является необходимой составной частью «концепции» реформистских

¹ «Foreign Affairs», 1960, Jan., p. 175.

² «Bulletin of Business Historical Society», 1949, March, p. 4.

³ См. F. Sternberg, Marx und die Gegenwart, S. 127.

идеологов. Быть может, ученому г-ну Штернбергу никогда не было известно о том, что в 1917 году помещичьи земли были переданы крестьянам, что в Советской России того времени были еще миллионы мелких собственников, что в стране в то время (да и позднее, в годы нэпа) существовали элементы пяти различных хозяйственных укладов (патриархальное крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм)¹? Может быть, Ф. Штернберг не слышал, что социалистический способ производства не может стихийно сложиться в недрах капиталистического строя, что после победы пролетариат осуществляет социалистическое преобразование общества, которое начинается с обобществления крупного капиталистического производства и продолжается путем постепенного экономического вытеснения социалистическим укладом других укладов. В этот переходный период происходит обобществление мелкотоварного крестьянского хозяйства путем добровольной кооперации. Социалистическое переустройство деревни возможно лишь при условии развития крупной социалистической индустрии, способной снабжать кооперативное сельское хозяйство необходимой техникой. Социалистическая индустриализация обеспечивает высокий уровень развития производительных сил, создает материально-техническую базу социализма. Беспардонно игнорируя все это, Штернберг и его единомышленники оперируют тезисом, что обобществление победившим пролетариатом средств производства — «это не социализм». «Социализмом» же оказывается лишь капиталистическая национализация отдельных отраслей промышленности в соединении с существованием в стране реформистской партии! Так обнажаются до предела мотивы нападок буржуазных и реформистских ученых на марксистское учение о социально-экономических формациях.

На основе отрицания идеи прогресса в буржуазной историографии проводится линия на отказ от оценочных суждений, от именования «прогрессивными» или «реакционными» событий и лиц и замены этих терминов более

¹ См. В. И. Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Соч., т. 27, стр. 303; е г о ж е, IV конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября — 5 декабря 1922 года. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г., т. 33, стр. 381.

«нейтральными» определениями — «радикальные», «консервативные». Это формальное «воздержание» в действительности сводится к отказу от характеристики исторических явлений с подлинно научных позиций, что лишь способствует внедрению произвольных, тенденциозных оценок, которые навязываются читателю с помощью произвольного отбора и ненаучной группировки фактов.

Вместе с тем, однако, подобно тому как это имеет место с идеей историзма, теоретическое «отрицание» идеи прогресса далеко не последовательно осуществляется буржуазными историками на практике. На буржуазную историческую науку оказывает воздействие стремление многих реакционных идеологов представить процесс исторического развития в современную эпоху как прогресс капитализма (прежде всего американского капитализма, переживающего в действительности период общего, все более углубляющегося, кризиса). Так, известный проповедник мирового господства США, «американского века» и т. п. миллионер Г. Люс писал: «Бизнесом Америки является прогресс, и прогресс — это американский бизнес»¹. Подобные утверждения составляют обязательную часть пропаганды реакционных политических партий во многих капиталистических странах. В качестве «доказательств» прогресса выдается технологический прогресс, а также социальное законодательство, вырванное у правящих классов капиталистических стран упорной борьбой трудящихся масс. В действительности существование капитализма становится все большим тормозом на пути развития техники.

Опыт истории показал, что только устранение капитализма и замена его более высоким социалистическим общественным строем открывают возможности для невиданно быстрого роста производительных сил, для полного использования всех достижений науки и техники. Социальное законодательство — другое мнимое доказательство капиталистического прогресса — на деле является следствием обострения классовой борьбы и стремления буржуазии путем частных уступок отсрочить момент исторически неизбежного крушения капитализма.

Таким образом, картина «капиталистического прогресса» в современную эпоху не имеет ничего общего с реальной действительностью. Очень характерно, что для придания

¹ «New Republic», Dec. 6, 1954.

видимого правдоподобия этой картине буржуазные ученые, как мы проследим ниже, всячески стремятся все внешние проявления деградации и кризиса капиталистического строя (империалистические войны, фашизм и т. д.) изображать событиями, коренящимися в якобы естественной, «вечной природе» человеческого общества, не связанными с капиталистическим строем, а некоторые неоспоримые факты наступления эры крушения капитализма (социалистические революции, крах колониальной системы) нередко представлять... в виде некоторого общественного регресса.

Как известно, общественный прогресс не носит прямолинейного характера. Это обстоятельство создает дополнительную основу для теоретических ухищрений реакционных историков. В истории наряду с прямым путем нередко случаи зигзагообразного пути, являющегося следствием компромисса «между старым, уже недостаточно сильным для полного отрицания нового, и между новым, еще недостаточно сильным для полного свержения старого»¹. Буржуазная историография прославляет путь классового компромисса как якобы прямой путь общественного развития (достаточно вспомнить английскую историографию с ее апологией «классового компромисса» 1688 г. и т. д.). Более того, многие формы классовой борьбы трудящихся, заканчивавшиеся временным компромиссом, лживо изображаются, как уже отмечалось выше, в качестве сотрудничества классов. Это типично, в частности, для изложения истории социального законодательства. «...Установление нормального рабочего дня, — указывает К. Маркс, — является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»². Между тем буржуазные историки рисуют социальное законодательство Англии середины XIX — начала XX века, явившееся результатом неоднократного подъема массовой борьбы (чартизм, рабочее движение в конце 80-х — начале 90-х гг., в 1905—1914 гг.), как достижение соглашательской тактики тред-юнионистских лидеров и филантропических тенденций буржуазного общественного мнения.

Исходя из факта вынужденного согласия буржуазии ради сохранения своего господства на компромиссы, то есть частичные уступки рабочим, реакционные и реформистские

¹ В. И. Ленин, Против бойкота, Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 9.

² К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 304

историки именно эти компромиссы, а не борьбу пролетариата, вырвавшего согласие на них у правящих классов, объявляют движущей силой общественного развития. В то же время зигзагообразность пути прогрессивного развития, вызванная отчаянным сопротивлением сил старого, используется для отрицания самого прогрессивного характера развития общества.

В развитии общества нередки случаи, когда приобщение к активной борьбе новых слоев трудящихся масс, ранее стоявших вдалеке от политики,— приобщение, в конечном счете гарантирующее огромное ускорение социального прогресса,— вызывает временное повторение старых шагов и ошибок. В. И. Ленин, характеризуя эпоху в истории России, наступившую после революции 1905—1907 годов, писал: «Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно»¹. Буржуазная историография не только не видит этого скрытого революционного значения периодов временного торжества реакции, но на основе факта возврата к уже пройденному она отрицает прогрессивное значение революции и прогрессивное развитие общества в целом. Наиболее твердолобые историки прямо воспевают реакцию (например, столыпинскую реакцию, если продолжить приводимый выше пример России после 1905—1907 гг.), отмечая ее «конструктивные достижения».

Как известно, развитие не происходит и при социалистическом строе строго прямолинейно. Неизбежные при строительстве нового общества повторения, некоторое возвращение назад, отдельные исправления, напряжение сил

¹ В. И. Ленин, О некоторых особенностях исторического развития марксизма, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 87.

для убеждения отсталых и неподготовленных людей¹— все эти отклонения от прямолинейного развития фальсификаторски используются буржуазной историографией для отрицания или принижения прогресса при социализме.

Нападки на понятие прогресса нередко сопровождаются в буржуазной историографии защитой идеи круговорота в общественном развитии, главными теоретическими поборниками которой выступил после первой мировой войны германский реакционер О. Шпенглер, а в наши дни известный английский историк А. Тойнби. Многотомная работа Тойнби «Изучение истории», излагающая его «циклическую» концепцию, оказала очень большое влияние на современную западную историографию². Для доказательства этой реакционной теории и других фальсификаторских тезисов буржуазная историография широко использует метод фальшивых исторических аналогий. Исторические сравнения, исторические параллели могут принести немалую пользу в изучении истории, при одном, однако, обязательном условии, если они применяются с соблюдением необходимых научных методов. Так, допустим, чрезвычайно полезным может оказаться сравнение между странами, находившимися или находящимися в основном на одном и том же уровне социально-экономического и политического развития. Подобные сравнения помогают выявлению как общих закономерностей развития, так и специфических особенностей отдельных стран. В. И. Ленин, блестяще владея сравнительно-историческим методом исследования, путем сравнения России начала XX века с Германией и Австро-Венгрией 40—60 годов XIX в., вскрыл особо контрреволюционный, антидемократический характер политики русской буржуазии³. Ленин неоднократно сравнивал революцию

¹ См. В. И. Ленин, VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г., Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 22 декабря, Соч., т. 31, стр. 465.

² См. Е. А. Косминский, Историософия Арнольда Тойнби, «Вопросы истории», 1957 г., № 1, стр. 130—140; Э. А. Араб-Оглы, Концепция исторического круговорота, «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии», Сб. статей, М., 1960.

³ См. В. И. Ленин, Либералы в роли защитников IV Думы, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 228—229. В дальнейшем мы не касаемся частного использования В. И. Лениным метода сравнения различных этапов развития определенного явления для уяснения итогов, результатов этого развития (его же, Прежде

1905 года и Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года с буржуазными революциями, происходившими на Западе до эпохи империализма. Эти сравнения помогли выявить, наряду с наличием общих черт, характерные особенности буржуазно-демократических революций эпохи империализма и общего кризиса капиталистической системы. Вместе с тем В. И. Ленин нередко проводил исторические параллели между отдельными явлениями в странах, находящихся на самых различных ступенях исторического развития. При этом Ленин указывал на необходимость строгого соблюдения следующего принципа: «Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер»¹.

Известно, что оппортунисты, недовольные ленинским сравнением борьбы большевиков и меньшевиков с борьбой якобинцев и жирондистов, много разглагольствовали об «антиисторичности» параллелей между социал-демократами и французскими буржуазными революционерами. Разоблачая эти увертки меньшевиков, В. И. Ленин показал, что они путают две различные вещи. Нельзя смешивать, указывал Ленин, «соотношение между двумя революционными направлениями XVIII и XX столетия с отождествлением самих этих направлений»². Применяя строго научный метод сравнения, В. И. Ленин не раз проводил исторические параллели, например между Тильзитским миром 1806 года и Брестским миром 1918 года³, хотя, разумеется, Советская Россия 1918 года как небо от земли отличалась от королевской Пруссии начала XIX века. Сравнение показывало, что если даже Пруссия, разгромленная Наполеоном, сумела впоследствии освободиться от навязанного ей Тиль-

и теперь, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 72—73). В указанных случаях сравнение преследует цель проведения не параллели, а противопоставления.

¹ В. И. Ленин, Наши упразднители, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 126.

² В. И. Ленин, Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 47.

³ См. В. И. Ленин, Странное и чудовищное, Соч., т. 27, стр. 51, 53; е го ж е, Серьезный урок и серьезная ответственность, Соч., т. 27, стр. 61; е го ж е, Главная задача наших дней, Соч., т. 27, стр. 136; е го ж е, IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1918 г., Доклад о ратификации мирного договора 14 марта, Соч., т. 27, стр. 154 и др.

зитского мира, то у Советской России будет подавно несравнимо больше возможностей ликвидировать тяжелые последствия Брестского договора, который германские империалисты заставили заключить молодую Советскую республику. Четко ограничивая явления, служащие предметом сравнения, В. И. Ленин резко выступал против проведения на их основании антиисторических параллелей общего характера. Так, например, Ленин сравнивал подделку царскими властями выборов в думу с аналогичными махинациями Наполеона III и Бисмарка¹, но в то же время считал совершенно неправомерной историческую параллель между царской Россией кануна первой мировой войны, то есть страной, в которой не были решены главные задачи буржуазно-демократической революции, и Францией 60-х годов, а также Германией 70—80-х годов, уже пережившими эпоху буржуазных революций. Подобное сравнение Ленин справедливо характеризовал как «образчик игры в исторические параллели, настолько оно несерьезно»².

В. И. Ленин показал всю несостоятельность отождествления внешне сходных эпизодов в истории отдельных стран, происходивших в различные эпохи. Так, отметив особенности и различия между тремя эпохами всемирной истории — 1) 1789—1871 годы, 2) 1871—1914 годы и 3) эпоха после 1914 года, В. И. Ленин указывал: «Международные конфликты и в третью эпоху остались по *форме* своей такими же международными конфликтами, как в первую эпоху, но социальное и классовое *содержание* их коренным образом изменилось»³. Марксизм вскрыл антинаучный характер исторических параллелей между разнородными явлениями, основанных на нахождении у них внешне сходных (или мнимо сходных) черт, совершенно не определяющих сущность этих явлений.

Прием всех софистов — брать примеры, относящиеся к заведомо, принципиально непохожим явлениям, широко распространен среди части буржуазных историков. Так, среди реакционных историков и правосоциалистических

¹ См. В. И. Ленин, К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 203; его же, Итоги выборов, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 321.

² В. И. Ленин, Манифест либеральной рабочей партии, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 406.

³ В. И. Ленин, Под чужим флагом, Соч., т. 21, стр. 128.

идеологов распространено сравнение марксизма... со средневековыми религиозными учениями. Секретарь Социалистического интернационала Ю. Браунталь изображал марксизм-ленинизм как «подтверждение средневековой христианской концепции общности человечества»¹. Буржуазные историки сравнивают марксистское учение о пролетарской революции с христианским представлением о «страшном суде»², твердят о «религиозных корнях» и о «мессианстве» марксизма³, «коммунистическом варианте легенды о золотом веке»⁴ и т. п. Как тут опять не вспомнить, что подобными «историческими параллелями» в России усердно занимался П. Струве. Разоблачая это антинаучное трюкачество, В. И. Ленин писал: «Г-н Струве уверяет, что это «не игра эффектными (!??) аналогиями и не остроумничанье». Может быть. Но это, несомненно, игра пошлыми аналогиями, вернее: простое шутовство»⁵. Подобным злонамеренным шутовством являются и фальшивые параллели между СССР периода первых пятилеток и Англией эпохи промышленного переворота, о чем упоминалось выше. На антиисторических параллелях построена по сути дела и вся «система доказательств» в выше разбиравшейся «теории стадий роста» американского историка У. Ростоу.

• Проведение фальшивых исторических параллелей стало настолько ходким приемом буржуазной фальсификации истории, что нужно привести еще несколько примеров. Так, «параллелью» к современному сосуществованию государств с различным социальным строем Х. Тревор-Ропер объявляет «сосуществование» европейских государств («Европы») и Османской империи в XVI веке. Сравнение нелепо в своей основе: в Европе в XVI столетии существовал

¹ «Socialist International Information», Aug. 7, 1954.

² См. М. L a n g e, *Marxismus-Leninismus*, Stuttgart, 1957, S. 42.

³ См. E. R o t h a c k e r, *Die Wirkung der Geschichtsphilosophie auf die neueren Geschichtswissenschaften* (XI Congress International des Science historiques. Rapports, Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, v. I, p. 22); J. B. T a l m o n, *Political Messianism: the Romantic Phase*, N. Y., 1960, p. 201 and next.; R. B. F u l t o n, *Original Marxism. Estranged Offspring. A Study of Points of Contact and of Conflict between Original Marxism and Christianity*, Boston, 1960, p. 76 and next.

⁴ См. A. T o u n b e e, *Pretensions I Reject: no Chosen People, no Unique Truth*, «Observer Weekend Review», Apr. 16, 1961.

⁵ В. И. Л е н и н, *Еще одно уничтожение социализма*, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 39.

в основном феодальный строй, в рамках которого возникал капиталистический уклад. В Османской империи также господствовали феодальные отношения при сравнительно более слабом вызревании капиталистических элементов. Таким образом, западноевропейские страны и Османская империя не были государствами с различным социальным строем. Тем более не могло существовать того принципиального отличия, которое отделяет социалистический строй, где ликвидирована эксплуатация человека человеком, от предшествующих ему формаций, в которых существовала эксплуатация и классы-антагонисты. Поэтому нельзя было бы признать, например, вполне оправданной в качестве исторической параллели с современностью сосуществование буржуазно-демократических и феодально-абсолютистских государств в XIX веке, хотя эта параллель не является нелепостью, как «сравнение» Тревор-Ропера.

Цель английского историка — доказать, что хотя Западная Европа временами и теряла надежду на победу над турками, в конечном счете те все же потерпели поражение. По мнению Тревор-Ропера, нынешние «неудачи» Запада являются не результатом приближающегося неизбежного крушения капитализма, а временным явлением, после которого может последовать победа над Востоком, то есть странами социализма¹. Второй побудительной причиной для изобретения «параллели» Тревор-Ропера было явное стремление оксфордского историка посылить оклеветать Советский Союз сравнением с культурно отсталой, агрессивной и деспотической Османской империей, а современный капиталистический Запад представить обороняющейся стороной, которая к тому же защищает европейскую культуру. Тенденциозность и фальшивость аргументации английского историка настолько бьет в глаза, что она вряд ли заслуживает серьезного опровержения. Ведь с помощью таких параллелей можно доказать, скажем, что раз рыцари из Северной Франции в 1066 году завоевали Британские острова, то, вероятно, французам и также расположенным к югу от Ла-Манша бельгийцам еще предстоит установить свое господство над этими островами... Хорошо «метод», с помощью которого можно доказывать любой абсурд, если он только в интересах современной реакции! А на-

¹ См. Н. Р. Тревор-Ропер, *Historical Essays*, pp. 173—178, 288.

сколько эти интересы прямо диктуют изобретение фальшивых «сравнений», ярко свидетельствует «историческая параллель», которую недавно в США рекомендовалось разъяснять учащимся в средней и высшей школе. «Ужасающая параллель,— сделал открытие американский журнал для учителей,— может быть проведена между 1850 и 1950 годами». Сто лет назад главной проблемой для Америки было рабство. Автор перечисляет основные политические группировки (от поборников уничтожения рабства—аболяционистов до ярых сторонников рабовладения), которые образовались в США накануне гражданской войны 1861—1865 годов, и находит «точно такие же» тенденции в современных Соединенных Штатах — от «сторонников уничтожения коммунизма» путем войны до сторонников мирного сосуществования¹. Смысл этой «исторической» фальшивки очевиден. Во-первых, очередной раз внедрить в сознание американцев клеветнический вымысел о «коммунистическом рабстве», во-вторых, представить наиболее ярых реакционеров-атомщиков наследниками таких героев американского народа, как Джон Браун и др., а сторонников мирного сосуществования представить потомками весьма непопулярных в народе (несмотря на все попытки части реакционной историографии возвеличить «старый Юг»²) южных рабовладельцев. Если уж пользоваться материалами этого сравнения, то возникает совсем другая параллель. В 1850 году разговорами о «свободе» и «демократии» южане обосновывали требование укрепления и расширения территории рабства. В 1950 году эти же лозунги служили для американских реакционеров прикрытием для капиталистической эксплуатации и империалистического экспансионизма. Сто лет назад официальная доктрина южан провозглашала торговлю людьми краеугольным камнем американской «демократии» и «американского образа жизни». Об этом можно было прочесть в глав-

¹ См. «Social Studies», 1955, Apr., p. 141. (Ср. W. Black, The Parallel Fifties, «Christian Fifties», March 3, 1954.)

² Критику этой апологетической литературы см. Г. М. Морейс, Современные течения в историографии гражданской войны в США, «Вопросы истории», 1961 г., № 7, стр. 96—114; И. Дементьев, Эволюция американской буржуазной историографии гражданской войны 1861—1865 гг., «Вопросы истории», 1958 г., № 9, стр. 135—151; Е. Черняк, Апология рабовладения в новейшей американской исторической литературе, «Вопросы истории», 1951 г., № 8.

ном теоретическом органе южных демократов «Южный литературный вестник»: «Рабство создало американскую свободу... гражданскую и религиозную, и эти блага были бы недостижимы без его помощи», ибо «самый дух свободы и равенства может проявиться лишь среди рабовладельцев»¹. «Рабство,— заявлял один из признанных лидеров демократической партии Кэлхэн,— является наиболее надежной и прочной основой свободных учреждений»².

Отмену рабства южные демократы рассматривали как меру, которая решительно противоречит демократическим традициям Америки, как «невыносимое угнетение», «тиранию и несправедливость»³.

На основе этих широко распространенных тогда доводов рабовладельцев «Южный литературный вестник» мог дать развернутый обвинительный акт против аболиционизма: «Аболиционист — это человек, который не любит рабства и не считает его божественным установлением; он не чтит его как краеугольный камень гражданской свободы, он не восхищается им как единственно возможным социальным фундаментом, на котором зиждется прочный республиканский строй; он не желает от всего сердца, чтобы рабство распространилось по всей земле как средство обновления человечества, средство, которое по своему величию и святости уступает только христианской религии».

Президент конфедерации отделившихся южных штатов Д. Дэвис и другие лидеры проводили параллель между своим мятежом и борьбой колонистов против Англии во время войны за независимость (1776—1782 гг.), изображали себя «угнетенной нацией». Вице-президент южан объявлял, что от победы Юга «зависит сохранение свободы, гарантированной конституцией. От нее зависит великий принцип самоуправления, провозглашенный нашими дедами и прадедами в 1776 году. От нее зависят надежды человечества и всего мира»⁴. Разработав еще до начала гражданской вой-

¹ «The Southern Literary Messenger», 1855, Nov., p. 647. Цит. по А. У. Ллойд, *The Slavery Controversy. 1831—1860*, Chapel Hill, 1939, p. 157.

² J. C. Calhoun, *The Works*, vol. III, N. Y., 1874, p. 180.

³ См. «Abridgment of Debates of Congress from 1789 to 1856», vol. XVI, N. Y., p. 458.

⁴ H. Kohn, *American Nationalism. An Interpretative Essay*, N. Y., 1957, p. 109. Проводя эту «параллель», реакционный американский историк Кон тут же изобретает и свою собственную,

ны планы широких территориальных захватов, южные демократы устами Кэлхэна объявляли, что США самим провидением-уготована роль «стража и хранителя менее счастливо устроенных территорий». Планы захватов обосновывались тем бесспорным фактом, что, говоря словами одного из органов южан — «Чарльстон Меркюри» (16 апреля 1860 г.), их партия «способна управлять не только Соединенными Штатами, но и всем континентом Северной Америки. Более того, ее великие принципы... могут объять весь мир». Не повторяли ли почти дословно правительства Трумэна и Эйзенхауэра доводы южан, когда объявляли, что целью их агрессивной внешней политики являлась якобы «поддержка свободных общественных учреждений»?

Буржуазная историография постоянно оперирует многими живыми параллелями из истории международных отношений, призванных поставить с ног на голову картину взаимоотношений между СССР и капиталистическими странами. Так, например, правительство Трумэна, Эйзенхауэра (а вслед за этим масса публицистов-историков) стали проводить фальшивую параллель между политикой мирного сосуществования и... «мюнхенской» политикой Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. Политика мирного сосуществования якобы являлась со стороны США «умиротворением» СССР и Народного Китая (которых реакционная пропаганда «клеветнически обвиняет в агрессивных намерениях»), и поэтому, мол, ее следует избегать, чтобы не повторять «ошибок Мюнхена». Таким образом политику мира между народами, в частности между народами США и Советского Союза, реакционеры отвергают, поскольку она якобы напоминает «мюнхенскую» политику подталкивания Гитлера к нападению на СССР!¹ И это пишется теми самыми людьми, которые всемерно поощряют западногерманских реваншистов, прямых наследников нацизма, со старой целью превращения их в ударную силу против СССР и других социалистических стран. Действи-

не менее фальшивую. Разъясняя, что победа Юга могла бы привести к распадению США на различные государства, Кон изображает гипотетический случай торжества рабовладельцев столь же «губительным», как... распадение Габсбургской монархии — этой реакционнейшей тюрьмы народов — в 1918 году и освобождение ряда английских колоний после второй мировой войны.

¹ См., например, A. F u r n i a, *The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II. 1931—1938*, Wash., 1960, pp. 420 and next.

тельная, бросающаяся в глаза любому непредубежденному человеку историческая параллель между «мюнхенской» политикой 30-х годов и нынешней политикой США, Англии и Франции, направленной на возрождение агрессивного западногерманского милитаризма, игнорируется реакционной историографией, которая с помощью своих «сравнений» стремится утаить историческую правду.

Для поддержания мифа об антиколониализме США, опровергаемого всей историей американского капитализма, реакционная историография традиционно проводила параллель между войной английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1782 гг.) и современными антиколониальными революциями. В самой этой параллели нет ничего принципиально неверного. Антиисторическим является в данном случае не само сравнение, а делаемый из него вывод, что будто по характеру своего происхождения США должны быть и являются другим слабым и угнетенным народом. Подобный вывод получается путем молчаливого отождествления революционной Америки XVIII века и американского империализма XX века, история которого изобилует примерами захватнических войн и внешнеполитической экспансии и который в нашу эпоху стал самым крупным международным эксплуататором. Активные попытки американского империализма путем поддержки старых колониальных держав воспрепятствовать окончательному крушению колониализма создают почву для отказа части буржуазных идеологов от этой традиционной параллели между американской войной за независимость и антиколониальными революциями нашей эпохи. Так, американский историк Л. Холл (сотрудник планового совета государственного департамента США) решительно заявил, что для подобной аналогии, мол, нет никаких оснований. Английские переселенческие колонии в Северной Америке с самого начала пользовались правами самоуправления и поэтому к концу XVIII века приобрели значительный политический опыт, необходимый для соблюдения после достижения независимости «равновесия между порядком и свободой». Напротив, латиноамериканские страны в начале XIX века не созрели для получения независимости и приобрели ее якобы лишь потому, что их метрополия, Испания, была захвачена войсками Наполеона I. «Разделавшись» таким путем с героической борьбой народов Латинской Америки за свободу и независимость (растянувшей-

ся на два десятилетия!), Холл изображает достижение независимости несчастьем для этих стран и, проводя новую фальшивую аналогию, предостерегает народы Азии и Африки от поспешности в борьбе за освобождение от колониальной зависимости¹.

Метод антиисторических параллелей находит наиболее полное выражение в стремлении ряда буржуазных историков, начиная с А. Тойнби, «доказать» таким путем реакционную циклическую теорию. Наиболее ходким способом является при этом сравнение развития античного мира с развитием Западной Европы и Северной Америки за последние 500 лет. В недавнее время А. Тойнби занялся сравнением борьбы американских империалистов против СССР... с борьбой Древнего Рима против Карфагена², явно навязывая читателю мысль о неизбежности победы «нового Рима» — США. Но у читателя при этом невольно может возникнуть совсем другая «историческая параллель» — между самим Тойнби и известным немецким историком Эдуардом Мейером, который в годы первой мировой войны также усердно сравнивал борьбу Германии против Англии со столкновением Рима и Карфагена. Как известно, Э. Мейер существенно ошибся в своих прогнозах насчет исхода этого столкновения... А ведь у германского «Рима» все же были шансы на победу, чего никак нельзя сказать об американском «Риме», агрессивным планам которого противостоит непобедимый социалистический лагерь, отстаивающий дело мира и прогресса!

Следует отметить, что почва для антиисторических параллелей А. Тойнби и его последователей была подготовлена многими видными буржуазными историками античности, которые под влиянием теории «вечности» капитализма отыскали мифический «античный капитализм» и в сильнейшей степени «модернизировали» картину исторического развития Греции и Рима. Неудивительно, что в буржуазных исторических журналах могут появляться статьи о «холодной войне» в древности и т. п.³

Игнорируя реальный факт повторяемости характерных

¹ См. L. J. Halle, *American Foreign Policy*, L., 1960, pp. 85—87.

² См. «New York Times Magazine», Jan. 15, 1961.

³ См., например, «History Today», 1958, March, pp. 170 and next.; «Archiv für Rechts-und-Sozialphilosophie», Bd. 47, Nr. 1—2, 1961, SS. 81—103.

общих черт у различных стран, находящихся примерно на одинаковом уровне общественного развития, буржуазные историки обнаруживают несуществующую повторяемость явлений в разных социально-экономических формациях. Как известно, в историческом процессе имеет место своего рода повторение уже пройденных ступеней, но повторение на более высокой базе,— как бы развитие по спирали¹. В своих «аналогиях» между процессами, протекающими в различных социально-экономических формациях, буржуазные историки спекулируют на спиралеобразном характере развития. Широко используется тот факт, что колониальная политика и империализм (в смысле захватнической политики) существовали до монополистического капитализма и капитализма вообще, в частности уже в античную эпоху. Говоря о книгах Лукаса и Кромера², в которых на этом основании изобретались антиисторические параллели, В. И. Ленин писал: «...„Общие“ рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения „великого Рима с великой Британией“»³.

Новейшей и весьма показательной попыткой такого рода является нашумевшая на Западе книга «Грядущие цезари» Амори де Риенкура⁴. Этот французский офицер, ставший после войны американским агентом, ездившим в 1947—1948 годах в Тибет с поручениями военно-политического характера⁵, ныне считается в буржуазных научных кругах за его книгу «Крыша мира»⁶ видным тибетологом. Хотя после появления работы «Грядущие цезари» в либеральной печати и высказывались порой предположения, что теория Риенкура — во многом продукт «недостаточного исследо-

¹ См. В. И. Ленин, Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 38.

² См. С. P. Lucas, Greater Rome and Greater Britain, Oxford, 1912; Earl of Cromer, Ancient and Modern Imperialism, L., 1910.

³ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 247.

⁴ См. A. de Riencourt, The Coming Caesars, N. Y., 1957.

⁵ См. Б. П. Гуревич, Освобождение Тибета, ИВЛ, 1958, стр. 72.

⁶ См. A. de Riencourt, Roof of the World. Tibet, Key to Asia, N. Y., 1950.

вания» предмета¹, они потонули среди восторженных оценок, дававшихся такими известными историками, как Г. Е. Барнс и др.² Риенкур стал сразу «властителем дум», взгляды и соображения которого широко приводятся при оценке тенденции общественного развития в нашу эпоху. Причину этого успеха нетрудно определить, ознакомившись с главными тезисами «исторического исследования» Риенкура. Его методологические взгляды представляют собой пеструю смесь из Ницше, Шпенглера, Тойнби, а также Фрейда, социал-дарвинистов и сторонников отождествления государства с живым организмом. Доводы, почерпнутые у всех этих идеологов реакции, использованы в книге для «обоснования» искусственной антиисторической параллели между путями развития античного рабовладельческого общества и капиталистических стран Западной Европы и США. А цели, которым должна служить «параллель», Риенкур без обиняков излагает уже на первых страницах своей работы. «В этой книге доказывается,— пишет он,— что распространение демократии ненамеренно приводит к империализму и что империализм вызывает разрушение республиканских учреждений предшествующего периода». В свою очередь это разрушение как итог многовекового развития заканчивается установлением власти «цезаря»— «добровольной сдачей свободного народа, отрекающегося от свободы»³ Риенкур предостерегает от смещения этого будущего «цезаря» с различными диктаторами в фашистских странах — это были лишь случайные временщики типа тиранов, правивших в городах Древней Греции. Развитие идет от монархии через господство «левых» (т. е. буржуазно-либеральных) лидеров к цезаризму. И цезарем может стать лишь президент США. Как в первом веке до нашей эры цезарь должен был появиться только в Риме, так ныне он может появиться только в Вашингтоне. Для вящей убедительности Риенкур обильно сдобривает свои рассуждения доводами от психоанализа и разъяснениями, что в общественном развитии господствуют «определенные биологические законы»⁴.

Политическая направленность концепции Риенкура настолько откровенно реакционна, что не заслуживает осо-

¹ См. «The Nation», July 6, 1957, p. 14.

² См. «Chicago Sunday Tribune», May 26, 1957; «The New York Times», June 9, 1957.

³ A. de Riencourt, The Coming Caesars, p. 5.

⁴ Ibid., pp. 6—8, 10.

бого опровержения. Возложение на трудящиеся массы ответственности за империализм, понимаемый в смысле внешнеполитической экспансии, и за ликвидацию демократических свобод («чем больше социального равенства, тем мрачнее перспективы свободы»¹, — декларирует Риенкур) — все это вполне в духе современного поклонника Шпенглера, Ницше и американского экспансионизма.

Сравнительное историческое исследование якобы убеждает, например, в том, что античный мир и Западная Европа вместе с США прошли будто одинаковый путь развития. Надо лишь сравнивать, оговаривается Риенкур, «не столько исторические факты, сколько их символическое значение»².

В книге идут вереницей самые произвольные сопоставления древнеримского царя Тарквиния с Карлом I английским, века Перикла с веком Просвещения. В Греции и Европе, оказывается, преобладал культ красоты и теории, в Риме и США — морали и полезности. Эпоху эллинизма Риенкур сравнивает с «викторианской эрой» в Англии, с эпохой промышленного капитализма, на том основании, что, мол, и в ту и другую эпоху появилась склонность к комфорту, гигиене, мощению мостовых и т. п. Древняя Греция, по мнению Риенкура, — это Европа нового времени, а древний Рим воплотился вновь в Англии совместно с США. Экспансия Рима находит аналогию в движении американцев на западные земли в XIX веке, Цезарь — в Линкольне, а Брут — в актере Бутсе, убийце президента. Риенкур заботливо находит даже «параллель» в «росте» филантропических чувств у римских богачей и современных уолл-стритовских магнатов капитала³.

«Короткий смысл длинных речей» (говоря словами немецкой пословицы) Риенкур особо ясно раскрывает в том разделе книги, где проводится детальная «параллель» между Римом периода конца Республики и современными Соединенными Штатами. Эта параллель, по мнению Риенкура, должна доказать необходимость и неизбежность американского господства в капиталистическом мире. В этой связи Риенкур невольно раскрывает те планы, которые со времени второй мировой войны вынашивают наиболее агрес-

¹ A. de Riencourt, *The Coming Caesars*, p. 5.

² *Ibid.*, p. 11.

³ *Ibid.*, pp. 95, 97, 166, 181—183.

сивные круги американских монополий. План Маршалла был, по разъяснению Риенкура, первым шагом на пути включения Западной Европы в «новую имперскую систему», а создание НАТО является «наиболее близким приближением к реалистическому «римскому» порядку, предпринятым в новое время, и, следовательно, самым явственным результатом принятия Америкой роли безусловного вождя западной цивилизации. ... НАТО — это утонченный вид римского владычества, приспособленный к более изощренным временам, когда сила выступает не грубо обнаженной, а в разумно прикрытом виде». Командование НАТО «может с непреодолимой силой подавить недовольство любой европейской нации». Однако образование НАТО — это лишь начало дела. Ныне от Кореи до Японии, Окинавы, Филиппин и Южного Вьетнама Америка переходит «к созданию новой границы для замены рушащейся системы европейских баз и колоний»¹.

С помощью антиисторических «параллелей» поборник создания мировой американской империи обрушивается на национально-освободительное движение как на якобы реакционные попытки возродить угасшие цивилизации или образ жизни, устаревший в результате современного технического прогресса². Лживые сравнения нужны реакционеру Риенкуру для фальшивого изображения борьбы двух систем в современную эпоху. «Обосновывая» притязания американских монополий на владычество в капиталистическом мире, Риенкур ссылается на необходимость «борьбы против чуждых идеологий и нового варварства»³, как он клеветнически именуется социалистические страны. Более того, изумленный читатель узнает, что СССР и другие социалистические страны играют ныне ту же роль, которая принадлежала в древности... Парфянскому царству. Доказательства? Древний Рим вел борьбу с Парфией, а империалистический лагерь ныне ведет борьбу против социалистических стран. Не очевидно ли после этого, что международное коммунистическое движение имело прототипом... сторонников понтийского царя Митридата (I в. до н. э.) и что классовая борьба пролетариата против буржуазии — это лишь «поверхностное» отражение «мистического» кон-

¹ A. de Riencourt, *The Coming Caesars*, pp. 301, 306—308, 310—311.

² *Ibid.*, p. 322.

³ *Ibid.*, p. 306.

фликта «враждебных цивилизаций»¹. Но довольно! Мы и так слишком долго останавливались на тех монбланах абсурда, к которым сводится в своем последовательном применении метод фальшивых параллелей в новейшей буржуазной историографии. Легко убедиться также, что в этом абсурде «есть своя система» — система обоснования антинародной политики империалистической реакции, оголтелой клеветы против сил прогресса и социализма.

Взгляды Риенкура, конечно, считаются «крайними». С ними не согласится большинство буржуазных исследователей. Однако похвалы, расточавшиеся книге Риенкура, обнаруживают еще один метод «насыщения» буржуазной историографии реакционными, антинаучными вымыслами. Признавая «крайности» работ типа книги Риенкура, буржуазная историография постепенно вбирает в себя из них то, что объявляется «рациональным зерном», но что по сути дела представляет собой такую же фальсификацию истории, как и другие, отбрасываемые «крайние» выводы. Так сравнение «в общих чертах», а не в деталях античного и современного капиталистического общества, очень нередкое в буржуазной историографии, ничего не меняет в антиисторической сути проводимой параллели. Подобную сознательную или бессознательную тактику «пропитывания» академической науки заведомыми фальсификаторскими крайностями, которые она формально критикует, можно обнаружить во многих вопросах истории рабочего движения, а также империализма, фашизма, второй мировой войны и др. С конкретными примерами этого нам не раз придется столкнуться ниже.

Буржуазная историография «вбирает» в себя и многие апологетические выводы смежных дисциплин, прежде всего экономики, социологии и демографии. Давно опровергнутые марксистской критикой антинаучные выводы социологов и экономистов о «стирании классовых граней», о возможности с помощью соответствующей финансовой политики и планирования преодолеть анархию производства и кризисы при сохранении капиталистического строя и т. п. вводятся в работы буржуазных историков в качестве аксиом, нуждающихся лишь в иллюстрации с помощью специально подобранного конкретного материала. Таким образом буржуазная историография, помимо собственных ме-

⁴ A. de Riencourt, *The Coming Caesars*, p. 298.

тодологических пороков, воспринимает и воспроизводит всю суть ложных концепций, господствующих в буржуазной экономике, социологии и других смежных научных дисциплинах.

Таковы вкратце основные методы и приемы фальсификации истории XX века, широко используемые новейшей реакционной историографией. Обратимся теперь к рассмотрению того, как с помощью этих приемов реакционная наука пытается извратить подлинную картину исторического развития в новое и особенно новейшее время.

Глава II

КРИТИКА РЕАКЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

1

Главная цель реакционной фальсификации новой и новейшей истории — апология современного капиталистического строя, которая осуществляется буржуазными учеными преимущественно при помощи теории «старого» и «нового» капитализма. Одной из главных составных частей этой фальсификации является полное извращение истории марксизма и революционного рабочего движения.

Буржуазная историография прежде всего пытается извратить причины возникновения марксизма, чтобы проложить дорогу к фальшивому изображению его исторического места, его роли в развитии человеческого общества.

Революционное мировоззрение рабочего класса — марксизм — возникло в Западной Европе в середине XIX века. Появление марксизма являлось закономерным результатом развития общества и общественной мысли. Создание теории научного коммунизма, усвоившей революционный опыт и завоевания революционной мысли всего человечества, было событием величайшего значения, составившим эпоху во всемирной истории. Марксизм появился тогда, когда крупная капиталистическая промышленность вовлекла в водоворот политической жизни массу сформировавшихся в класс индустриальных рабочих — современный промышленный пролетариат. Эпоха возникновения и первых десятилетий развития марксизма — это эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии и его выступления

в качестве самостоятельной силы на политической арене. В марксизме рабочий класс нашел истинный лозунг своей борьбы.

Марксизм — единое, цельное, всестороннее учение о развитии природы и общества. К. Марксом и Ф. Энгельсом были открыты общие законы развития общества, создано материалистическое понимание истории. Глубокий анализ внутренней сущности капитализма, который содержится в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, открытие ими законов капиталистического способа производства дают ключ к пониманию природы и особенностей капиталистического строя на всех этапах его развития и показывают историческую неизбежность замены капитализма более высоким социалистическим строем. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, «что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе»¹. Главное в марксизме — выявление всемирно-исторической миссии пролетариата как создателя социалистического общества.

Марксистское учение о социалистической революции и пролетарской диктатуре вооружило международный пролетариат ясным представлением перспектив развития революционного движения, уверенностью в своей способности уничтожить капиталистическое рабство и создать строй с общественной собственностью на средства производства, при котором будет ликвидирована эксплуатация человека человеком и создан безграничный простор для роста производительных сил на благо трудящихся масс.

Раскрывая всемирно-историческое значение марксистской теории, Ленин после победы Великой Октябрьской социалистической революции писал: «Теория марксизма, освещенная ярким светом нового, всемирно-богатого, опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по намечившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу»².

¹ В. И. Ленин, Фридрих Энгельс, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 5.

² В. И. Ленин, Завоеванное и записанное, Соч., т. 28, стр. 456.

В новую историческую эпоху В. И. Ленин теоретически обобщил огромный опыт, накопленный международным рабочим движением после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса. В трудах Ленина получили гениальное развитие все основные вопросы теории научного коммунизма, марксизм был поднят на новую, высшую ступень. Верный продолжатель дела Ленина — Коммунистическая партия Советского Союза, руководя строительством коммунизма в нашей стране, творчески развивает марксизм-ленинизм, обогащает его новыми идеями, раскрывая перед трудящимися массами конкретные перспективы перехода к коммунизму. Коммунистической партией Советского Союза всесторонне разработан вопрос о закономерностях перерастания социализма в коммунизм и другие вопросы, имеющие громадное теоретическое и практическое значение для исторических судеб всего человечества. Ценный вклад в идейную сокровищницу марксизма вносят также братские коммунистические партии. Программными документами творческого марксизма нашей эпохи являются Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий и Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая XXII съездом КПСС.

За более чем столетие, протекшее со времени создания теории научного коммунизма, она была подтверждена всем ходом исторического развития, марксистско-ленинская идеология овладела умами сотен миллионов людей во всех странах, стала могучим фактором в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм.

Невиданный триумф великого марксистского учения вызывает отчаянные попытки буржуазных идеологов изобретать все новые и новые «опровержения» марксизма. В области исторической науки эти тщетные потуги проявляются в форме фальсификации причин возникновения и развития марксизма и рабочего движения. Эту неблагодарную задачу различные реакционные историки пытаются решить по-разному. Здесь можно наметить даже существование нескольких «школ», имеющих общие корни и общую цель, но расходящихся в приемах искажения истины.

1. Часть буржуазных авторов сохраняет точку зрения старой реакционной историографии на марксизм как на какую-то «вредную секту». Корни подобных воззрений можно отыскать в сочинении прусских полицейских чиновников Штибера и Вермута «Коммунистические заговоры

XIX века», опубликованном свыше ста лет назад. В. И. Ленин нанес сокрушительный удар по этому извращению исторической действительности. Ленин показал, что марксистское учение ответило на вопросы, поставленные передовой общественной мыслью, что оно «возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма.

...Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма¹. Эти три источника органически связаны с тремя составными частями марксизма — законченным философским материализмом, экономической теорией, учением о классовой борьбе.

Ныне о рабочем движении как «зловредной марксистской секте» пишут лишь нефашисты в различных европейских странах и их маккартистские коллеги в США, рисующие даже революцию 1848—1849 годов в Германии как следствие интриг узкого слоя «бунтовщиков», не связанного с народом², а К. Маркса и Ф. Энгельса изображающие то в виде преемников «конспираторов» и «заговорщиков» первой половины XIX века, исчезнувших в связи с ростом рабочего движения³, то в виде организаторов всемирного «коммунистического заговора», осуществление которого взяли на себя русские большевики⁴. На еще более низком уровне находятся «исследования» по истории марксизма, принадлежащие перу небезызвестного главы ФБР Э. Гувера. По его разъяснению, К. Маркс просто не хотел «заниматься производительным трудом», чтобы накормить свою семью, а вместо этого, воспользовавшись некоторыми «социальными неполадками» и будучи по натуре диктатором, организовал «зловредный заговор для захвата власти»⁵. Зародившись в недрах прусской полиции, эта концеп-

¹ В. И. Ленин, Три источника и три составных части марксизма, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 40—43.

² См. R. Stademann, Soziale und politische Geschichte der Revolution von 1848, München, 1948, S. 6 f.

³ См. G. Almond, The Appeals of Communism, Princeton, 1954, p. 11.

⁴ См. S. Possony, A Century of Conflict. Communist Techniques of World Revolution, Chi., 1953.

⁵ См. J. E. Hoover, Masters of Deceit. The Story of Communism in America, L., 1958, pp. 13, 17, 23, 330 and next.

ция в своем вполне первобытном виде перекочевала в американскую охранку: та же «глубина мысли», те же полицейские «методы убеждения». Однако буржуазная «академическая» наука пытается отыскать аргументы, пригодные для использования не только в полицейском участке.

2. Некоторые буржуазные историки, не прибегая к полицейским аргументам, тем не менее вполне солидаризируются с «концепцией» Штибера—Гувера, заявляя, что марксизм не имел никаких исторических корней. Так, Д. Брoген уверяет, что «„Коммунистический манифест“ был в 1848 году такой же утопией, как любое высказывание Оуэна и Фурье». Почему? Да потому, что, оказывается, кроме Англии, нигде не было пролетариата. Во Франции работники — в большинстве ремесленники — могли быть «лишь орудием буржуазии, но были беспомощны сами по себе», в Пруссии — это были послушные подданные полицейского государства¹. У Брoгена метод фальсификации, как мы видим, очень несложен: используя тот факт, что промышленный пролетариат еще недавно сформировался как класс, что фабричные рабочие составляли меньшинство, просто-напросто отрицать существование пролетариата в середине XIX века повсюду, кроме Англии, и на этом основании объявить об отсутствии корней у марксизма. Но если подобный метод фальсификации несложен, то еще более просто вывести его авторов на чистую воду. Ведь в научной литературе давно уже собраны данные, характеризующие состав и численность рабочего класса накануне революции 1848 года и полностью опровергающие сказку об «отсутствии пролетариата»². Именно легкость, с которой можно опровергнуть этот вымысел, видимо, и помешала концепции Брoгена и его единомышленников получить широкое распространение в буржуазной историографии. Чаше ее используют в виде дополнительного привеска к другим фальсификаторским теориям.

3. Третья группа историков действует «тоньше». Она «признает» закономерность появления марксистского учения и революционного рабочего движения, но доказывает, что они возникли потому, что в Западной Европе появление капитализма не сопровождалось утверждением демокра-

¹ См. D. Brogan, *The Price of Revolution* p. 33.

² См., например, коллективный труд советских историков «Революции 1848—1849 гг.», Под ред. проф. Ф. В. Потемкина и проф. А. И. Молока, т. I — II, Изд-во АН СССР, 1952.

тии (монархия, отсутствие во всех странах всеобщего избирательного права, а в ряде мест сохранение абсолютизма, сословных привилегий, политического неравноправия рабочих, запрещение образования профсоюзов и т. д.). Рабочее движение, разъясняя на этом основании буржуазные и реформистские историки вроде австрийского правого социалиста, подвизавшегося в США, А. Штурмтала, возникло для борьбы прежде всего против социального принижения, а не экономической эксплуатации. Феодализм с его замкнутыми сословиями создал у рабочих представление о четко определенных классах, феодальная традиция внедрила в сознание европейских рабочих убеждение, что они живут в классовом обществе, где они занимают самую низкую ступень социальной лестницы. При организации профсоюзов рабочие сталкивались с государственной властью, которая, следуя «феодальной традиции», рассматривала эту организацию как подготовку мятежа. Социалистическое движение и поставило своей задачей борьбу против пережитков феодализма там, где ее не завершили либералы, потерпев поражение или пойдя на сделку с феодальной реакцией¹. Марксистское же революционное мировоззрение было воспринято рабочими якобы опять-таки в силу того, что реальными противниками был феодализм и абсолютизм, применявшие силу при решении социальных проблем.

Некоторые реакционные историки типа Г. Кона договариваются до того, что, мол, например, в Германии был естественным «союз» пролетариата с буржуазией, но союза не получилось, и германское рабочее движение восприняло марксистскую идею пролетарской революции, потому что... оно следовало примеру прусского милитаризма, подавив-

¹ См. A. Sturmthal, *Unity and Diversity in European Labor*, Glencoe (Ill.), 1953, pp. 22—23, 25, 32—33, 214. Следуя этой теории, многие американские историки уверяют, что, мол, поскольку США не знали феодализма, в Америке не было и почвы для социалистического движения. (См. L. Hartz, *The Liberal Tradition in America*, p. 6 and next.) К тому же часть буржуазных историков повторяет старую ложь оппортунистов о том, будто существует принципиальная разница между «крайними» взглядами, которых придерживался К. Маркс в молодости, и более «умеренными» — в последующее время. После этого 50-е годы XIX в. фальшиво изображаются как «якобинско-бланкистский» период в развитии марксизма. (См., например, J. Lichtheim, *Marxism An Historical and Critical Study*, L., 1961.)

шего оппозицию внутри станы и объединившего Германию военной силой. Что же касается России, то, по разъяснению этих историков, там вообще не было «сколько-нибудь значительной буржуазии» (1) и марксизм был идеологией борьбы против царского самодержавия¹. Есть и ссылки на то, что марксизм — это идеология рабочих в тех странах, где не был развит буржуазный парламентаризм и местное самоуправление². Даже интернационализм рабочих в борьбе против капитала якобы объясняется «единством» монархов Священного Союза, против которых вели борьбу в первой половине XIX века демократические силы в Европе³.

Во всех этих рассуждениях реакционных историков вымыслы перемешаны с частичками правды, чтобы создать видимость правдоподобия для этой глубоко антинаучной и антиисторической теории. Правдой является то, что буржуазия в ряде европейских стран не довела до конца борьбу против феодализма и в страхе перед пролетариатом пошла на сохранение серьезных феодальных пережитков. Правдой является и то, что рабочему движению приходилось вести упорную борьбу за завоевание демократических свобод. Вымыслы начинаются там, где буржуазные историки утверждают, что политическое движение пролетариата родилось в борьбе не против господствующего капиталистического строя, а против остатков феодализма. Несмотря на всю незрелость пролетариата, определявшуюся социально-экономическими условиями той эпохи и его неподготовленностью к пролетарской революции, он поднимался на борьбу против капитализма как такового. Движение чартистов в Англии (30—50-е гг. XIX в.) — первое самостоятельное политическое движение пролетариата в масштабе страны — ставило задачей завоевание политической власти для коренного перераспределения собственности. В 1848 году, по словам Ф. Энгельса (полностью подтвержденным результатами последующего научного исследования)⁴, «парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно оп-

¹ См. «German History. Some New German Views». Ed. by H. Kohn, Boston, 1954, p. 62.

² См. W. E b e n s t e i n, Political Thought in Perspective, N.Y., 1957, p. 527.

³ См. H. H o l b o r n, The Political Collapse of Europe, N.Y., 1951, p. 36.

⁴ См. «Революции 1848—1849 гг.», т. I — II.

ределенное намерение свергнуть и буржуазный строй»¹. Выступление парижских рабочих в июне 1848 года было направлено против правительства буржуазной республики и являлось первой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией. Власть Парижской Коммуны 1871 года была установлена французскими рабочими в борьбе против буржуазного правительства Тьера и ставила целью революционное ниспровержение капиталистического строя.

В различных учениях домарковского социализма, распространенных в рабочей среде, был уже поставлен, хотя и в незрелой форме, вопрос о ликвидации капиталистической эксплуатации. Марксизм, превратившийся в господствующую идеологию пролетариата, обогатил его величайшим лозунгом, который подвел итоги развитию социализма и рабочего движения, лозунгом, который выражается понятием: диктатура пролетариата². О том, что российский пролетариат во главе с марксистской партией не только в феврале 1917 года опрокинул царское самодержавие, но и в октябре 1917 года сверг власть капитала, знает всякий, кроме тех, кто не желает слышать об общеизвестных фактах.

4. Большинство буржуазных историков учитывает полную бездоказательность теории Штурмтала и его единомышленников. Частично используя ее в своих построениях, они хотели бы представить рабочее движение направленным против пороков, свойственных ранней стадии развития капитализма, и ставившим конечной целью утверждение буржуазной демократии.

Буржуазные ученые, как отмечал недавно, подытоживая их взгляды на историю революционного рабочего движения и социализма в XIX веке, журнал Американской исторической ассоциации, «доказывают, что на заре промышленного развития нации происходит «подъем радикализма» и что, как только экономика с помощью большого «первоначального толчка» преодолевает эти ранние трудности, протест неизбежно сходит на нет»³. Иначе говоря; рабочее движе-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Предисловие к итальянскому изданию 1893 года, Госполитиздат, 1955, стр. 28.

² См. В. И. Ленин, Третий Интернационал и его место в истории, Соч., т. 29, стр. 281; его же, Очередные задачи Советской власти, Соч., т. 27, стр. 235.

³ «American Historical Review», 1958, Jan., p. 344.

ние якобы носит революционный характер только при своем зарождении, в эпоху промышленного переворота¹.

В этой связи «по-новому» освещается история чартистского движения в Англии — массового классово-самостоятельного движения английского пролетариата в 30—50-х годах XIX в., бывшего, по характеристике Ленина, подготовкой, предпоследним словом к марксизму². В новейших буржуазных работах чартизм предстает не как могучее движение против капитализма за социальное переустройство общества, а как бунт отчаяния ремесленников, гибнущих от конкуренции фабричного производства, и рабочих, временно не сумевших приспособиться к торжествующему капитализму³. Марксизм, уверяют буржуазные историки, — это идеология, порожденная особенностями раннего периода индустриализации, и только в этот период, как правило, она может быть воспринята рабочим движением⁴.

На чем же основывают свои утверждения буржуазные историки? Во-первых, на том, что марксизм возник в середине XIX века. Англия, мол, была в тот период олигархией, Франция — империей. В крайнем случае марксизм мог основываться на анализе экономики свободной конкуренции, которой «больше не существует»⁵. Лейбористы Д. Коул, Р. Кроссмен и др. даже доказывают, что К. Маркс просто на основе анализа «исключительного» развития Англии в первой половине XIX века сделал неправильные обобщения, что марксизм — это просто антипод «фритредерского либерализма» и является одной из утопий, вызванных условиями промышленной революции, что исторический материализм порожден именно этими особыми условиями эпохи, когда политика свободной торговли

¹ См. H. Seton-Watson, *Neither War nor Peace*, pp. 136—137.

² См. В. И. Ленин, *О компромиссах*, Соч., т. 30, стр. 458.

³ См. например, N. J. Smelser, *Social Change in the Industrial Revolution*, L., 1959; «*Chartist Studies*» by A. Briggs (Ed.), L., 1959.

⁴ См. W. Rostow, *The Stages of Economic Growth*, pp. 72, 150—152 and next.; A. Ullam, *The Unfinished Revolution. An Essay on the Sources of Influence of Marxism and Communism*, N.Y., 1960 (в дальнейшем: «*The Unfinished Revolution*»).

⁵ См. J. Plametz, *German Marxism and Russian Communism*, L.—N.Y., 1954, p. 168 and next.; F. Sternberg, *Marx und die Gegenwart*; J. Fettscher, *Von Marx zur Sowjetideologie*, Er. am M., 1959, S. 33.

породила «иллюзию о решающей роли» экономики или производственные отношения и действительно быть может временно определяли ход политического развития, государство являлось орудием собственников капитала¹, а неравенство доходов усиливалось².

Такие авторы, как Хук, готовы признать, что марксистский анализ относится не только к Англии³, а по Росту — даже, что марксизм может объяснить не только эпоху, когда жил К. Маркс. Но все эти авторы сходятся на утверждении, что марксизм относится лишь к обществу, находящемуся на сравнительно ранней стадии индустриализации, будь то Англия середины XIX века или некоторые страны Азии или Африки в XX столетии⁴. В отношении же последующих периодов развития, уверяют буржуазные историки, марксизм «неприменим», поскольку происходит пресловутое превращение «старого» капитализма в «новый», «демократический» капитализм.

Таким образом, буржуазные историки из того факта, что марксизм возник в середине XIX века, пытаются представить его основные положения относящимися только к особенностям эпохи промышленного капитализма или же раннего периода индустриализации в каждой отдельно взятой стране, но не к сущности капиталистического способа производства. Однако на деле то, что К. Маркс жил в эпоху домонополистического капитализма, лишь еще более подчеркивает все величие гения основоположника научного коммунизма, сумевшего уже в этот период вскрыть все главные законы, присущие капиталистической формации, и научно предвидеть ее последующий путь.

К. Маркс творил в период подъема и утверждения капитализма в передовых странах. Несмотря на то что капитализму предстояло еще пройти сравнительно длительный

¹ См. G. Cole, *The Meaning of Marxism*, L., 1948, p. 13; R. H. S. Crossman, *Government and the Governed*, pp. 231—233; H. Mayo, *Democracy and Marxism*, N. Y., 1955, p. 293 and next.; A. Ullam, *The Unfinished Revolution*, pp. 90, 134 and next.; J. Lichtheim, *Marxism*, p. 404—406.

² См. S. Kusnets, *Economic Growth and Income Inequality*, «*American Economic Review*», 1955, March, p. 27.

³ См. S. Hook, *Marx and the Marxists. The Ambiguous Legacy*, N. Y., 1955, pp. 35—36; W. Rostow, *The Stages of Economic Growth*, p. 152.

⁴ См. A. Ullam, *The Unfinished Revolution*, pp. 9—10 and next.

путь исторического развития, уже в середине XIX века буржуазный способ производства завоевал господство в ряде западноевропейских стран и США. К. Маркс, анализируя современный ему капитализм, изучал сущность и главные противоречия капиталистического способа производства. Эти непримиримые противоречия, заложенные в природе капитализма, обрекают его на исторически неизбежную гибель под ударами пролетарской революции, коренной задачей которой является ликвидация капиталистической формации и создание нового общественного строя — коммунизма.

К. Маркс проследил развитие капитализма от зарождения до его высших форм, до крупного производства. Исследуя «законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества»¹. Для К. Маркса в «Капитале» была существенной не более или менее высокая ступень развития антагонизмов, которые вытекают из законов капиталистического производства. Существенным было установление самих этих законов и тенденций, действовавших и проявлявшихся во всех капиталистических странах. Именно поэтому К. Маркс в качестве иллюстраций для своих теоретических выводов взял наиболее развитую капиталистическую страну того времени — Англию, в которой в силу ряда исторических особенностей многие тенденции капиталистического развития проявлялись в их «классическом», «чистом» виде². К. Марксом были открыты и специфические законы различных социально-экономических формаций. Закономерности развития капиталистической формации, открытые К. Марксом, сохраняют свое действие на протяжении всей истории капитализма. Наряду со специфическими законами определенных формаций К. Маркс доказал существование общесоциологических законов, таких как закон об определяющей роли способа производства в развитии общества и закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Общесоциологические законы действуют на протяжении всей

¹ В. И. Ленин, Задачи союзов молодежи, Соч., т. 31, стр. 261—262.

² См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 4.

истории общества. Марксизм, по словам В. И. Ленина, «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»¹. В свете этого становится ясной полная несостоятельность доводов буржуазных историков, будто исторический материализм является теорией, приложимой только к XIX веку. Исторический материализм — наука об общих законах общественного развития на протяжении всей истории человечества.

Исторический материализм доказал, что способ производства является определяющей силой общественного развития. История XX века это подтверждает не менее, чем история XIX столетия. То обстоятельство, что ныне буржуазное государство вмешивается в экономическую жизнь, не опровергает, а лишь еще более ярко демонстрирует решающую роль «экономики». Это вмешательство, осуществляемое в интересах монополистического капитала, является, в конечном счете, результатом конфликта между уровнем развития производительных сил и буржуазными производственными отношениями. В стремлении найти выход из этого противоречия буржуазия усиливает эксплуатацию трудящихся, проводит милитаризацию страны и т. п., для чего она и использует в качестве своего орудия буржуазное государство. В эпоху империализма, по глубокой характеристике Ленина, происходит перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм². Этот процесс целиком определяется законами капиталистического развития, открытыми К. Марксом и В. И. Лениным.

Вмешательство капиталистического государства в экономическую жизнь не только не меняет, но еще более подчеркивает его характер эксплуататорского государства, который был вскрыт в трудах К. Маркса. Современное буржуазное государство вне зависимости от форм государственного устройства вполне сохраняет свою роль орудия в руках класса капиталистов для подавления трудящихся масс.

Буржуазные историки уверяют, будто марксизм игнорирует перемены, происшедшие в капиталистическом об-

¹ В. И. Ленин, Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 41.

² См. В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 382.

шестве за последние сто лет. В действительности все обстоит как раз наоборот. Основоположниками научного коммунизма были впервые «открыты законы этих изменений, показана в главном и в основном объективная логика этих изменений и их исторического развития»¹. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса были заложены основы, опираясь на которые можно было дать подлинно научный анализ новой стадии в развитии капитализма, наступившей в конце XIX — начале XX века. Как известно, этот труд был выполнен В. И. Лениным, развившим марксистское учение применительно к условиям новой эпохи.

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное,—указывал В. И. Ленин,—мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»².

В трудах В. И. Ленина содержится глубокий научный анализ изменений, происшедших в капитализме в XX веке, изменений, подлинный смысл которых стремятся замаскировать буржуазные и реформистские апологеты капитализма.

Ленин доказал, что современный капитализм — это монополистический, загнивающий, умирающий капитализм, что империализм является высшей и последней стадией капитализма. В. И. Лениным был открыт закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в империалистическую эпоху и сделан на основании этого гениальный теоретический вывод о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране. Ленинским анализом перемен, которые претерпел капитализм в ходе своего развития, было доказано, что они несколько не изменили сущности буржуазного строя и что законы капиталистического способа производства, открытые К. Марксом и Ф. Энгельсом, продолжают действовать в современную эпоху. Новые явления в капиталистической экономике еще более ярко подтверждают ленинский анализ, показывая,

¹ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 345.

² В. И. Ленин, Наша программа, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 184.

что происходит процесс дальнейшего загнивания, обострения противоречий и ослабления позиций империализма.

Великое учение марксизма, развитое в трудах Ленина и его учеников, успешно выдержало проверку временем. Всемирная история за последние сто лет неопровержимо доказала правильность марксистского предвидения тенденций развития капиталистического строя. Всепобеждающая сила учения марксизма в том, что оно верно. Марксистско-ленинская теория овладела умами сотен миллионов людей и превратилась в гигантскую материальную силу. Создание и быстрое развитие мировой социалистической системы является неопровержимым свидетельством правоты К. Маркса, предсказавшего исторически неминуемую смену капиталистического строя новым общественным строем — коммунизмом.

2

Последняя треть XIX века — время развития рабочего движения вширь. В борьбу втягивались миллионы пролетариев в различных странах Западной Европы и в США. Серьезный подъем переживало рабочее движение в Германии в конце 80-х годов, в США в 1875—1877 годах и снова в конце 80-х — начале 90-х годов, во Франции и ряде других стран. Буржуазные репрессии оказались бессильными «искоренить» социалистическое рабочее движение. Задачей рабочего движения было в то время, не поддаваясь на авантюристические призывы со стороны анархистов, «совершать революцию», для которой еще не созрели предпосылки, копить силы, вести упорную повседневную подготовку в теоретическом, организационном и политическом отношениях к будущим революционным сражениям. В этот период марксизм одержал окончательную победу над всеми формами домарковского социализма, овладел сознанием миллионов пролетариев и завоевал господствующие позиции в рабочем движении. Возникли массовые социалистические партии, стоявшие в основных вопросах на революционных, марксистских позициях. Миллионы рабочих влились в профсоюзы, ставшие серьезным фактором в политической жизни многих капиталистических стран. Рабочий класс медленно, но неуклонно сплывался в армию грядущей социалистической революции. С наступлением эпохи империализма материальное положение ра-

бочего класса, остававшееся сравнительно стабильным в течение предшествующих двух-трех десятилетий, стало серьезно ухудшаться вследствие усиления интенсивности труда и роста дороговизны. Одновременно с усилением эксплуатации основной массы пролетариев монополистический капитал ставил в привилегированное положение рабочую верхушку, составлявшую в наиболее развитых странах около десятой части пролетариата. Рабочая аристократия стала главным питательным источником оппортунизма.

В начале XX века центр международного революционного движения переместился в Россию, бывшую сосредоточением всех противоречий империализма. Первая русская революция 1905—1907 годов пробудила к борьбе угнетенные народы Азии. Влияние русской революции и подъем национально-освободительного движения в странах Азии способствовали усилению рабочего движения в капиталистических странах. Октябрьская всеобщая политическая стачка в России послужила примером для проведения всеобщих стачек в Австро-Венгрии, Швеции, Бельгии. Мощный подъем стачечной борьбы происходил в Англии, США, Италии, Испании. Во многих странах Европы начала складываться революционная ситуация.

Вся эта картина исторического развития рабочего движения до неузнаваемости искажается в новейшей исторической литературе. Если в старых работах буржуазных историков слышались непосредственные отзвуки страха, который испытывали правящие классы в конце XIX — начале XX века перед «новой коммуной», то теперь реакционная историография хотела бы представить рабочее движение тех десятилетий ничуть не направленным против основ капитализма.

С этой целью буржуазная историография, во-первых, упорно цепляется за миф о неуклонном повышении жизненного уровня рабочего класса¹, хотя этому противоречат даже данные официальной статистики. Миф об улучшении жизни пролетариата был полностью разоблачен в трудах В. И. Ленина. В работах историков-марксистов собран огромный фактический материал, неопровержимо доказывающий лживость апологетической легенды о коренном улучшении жизни трудящихся масс в конце XIX — начале

¹ См. А. Мейер, *Marxism*, p. 71; Н. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, p. 17.

XX века. Буржуазная историография просто-напросто либо голословно повторяет свой апологетический тезис, либо ссылается на положение рабочей аристократии наиболее богатых капиталистических держав, грабивших сотни миллионов людей в колониях, либо же, наконец, ограничивается рассмотрением динамики заработной платы, игнорируя роль интенсификации труда (система Тейлора и т. п.), ухудшения жилищных условий, роста безработицы, усиления национального гнета, а также разорение кустарей и ремесленников и т. д. С конца XIX века усилилось не только относительное, но и абсолютное обнищание пролетариата. Так, по данным германской статистики, которые приводил Ленин в 1912 году, за предшествовавшие 30 лет стоимость жизни выросла на 40%, а заработная плата — лишь на 25% ¹.

Аналогичной была картина в Англии. Так, например, по официальным заведомо преуменьшенным данным, среднее повышение стоимости жизни в 88 английских городах с октября 1905 по октябрь 1912 года составляло 13,7% ², на деле достигая 20%, тогда как номинальная заработная плата оставалась стабильной или в лучшем случае увеличилась на 2—3%, да и это увеличение было добыто рабочими в результате упорной стачечной борьбы. Растущая нищета рабочих еще более отчетливо оттенялась колоссальным увеличением богатства капиталистов.

Таким образом, мнимое резкое повышение благосостояния рабочих масс в конце XIX — начале XX века, о котором трубит буржуазная историография, — не более чем апологетический вымысел. А между тем он образует краеугольный камень дальнейших фальсификаторских утверждений буржуазных историков об оппортунистическом перерождении всего пролетариата и рабочего движения. Впрочем, буржуазные ученые пытаются найти и дополнительные мотивы этого мнимого «перерождения». Прежде всего марксизм, оказывается, напрасно приписывает пролетариату передовую политическую роль, которую тот отказался принять на себя еще в 1848 году ³. Для тех, кто не поверит этому, есть под рукой и другое объяснение, что пролета-

¹ См. В. И. Ленин, Обнищание в капиталистическом обществе, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 221.

² См. «Cost of Living of the Working Classes», L., 1913, p. XXIX.

³ См. «Problems of Communism», 1958, N₀6, p. 28; A. М e y e r, Leninism, Cambr. (Mass.), 1957, p. 26.

риат убедился на ряде попыток в невозможности революционным путем свергнуть капиталистический строй и поэтому встал на путь реформизма¹, или что, мол, «революционный миф» не мог выдержать столкновения с реформистским обществом². Среди буржуазных исследователей модным стало утверждать, как это делает, например, известный западногерманский историк Г. Риттер, что пролетариат в этот период, в частности в Германии, «врастал» в капиталистический строй³. Более того, буржуазные историки утверждают, что якобы всякое революционное движение имеет тенденцию к превращению в реформистское движение и что это следствие самой природы человека, который быстро разочаровывается в возможности достижения идеала⁴. Массовое движение, придерживавшееся вначале революционной догмы, но ведущее на деле будничную борьбу за реформы, мол, «должно» встать на путь ревизионизма, как это сделал Бернштейн, чтобы как-то прикрыть пропасть между теорией и практикой⁵.

Все эти псевдонаучные объяснения неизбежности оппортунизма не имеют ничего общего с действительностью. Подготовка сил к грядущему штурму капитализма с помощью «мирной» будничной работы (в том числе и с помощью завоевания и использования в своих целях частичных реформ) нисколько не меняет революционного характера пролетарского движения. Достаточно только напомнить историю коммунистических партий, которые, действуя в условиях капитализма, использовали все легальные возможности и вели последовательную борьбу за экономические и политические интересы пролетариата в рамках буржуазного строя и которые в то же время никогда не сходили с революционного пути, а всей своей «мирной» работой готовили рабочий класс к социалистической революции. Вся история

¹ См. «Revue socialiste», 1957, juil., p. 205; P. G a y. The Dilemma of Democratic Socialism. Eduard Bernstein's Challenge to Marx, N.Y., 1952, pp. 100—102 and next. (в дальнейшем: «The Dilemma of Democratic Socialism»).

² «Soviet Survey», 1960, Apr. — June, p. 6.

³ См. G. R i t t e r, Die Arbeiterbewegung in Wilhelminischen Reich. Die Sozialdemokratische Partei und die freien Gewerkschaften 1890—1900, B., 1959, S. 227.

⁴ См. O. F l e c h t h e i m, Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik, Offenbach am Mein, 1948, S. 4.

⁵ См. C. G n e u s s, Eduard Bernstein, How it All Began, «Soviet Survey», 1960, Apr. — June, pp. 14—15.

международного коммунистического движения полностью опровергает лживый «закон отказа от революционности», изобретенный реакционными историками.

Буржуазная историография любит также ссылаться на «консерватизм профсоюзов». Как известно, одной из особенностей развития рабочего движения в Западной Европе было то, что профсоюзы возникли там задолго до появления рабочих партий и длительное время выступали главными или даже единственными защитниками не только экономических интересов, но и политических прав своих членов. В конкретно-исторических условиях второй половины XIX века деятельность профсоюзов не развивалась по прямому революционному пути. Профсоюзы носили цеховой характер, нередко объединяли только высококвалифицированных рабочих, порой были расколоты по политическому, национальному и другим признакам. Как указывал Ленин, профсоюзы сыграли большую прогрессивную роль в первоначальном объединении пролетариата, но в новых условиях, после появления революционных партий, «профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитизму, некоторую косность и т. д.»¹. Руководство социалистических партий не проводило последовательной политики в профсоюзном вопросе, а позднее капитулировало перед оппортунизмом, в результате чего господствующие позиции в профсоюзах сохранялись в руках реформистской верхушки. Как известно, прямо противоположных результатов добились работой в профсоюзах большевики, а впоследствии и другие коммунистические партии. Международное коммунистическое движение на практике доказало, что при правильном руководстве со стороны партии профсоюзы способны сыграть крупнейшую роль в революции и строительстве коммунистического общества.

Буржуазные историки, всячески выпячивая некоторые реакционные черты, свойственные профсоюзам в последние десятилетия XIX века, утверждают, будто в этот период все рабочее движение было по существу тред-юнионистским движением, боровшимся «за социальную справедливость в рамках существующего строя»².

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 32.

² А. Мейер, Marxism, p. 124.

Стихийное развитие рабочего движения ведет, как известно, к подчинению его буржуазной идеологии, в частности обычно к утверждению тред-юнионистских воззрений. Социалистическая идеология, отражающая классовые интересы пролетариата, возникает из науки и привносится в рабочее движение¹. Спекулируя на этом, буржуазная историография пытается утверждать, что якобы пролетариату были чужды идеи революционного социализма, что их разделяли лишь интеллигенты² и даже что будто Ленин, убедившись в «консервативности» рабочих, в работе «Что делать?» выдвинул идею о совершении революции вопреки воле пролетариата³. Нечего говорить о том, что все эти выдумки полностью противоречат истине. Одной из основ ленинской теории социалистической революции является тезис о том, что революция может быть успешной только в случае, если партия, руководящая ее проведением, опирается на полную поддержку рабочего класса.

Даже реакционные историки чувствуют неловкость, когда им приходится объяснять, каким образом можно совместить их теорию реформистского перерождения пролетариата с фактом повсеместного образования социалистических партий. Дело, оказывается, в том, что эти партии, мол, были ни революционными (если дело не шло о ликвидации пережитков феодализма), ни социалистическими. Буржуазные историки пытаются представить социалистические партии в конце XIX — начале XX века полностью реформистскими и националистическими и даже доказывают, что рост политической организованности пролетариата приводит якобы к понижению его революционности⁴.

Но в чем тогда причина, что пролетарская масса, якобы претерпевавшая эту реформистскую «метаморфозу», не только

¹ См. В. И. Ленин, Что делать? Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 38—41.

² См. «Problems of Communism», 1958, №6, p. 28.

³ См. W. R o s t o w, The Stages of Economic Growth, p. 159.

⁴ См. H. H e i d e g g e r, Die deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat. 1870—1920, Göttingen, 1956; P. G a y, The Dilemma of Democratic Socialism, pp. 102, 109; R. C o p e r, Failure of a Revolution, Cambr., 1955, p. 24; A. B e r l a u, The German Social-Democratic Party 1914—1921, N. Y., 1949; W. M a e h l, The Triumph of Nationalism in the German Socialist Party on the Eve of the First World War, «The Journal of Modern History», 1952, No 1; L. S h e l l, Unions in Germany, «The American Historical Review», 1953, Oct.

шла в рабочие партии, но и усвоила марксистскую идеологию, которой придерживались в этот период социал-демократические партии? Сознавая, что напрашивающийся ответ разрывает всю их сложную паутину фальсификации, буржуазные ученые спешат привести новые надуманные объяснения. Обычно в других случаях эти историки пишут о конце XIX века как о времени беспрецедентного подъема капитализма, который, мол, и подорвал революционность пролетариата.¹ Когда же речь заходит об образовании рабочих партий, часть буржуазных ученых выдумывает какую-то «двадцатилетнюю депрессию» (с 1875 по 1895 г.), которая, мол, и создала временно благоприятные условия для «усвоения марксистских идей»². Другие историки объясняют, что усвоение марксизма произошло... по недоразумению, что он остался мертвой буквой и что рабочие, повторяя марксистские формулы, обманывали как самих себя, так и своих противников³. Чувствуя, что подобное разъяснение вопроса очень смахивает на свидетельство о бедности, выданное реакционной историографией самой себе, буржуазные историки тщетно хватаются за любые нелепые «доводы». В частности, они пытаются анти-исторически применять к рабочему движению последней трети XIX века мерки империалистической эпохи — эпохи пролетарских революций и утверждают, что раз социалистические партии в прошлом столетии не делали попыток революционного переворота, «значит» они были реформистскими. О несостоятельности этой теории, заимствованной у анархистов, уже говорилось выше.

Оппортунизм — это отказ теоретически и практически от борьбы за революцию. Последние десятилетия прошлого века были временем не торжества оппортунизма, а, наоборот, периодом широкого распространения марксистского учения. Социал-демократические партии в этот период стояли в основном на позициях марксизма. Наиболее многочисленная и влиятельная из социалистических партий — социал-демократическая партия Германии переживала в 70—80 годах XIX в. «героический период», во время

¹ См. «The Consise Encyclopaedia of World History», p. 481; R. N. C a r e w H u n t, *Marxism. Past and Present*, L., 1954, pp. 167—168.

² См. A. M e y e r, *Marxism*, p. 123; P. G a y, *The Dilemma of Democratic Socialism*, p. 110.

³ См. A. S t u r m t h a l, *Unity and Diversity in European Labor*, pp. 33—35.

которого она твердо проводила принципиально революционную политику¹.

Чтобы как-то подкрепить свои выдумки, новейшая реакционная историография широко подхватила старую ложь оппортунистов, будто Ф. Энгельс в последние годы жизни положительно относился к оппортунизму². С этой целью, во-первых, письма Ф. Энгельса даются с купюрами, сделанными реформистами (которых уличили в этом подлоге уже много десятилетий тому назад), и, во-вторых, соображения Ф. Энгельса по поводу тактики рабочих партий в сравнительно мирный период развития капитализма (80 — начало 90 г. XIX в.) выдаются за свидетельство, будто великий вождь революционного пролетариата одобрял реформистский путь действий. Но факты упрямая вещь, и они неопровержимо свидетельствуют, что Ф. Энгельс в последние годы своей жизни вел страстную, непримиримую борьбу против оппортунизма. В 1891 году Ф. Энгельс счел нужным опубликовать написанную К. Марксом в 1875 году «Критику Готской программы», а затем написал знаменитое введение к «Гражданской войне во Франции», где на опыте Парижской Коммуны глубоко обосновал необходимость диктатуры пролетариата. Критикуя недостатки проекта Эрфуртской программы германской социал-демократической партии, великий друг и соратник К. Маркса разоблачил реформистскую идею о «врастании» капитализма в социализм и в то же время указал на возможность в определенных исторических условиях мирного течения социалистической революции. Бичуя реформизм, Энгельс решительно осуждал левацкие уклоны, догматизм и сектантство. В своих последних работах Энгельс еще более высоко поднял знамя пролетарской борьбы против милитаризма.

Не рассчитывая серьезно на успех в своих попытках исказить труды Ф. Энгельса, буржуазные историки пытаются сыграть на оппортунистическом падении лидеров II Интернационала, которых они выдают за ортодоксальных марксистов. Они уверяют, что руководители партий II Интернационала (Каутский и др.) искусственно поддерживали влияние революционного, марксистского учения, считая

¹ См. В. И. Ленин, Павел Зингер, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 145.

² См. «Soviet Survey», 1960, Apr. — May, pp. 16—17; «Russian Review», 1956, July (статья Б. Уолфа) и др.

его средством вымогать у господствующих классов¹. В действительности дело обстояло, как известно, совершенно по-иному. Именно вследствие революционных настроений рабочих масс, особенно после русской революции 1905 года, именно благодаря тому, что марксизм господствовал среди пролетариата, центристские руководители социал-демократических партий, скатываясь в болото оппортунизма, продолжали на словах клясться в верности революционному социализму. «Относительно «мирный» характер периода 1871 до 1914 г. давал питание оппортунизму сначала как *настроению*, потом как *направлению* и, наконец, как *группе или слою* рабочей бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков,— отмечал В. И. Ленин.— Эти элементы могли подчинять рабочее движение лишь таким образом, что они на словах признавали революционные цели и революционную тактику. Они могли завоевать доверие масс только путем клятвенных уверений, будто вся «мирная» работа является лишь *подготовкой* к пролетарской революции»².

Реакционная историография выдает идейную капитуляцию центристских лидеров социал-демократии типа Каутского перед бернштейнианством за поражение ортодоксального марксизма под натиском реформистов. Но Каутский и другие скатившиеся к оппортунизму вожди II Интернационала вовсе не были представителями ортодоксального марксизма. Подлинными революционными марксистами были В. И. Ленин и большевики, а также — хотя и непоследовательно — левое течение в социалистических партиях, резко критиковавшее центристских вождей за сдачу позиций реформистам.

Буржуазная историография стремится использовать в своих целях тот разрыв между словом и делом, который существовал в политике руководства западных социал-демократических партий, объясняя этот разрыв тем, что вожди якобы были марксистами, а рабочий класс тяготеет к реформизму³. И здесь буржуазные историки ставят вопрос с ног на голову, так как словесное признание революционных целей и тактики было у «вождей», перешедших в лагерь реформизма, средством, с помощью которого

¹ См. А. Меуег, *Marxism*, p. 131.

² В. И. Ленин, *Оппортунизм и крах II Интернационала*, Соч., т. 22, стр. 99.

³ См. А. Меуег, *op. cit.*, p. 125.

они стремились сохранить свое влияние на рабочие массы, поворачивавшие на путь активной революционной борьбы.

Когда исчерпываются и все эти «аргументы», буржуазные историки прибегают к уже знакомому нам маневру, утверждая, что если марксизм и распространился, то лишь в «недемократических» странах, что, если пролетариат и был революционным, то только в борьбе против пережитков феодализма (Германия, Австро-Венгрия) или за расширение буржуазной демократии¹. Последовательную борьбу пролетариата за демократические свободы как средства для борьбы за победу социализма фальсификаторы истории селятся выдать за доказательство «реформизма» и даже «антисоциалистических» настроений пролетарских масс. Такова «наука», такова логика буржуазных исследователей, когда они хотят во что бы то ни стало извратить историю революционного движения и «опровергнуть» марксизм!

Имеются, разумеется, и попытки объяснить революционность пролетариата с помощью плюралистской теории факторов, вывести ее из национальных особенностей, «традиций протеста», религиозных и культурных влияний, медленного роста городов — словом, всего, чего угодно, кроме капиталистической эксплуатации². Так, например, революционность французского пролетариата была, оказывается, только следствием якобинской традиции, которая превратилась в «рабочий империализм» (!) и сделала пролетариат «политически безумным», «предающим собственные интересы», одурманивающим себя «революционным опиу-

¹ См. G. Cole, *The Second International 1889—1914*, vol. 1—II, L., 1956; J. Brauntal, *The Historical Significance of the Socialist International*, «Indian Quarterly», 1955, Apr.—June, p. 131; L. Lorwin, *The International Labor Movement. History, Policies, Outlook*, N.Y., 1953, p. 22 (в дальнейшем: «The International Labor Movement»); D. Flechtheim, *Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik*, SS. 5—6; J. Macek, *An Essay on Impact of Marxism*, Pittsburg, 1955, pp. 8—10, 13; A. Ullam, *The Unfinished Revolution*, p. 167 and next.

² См. V. Lorwin, *Working Class Politics and Economic Development in Western Europe*, «American Historical Review», 1958, Jan., pp. 350—351. (Ср. C. Kerr, F. Harbison, J. Dunlop, C. Myers, *The Labour Problem in Economic Development. A Framework for a Reappraisal*, «International Labour Review», 1955, March.)

мом» и т. д.¹. Одновременно буржуазные историки пытаются изобразить Ленина и большевиков принципиальными противниками мирного развития революции², что, мол, противоречило настроениям пролетариата. Это пишется вопреки замечанию, сделанному Лениным еще в конце XIX века, о том, что «рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть»³. Об этом же Ленин многократно говорил в 1917 году и позднее. Ленин не скрывал от масс: «Мирное развитие какой бы то ни было революции вообще вещь чрезвычайно редкая и трудная...»⁴. В то же время В. И. Ленин указывал на возможность, которая существовала в первые месяцы после Февральской революции, перехода власти «к Советам сразу, мирно, без восстания»⁵.

Большевики во главе с Лениным активно поддерживали мирный путь развития революции, пока для него существовали возможности⁶. В. И. Ленин писал о мирном развитии революции как «возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной»⁷. Возможность мирной победы пролетариата отдельных стран в будущем В. И. Ленин связывал с созданием перевеса социалистических сил над силами капитализма в международном масштабе⁸.

Достаточно напомнить эти немногие факты, чтобы стала ясной вся лживость изображения в буржуазной литературе Ленина и большевиков противниками мирного перехода власти к пролетариату.

Верный продолжатель великих идей К. Маркса и В. И. Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза указывает в своей новой Программе: «Рабочий класс и его

¹ D. Brogan, *The Price of Revolution*, p. 15; V. Lorwin, *The French Labor Movement*, Cambr. (Mass.), 1954, pp. 37—38, 48—49.

² См. «Handbuch des Weltkommunismus», München, 1958, SS. 171—172.

³ В. И. Ленин, *Попытное направление в русской социал-демократии*, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 264.

⁴ В. И. Ленин, *Русская революция и гражданская война*, Соч., т. 26, стр. 18.

⁵ В. И. Ленин, *Есть ли путь к справедливому миру?* Соч., т. 25, стр. 39.

⁶ См. В. И. Ленин, *Русская революция и гражданская война*, Соч., т. 26, стр. 22; е го ж е, *Задачи революции*, Соч., т. 26, стр. 45.

⁷ См. В. И. Ленин, *О компромиссах*, Соч., т. 25, стр. 283.

⁸ См. В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм*, Соч., т. 23, стр. 57; е го ж е, *Заметки публициста*, Соч., т. 30, стр. 335—336.

авангард — марксистско-ленинские партии стремятся осуществить социалистическую революцию мирным способом¹. В то же время, поскольку «эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, необходимо иметь в виду возможность **немирного перехода к социализму**»².

Буржуазная историография, восхваляя реформизм, с готовностью признает его притязания на роль течения, отражавшего объективные интересы рабочего класса, механически повторяя вымыслы оппортунистов об их мнимых «исторических заслугах» перед пролетариатом.

Буржуазные и правосоциалистические историки голословно отрицают самое существование рабочей аристократии или во всяком случае тот факт, что она служила питательной средой для оппортунизма³. Точно также поступают и ревизионисты⁴. Таким путем буржуазная историография прокладывает путь к изображению марксизма как силы, мешавшей рабочему классу завоевать «симпатии» либеральной буржуазии, обеспечить посредством этого улучшение своего положения и демократизацию общества⁵. Выдавая оппортунизм за идеологию всего рабочего класса, кроме группы «радикальных интеллигентов», буржуазные ученые пытаются изобразить революционные выступления пролетариата как «путчи», являющиеся якобы насильем над волей и противоречащие интересам трудящихся масс.

Буржуазные историки пытаются представить предательство руководящего слоя социал-демократических партий, прямо перешедших в начале первой мировой войны на сторону «своей» империалистической буржуазии, в качестве свидетельства националистических настроений пролетариата и его разрыва с марксизмом⁶. В новейших реакционных исследованиях тщательно коллекционируются все «доводы», с помощью которых социал-шовинисты и центристы хотели оправдать свое предательство и объявить свою политику отражением настроений и требований рабочих масс⁷.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 39.

² Там же, стр. 40

³ См. H. Seton-Watson, From Lenin to Khrushchev, pp. X, 341; W. Theimer, Geschichte der politischen Ideen, 2. Aufl., Bern — München, 1959, S. 476.

⁴ См. «New Reasoner», 1960, Sept. — Oct., p. 44.

⁵ См. P. Gay, The Dilemma of Democratic Socialism, p. 299.

⁶ См. «Journal of Modern History», 1961, Sept., p. 305.

⁷ См. V. L o r w i n, The French Labor Movement, p. 50.

Мощный рост революционного рабочего движения в военные годы, когда массы научились действовать вопреки старым оппортунистическим лидерам, полностью доказывает лживость старого социал-шовинистического поклепа на пролетариат, повторяемого новейшими реакционными исследователями истории рабочего движения.

Некоторые буржуазные авторы идут на еще более изощренные формы искажения исторической правды, доказывая, что, мол, война вполне выявила не столько «крах социализма» (эти старые утверждения буржуазных идеологов выглядят просто смешно во второй половине XX в.), сколько доказала отсутствие интернационализма пролетариата. «Поведение рабочих во время первой мировой войны,— уверяет американский социолог Уолтц,— продемонстрировало, что не существовало интернационального пролетариата, а были только национальные социалистические партии, действия которых определялись их собственным сознанием своих особых интересов. Стихийную гармоничную интересов среди различных национальных пролетарских партий было бы, следовательно, также трудно объяснить, как и сознательную гармонию интересов различных буржуазных правительств»¹. Лживо приписывая социал-шовинистические взгляды рабочей аристократии и ее представителей — верхушки социал-демократических партий империалистических государств всему пролетариату, реакционные историки доказывают, что в интересах рабочих (и даже в интересах «социализма») поддерживать захватнические, агрессивные войны и сражаться против братьев по классу. Конечно, бумага все терпит, но такие выдумки нисколько не способны опровергнуть существования единства интересов международного пролетариата, теоретически неопровержимо доказанного марксизмом-ленинизмом и практически подтвержденного всей более чем столетней историей рабочего движения.

Капитал — сила интернациональная. Коренные интересы рабочего класса требуют уничтожения капиталистической эксплуатации, свержения гнета капитализма. Для успешной борьбы против капитала, за социализм и коммунизм необходимо интернациональное сплочение и сотрудничество пролетариев всех стран. Пролетарский интерна-

¹ К. N. W a l t z, Man, the State and War. A Theoretical Analysis, N.Y., 1959, pp. 135—136 (в дальнейшем: «Man, the State and War»).

ционализм соответствует коренным интересам не только рабочего класса, но и национальным интересам всех народов мира, интересам независимого развития каждой нации, ее всестороннего экономического и культурного прогресса.

Мощное движение солидарности рабочего класса с первым в мире рабочим государством — Советской Россией, борьба против антисоветской империалистической интервенции, героическое сопротивление фашизму накануне и во время второй мировой войны, активная поддержка борьбы социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, против угрозы новой войны — таковы некоторые из примеров проявления могучей солидарности рабочих, воплощающей единство классовых интересов международного пролетариата. И эти факты, известные всему человечеству, буржуазные историки хотят опровергнуть путем жалкой фальшивки — отождествления позиции рабочего класса и социал-шовинистической верхушки партий II Интернационала во время мировой войны 1914—1918 годов! Эти фальсификаторские потуги поистине характеризуют лишь духовную нищету реакционной историографии, буржуазных «критиков» марксизма.

Пытаясь изобразить революционное течение в рабочем движении следствием только мировой войны 1914—1918 годов, а не империализма как такового, буржуазные историки доказывают, будто левые не имели ничего общего с довоенным левым течением. При этом опять-таки, подобно оппортунистам времен первой мировой войны, буржуазные историки ссылаются на примеры скатывания отдельных лиц с революционных марксистских позиций в лагерь социал-шовинизма, а также на социал-пацифистскую позицию, занятую некоторыми реформистами¹. Но ведь подобные «казусы» ничего не меняют в сущности течений. Социал-шовинизм — как это показал опыт всех капиталистических стран — был прямым продолжением и результатом политики оппортунизма. Довоенное деление социалистов на оппортунистов и революционных социал-демократов вполне соответствовало новому делению на социал-шовинистическое (включая сюда и прикрывающих социал-шовинизм центристов) и революционное, интернационалистическое течение в рабочем движении.

¹ См. Н. Seton-Watson, From Lenin to Khrushchev, p. 50.

Настойчивость, с которой буржуазная наука искажает причины первой мировой войны и раскола рабочего движения, становится особенно понятной, если учесть, что это искажение служит основой для фальсификации исторических предпосылок и исторического места Великой Октябрьской социалистической революции. Ученые апологеты реакции, отлично осознавая, что один факт успешной пролетарской революции не оставляет камня на камне от их измышлений о снижении революционности пролетариата, отчаянно пытаются с помощью новых фальсификаций спасти от крушения свою главную теорию «старого» и «нового» капитализма.

Победоносная социалистическая революция в России, открывшая новую эру в истории человечества — эру крушения капиталистического строя и строительства коммунизма, произошла в годы первой мировой войны. «Отрывая» от капиталистического строя «компрометирующие» его явления общественно-политической жизни буржуазных стран, отрицая, что рабочее движение порождается противоречиями, заложенными в природе капитализма, реакционные историки пытаются изобразить пролетарскую революцию только следствием войны¹. Эти утверждения по сути дела воспроизводят в слегка видоизмененной форме запоздалые уверения государственных деятелей стран Антанты, что можно было бы спасти царизм и предотвратить Февральскую революцию, увеличив поставки царской России военных материалов². Несомненно, что война способствовала усилению лишений трудящихся масс, привела к увеличению их революционной активности, обострила кризис верхов накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Но не война являлась причиной борьбы рабочих против капиталистической эксплуатации, крестьян — против помещичьего землевладения, поработанных царизмом народов — за освобождение от национального гнета, иначе говоря, причиной всех тех классовых и национальных противоречий, которые являлись движущими силами революции.

¹ См. E. H ö l z l e, Lenin 1917. Die Geburt der Revolution aus dem Kriege, München, 1957.

² Последнее по времени повторение этой версии содержится в мемуарах Рейно. (См. P. R e y n a u d, Mémoires, P., 1960, p. 129 et suiv.)

Назрвание революционного кризиса в России началось в 1901—1902 годах и в конечном счете переросло в революцию 1905—1907 годов. Сохранение необходимости коренных социально-экономических преобразований, которые не были осуществлены революцией 1905—1907 годов, вызвало новый революционный подъем. Накануне первой мировой войны в России вновь складывалась революционная ситуация. Взрыв революции был временно отсрочен началом войны. Эти бесспорные факты не оставляют камня на камне от построений буржуазных историков, пытающихся вывести Февральскую и Октябрьскую революции только из влияния мировой войны. Следует напомнить также буржуазным фальсификаторам истории, что одни только военные лишения и потери еще не вызывают революции. В годы Великой Отечественной войны советский народ должен был испытать тяжелые лишения, понести жестокие потери во имя победы над гитлеровскими захватчиками. Но война привела не к ослаблению, а к еще большему укреплению советского общественного и государственного строя, выдержавшего тягчайшие испытания военных лет, к усилению морально-политического единства нашего народа и его сплочению вокруг родной Коммунистической партии и Советского правительства.

Лживо изображая Февральскую революцию результатом только войны, буржуазная историография в лице ее наиболее реакционных представителей договаривается до утверждения, что если, мол, царизм свергли рабочие массы, то Октябрьская революция была вообще «солдатским переворотом»¹. Это—повторение через сорок с лишним лет клеветы меньшевиков, которые в первые же дни после Октябрьской революции клеветнически именовали ее «военным путчем». Но участие самых широких масс рабочего класса в Октябрьской революции — факт общеизвестный, который подтверждается буквально тысячами доказательств, если бы он нуждался еще в подтверждении².

¹ В некоторых сочинениях «желтых» историков повторяется даже глупая клевета о «немецких деньгах», на которые будто бы и была совершена революция (например, в книге, написанной Мурхедом при участии группы «ученых» провокаторов во главе с упоминавшимся выше С. Т. Поссоном: A. M. O o g h e a d, *The Russian Revolution*, N. Y., 1958).

² По этому вопросу собран огромный фактический материал в советской исторической литературе, краткий обзор которой см., например, в статье М. Е. Н а й д е н о в, Великая Октябрьская

Участие в революции солдатских масс — а в армию была мобилизована тогда значительная часть наиболее активных сил рабочего класса и крестьян — может только в воображении реакционных историографов опровергать пролетарский характер Великой Октябрьской социалистической революции.

Часть буржуазных историков, в том числе наиболее влиятельные из них, осознают невозможность защищать версию о только военном происхождении Октябрьской революции. Но все они хотели бы доказать любой ценой «незакономерность» победы социалистической революции в России и представить ее результатом ошибок Временного правительства, специфическим русским или, на худой конец, вообще «восточным» явлением, не относящимся к странам Запада¹. С этой целью изобретается целая серия лживых и опровергающих одно другое доказательств.

Во-первых, отрицается существование экономических предпосылок для социалистической революции в России. Одна часть буржуазных историков, повторяя меньшевистские выдумки, пишет, что царская Россия была страной принципиально отличной по характеру своей экономики от государств Западной Европы, страной, лишенной сколько-нибудь значительной промышленности, и поэтому, мол, в ней не могли созреть предпосылки для революции. Другие, напротив, уверяют, что в царской России промышленность развивалась настолько быстро, что не было необходимости в революции. Третьи доказывают, что революция могла произойти в России именно в силу неразвитости русского капитализма, хотя и при этих условиях она была исторической случайностью². В действительности, как известно, царская Россия была страной среднего развития капитализма. Ни о какой «абсолютной противоположности»

социалистической революции в советской историографии, «Вопросы истории», 1957 г., № 10, стр. 167—180.

¹ См. E. Carr, *The Bolshevik Revolution 1917—1923*, vol. I, L., 1950; G. Rauch, *Geschichte des bolschewistischen Russlands*, Wiesbaden, 1955; W. Chamberlin, *The Russian Revolution 1917—1924*, vol. I, N.Y., 1954; M. Florinsky, *Russia. A History and Interpretation*, vol. II, N.Y., 1953; J. Curtis, *The Russian Revolution of 1917*, Princeton, 1957; J. Lawrence, *A History of Russia*, N.Y., 1960, p. 253.

² См. E. Carr, *The Bolshevik Revolution 1917—1923*, vol. I, p. 44 and next.; «Comparative Labor Movements». Ed. by N. Galenson, N.Y., 1952, p. XI (Introduction); W. Ebenstein, *Today's isms*, p. 55 and next.

между дореволюционной русской и западноевропейской экономикой не может быть и речи. В России наблюдались те же *основные* процессы развития капитализма, что и в других капиталистических странах¹, существовали те же основные формы общественного хозяйства. Несмотря на то что капитализм стал расти в России позднее, чем в западноевропейских странах, в силу неравномерности капиталистического развития, переход к империализму был осуществлен в них одновременно — на рубеже XIX и XX веков. Монополии заняли главенствующую роль в экономике царской России. По уровню монополизации промышленности Россия, уступая США и Германии, превосходила такие развитые капиталистические страны, как Англия и Франция. Удельный вес крупной промышленности в России был в три с лишним раза выше, чем даже в США и Германии. По концентрации банковского капитала Россия превосходила главные страны Западной Европы. В годы войны в экономике России проявились государственно-монополистические тенденции. Всесилие монополий, жесточайшая капиталистическая эксплуатация дополнялись помещичьим гнетом. Развитие капитализма в сельском хозяйстве усиливало поляризацию деревни — укрепление сельской буржуазии (кулачества) и быстрое ухудшение положения бедного и среднего крестьянства. «...Самое отсталое землевладение, самая дикая деревня—самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»² — писал В. И. Ленин, характеризуя экономику царской России. Будучи отсталой страной, Россия вместе с тем была страной в решающих звеньях экономики, которые имели непосредственное практическое значение для революционного рабочего класса, более развитой, чем передовые страны Запада. Противоречия, заложенные в природе русского капитализма, стали объективной почвой для Октябрьской революции. Бессилие русской буржуазии бороться с разрухой в годы войны показало отсутствие у нее возможности дальнейшего руководства общественным производством. Конфликт между развивающимися производительными силами и полукрепостническими производственными отношениями, который является основой для буржуазно-демокра-

¹ См. В. И. Ленин, Проект программы нашей партии, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 220.

² В. И. Ленин, Политические заметки. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 417.

тического переворота, в России также мог быть разрешен только социалистической революцией. Монополии настолько тесно переплелись с остатками феодализма, что устранение этих пережитков крепостничества могло быть осуществлено лишь путем ликвидации власти капитала. В силу этого пролетарская революция в России своеобразно слилась с крестьянской революцией против помещиков¹. «Россия была наиболее слабым звеном в системе империализма и узловым пунктом всех его противоречий. Вместе с тем, в ней сложились и необходимые условия для победы социализма»².¹ Революционный пролетариат России возглавляла марксистско-ленинская партия, вооруженная передовой теорией и закаленная в классовых битвах. Большевицкая партия сумела соединить в единый поток борьбу пролетариата за социализм; общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу против помещиков за землю, национально-освободительную борьбу угнетенных народов России и направить все эти силы на свержение капиталистического строя.

В попытках представить пролетарскую революцию в России следствием русской или восточной специфики буржуазные историки доходят до явного абсурда. Одни считают, что революция была результатом возрождения «азиатского способа производства», существовавшего на древнем Востоке³. Другие, подобно Д. Коулу и Сетон-Уотсону, уверяют, что Октябрьская революция являлась следствием борьбы против феодализма и национального гнета и что она могла найти подражание лишь в странах Востока или

¹ См. В. И. Ленин, Третий Интернационал и его место в истории, Соч., т. 29, стр. 284. (О закономерностях победы Октябрьской революции см. Г. Н. Голиков, Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции, «Коммунист», 1955 г., № 16; А. Л. Сидоров, Экономические предпосылки социалистической революции в России, «История СССР», 1957 г., № 4, стр. 9—39; П. В. Волобуев, Победа Октябрьской революции — результат закономерного развития истории, «Коммунист», 1959 г., № 15, стр. 87—97; его же, Об общих закономерностях и национально-исторических условиях победы социалистической революции в России, «Вопросы истории», 1960 г., № 11, стр. 19—39 и др.)

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 11.

³ См. К. А. Wittfogel, Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power, New Haven, 1957, p. 9 and next.

Латинской Америки¹. (Здесь доказательство «русской исключительности» превращается у буржуазных историков в нашу эпоху существования мощной социалистической системы в столь же безнадежную попытку доказательства «исключительности» Западной Европы и США, которые якобы сумеют избежать исторически неизбежной социалистической революции.) Наконец, нередко «доказательства» того, что в «русских условиях» главную роль играла не экономика, а «воля» отдельных политических деятелей, и поэтому, мол, Ленину удалось осуществить революцию².

Часть буржуазных историков перепевает теорию контрреволюционеров-кадетов, согласно которой революционное движение в России было порождено не объективными противоречиями русской действительности, не положением трудящихся масс, а лишь тем, что интеллигенция не могла приспособиться к царскому режиму. Воспользовавшись случайно вспыхнувшей войной, интеллигенция и возглавила революцию³. Вздорность этого утверждения явствует хотя бы из сказанного выше об объективных предпосылках Октябрьской социалистической революции. Буржуазные историки, правда, пытаются подкрепить свою лжетеорию повторением троцкистской клеветы, что большевистская партия была якобы партией только интеллигенции, она состояла из немногочисленных эмигрантов и т. п.⁴ На деле, хотя в России, как и во всех других странах, революцион-

¹ См. G. Cole, *Communism and Social—Democracy 1914—1931*, vol. I, L., 1958, p. 8; H. Seton-Watson, *The Intellectuals and the Revolution. Social Forces in Eastern Europe since 1848*, «Essays Presented to Sir Lewis Namier», p. 430.

² См. «Journal of the History of Ideas», 1960, Oct. — Dec., p. 545; «Russian Thought and Politics», Cambr. (Mass.), 1957, p. 351; B. Lockart, *The Two Revolutions*, L., 1957, pp. 113—114.

³ См. S. Tomkins, *The Russian Intelligentsia. The Makers of Revolutionary State*, Norman, 1957, p. 71; H. Seton-Watson *The Intellectuals and the Revolution. Social Forces in Eastern Europe since 1848*, «Essays Presented to Sir Lewis Namier», pp. 399, 406, 409—420 and next.; J. Plamenaetz, *German Marxism and Russian Communism*, p. 318; M. Fisher, *Russian Liberalism. From Gentry to Intelligentsia*, Syracuse, 1958, p. 199; V. Levitsch, *Geschichte des Liberalismus in Russland*, Fr. am/M., 1957. (Критику буржуазных фальсификаций истории революционного движения в России см. Е. Плимак, Ю. Корякин, Мистер Кон исследует «русский дух», Соцэкгиз, 1961.)

⁴ Следует напомнить, что по мнению многих буржуазных историков носителями революционных настроений и на Западе якобы были только радикалы-интеллигенты, противопоставляемые «консервативным» рабочим.

ные интеллигенцы, перешедшие на позиции пролетариата и выражавшие его интересы, составляли значительное количество членов социалистической партии при ее зарождении, российская социал-демократия родилась как рабочая партия, она опиралась на пробуждение массового движения пролетариата в 1895—1896 годах. Уже в 1901—1903 годах интеллигенция составляла меньшинство среди участников движения¹.

Вымыслы об интеллигентском характере большевистской партии особенно нужны буржуазным историкам, чтобы как-то подкрепить их лживое изображение ленинизма в качестве специфически русского явления: мол, и в других социал-демократических партиях имелись «революционеры-интеллигенты», но только в России они получили преобладание. Отсюда один шаг до вывода, что ленинизм был следствием... «неразвитости» русского рабочего движения². Это пишется о русском рабочем классе, накопившем огромный опыт классовой борьбы, отличающимся организованностью, самой высокой в мире революционностью.

В этой связи буржуазная историография фальсифицирует историю Советов. Рабочие Советы, родившиеся в годы первой революции 1905—1907 годов, были замечательным примером революционного творчества масс. С гениальной прозорливостью Ленин увидел в тогдашних Советах зародыш новой революционной власти, государственную форму, в которой должна была осуществляться диктатура рабочего класса. Возродившиеся после Февральской революции Советы — на этот раз Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — осенью 1917 года в своей массе поддерживали политическую линию большевистской партии на вооруженное восстание. После Великой Октябрьской революции Советы стали государственной формой пролетарской диктатуры и сосредоточили в своих руках всю полноту власти. Буржуазные историки всячески пытаются, с одной стороны, распространять злонамеренные

¹ См. В. И. Ленин, Как В. Засулич убивает ликвидаторство, Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 22; е г о ж е, О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 201.

² Это измышление является просто перепевом давнишних утверждений оппортунистов, в частности Блума, что признает и буржуазная историография. (Например, А. Collette, Léon Blum ou la politique du juste, P., 1955.)

меньшевистские вымыслы о «враждебности» большевиков... Советам, а с другой — дискредитировать Советы, объявить их следствием только «русской специфики» и даже «неразвитости» пролетариата, в частности отсутствия у него таких профсоюзов, какие имелись у рабочего класса Западной Европы и США¹. Утверждения о «неразвитости» рабочего движения в трудах буржуазных историков рашифровываются просто-напросто как злобная констатация того факта, что оппортунизм в русском рабочем движении не получил «достаточного» развития и был побежден в ходе героической борьбы русского пролетариата под руководством большевиков за победу социалистической революции.

Буржуазные историки пытаются оторвать ленинизм от марксизма и представить ленинизм не международным пролетарским учением, а теорией, возникшей в связи с особенностями исторического развития России и «психического склада» русского народа. Эти историки спешат фальсификаторски отыскивать идейных предшественников ленинизма в славянофилах, анархисте Бакуanine (тот, мол, тоже призывал к революционному свержению старой власти), в Нечаеве и т. п.² Бесспорно, что ленинизм является законным преемником всего лучшего, что создала русская революционная мысль в лице таких ее выдающихся представителей, как Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов. (Фальшивое «родство» со славянофилами и анархистами, изобретенное реакционными историками, является просто очередным подлогом.) Но ленинизм представлял качественно новое явление, порожденное новыми условиями эпохи империализма. Ленинизм возник в результате творческого применения марксистской теории к русскому и мировому революционному движению, а также дальнейшего развития этой теории применительно к условиям империалистической эпохи.

¹ См. O. A n w e i l e r, Die Rätebewegung in Russland, 1905—1921, Leiden, 1958.

² См. H. L. H a i m s o n, The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism, Camb. (Mass.), 1958; N. L e i t e s, A Study of Bolshevism, Glencoe (Ill), 1953; R. D a n i e l s, Lenin and the Russian Revolutionary Tradition, «Harvard Slavic Studies», vol. IV, Camb. (Mass.), 1957; T. S c h i e d e r, Staat und Geschichte im Wandel unserer Zeit, München, 1958, S. 44 f; M. P r e l o t, Histoire des idées politiques, P., 1959, p. 585; «Soviet Survey», 1960, July — Sept., p. 31.

Многие реакционные историки делают акцент на том, что ленинизм будто бы является учением, отражающим специфические условия царской России начала XX века¹.

Действительно, в царской России пролетариат подвергался особо жестокой эксплуатации, страдал и от капитализма и от недостаточного развития капитализма². Эти варварские формы эксплуатации обостряли классовую борьбу, повышали революционную активность рабочего класса. Ленинизм действительно возник в России. Но все это отнюдь не значит, как хотелось бы доказать реакционерам от науки, что он имеет корни лишь на русской почве. Ленинизм-марксизм эпохи империализма, крушения капиталистического строя и строительства коммунистического общества закономерно был создан в России. Именно царская Россия в конце XIX — начале XX века стала узловым пунктом противоречий империализма, страной, куда переместился центр международного революционного движения. Появление ленинизма является результатом развития революционного движения мирового пролетариата. Ленинизм представляет собой обобщенный опыт международного рабочего движения. Величайшим вкладом Ленина в революционную теорию было его гениальное учение о социалистической революции, показавшее возможность победы социализма первоначально в одной отдельно взятой стране. Ленинизм открыл перед пролетариатом ясную пер-

¹ В этой связи изобретаются «теории» вроде выдвинутой американским историком Г. Римлингером, что положение рабочих в царской России «абсолютно» отличалось от положения рабочих на Западе, где якобы не существовало эксплуатации, и что к тому же царизм не умел направлять недовольство рабочих в «мирное» русло. (См. «Journal of Economic History», 1960, March, pp. 67—92; «International Review of Social History», 1960, vol. 5, part 2, pp. 247—248.) Разновидностью этого вымысла является утверждение буржуазных ученых и ревизионистов типа Стрэчи, Солсберга, Брауна и др., уверяющих, что, мол, ленинизм является суммой взглядов, отражающих условия начала XX века и неприменимых к обстановке, сложившейся во второй половине этого столетия, когда будто бы изменилась природа капиталистического строя. (См., например, L. Ch u r c h a r d, Towards the Understanding of Lenin's Imperialism, «Australian Journal of Politics and History», 1959, May, p. 83; J. S t r a c h e y, The End of Empire, L., 1959, p. 117 and next.; M. B. B r o w n, Imperialism Yesterday and Today, «New Left Review», 1960, Sept. — Oct., p. 44.) Об этом реформистском извращении истории говорится в другой связи.

² См. В. И. Л е н и н, Развитие капитализма в России, Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 601.

спективу свержения капиталистического гнета, разработал стратегию и тактику для всего международного революционного рабочего движения¹.

Особые усилия прилагают буржуазные и реформистские историки в тщетной попытке дискредитировать ленинские принципы построения партии. Буржуазная историография уверяет, что большевистские принципы якобы являлись «наследием заговорщической идеологии» в русском революционном движении, что они представляют «разрыв с марксизмом», порождены спецификой царской России, «отсталостью» русского пролетариата, неверием большевиков в способность «рабочих выполнить свою марксистскую миссию»² и т. д. С большим усердием подчеркивается, будто эти принципы предусматривали низведение масс до роли орудия авангарда трудящихся и поэтому якобы оказались неприемлемыми для демократически настроенного западноевропейского пролетариата³.

Конечно, деятельность большевистской партии в условиях царской России, когда большевикам наряду с использованием легальных возможностей приходилось широко прибегать к нелегальным методам революционной борьбы, отличалась от деятельности рабочих партий в буржуазно-демократических странах. Однако это вовсе не означает, что ленинские принципы построения партии возникли из специфических условий России.

Партии II Интернационала, которые сложились в буржуазно-демократических странах Западной и Центральной Европы в период относительно мирного развития капитализма, не отвечали требованиям новой революционной эпохи. Оппортунистические лидеры этих партий отказывались подвергнуть коренной перестройке партийную орга-

¹ Подробнее об этом см. М. П. Сидоров, К. Л. Селезнев, *Международный характер ленинизма*, «Вопросы истории КПСС», 1960 г., № 2, стр. 120—138.

² См. W. R o s t o w, *The Stages of Economic Growth*, p. 159; «Soviet Survey», 1960, July — Sept., p. 31; O. F l e c h t h e i m, *Die Internationale des Kommunismus. 1917—1958*, «Zeitschrift für Politik», 1959, H. 3, S. 234; O. H. T a y l o r, *The Classical Liberalism, Marxism and the Twentieth Century*, Cambr. (Mass.), 1960, P., p. 78 and next.; E. M. B u r n s, *Ideas in Conflict. The Political Theories of the Contemporary World*, N.Y., 1960, pp. 158 and next. (в дальнейшем: «Ideas in Conflict»).

³ См. R. C r o s s m a n, *Government and the Governed*, pp. 261—262; «Russian Thought and Politics», p. 346 and next.

низацию в связи с новыми историческими условиями. Интересы пролетариата диктовали необходимость создания партий нового типа, способных возглавить борьбу за социалистическую революцию. Подобная партия была впервые создана в России, где в силу особой остроты классовых противоречий в начале XX века находился центр международного революционного движения. Партия нового типа, возглавляемая великим Лениным, организовала российский пролетариат на борьбу за свержение капитализма. Под ее руководством была совершена первая в мире победоносная пролетарская революция. Победа Октябрьской революции послужила могучим стимулом для образования партий нового типа во многих капиталистических странах. Основные принципы построения революционной партии пролетариата, как показал опыт КПСС и всего международного коммунистического движения, диктуются не национальными особенностями отдельных стран, а общими условиями классовой борьбы пролетариата. Строгое соблюдение ленинских принципов построения революционной партии позволяет коммунистам вести успешную борьбу за победу революции в самых разнообразных конкретно-исторических условиях, а после установления диктатуры пролетариата руководить строительством коммунизма.

В буржуазной историографии на все лады повторяется клеветническое меньшевистское обвинение большевиков в бланкизме, в попытке с помощью «элиты» заговорщиков «заставить» пролетариат вопреки его воле и ходу исторического процесса выполнить предписанную ему марксизмом роль¹. В действительности, как известно, Ленин считал, что только сам пролетариат, действуя в союзе с крестьянством, может осуществить захват власти в свои руки².

Буржуазные историки всячески пытаются уверять, будто диктатура пролетариата... враждебна его интересам. Некоторые реакционные историки (Сетон-Уотсон, фон Раух и др.) доказывают при этом, что Октябрьская революция вообще не привела пролетариат к власти. Другие реакцион-

¹ См. W. R o s t o w, The Stages of Economic Growth, p. 159; H. S e t o n - W a t s o n, From Lenin to Khrushchev, p. 17; T. L a u e, Die Revolution von aussen als erste Phase der Russischen Revolution 1917, «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1956, Bd. IV; E. M. V u r n s, Ideas in Conflict, p. 158.

² См. В. И. Л е н и н, Марксизм и восстание, Соч., т. 26, стр. 4—5.

ные ученые уверяют вслед за меньшевиками, что хотя, может быть, пролетариат и завоевал власть в октябре 1917 года, он ее якобы потерял впоследствии, так как она была «захвачена» Коммунистической партией, и что «идеалы 1917 года» оказались утопией и т. п.¹ Третьи, опять-таки «развивая» оппортунистические поклепы на Октябрьскую революцию, пытаются доказывать, что даже если пролетариат и взял власть в свои руки, все равно революция не носила социалистического характера и имела целью индустриализацию России — нечто вроде, как разъясняет Ростоу, «революции Мейдзи» в Японии или кемалистской революции в Турции². Подобные нелепости попали даже в программы некоторых правосоциалистических партий. Вопрос о том, почему в результате указанных выше революций утвердился буржуазный строй, а в России — социалистический, реакционные «толкователи» обходят как несущественную мелочь...

Если одни историки считают, что Октябрьская революция (которая, как известно, решила многие оставшиеся нерешенными задачи буржуазно-демократического переворота, особенно ликвидацию помещичьего землевладения) носила буржуазно-демократический характер, то другие, напротив, пытаются противопоставить ее Февральской буржуазно-демократической революции. По разъяснению этой группы реакционных историков, в России не буржуазно-демократическая революция переросла в социалистическую, а Октябрь якобы «отменил завоевания Февраля»!³

В самых различных формах буржуазные ученые стремятся внушить мысль о «национальной ограниченности» Октябрьской революции, о том, что она отвечала потребностям, специфичным для России или в самом крайнем слу-

¹ См. W. B r o g a n, *The Price of Revolution*, p. 43; Н. К о с h, *Geschichtsgesetz und Strategie bei Lenin*, Tübingen, 1957.

² См. W. R o s t o w, *The Stages of Economic Growth*, p. 164; Ср. O. F l e c h t h e i m, *Die Internationale des Kommunismus. 1917—1957*, «Zeitschrift für Politik», 1959, H. 3, SS. 251—252 f.

³ См. A. S c h l e s i n g e r, *On Heroic Leadership*, «Encounter», 1960, Dec., p. 8; F. G r o s s, *The Seizure of Political Power in a Century of Revolution*, N.Y., 1958, p. 241; K. A. W i t t f o g e l, *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*, p. 9. (О извращении истории Октябрьской революции германскими реакционерами см. В. С а л о в, *Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции*, Соцэкгиз, 1960.)

чае еще для некоторых стран Востока. На деле Великая Октябрьская социалистическая революция представляла собой великое начало решения всемирно-исторических проблем, стоящих перед человечеством, в том числе прежде всего уничтожения эксплуатации человека человеком, ликвидации всех видов национального угнетения, избавления от империалистических войн и построения бесклассового коммунистического общества. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, все более всесторонне проявляющееся в ходе исторического процесса, уже в первые годы после победы российского пролетариата получило выражение в мощном подъеме международного рабочего и национально-освободительного движения. Пролетариат многих стран предпринял первый натиск на капиталистический строй. Волны революционного кризиса прокатились по всему Европейскому континенту. Революции происходили в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, революционное движение развернулось во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Революционная борьба трудящихся масс охватила не только побежденные страны, но и государства-победители и нейтральные страны вроде Испании. Массовое пролетарское движение сотрясало устои капиталистического строя в Италии, где в 1920 году рабочие захватили более половины крупных предприятий страны и создали Красную гвардию, во Франции, где бастовали сотни тысяч пролетариев. В Англии сила и размах рабочего движения были настолько велики, что капиталистам удалось сохранить свои позиции только благодаря отсутствию у рабочих решительного революционного руководства. В США в 1919 году число стачечников достигло невиданного уровня. В 3577 стачках приняли участие 4155 тысяч американских рабочих.

В десятках капиталистических стран трудящиеся массы выступили с требованием «Руки прочь от Советской России!». Эти выступления против антисоветской интервенции вылились в мощное международное движение солидарности с молодой Республикой Советов¹. Как не похожа была

¹ См. «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», Сб. статей, М., 1958; «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)», Сб. документов, изд-во «Советская Россия», 1958; «Новая и новейшая история», 1957 г., № 4 и мн. др.

подлинная история на описания буржуазных исследователей, пытающихся изобразить период после первой мировой войны как время ускоренного превращения старого капитализма в новый капитализм! Чтобы заставить поверить в эту «метаморфозу», буржуазные историки не брезгают ничем. Некоторые попросту отрицают существование после войны небывалого подъема революционной активности пролетарских масс. Д. Броген уверяет, что массы в Англии, во Франции и даже в Германии были далеки от революционных настроений. Что же касается даже тех, кто принимал участие в движении «Руки прочь от Советской России!», то ими двигало не чувство классовой солидарности, а сложные «психологические» причины: традиционная симпатия к «левым», стыд, что на Западе не удалось совершить ничего подобного, и т. д.¹ Рабочие могли симпатизировать Советской России, вторит Брогену Р. Кроссмен, но сами оставались настроенными националистически и в пользу западной демократии².

Американские буржуазные историки рисуют рабочий класс США сторонником крайней реакции, ку-клукс-клана и полицейский расправ с «красными»³. Ренегат рабочего движения Т. Дрейпер, ныне считающийся в США видным экспертом по «истории коммунизма», разъясняет, что даже недовольные американские пролетарии не хотели никаких революционных перемен, стремились лишь к «законным» реформам в существующем строе, да и вообще просто каждый рабочий в отдельности хотел выжать лично для себя из этого строя всё, что только возможно⁴.

Даже в цитадели капитализма — США буржуазия испытывала панический страх перед революционным пролетариатом. Теперь задним числом буржуазные историки

¹ См. D. Brogan, *The Price of Revolution*, pp. 68—69; с р. H. Heidegger, *Die deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat*, S. 60; L. Lowin, *The International Labor Movement*, p. 68.

² См. R. Crossman, *Government and the Governed*, p. 259. Отношение рабочих к Советской России иногда попросту подменяется отношением реформистской верхушки социалистических партий. (См. S. Graubard, *British Labor and the Russian Revolution*, Cambr. (Mass.), 1956.)

³ См. D. Shannon, *The Socialist Party of America. A History*, N. Y., 1955, pp. 127, 163; J. Rауbасk, *A History of American Labor*, N. Y., 1959, p. 287.

⁴ См. T. Draper, *American Communism and Soviet Russia*, N. Y., 1960, pp. 16—17.

доказывают, что это было якобы плодом недоразумения и что никакой опасности со стороны революционеров не было и в помине¹. Повсюду, мол, революционеры представляли собой лишь небольшие кучки «фанатиков», обычно интеллигентов, а также (в США и Англии) эмигрантов, способных в самом лучшем случае воспользоваться временными затруднениями в какой-либо стране и произвести заранее обреченные на неудачу «путчи»².

В действительности, как известно, после первой мировой войны вне сомнения существовала вполне реальная возможность немедленного осуществления пролетарской революции в развитых странах капитализма. Экономические и социально-политические потрясения, переживавшиеся капиталистической системой во время ее вступления в период общего кризиса капитализма, создавали объективную возможность для взятия власти вооруженным путем и установления диктатуры пролетариата. Как указывал В. И. Ленин, имелись основания для надежды, что «в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада»³. Возможность пролетарской революции оставалась реальной в ряде стран Западной Европы и в течение последующих лет.

Почему же революция все же не победила в этих странах? Это было следствием вовсе не отсутствия революционных настроений среди пролетариата. Противоречивость положения, сложившегося после первой мировой войны, заключалась в том, что большинство рабочих в ряде европейских стран, участвуя в революционной борьбе, не имели четкого представления о путях, ведущих к социализму.

¹ См. R. Murrays, *Red Scare. A Study in National Hysteria. 1919—1920*, Minneapolis, 1955; W. Leuchtenberg, *The Perils of Prosperity*, Chi., 1958, p. 78.

² См. M. Salvadori, *The Rise of Modern Communism*, N. Y., 1952, p. 27; T. Draper, *The Roots of American Communism*, N. Y., 1957, p. 189; J. Howe and L. Coser, *The American Communist Party. A Critical History (1919—1957)*, N. Y., 1957, p. 30 and next.; H. Pelling, *The British Communist Party. A Historical Profile*, L., 1958, pp. 15, 17.

³ В. И. Ленин, Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г., Соч., т. 30, стр. 391.

Большей части пролетариев казалось, что их выступления за мир, против монархии, завершившиеся революциями в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, революционными событиями в Италии и т. д., уже создали предпосылки для ликвидации капиталистической эксплуатации и строительства социализма. Революционный авангард пролетариата был не изолированной группой, противостоящей рабочей массе, а сознательным выразителем интересов и настроений, свойственных всему рабочему классу. Однако на Западе у пролетариата не было массовых революционных партий, подобных большевистской партии, обладавшей богатым опытом борьбы и пользовавшейся громадным авторитетом среди трудящихся масс. Это отсутствие на Западе партий нового типа, способных возглавить революционную борьбу, рабочим массам приходилось исправлять в ходе боев, что не могло не снижать шансы на победоносный исход борьбы. Вопрос в этот период заключался в том, окажется ли способным пролетарский авангард в кратчайший срок, «на ходу» восполнить недостатки, имевшиеся в его идейной и организационной подготовке, завоевать в быстрые сроки влияние на широкие массы трудящихся и возглавить революционный штурм капитализма. Фактор времени приобрел при этом исключительно важное значение, поскольку рабочему классу необходимо было предпринять решающие шаги для революционного захвата власти, прежде чем правящие круги сумеют выкарабкаться из глубокого послевоенного кризиса, укрепить свою расшатанную государственную машину, аппарат подавления трудящихся масс. Огромную помощь буржуазии оказали ее прислужники, лидеры II и II^{1/2} Интернационалов, опиравшиеся на поддержку рабочей аристократии, слой профсоюзной бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков рабочего движения. Они в наиболее ответственный момент раскололи пролетариат и активно выступили в защиту основных устоев капитализма. Как подчеркивал В. И. Ленин, пролетарская революция могла произойти на Западе, «если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей»¹.

¹ В. И. Ленин, Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г., Соч., т. 30, стр. 391.

Буржуазные историки хотят выдать факт сохранения влияния социал-демократических лидеров на значительную часть пролетариата за свидетельство приверженности масс к капиталистическому строю. Но этим буржуазные ученые только лишний раз подтверждают, что вожди партий II и II^{1/2} Интернационалов были по существу активными защитниками капитализма. Что же касается рабочих, продолжавших верить этим лидерам, то буржуазные исследователи благоразумно умалчивают об одном решающем обстоятельстве, а именно, что оппортунистические главари могли сохранять влияние на революционные рабочие массы только обещанием провести «социализацию», «бескровную» социалистическую революцию» с помощью избирательной урны и т. п. Иначе говоря, оппортунисты воспользовались тем, что у большей части пролетариата не было ясного представления о путях перехода к социализму. Это, конечно, было свидетельством недостаточной идейно-политической зрелости значительной части пролетариата, но отнюдь не отсутствия у масс революционной энергии или желания покончить с ненавистным капиталистическим строем. Факт участия в революционном движении рабочих, еще не успевших в силу ряда причин порвать со многими реформистскими иллюзиями и не выработавших ясного марксистско-ленинского понимания путей и средств борьбы, рассматривается фальсификаторами истории как показатель не поворота рабочих масс к социализму, а того, что борьба пролетариата якобы не носила революционного характера. С помощью такого «метода» можно, конечно, доказать все, что угодно, но с исторической наукой эти упражнения не имеют никакой даже отдаленной связи.

Следуя подобной «методологии», западногерманский историк В. Тормин утверждает, например, что рабочие массы рассматривали созданные ими Советы не в «ленинском смысле», а лишь для защиты своих интересов в рамках буржуазного строя¹. Но ведь достаточно хотя бы напомнить о Советских республиках в Бремене и Куксгафене, о стачках февраля — марта 1919 года в Руре и других районах, проходивших под лозунгами создания советской Германии, о провозглашении рабочими Советской респуб-

¹ См. W. T o r m i n, Zwischen Räterediktatur und der sozialer Demokratie. Die Geschichte der Rätebewegung in der deutschen Revolution, Düsseldorf, 1954, SS. 134—136; Ср. K. M e y e r, Karl Liebknecht, A Man without a Country, Wash., 1957.

лики в Брауншвейге, о мартовских боях в Берлине, наконец, о героической Баварской Советской республике, чтобы показать всю несостоятельность утверждений Тормина, будто немецкий пролетариат не стремился к свержению капиталистического строя. Попытки установления пролетарской диктатуры в Германии вследствие отсутствия в то время массовой коммунистической партии носили недостаточно организованный и целеустремленный характер, происходили разрозненно и разновремененно, что позволило буржуазии при активной помощи социал-демократических руководителей потопить в крови революционное движение. Однако героическая борьба германских рабочих, хотя она тогда и не увенчалась успехом, свидетельствует об активных, самоотверженных попытках совершить социалистическую революцию в Германии ¹.

Твердя об исчезновении революционности пролетариата, буржуазные историки, не смущаясь тем, что возникает противоречие, нередко оперируют и другим прямо противоположным доводом. По уверению этих историков, революционность была следствием войны, вызванной чем угодно, только не капитализмом, а скорее всего «пороками» самих народных масс. Следовательно, заключают буржуазные ученые, революционные выступления пролетариата никак не были порождены капитализмом, и только субъективно, в сознании самих рабочих были направлены против буржуазного строя. Некоторые реакционные историки объявляют любой революционный порыв и стремление к социалистическому переустройству общества просто данью «утопизму» и «идеализму», которую в разных формах платит каждое поколение ². Буржуазная историография пытается изобразить революционный подъем следствием «революционных иллюзий», тогда как он был результатом краха иллюзий реформизма.

4

Буржуазные историки на разные лады подчеркивают мнимую «бесперспективность» революционных выступле-

¹ См. Я. С. Д р а б к и н, Революция 1918—1919 гг. в Германии, Соцэкгиз, 1958; М. А. П о л т а в с к и й, Баварская Советская республика, Соцэкгиз, 1959; «Ноябрьская революция в Германии», Сб. статей и материалов, Изд-во АН СССР, 1960.

² См. Т. L i n d b o m, Atlantis, Idee und Wirklichkeit des Sozialismus, Fr. am./M., 1955.

ний пролетариата, которые, мол, могли происходить лишь в силу незавершенности процесса превращения «старого» капитализма в «новый» капитализм, будто бы имеющий неограниченные возможности развития. На этой «основе» строят буржуазные ученые свою фальсификацию истории возникновения коммунистических партий в странах Западной Европы и США.

Образование коммунистических партий представляло собой закономерный результат развития и было проявлением глубоких жизненно важных потребностей рабочего движения в эпоху империализма. Коммунистические партии повсюду — во Франции, Германии, США, Англии и других странах были созданы левым течением в рабочем движении и являются законными преемниками лучших революционных традиций пролетариата и народов своих стран. Компартии были образованы левым революционным крылом социалистических партий и профсоюзов в условиях резко усилившейся под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции борьбы пролетариата против капиталистического гнета¹. Буржуазная историография пытается оторвать образование компартий от внутренних процессов развития рабочего движения, представить в виде результата «иллюзий», связанных с победой русской революции, или даже пресловутого «приказа Москвы»². Критикуя американских буржуазных историков, извращающих историю Коммунистической партии США, У. Фостер отмечал, что хотя реакционная историография «не устанавливает серьезной взаимосвязи между недавно созданной компартией и великими классовыми битвами того времени, предприниматели и другие реакци-

¹ См. по истории образования Коммунистической партии США: Н. Л и т е г, *Forty Years of the Communist Party*, «Political Affairs», 1959, Sept; О. J o h n s o n, *Ruthenberg and the Party Founding*, «Political Affairs», 1959, March; Коммунистической партии Великобритании: R. P a l m e D u t t, *Honour to Whom Honour. Some Reflections on Communist Party History*, «Labour Monthly», 1959, May, pp. 193—204; Д ж. К л у г м а н, *Образование Коммунистической партии Великобритании*, «Вопросы истории КПСС», 1960 г., № 4, стр. 113—131 и др.

² См. J. H o w e a n d L. C o s e r, *The American Communist Party. A Critical History (1919—1957)*, p. 34; Т. Д р а п е р, *The Roots of American Communism*; Н. P e l l i n g, *The British Communist Party. A Historical Profile*.

онеры тогда вполне сознавали эту связь»¹. Это замечание Фостера в полной мере относится и к фальсификаторам истории коммунистических партий других стран².

Если при изложении истории большевистской партии буржуазная историография пытается игнорировать интернациональные корни возникновения ленинизма, то при освещении истории других коммунистических партий она стремится отрицать национальные корни этих партий. Реакционная историография (Дрейпер, Гоу и Козер, Пеллинг и др.) не только утверждает, что компартии не имеют корней в прошлом своих стран, но и, следуя той же «методологии», стремится излагать историю компартий вне всякой связи с историей рабочего движения в целом. Они проводят мысль, будто компартии могли развиваться лишь в тех странах, где процесс мнимого превращения капитализма в «строй благосостояния» находился еще в начальной стадии³.

Столь же активные старания прилагают реакционные ученые для извращения истории Коммунистического Интернационала. Как известно, Коммунистический Интернационал возник после многолетней борьбы с оппортунизмом и шовинизмом в рабочем движении⁴. Образование Коммунистического Интернационала диктовалось исторической необходимостью сплочения авангарда пролетариата для руководства рабочим движением в происходивших тогда революционных событиях. Возникновение Коминтерна, являвшееся результатом длительного революционного развития рабочего класса, явилось всемирно-исторической победой над оппортунизмом. Этот бесспорный факт и пытаются «опровергать» буржуазные историки. Они многократно повторяют «довод» оппортунистов, что образование Коммунистического Интернационала вызвало раскол,

¹ См. «Political Affairs», 1957, May, p. 35.

² Вопрос о фальсификации истории коммунистических партий рассматривается в другой работе автора: Е. Б. Черняк, Буржуазная историография рабочего движения, Соцэкгиз, 1960.

³ См. S. M. Lips e t, Political Man. The Social Bases of Politics, N. Y., 1960, p. 93. Впоследствии, по мнению этих историков, якобы влияние коммунистов сохраняется лишь «по инерции», а пресловутая «рука Москвы» мешает отказу компартий от революционности и «включению», подобно социал-демократам, в буржуазное общество.

⁴ См. В. И. Л е н и н, Третий Интернационал и его место в истории, Соч., т. 29, стр. 280.

ослаблявший силы рабочего движения¹. При этом умалчивается, что раскол уже давно был осуществлен реформистами, втоптавшими в грязь идеалы рабочего движения, перешедшими на сторону «своей» империалистической буржуазии и поддерживавшими империалистическую войну. Единства, о котором тогда лицемерно говорили оппортунисты, они хотели достигнуть на основе отказа от революционной борьбы, то есть на деле от защиты коренных интересов пролетариата, на основе полного подчинения рабочего движения интересам буржуазии.

Еще более беззастенчивым вымыслом является утверждение реакционных историков, что Коммунистический Интернационал был создан русскими в своих собственных интересах. Некоторые из этих историков доказывают, что создание Коминтерна якобы свидетельствовало, что Ленин и большевики не стремились искренне к мирному сосуществованию (хотя ясно, что вопрос о создании Интернационала революционных рабочих партий не имел отношения к вопросу о межгосударственных отношениях Советской России и капиталистического мира). В то же время в другой связи, когда им это выгодно, буржуазные и реформистские историки готовы защищать прямо противоположный, но столь же фальшивый тезис: поскольку Советской России не удалось заключить мир с капиталистическими странами, она «создала» Коминтерн². Но одного голословного повторения, что Москва «создала» Коммунистический Интернационал в своих целях, что Москва «господствовала» в Коминтерне, явно мало. Буржуазной историографии отчаянно нужны «доводы», которые хотя бы внешне подтверждали эту черную клевету. «Доводы» оказываются вполне подстать цели, для которой они изобретены. Нередко повторяется выдумка о том, что большинство руководителей Коминтерна было русскими большевиками. На самом деле из 20 членов Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала только пятеро являлись членами большевистской партии³. Некоторые буржуазные историки (вроде Флехтгейма) вынуждены признать этот факт, но тут же они добавляют, будто мифи-

¹ См. R. Crossman, Government and the Governed, p. 259.

² См. L. Shapiro, The Communist Party of the Soviet Union, p. 196.

³ См. В. И. Ленин, Письмо к немецким и французским рабочим, Соч., т. 31, стр. 255.

ческое «русское господство» было обеспечено тем, что Исполнительный Комитет находился в Москве и что большевики активно поддерживали Коминтерн¹. По этой «логике» во II (Бернском) Интернационале должны были господствовать швейцарцы, а в II ¹/₂ (Венском) — австрийцы.

Остальные доводы не лучше. Коминтерн, утверждают далее некоторые буржуазные историки, был создан вследствие убеждения Ленина, что обеспечена победа мировой революции. Когда же этой победы достигнуть не удалось, Коминтерн должен был вступить в полосу кризиса и «подчинения Москве». Все это построение является ложью от начала и до конца. В конкретно-исторической обстановке 1918—1923 годов имелись предпосылки для борьбы пролетариата за свержение капитализма. Пламенно призывая трудящихся к борьбе за социализм, великий вождь трудящихся В. И. Ленин в то же время предупреждал международное коммунистическое движение, что в объективной обстановке тех лет не было и не могло быть никаких «гарантий» немедленной всемирной победы пролетарской революции. «Абсолютно безвыходных положений не бывает, — указывал В. И. Ленин. — Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых... Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции»².

Что касается вывода о последующем «кризисе» Коминтерна, то такой вывод содержит не больше правды, чем ее имеется в тех вымыслах, на которых он основывается.

Еще одним «доводом», изобретенным фальсификаторами, является выдумка, будто Коминтерн потерял свой

¹ См. О. F l e c h t h e i m, Die Internationale des Kommunismus. 1917—1958, «Zeitschrift für Politik», 1959, SS. 233—234.

² В. И. Л е н и н, II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г., Соч., т. 31, стр. 202—203.

Международный характер после принятия в 1920 году на II съезде знаменитого «21 условия»¹. Как известно, «21 условие» приема в Коминтерн включало в себя требования перестройки всей работы партий, входивших в Коммунистический Интернационал, в духе подготовки борьбы за социалистическую революцию. Эти условия имели целью воспрепятствовать проникновению в Интернационал скрытых оппортунистов. Утверждение, что закрытием оппортунистам пути в Коминтерн он лишился международного характера, лучше всего иллюстрирует характер доводов, которыми оперирует реакционная историография. Или чего стоят такие изобретенные Сетон-Уотсоном «доказательства» мнимого подчинения Коминтерна «диктатуре русских», как исключение германскими коммунистами из своих рядов предателя и перерожденца П. Леви, а также мнимая организация в 1923 году «по приказу Москвы» Коминтерном кризиса в Германии². (Может быть, по мнению Сетон-Уотсона, «Москва» вызвала инфляцию, деградацию сельского хозяйства Германии, бедствия трудящихся масс или «Москва» руководила правым французским правительством Пуанкаре, отдавшим приказ об оккупации Рура, что вызвало экономическую катастрофу в Германии?)

Реакционные историки систематически пытаются выдать за «подчинение Москве» весь процесс организационного укрепления компартий после V конгресса Коммунистического Интернационала и их очищения от антиленинских элементов. Ненависть к революционному движению побуждает реакционеров видеть союзника в любом оппортунисте, какими бы «революционными» фразами он ни прикрывался. Так, Сетон-Уотсон хвалит как правого оппортуниста Бадлера, так и троцкистов Фишера и Маслова, спекулировавших в 1923—1925 годах левой фразеологией, и в то же время клеветает на героического вождя немецкого рабочего класса Э. Тельмана³. Даже создание производ-

¹ См. E. Richards, The Shaping of Comintern, «American Slavic and East European Review», 1959, Apr., pp. 197—204; H. Seton-Watson, From Lenin to Khrushchev, p. 97; G. Rauch, Lenin, Grundlegung des Sowjetsystem, B. — Fr., 1958, S. 83; L. Shapiro, The Communist Party of the Soviet Union, p. 197.

² См. H. Seton-Watson, From Lenin to Khrushchev, pp. 97, 102—103.

³ См. H. Seton-Watson, From Lenin to Khrushchev, pp. 97, 106.

ственных ячеек, укрепившее связь партии с рабочими массами, трактуется как «бюрократизация», уничтожение демократии, мера, вызвавшая недовольство пролетариата, и т. д.¹ В то же время реальные слабости, которые существовали у молодых компартий вследствие недостаточного овладения теорией ленинизма, изображаются как слабости, происшедшие якобы из-за того, что коммунисты руководствовались ленинским учением. (Или же непримиримость, отсутствие у большевиков, как выражается Флехтгейм, «терпения и терпимости, доверия и понимания» в отношении оппортунистов выдается за фактор, приведший к «ослаблению» Коминтерна и т. п.²).

Революционному пролетариату буржуазных стран наряду с победами пришлось испытать и поражения. Менявшаяся историческая обстановка требовала крутых поворотов в методах борьбы. Каждое временное отступление пролетариата рисуется реакционными историографами как «конец» коммунистического движения. Любое поражение рабочего класса любой страны выдается за свидетельство «неправильности» политики или «ненужности» Коминтерна³ (даже неудача всеобщей стачки 1926 г. в Англии, которой, как известно, руководили и которую предали реформистские главы Британского конгресса тред-юнионов)⁴. В то же время все победы рабочего движения объявляют следствием случайных, посторонних факторов, якобы никак не связанных с героической борьбой коммунистов. Издаются даже специально фальсифицированные

¹ См. «Zeitschrift für Politik», Н. 3, 1959, SS. 236—237.

² I' b i d., S. 236.

³ См. J. В о е r s n e r, The Bolsheviki and National and Colonial Question (1917—1928), Genève — Paris, 1957, p. 137 and next.

⁴ См. G. N o l l a u, Die Internationale. Wurzeln und Erscheinungsformen des proletarischen Internationalismus, Köln, 1959, S. 89 ff. (в дальнейшем: «Die Internationale»). Клевета на коммунистов идет у буржуазных и реформистских историков рука об руку с попытками выгородить реакционных вождей тред-юнионов, доказать вопреки всем фактам, что они не являлись предателями всеобщей стачки. (См., например, M. C o w d e n, Soviet and Comintern Policies toward the British General Strike of 1926, «World Politics», 1953, July, p. 529; J. S y m o n s, The General Strike, A Historical Portrait, L., 1957, p. 231.)

издания «документов Коминтерна»¹. Эти издания буржуазные ученые оценивают с точки зрения «доказательства» вымыслов о «кризисе Коминтерна» в 20-х годах и мнимом «русском засилье»². Как обращаются при этом буржуазные историки с документами, можно показать на примере уже упоминавшегося выше Г. Пеллинга, автора книги по истории компартии Великобритании. Если какой-либо документ Коминтерна был подписан членом КПСС, это для Пеллинга доказательство «засилья русских». Когда же под документом стоит подпись представителя другой компартии, фальсификатор, не смущаясь, пишет о попытке прикрыть «русское засилье». Английские коммунисты еще в 1926 году разоблачили эту набившую уже тогда оскоми-ну клевету в специальной брошюре «Приказы из Москвы?»: В брошюре показано на примере заседания Исполкома Коминтерна в марте 1926 года, на котором разбирались политика компартии Великобритании, что английские делегаты, как и все остальные участники совещания (американец, венгр, индеец и др), критиковали друг друга, в том числе и мнения советских товарищей³.

По сути дела все «доказательства» буржуазных историков, помимо прямых вымыслов, сводятся к факту, что компартии входили в международную организацию — Коммунистический Интернационал. (Следует напомнить, что существовали и существуют международные объединения правосоциалистических и католических партий.) Необходимость международного объединения диктовалась для коммунистических партий тогдашними условиями борьбы против сил международного капитала. В Коминтерне придавалось большое значение мнению делегатов Коммунистической партии Советского Союза, руководившей первой в мире победоносной социалистической революцией и накопившей огромный опыт революционной борьбы. Однако именно этот опыт подсказывал КПСС не навязывать своего мнения другим делегациям. Документы и протоколы заседаний всех органов Ком-

¹ См. «The Communist International Documents». Ed. by J. Degras, vol. II, 1923—1928, Oxford, 1960. (Оценку первого тома этого издания см. Ф. И. Ф и р с о в, Против фальсификации документов Коммунистического Интернационала, «Новая и новейшая история», 1959 г., № 2, стр. 180—184.)

² См. «Times Literary Supplement», Oct. 14, 1960.

³ См. «Marxism Today», 1958, Nov. p. 327.

мунистического Интернационала неопровержимо свидетельствуют, что в выработке его решений принимали активное участие делегации всех коммунистических партий.

Советский Союз являлся и является самой мощной опорой прогрессивных сил всего мира. Коренные интересы революционного пролетариата вполне закономерно должны были совпадать и действительно совпадали и совпадают с интересами Советского Союза. Эту очевидную истину и пытается буржуазная историография поставить под сомнение, не гнушаясь никакими средствами¹.

Уверяя, будто интересы коммунистов противоречили интересам рабочего движения, буржуазные историки делают еще одно «открытие». Интересы компартий (которые отождествляются с интересами пресловутого «национал-коммунизма», т. е. прикрытого буржуазного национализма), оказывается, противоречили интересам Коминтерна. После этого открытия историю коммунистического движения изображают в виде какой-то борьбы противоречивых интересов «интернационального» и «национального» коммунизма. Более того, доказывается, что «противоречие» интересов заключалось в том, что интересы всех компартий, кроме КПСС, требовали... развала Коминтерна². Эта неожиданная «забота» очень напоминает трогательное попечение ярого реакционера Х. Сетон-Уотсона об интересах европейских рабочих, во имя которых он «сожалеет», что Коминтерн не был распущен в 1923 году, а лейборист Кроссмен даже сетует на то, что Коммунистический Интернационал вообще был создан³.

Соревнуясь друг с другом в вымыслах, буржуазные историки прилагают самые рьяные усилия, когда пытаются доказать, что политика и тактика Коминтерна зависела не от развития международного рабочего движения, а только от развития КПСС. Буржуазные ученые на все лады расписывают клеветнические утверждения Троцкого, будто строительство социализма в одной стране «губило» Коминтерн и что борьба КПСС против троцкистов и пра-

¹ См. В. L a z i t c h, Les partis communistes d'Europe. 1919—1955, P., 1956, p. 30.

² См. М. К. D z i e w a n o w s k i, The Communist Party of Poland. An Outline of History, Cambr. (Mass.), 1959; «Social Research», 1956, N° 4.

³ См. Н. S e t o n - W a t s o n, From Lenin to Khrushchev, p. 104; R. H. G r o s s m a n, Government and the Governed, p. 259.

вых была искусственно перенесена в другие партии и т. п.¹ В действительности же победа Коммунистической партии Советского Союза над антиленинскими группировками троцкистов и правых была важным условием дальнейших успехов в строительстве социализма, в укреплении мощи Советского Союза, имевшей огромное значение для прогрессивных сил во всем мире. Реакционная историография скрывает причины существования в молодых компартиях оппозиционных антиленинских течений, являвшихся следствием буржуазного влияния на пролетариат. При этом ошибки, совершавшиеся коммунистическими партиями капиталистических стран в большей мере вследствие деятельности врагов ленинизма (троцкистов, правых и т. д.), выдаются за пороки, якобы внутренне присущие коммунистическому движению.

Освобождение от капитулянтов укрепило единство рядов КПСС, под руководством которой советский народ развернул гигантскую созидательную работу по индустриализации, социалистической реконструкции сельского хозяйства. Идеальный разгром оппозиционеров имел большое положительное значение и для всего международного рабочего движения. Очищение рядов компартий капиталистических стран от правых и «левых» оппортунистов, смыкавшихся с разгромленными в Советском Союзе антиленинскими группировками троцкистов и правых, усилило внутреннюю сплоченность и идейную закалку братских коммунистических партий перед предстоявшими классовыми боями.

В десятках буржуазных исторических «исследований» возводится поклеп на Коминтерн, будто он исходил в своих решениях не из условий, в которых вели борьбу коммунистические партии капиталистических стран, а из внутреннего положения и внешней политики Советского Союза². Как производится буржуазными историками эта фальсификация, достаточно показать на одном-двух примерах.

¹ См. Т. Д р а п е r, American Communism and Soviet Russia, p. 306; В. М о r r i s, Soviet Policy toward National Communism: the Limits of Diversity, «American Political Science Review», 1959, March, p. 130; Н. В е b e r, Von Rosa Luxemburg zu Walter Ulbricht. Wandlungen des deutschen Kommunismus, «Aus Politik und Zeitgeschichte», 29. Juli, 1959.

² См. G. N o l l a u, Die Internationale, S. 11 ff.; D. В о e r s - n e r, The Bolsheviks and National and Colonial Question (1917—1928); «American Historical Review», 1961, Apr., p. 706.

Выше уже упоминалось о лживом освещении Сетон-Уотсоном революционного кризиса 1923 года в Германии. Следует добавить, что, по утверждению английского историка, политика Коминтерна в этом вопросе определялась стремлением... сохранить Рапалльский договор 1922 года, заключенный Советским Союзом с Германией. Якобы ради этого Коминтерн «предписал» германским коммунистам добиваться единства с реакционными силами. Только после августа 1923 года, когда взамен кабинета Куно к власти пришло «прозападное» правительство Штреземана, коммунисты якобы решили «начать революцию». Факты начисто опровергают эту ложь. Они свидетельствуют, что с самого начала оккупации Рура Коммунистическая партия призывала к созданию единого национального фронта против реакционного правительства Куно. Коммунистическая партия Германии выдвинула боевой лозунг: «Нанесем удар по Куно и Пуанкаре, и в Руре, и на Шпрее». Коммунисты руководили весной и летом массовым забастовочным движением, в том числе 400-тысячной стачкой горняков. Обстановка в Германии осенью 1923 года определялась не приходом к власти «прозападного» Штреземана, а прежде всего тем, что в стране достиг наивысшей точки острый революционный кризис. В марксистской литературе подробно проанализировано развитие революционных событий, роль коммунистов, героическое Гамбургское восстание, а также причины неудачи борьбы пролетариата, связанные с оппортунистической политикой группы Брандлера, который действовал в прямом противоречии с принципами Коминтерна¹. Что же остается в свете этих общеизвестных фактов из вымысла Сетон-Уотсона о «роли Рапалло»? Ничего, кроме неуместного желания оболгать международное коммунистическое движение. Но свой лживый вымысел английский реакционер возводит в ранг «методологии», с помощью которой он объясняет всю политику Коминтерна. Касаясь истории сентябрьского восстания 1923 года в Болгарии, Сетон-Уотсон также «абстрагируется» от ... истории Болгарии этих лет. Его не занимает ни история рабочего и крестьянского движений, ни расстановка классовых сил в этой стране, ни борьба против фашистского прави-

¹ См. Д. С. Д а в и д о в и ч, Некоторые вопросы предьстории Гамбургского восстания 1923 года, «Новая и новейшая история», 1959 г., № 3, стр. 67—87.

тельства Цанкова и назревание осенью 1923 года революционного кризиса. Он спешит, как и для Германии, подписать подходящий по времени дипломатический трактат, которым оказывается на этот раз Лозаннский договор. После этого нетрудно найти «объяснение» для героического восстания болгарского пролетариата: Советский Союз не был удовлетворен режимом проливов, установленным на Лозаннской конференции. «Революция в районе, соседнем с Турцией и с проливами, стала более желательной, чем когда бы то ни было. Поэтому болгарские коммунисты получили приказ действовать»¹. Как видно, «методология» Сетон-Уотсона таит неисчерпаемые возможности для разгула фантазии реакционных историков.

Приведем еще один пример. В буржуазной историографии упорно доказывается, что тактика подготовки к решающим классовым боям и усиления борьбы против правых социал-демократических лидеров, которую проводили компартии после VI конгресса Коммунистического Интернационала, определялась борьбой против правых и курсом на коллективизацию в Советском Союзе². При этом буржуазные историки отодвигают на задний план один «пустяк» — мировой экономический кризис, наступление которого предсказывал VI конгресс и который привел к невиданному обострению классовых противоречий в странах капитала, формированию революционной ситуации в ряде государств. Политику народного фронта, проводившуюся компартиями, буржуазные фальсификаторы также выводят из «перестройки» внешней политики Советского Союза, вступившего в Лигу наций, заключившего договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, стремившегося к созданию системы коллективной безопасности³. Бесспорно, что перед лицом образования очагов военной опасности в Европе и Азии Советский Союз приложил максимальные усилия для создания системы коллективного обеспечения безопасности и предотвращения агрессии. В изменившейся международной обстановке Лига наций, где господствующие позиции занимали Англия и Франция, оказавшиеся в состоянии обороны против Германии и Японии, могла сыграть известную положительную

¹ H. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, p. 103.

² См. O. Flechtlein, *Die Internationale des Kommunismus. 1917—1958*, «Zeitschrift für Politik», 1959, Н. 3, S. 240.

³ *Ibid.*, S. 242.

роль в борьбе за мир. Это определило решение Советского Союза вступить в Лигу наций. Интересы борьбы за укрепление мира и организации отпора агрессии побудили Советский Союз, не взирая на роль, которую сыграла в прошлом французская империалистическая буржуазия в интервенции Антанты и в сколачивании антисоветских блоков, заключить с Францией договор о взаимопомощи. Этот договор отвечал национальным интересам СССР и Франции, а также интересам обеспечения международной безопасности. Но фашизм угрожал не только Советскому Союзу, а в такой же мере рабочему движению, национальной независимости и самому существованию всех народов, и в первую очередь народов европейских стран. Коммунистические партии полностью осознали, какую грозную опасность для всего прогрессивного человечества представляет фашизм и подготавливаемая им новая мировая война. Жизненные интересы рабочего движения властно требовали развертывания борьбы за единство пролетариата, за создание широкого народного фронта против фашизма и войны. Таковы были подлинные причины борьбы компартий за народный фронт, которые буржуазная историография хотела бы представить следствием «сдвигов» во внешней политике СССР.

Вымыслы о политике Коминтерна как о «кознях Москвы», тысячекратно повторяемые в буржуазных работах, были подхвачены и в ревизионистской среде¹.

Фальсификация буржуазной наукой истории рабочего движения во многом строится на использовании «теорий», развивавшихся троцкистами, анархо-синдикалистами, реформистами и представителями других антиленинских течений. Реакционная историография прочно взяла на вооружение троцкистскую клевету о национальной ограниченности ленинизма, анархо-синдикалистские и реформистские нападки на демократический централизм, ревизионистские выпады против единства коммунистических партий, стремление правых социал-демократов и современных ревизионистов выдать социализм, восторжествовавший в СССР и странах народной демократии, за госкапитализм, а государственно-капиталистические тенденции в буржуазных странах — за социализм и т. д.

¹ См. об этом «Проблемы мира и социализма», 1959 г., № 12, стр. 91—93.

Реакционные историки изображают в грубо карикатурном виде стратегию и тактику компартии, строившуюся на основе научного анализа расстановки классовых сил, как какие-то постоянные «зигзаги» между «левой» и «реформистской» линиями¹. «Левая» линия, мол, проводилась в 1917—1922, 1929—1933 и 1939—1941 годах, а «реформистская» — в 1923—1928 и 1934—1938 годах². Некоторые историки изобретают даже нелепые законы смены этих «линий» в политике компартий³.

Причину «колебаний» (помимо «руки Москвы») буржуазные ученые отыскивают не в изменившихся условиях, а в «неудачах» прежней тактики, и особенно в противоречии между марксистской «догмой» и мнимым консерватизмом пролетариата, который принуждал коммунистов к «реформизму»⁴. «Реформизмом», понятно, объявляется любая защита коммунистами экономических и политических интересов рабочего класса в рамках капиталистического строя, а также любые формы сотрудничества или компромисса между коммунистами и другими партиями, несмотря на то что эти компромиссы помогали осуществлению революционной борьбы пролетариата. Выдавая последовательные выступления коммунистических партий в защиту экономических интересов рабочего класса в рамках капитализма за «отречение» от ленинизма, буржуазные фальсификаторы в то же время обвиняют коммунистов в прямо противоположном, в том, что, руководствуясь марксистскими «догмами», они преследовали этой защитой якобы «посторонние» для рабочего класса революционные цели. Любая тактика коммунистов вызывает бранные эпитеты со стороны буржуазных историков. «Левая» тактика объявляется «авантюризмом», а «реформистская» — отказом от ленинизма, обе — губительными для рабочих и т. п.⁵ Но эта брань лучше всего выдает классовую ненависть буржу.

¹ См. «American Historical Review», 1961, Apr., p. 706.

² См. R. Aron, *Le Grand schisme*, P., 1948, pp. 196—197; M. Sokolova, *Les congrès de l'Internationale socialiste entre les deux guerres mondiales*, P., 1953, p. 164.

³ См. O. Flechtheim, *Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik*, SS. 220—223.

⁴ См. T. Draper, *American Communism and Soviet Russia*, p. 11; B. Lazitch, *Les partis communistes d'Europe. 1919—1955*, p. 15.

⁵ См. O. Flechtheim, *Die Internationale des Kommunismus. 1917—1958*, «Zeitschrift für Politik», 1959, H. 3, S. 238 ff.

азных историков к революционной тактике Коммунистического Интернационала. Ведь чем, как не бессильной злобой, можно объяснить такие ученые «доводы», что коммунисты ответственны за... все злодеяния контрреволюции, поскольку, мол, те совершались для борьбы с рабочим и коммунистическим движением¹, или, что успехи социалистического строительства в СССР... ослабляли революционность рабочего класса².³ Никакой кунсткамеры нехватит, чтобы собрать все абсурдные «доводы», которые изобретают реакционные историографы в надежде скомпрометировать Советский Союз и международное коммунистическое движение.

5

Чтобы очернить Коминтерн, буржуазные ученые не останавливаются и перед чудовищной ложью, будто бы немецкие коммунисты «по приказу Москвы» выступали чуть ли не союзниками нацистов и помогли им прийти к власти в Германии³. Этот «довод» буржуазных фальсификаторов истории повторил государственный департамент США в опубликованной в 1959 году справке по Берлинскому вопросу, которая была рассчитана на отравление международной атмосферы⁴. Однако многие буржуазные историки сознают абсурдность этой клеветы, не подкрепляемой буквально ничем, кроме «ссылок» на показания заведомых политических проходимцев и ренегатов рабочего движения, готовых засвидетельствовать все, что будет угодно их хозяевам. Поэтому изобретена теория, что коммунисты, критикуя социал-демократов, якобы «расшатывали» рабочее движение, вследствие чего фашизму удалось прийти к власти. Буржуазные историки изображают Коммунистическую партию Германии в виде противника единого фронта, в виде силы, которая подорвала Веймар-

¹ См. H. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, p. 58.

² См. S. B. Clough, *The Economic Development of Western Civilization*, N. Y., 1959, p. 434.

³ См. D. Brogan, *The Price of Revolution*, p. 85; G. Nollau, *Die Internationale*, S. 94; G. Mann, *Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts*, Fr. am/M., 1960, S. 795.

⁴ См. «United States News and World Report», Jan. 16, 1959, p. 65.

скую республику¹. Напротив, подыскиваются любые благовидные оправдания действий правых социал-демократических лидеров, расчищавших дорогу фашизму. Они не проповодили действий в защиту рабочего класса, оказывается, вотому, что... боялись за республику, были «вынуждены» из-за коммунистов вступить на путь контрреволюции и союза с милитаризмом для борьбы против «красной опасности» и спасения Европы, а если и согрешили, то только в том, что тогда на словах еще не отказались окончательно от марксизма² и оказались недостаточно «националистичными» в глазах народа. Кроме того, хотя, мол, для социал-демократов единый фронт с коммунистами был связан со смертельным риском³, они все же предлагали единство действий против фашизма, причем последнюю попытку сделали еще в феврале 1933 года, но натолкнулись на отказ со стороны КПГ⁴.

Историческая правда не имеет ничего общего с этими бессовестными измышлениями. Как же обстояло дело в действительности? В годы мирового экономического кризиса 1929—1933 годов, о неизбежном наступлении которого задолго до его начала коммунисты предупреждали массы, компартии проводили правильную политическую линию. Однако в сложной обстановке, вызванной резким обострением классовых противоречий и нарастанием фашистской угрозы, не удалось избежать ошибок тактического характера. П. Тольятти, анализируя деятельность коммунистических партий в годы кризиса, считает, что имела место известная недооценка фашистской угрозы:

¹ См. K. Bracher, *Die Auflösung der Weimarer Republik*, Stuttgart, 1955, SS. 503, 598, 644 ff.; K. P i n s o n, *Modern Germany. Its History and Civilization*, N. Y., 1955, p. 419; H. S e t o n-W a t s o n, *From Lenin to Khrushchev*, pp. 109—110; J. D e g r a s, *Revisiting Comintern*, «Soviet Survey», 1960, July—Sept., p. 43.

² См. W. M a e h l, *The Anti-Russian Tide in German Socialism*, «American Slavic and East European Review», 1959, Apr., pp. 187—196; е г о ж е, *Recent Literature on the German Socialists. 1891—1932*, «Journal of Modern History», 1961, Sept., p. 305; W. E b e n s t e i n, *Today's isms*, pp. 155—156; H. H e i d e g g e r, *Die deutsche Sozialdemokratie und der National Staat, 1870—1920*, S. 379; «The Concise Encyclopaedia of World History», pp. 483—484; C. G n e u s s, *Eduard Bernstein. How it All Began*, «Soviet Survey», 1960, July—Sept., p. 20.

³ См. O. F l e c h t h e i m, *Die Internationale des Kommunismus. 1917—1958*, «Zeitschrift für Politik», 1959, H. 3, S. 238.

⁴ См. D. T r e a d g o l d, *Twentieth Century Russia*, Chi., 1959, pp. 309—310.

Выражая возмущение масс предательским поведением правых социал-демократов, коммунисты не всегда достаточно умело проводили различие между насквозь коррумпированными элементами и профашистами и пусть нерешительными сторонниками сопротивления фашизму. Ошибки сектантского характера затрудняли борьбу компартии за единый фронт. Не избежала ошибок и КПГ, провозглашавшая основной целью социалистическую революцию, хотя в начале 30-х годов для этого не было необходимых предпосылок¹. Немецкие коммунисты, в частности вследствие деятельности предательской группы Неймана—Реммеле, иногда не использовали имевшиеся возможности установления единства действий с местными организациями социал-демократической партии и находившихся под ее влиянием профсоюзов.

Однако фальсификацией истории является утверждение, будто к срыву единого фронта привела политика компартии Германии. Немецкие коммунисты вели героическую борьбу против нацистов, за единый антифашистский фронт. Еще в 1929 году Э. Тельман призвал партию «выдвинуть на первый план в гораздо большей мере, чем до сих пор, революционную борьбу против фашизма»². Поскольку, однако, коррумпированные социал-демократические лидеры вроде Цёргибеля, организовавшего в 1929 году расстрел майской рабочей демонстрации в Берлине, Зеверинга, О. Брауна и др. и слышать не хотели о единстве, КПГ призвала к созданию единого революционного фронта снизу³. В ответ социал-демократические лидеры, под контролем которых находилась полиция, продолжали политику потворства фашизму и подавления стачек. Социал-демократические руководители предпочитали заключать сделки с реакционными партиями и, следуя своей «теории меньшего зла», скатывались со ступеньки на ступеньку, пока не дошли до полной капитуляции перед фашизмом.

В 1932 году, когда фашистские тучи еще более сгустились над Германией, коммунисты с возрастающей настойчивостью призывали к антифашистскому единству трудя-

¹ См. «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», В., 1946, S. 46.

² Э. Тельман, Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения, т. II, ИЛ, 1958, стр. 178.

³ Там же, стр. 265.

щихся. В беседе с рабочими социал-демократами Э. Тельман заявил: «Мы, коммунисты, не ставим рабочему классу никаких условий, кроме одного: храброй, самоотверженной готовности и воли вести, используя все пролетарские способы действий, массовую борьбу против фашизма и снижения заработной платы»¹. Коммунисты предложили социал-демократам организовать всеобщую забастовку протеста против роспуска канцлером Папенем социал-демократического правительства Пруссии. Эта забастовка имела бы все шансы на успех². В ответ реформистские главы усилили нападки на компартию и хвастали «достижениями» социал-демократического правительства в подавлении деятельности коммунистов³. Социал-демократические лидеры, по собственному признанию, заранее отклоняли идею единства действий с коммунистами⁴. Даже после прихода фашистов к власти, когда КПГ предложила объявить всеобщую забастовку, социал-демократические вожди не только отклонили это предложение ссылкой на то, что Гитлер стал рейхсканцлером «на законном основании», но и выдвинули устами Вельса на Брюссельской конференции в апреле 1933 года капитулянтскую теорию безнадежности борьбы против фашизма.

Что могут противопоставить этим неопровержимым фактам реакционные «историографы» коммунистического движения. Только новые выдумки о том, что и после 1933 года германские коммунисты якобы долгое время отвергали идею единого фронта с социал-демократами. «Доказательства» сводятся к вырванным из контекста цитатам, объявлению всех призывов к единству действий «маневрами», направленными на «подрыв» социал-демократической партии, а также игнорированию раскольнической антикоммунистической деятельности, которую продолжали лидеры германской социал-демократии и которая не могла не вызвать справедливую критику со стороны коммунистов⁵.

¹ «Die Rote Fahne», 13. Juli 1932.

² См. W. P i e c k, Reden und Aufsätze, Bd. I, B., 1950, S. 400.

³ См. «Die Rote Fahne», 31. Juli 1932.

⁴ См. F. S t a m p f e r, Erfahrungen und Erkenntnisse. Aufzeichnungen aus meinem Leben, Köln, 1957, S. 264; L. E d i n g e r, German Exile Politics. The Social-Democratic Executive Committee in the Nazi Era, Berkley, Los Angeles, 1958, p. 9.

⁵ См. S. B a h n e, Zur Vorgeschichte der Volksfront. Die Kommunistische Einheitsfrontpolitik gegenüber der Sozialdemokratie in den Jahren 1933—1935, «Zeitschrift für Politik», 1960, H. 2, SS. 169, 177—178 ff.

Буржуазная историография уделяет большое внимание истории народного фронта, преследуя при этом прежде всего прозрачную политическую цель — привести якобы научные доводы для обоснования мнимой невозможности единства действий с коммунистами. В освещении истории народного фронта в полной мере отражается ненависть современной империалистической буржуазии не только к социализму, но и к последовательной демократии, осуществление которой противоречило бы безраздельному господству монополистического капитала.

Буржуазная историография, пытаясь придать своей клевете «всесторонний» характер, настойчиво проводит три взаимоисключающих тезиса: во-первых, что политика народного фронта означала якобы отказ от идей марксизма-ленинизма, во-вторых, что она представляла собой «маневр» коммунистов для подрыва позиций своих временных союзников и, наконец, в-третьих, что коммунистические партии срывали организацию народного фронта. Первый тезис является попросту повторением вымыслов троцкистов, которые недаром изображаются буржуазными историками как «истинные революционеры». На деле «левые» фразы троцкистов подрывали борьбу против наступавшего фашизма. Мерилом революционности партии являются не слова, а то, насколько ее действия направлены на решение главных задач революции. Единство действий пролетариата там, где оно было достигнуто, не только преграждало дорогу фашизму, но и способствовало идейному и политическому росту рабочего класса, закладывало предпосылки для его грядущего освобождения. Вопреки мнению реакционных историков, политика народного фронта не имела ничего общего с оппортунистической политикой меньшего зла, являвшейся политикой раскола и ослабления рабочего класса, снижения его жизненного уровня, сговора правых социал-демократических вождей с реакцией и расчищения дороги фашизму. Напротив, политика народного фронта вела к сплочению сил рабочего класса, улучшению условий жизни трудящихся, повышению их политической сознательности и укреплению их организаций.

Правительства народного фронта также принципиально противоположны по своему характеру так называемым «рабочим правительствам», которые образовывались социал-демократами. «В то время как социал-демократи-

ческое правительство представляет собой орудие классового сотрудничества с буржуазией в интересах сохранения капиталистического строя; *правительство единого фронта* является органом сотрудничества революционного авангарда пролетариата с другими антифашистскими партиями в интересах всего трудового народа, правительством борьбы против фашизма и реакции»¹.

Второй тезис реакционных историков о том, что борьба коммунистов за создание народного фронта диктовалась не стремлением преградить дорогу фашизму, а желанием подорвать позиции других партий, входивших в народный фронт, столь же фальшив, сколь и первый. Пролетариат выступал последовательным борцом за коренные интересы подавляющего большинства народа от посягательств крупного капитала, реакции, фашизма. Антифашистский народный фронт складывался в результате решительных выступлений пролетариата в защиту требований трудящегося крестьянства и городской мелкой буржуазии, которые сочетались с требованиями рабочего класса.

Для коммунистов борьба за народный фронт — не временный тактический прием, не избирательный маневр, а последовательная политика, направленная на создание прочного союза рабочего класса и средних слоев.

Остается третий тезис реакционной историографии, что коммунисты якобы срывали политику народного фронта; его обычно «обосновывают» ссылками на историю Франции. Коммунисты будто бы фактически содействовали фашистскому путчу в феврале 1934 года и нарушали единство действий рабочих². На деле Коммунистическая партия многократно предлагала социалистам установить единство действий. 6 марта 1933 г. она выдвинула проект программы действий обеих партий³, которая впоследствии вошла в программу народного фронта. Несмотря на резко отрицательную позицию руководства социалистической партии, коммунисты продолжали настойчивую борьбу за единство

¹ Г. Д и м и т р о в, Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, Госполитиздат, 1958, стр. 63.

² См. J. M a g c u s, French Socialism in the Crisis Years 1933—1936. Fascism and the French Left, N. Y., 1958, pp. 47, 57—58, 60—61;

³ См. «L'Humanité», 6 mars, 1933.

рабочего класса. В день фашистского мятежа 6 февраля 1934 г. компартия опять призвала к единству действий всех трудящихся, заявляя, что готова «совместно бороться со всеми, кто действительно стремится сразиться против фашизма»¹. 9 февраля коммунисты первыми организовали мощную антифашистскую демонстрацию в Париже. Вопреки саботажу со стороны Л. Блюма и других правых лидеров социалистической партии, французские коммунисты добились создания народного фронта².

Но ведь коммунисты критиковали другие партии, участвовавшие в народном фронте, и это разваливало народный фронт, уверяют реакционные историки³. На самом деле все партии, входившие в народный фронт, а не только одни коммунисты, сохраняли право критиковать друг друга и использовали это право. Но принципиальным отличием коммунистов является именно то, что их критика была всегда направлена против попыток сорвать выполнение программы народного фронта. Еще большей ложью являются утверждения, что рабочий класс не продемонстрировал патриотизма, а коммунисты поощряли его действия, ввергли Францию в «промышленный хаос», подорвали обороноспособность страны в критические месяцы накануне мюнхенского соглашения 1938 года и т. п.⁴ В действительности французские рабочие показали в период народного фронта высокие образцы патриотизма. Реакционные историки пишут о забастовках, но забывают, что эти стачки были ответом на попытки крупной буржуазии ликвидировать завоевания народного фронта, ответом на предательство ею национальных интересов Франции. Буржуазная историография твердит, что распадение народного фронта было неизбежно вследствие того, что интересы социальных слоев, входивших в его состав, были якобы диаметрально противоположны. На самом деле расхож-

¹ См. «L'Humanité», 6 fév., 1934.

² См. В. И. Антюхина-Московченко, Провал фашистского мятежа 6 февраля 1934 года и зарождение Народного фронта во Франции, «Новая и новейшая история», 1959 г., № 6, стр. 57—75; М. К у н и н а, В. М а р к о в а, Коммунисты Франции в борьбе за Народный фронт (1934—1936 гг.), Госполитиздат, 1961.

³ См. H. Seton-Watson, From Lenin to Khrushchev, pp. 178—179.

⁴ См. V. Logwin, The French Labor Movement, p. 80; D. Treadgold, Twentieth Century Russia, p. 322.

дение интересов не было главным. Политика народного фронта отвечала коренным интересам всех трудящихся и средних слоев, и только предательство руководящей верхушки правых социалистов и радикалов, поддавшихся давлению крайней реакции, воспрепятствовало осуществлению программы народного фронта.

Что же касается часто приводимого «довода», что политика народного фронта подрывала «моральное единство» Франции и даже разоружала ее перед лицом фашистской агрессии¹, то в переводе на обычный язык это означает следующее: поскольку в страхе перед народным фронтом крупная буржуазия пошла на национальное предательство, то за это следует осудить... народный фронт(!) Перед нами снова знакомый «метод» перекладывания на пролетариат ответственности за действия империалистической буржуазии — метод циничной фальсификации истории.

Буржуазная историография полностью искажает историю народного фронта в Испании, лживо рисуя компартию как силу, якобы «разлагавшую» народный фронт². Клеветнически извращается роль компартии Испании, руководившей героической трехлетней национально-освободительной войной испанского народа против мятежников и интервентов.

Изображение реакционной историографией политики народного фронта как «коммунистического маневра» представляет собой лишь частный случай фальсификации истории, согласно которому осуществление пролетариатом единых действий с другими классами преследовало якобы цели, направленные против этих союзников рабочего класса.

В современную эпоху социалистические революции, народно-демократические и национально-освободительные революции, массовые выступления крестьянства, движения против засилья монополий, против фашизма и войны сливаются в единый революционный поток, размывающий основы и ускоряющий неотвратимый крах капитализма. Отражая стремление монополистического капитала разобщить антиимпериалистические силы, буржуазная истори-

¹ См. Н. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, p. 182.

² В таком же духе извращается нередко история интернациональных бригад. (См., например, J. Symons, *The Betrayed Idealists*, «Sunday Times», July 23, 1961.)

ография пытается представить рабочее движение в качестве врага всех классов и социальных групп, которые выступают совместно с пролетариатом против финансовой олигархии. В частности реакционные историки широко применяют этот прием фальсификации при освещении политики международного коммунистического движения в отношении крестьянства.

Реакционная историография стремится отыскать антагонистические противоречия между рабочим классом и крестьянством. Она утверждает, что переход рабочих от либерализма к социализму якобы сопровождался в Западной Европе переходом всего крестьянства на позиции консерватизма¹. Подобно тому, как при изложении истории рабочего движения буржуазные историки фальсификаторски отождествляют рабочую аристократию и весь пролетариат, так они проводят знак равенства между позицией кулачества и всей массы крестьянства. Буржуазные историки много пишут о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс якобы отрицательно относились к крестьянству и что примирения с крестьянством рабочее движение могло достигнуть только на путях оппортунистической политики и отказа от марксизма. Что касается России, а потом и других стран, то там, мол, происходила «крестьянская» революция, а коммунисты только воспользовались ею для осуществления своей революции. Политика пролетарской диктатуры якобы усиливает противоречия между пролетариатом и крестьянством и т. д.² Коммунисты, мол, только прикидываются друзьями крестьян, а на деле являются их врагами, именуют мелкими буржуа и агентами капитализма³. Лживость всех этих утверждений ясна для каждого знакомого с азами марксизма. Основатели научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что крестьянство, хотя и в другой форме, чем рабочий класс, тоже подвергается эксплуатации со стороны капитала и яв-

¹ См. D. Mitrany, *Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism*. North Carolina University Press, 1952, p. 20 (в дальнейшем: «Marx against the Peasant»).

² См. D. Mitrany, *Marx against the Peasant*, pp. 41, 75, 227, 229—230, 235; H. Seton-Watson, *Neither War nor Peace*, p. 121 and next. Аналогичные теории развиваются у P. Radkey, *The Agrarian Foes of Bolshevism*, N. Y., 1958; H. Dinerstein, *Communism and the Russian Peasant*, N. Y., 1955 и др.

³ См. «Handbuch des Weltkommunismus», SS. 443—445.

ляется естественным союзником пролетариата¹. В гениальных трудах В. И. Ленина всесторонне обоснована необходимость союза рабочего класса и крестьянства. Пролетариат применяет насилие только против капиталистов, помещиков и их пособников, но не против трудящихся классов. В. И. Ленин подчеркивал, что пролетариат, завоевав власть, должен «потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как оружие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»². Марксизм-ленинизм учит, что поддержание и укрепление братского союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса является высшим принципом диктатуры пролетариата. Крестьянству союз с пролетариатом нужен для уничтожения феодального и полуфеодального землевладения, сохраняемого буржуазией для защиты своих интересов от наступления монополистического капитала. «Развитие капитализма окончательно развеяло легенду об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Монополии заняли господствующие позиции и в сельском хозяйстве. Миллионы фермеров и крестьян сгоняются с земли, а их хозяйство продается с молотка. Мелкое хозяйство держится ценой невероятных лишений, недопотребления и чрезмерного труда крестьян»³. Спасение для крестьянства заключается в союзе с пролетариатом в совместной борьбе против монополий. Руководящая роль пролетариата в союзе рабочего класса и крестьянства необходима не для создания каких-то привилегий рабочим, а во имя успеха общего дела. Рабочий класс, лучше организованный и подготовленный, добровольно берет на себя главную тяжесть в борьбе против империализма. Коммунистические партии выступали и выступают последовательными защитниками интересов крестьянства, ведут борьбу за демократическую аграрную реформу, раздел между безземельными и малоземельными крестьянами помещичьей земли. Социалистическая революция приводит к передаче крестьянству земли, принадлежавшей помещикам и буржуазии. Коммунисты верят в силы и разум

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Соч., т. 8, стр. 211.

² В. И. Ленин, Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, Соч., т. 30, стр. 240.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 30.

крестьянских масс, в их способность активно участвовать в строительстве социалистического общества. Путь добровольной кооперации является единственным верным путем к коренному улучшению положения всего крестьянства, к социалистическому переустройству деревни.

Исторический опыт социалистического строительства неопровержимо свидетельствует, что ленинский кооперативный план «доказал свою великую жизненность как для тех стран, где существовала длительная традиция глубокой привязанности крестьянства к частной собственности на землю, так и для стран, недавно покончивших с феодальными отношениями»¹. Опыт истории показал всю лживость измышлений буржуазных идеологов о враждебности коммунистов интересам крестьянства. Повторение этих вымыслов в новейшей реакционной историографии — лишнее свидетельство бесплодия буржуазной мысли, не имеющей возможности противопоставить всепобеждающей правде марксизма-ленинизма ничего, кроме старых, лживых рассказней.

Выработался целый ряд «стандартов», с помощью которых буржуазная историография пытается извратить историю компартий самых различных стран.

Коммунистические партии, как правило, проходили в своем историческом развитии ряд этапов политического и организационного роста. Первоначально возникали пропагандистские группы, которые позднее образовывали на первых порах немногочисленную партию, начинавшую активную политическую работу, и лишь через более или менее продолжительный промежуток времени происходил процесс превращения партии в крупную политическую силу, в подлинный авангард пролетариата и всех трудящихся масс. Буржуазная историография всячески обыгрывает период, когда компартия еще сравнительно немногочисленна и слабо связана с массами, объявляя это свидетельством ее «догматизма», «отрыва от жизни» и т. п. В дополнение к этому фальсификаторы утверждают, что превращение компартий в массовые партии — это просто результат особенностей исторического развития отдельных стран. Так, В. Лорвин называет в качестве причин роста Французской коммунистической партии «социальный и

¹ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 16—17.

экономический климат» Франции, вызванный тем, что предприниматели больше заботились о безопасности сделанных капиталовложений, чем о развитии производства, а также «старую французскую традицию» принадлежать к самой левой партии и даже... «реформизм» рабочих или равнодушие к политике¹. Другие американские реакционные исследователи добавляют еще «революционные рефлексы» французских рабочих, неумение французских капиталистов установить личные дружеские отношения с рабочими и «заинтересовать» их в успехах предприятия и т. п. Крестьяне, оказывается, отдают голоса за компартию вследствие «воспоминаний о прошлых обидах со стороны феодального сеньора», «семейного соперничества», «привычки» голосовать против правительства и тому подобных «факторов»².

Буржуазные историки пытаются применить и к истории компартии метод, используемый для фальсификации истории рабочего движения конца XIX — начала XX века. Они уверяют, что компартии, в частности, в 20-е годы нашего столетия, якобы состояли из рабочих, которые не были коммунистами и интересовались лишь частными социальными реформами, и из интеллигентов анархистского толка, которые одни только и собирались «делать» революцию³. Однако трудящиеся на собственном опыте всегда убеждаются, что только коммунистические партии являются защитниками их интересов. Безработица, нищета, национальный гнет, милитаризм и другие «преимущества» буржуазного строя, с которыми приходится знакомиться трудящимся на собственном опыте, больше всяких книг обучают их ненависти к капиталистическому строю. Буржуазная наука, отрывая по своему обычаю эти проявления капиталистического строя от его сущности, доказывает, что масса членов коммунистической партии вовсе не являются противниками капитализма, а вошли в ряды коммунистического движения из-за ненависти к войне, желания ускорить реформы, в знак протеста против нацио-

¹ См. W. E b e n s t e i n, *Today's isms*, p. 136; V. L o r w i n, *The French Labor Movement*, pp. 281, 301; H. S e t o n - W a t s o n, *From Lenin to Khrushchev*, p. 295.

² См. C. M i c a u d, *The Bases of Communist Strength in France*, «The Western Political Quarterly», 1955, Sept., pp. 360—361; H. E h r m a n, *French Peasant and Communism*, «American Political Science Review», 1952, vol. XLVI.

³ См. «Times Literary Supplement», Oct. 14, 1960.

нального гнета и т. п.¹ В то же время партийные кадры компартий изображаются в полном согласии с ревизионистами и ренегатами типа Джиласа в виде «особого класса»² и т. д. Буржуазная историография здесь выполняет четкую политическую задачу реакции: преуменьшить силы революционного рабочего движения и бросить тень на наиболее закаленные и опытные кадры борцов. Буржуазные и реформистские авторы упорно протаскивают фальшивую мысль, что якобы в силу «исчезновения революционности» пролетариата, когда коммунисты завоевывают руководящие позиции в рабочем движении, оно теряет свою эффективность. Бывший помощник представителя АФТ в Европе Л. Дейл, занявшийся историей, попытался доказать этот голословно повторяемый тезис на примере французского рабочего движения. Но как только фальсификаторы пытаются приводить конкретные факты, эти факты обращаются против них. Дейл уверяет, что профсоюзное движение во Франции стало деградировать, как только в 1936 году произошло слияние революционных профсоюзов и Всеобщей конфедерации труда, находившейся тогда под руководством реформистов³. В действительности за год единая ВКТ увеличила число своих членов с 1 млн. до 5,3 млн. человек, что является рекордным ростом в истории профсоюзного движения капиталистических стран⁴. Факты свидетельствуют о неуклонном подъеме профсоюзного движения на основе единого рабочего фронта, авангардная роль в котором принадлежала Французской коммунистической партии.

Через всю буржуазную историографию международного коммунистического движения красной нитью проходит стремление извращенно изобразить соотношение меж-

¹ См. G. A l m o n d, *The Appeals of Communism*; J. E d g a r H o o v e r, *Masters of Deceit. The Story of Communism in America*, p. 106 and next.

² См. H. S e t o n - W a t s o n, *From Lenin to Khrushchev*, pp. 340—342; K. C o l e g r o v e, *Democracy versus Communism*, N. Y., 1957, pp. 20—23; C. M i c a u d, *Organization and Leadership of the French Communist Party*, «World Politics», 1952, vol. IV. Эту клевету активно поддерживают и церковники, например J. A. A b b o, *Political Thought. Men and Ideas*, Newman Press, 1960, p. 367.

³ См. L. D a l e, *Marxism and French Labor*, N. Y., 1956, p. 140.

⁴ Это признает даже реакционный историк В. Лорвин. (См. V. L o r w i n, *The French Labor Movement*, p. 74.)

ду теорией и практикой Коммунистического Интернационала и компартий. Принцип единства теории и практики является одним из руководящих принципов марксизма-ленинизма. Теория, представляющая собой осмысление и обобщение практического опыта, обслуживает потребности практики, которая со своей стороны не может быть успешной без света теории. Теория обогащается и развивается на основе обобщения практического опыта. Выдающимся примером творческого обогащения марксистско-ленинской теории являются решения XX и XXII съездов КПСС, дающие научно обоснованный ответ на важнейшие вопросы общественного развития в современную эпоху. Марксизм учит, что практика является конечной целью теории. Однако всякие попытки искажения фактов и результатов теоретического исследования, отражающих объективные законы развития природы и общества, в угоду любым конъюнктурным соображениям и выгодам противоречат самым основам марксистско-ленинского учения. Любая необъективность в теоретическом исследовании нарушает требования марксистско-ленинской партийности, поскольку коренные интересы рабочего класса несовместимы с искаженным отображением действительности, и в частности закономерностей общественного развития. Между тем часть буржуазных ученых не гнушается и вымыслом, что даже теория империализма была создана Лениным не на основе научного исследования развития капитализма, а просто в связи с желанием «произвести революцию»¹.

Пытаясь оклеветать коммунистическое движение, буржуазная историография делает попытки представить марксистско-ленинскую теорию то как простое обоснование меняющейся тактики, то в виде собрания застывших «догматических формул». Любое творческое развитие марксистско-ленинской теории буржуазные историки объявляют либо «отречением от марксизма» под давлением жизни, либо, напротив, каким-то «маневром», призванным скрыть сохранение в неизменности прежних взглядов. В то же время верность коммунистических партий марксизму-ленинизму рисуется в одних случаях как догматизм, мешающий коммунистам видеть действительность такой, какой она есть, а в других, напротив, — как прикрытие какого-то от-

¹ См. D. G. Smith, Lenin's Imperialism. A Study in Unity of Theory and Practice, «Journal of Politics», 1955, Nov., p. 555.

каза от марксистской теории во имя практических потребностей и выгод. То обстоятельство, что все эти «интерпретации» взаимно исключают друг друга, конечно, несколько не смущает фальсификаторов, готовых на любое надругательство над истиной ради клеветы на коммунистические партии и марксизм-ленинизм. Характерно, что как только речь заходит об антиленинских элементах и ренегатах, критерии у буржуазных историков разом меняются: догматизм возводится в ранг верности марксизму-ленинизму, а открытый оппортунизм выдается за «развитие» марксистско-ленинской теории в соответствии с «трансформацией» капиталистического строя. Эти подлоги составляют у Сетон-Уотсона, Пеллинга, Дрейпера, Шэннона, Флехтгейма, Гоу, Козера, Мейера, Ноллау и десятков подобных им реакционных историков основу для полного извращения истории коммунистических партий и Коммунистического Интернационала.

Буржуазная историография пытается спекулировать на отрицательных явлениях, которые были связаны с культом личности. Коммунистическая партия Советского Союза мужественно сказала народу всю правду и решительно осудила «серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности»¹. Напротив, упражнения реакционных клеветников не имеют ничего общего с исторической правдой. Буржуазные историки хотели бы отождествить культ личности со всей политикой международного коммунистического движения в 30—40 годах нашего столетия. Таким путем фальсификаторы стремятся очернить КПСС и другие коммунистические партии и замаскировать тот факт, что культ личности глубоко чужд марксизму-ленинизму. КПСС вскрыла и решительно осудила все ошибки и извращения, порожденные в обстановке культа личности, и настойчиво проводит в жизнь мероприятия, которые должны полностью исключить в будущем возможность повторения подобных ошибок.

Буржуазные историки пишут о «кризисе» коммунистического движения и Коминтерна в 30-х — начале 40-х годов. Это утверждение до неузнаваемости искажает про-

¹ «Постановление XXII съезда КПСС о Мавзолее Владимира Ильича Ленина», «Правда», 31 октября 1961 г.

цессы, действительно протекавшие в международном рабочем движении в тот период. Коммунистический Интернационал являлся органом создавших его коммунистических партий, коллективным разумом революционного авангарда рабочего класса, выражавшим мнение подавляющего большинства партий в сложнейшей и быстро менявшейся обстановке. Коминтерн сыграл выдающуюся историческую роль в борьбе за экономические и политические интересы рабочего класса, против империализма, фашизма и войны, за мир, демократию и социализм. Коминтерн восстановил и расширил связи между трудящимися всех стран, последовательно защищал и многое сделал для распространения великих идей марксизма-ленинизма. Под руководством Коминтерна революционный авангард пролетариата сплотился в массовые, подлинно революционные партии рабочего класса. Коммунистический Интернационал воспитывал коммунистов в духе непоколебимой преданности идеям марксизма-ленинизма, беззаветного служения великому делу пролетариата и всех трудящихся масс. Организационный и идеологический рост коммунистических партий, идейный разгром и изгнание из рядов компартий различных антиленинских элементов, становление коммунистических партий как партий нового типа позволили им возглавить борьбу масс против фашизма и войны, а в последующие годы — движение сопротивления фашистским захватчикам.

В коммунистических партиях сложились крепкие, испытанные и закаленные кадры политических руководителей. Атмосфера работы в Коминтерне способствовала тому, что отдельные ошибки, допускавшиеся коммунистическим движением, исправлялись на ходу, в процессе борьбы за интересы рабочего класса. Положительный опыт, накопленный Коминтерном, и поныне представляет огромную ценность для рабочего движения.

С началом второй мировой войны наступивший новый исторический этап развития международного коммунистического движения и возникшие новые задачи потребовали изменения прежних форм связи между компартиями. К этому времени коммунистические партии накопили большой опыт политической борьбы, выросли в идейном и организационном отношении, завоевали большой авторитет среди широких масс пролетариата и всех трудящихся. Учитывая, что в этих условиях старые организационные

формы становились помехой в развитии коммунистического движения, Президиум Исполкома Коминтерна в мае 1943 года принял решение о роспуске Коммунистического Интернационала.

Идейный рост, увеличение влияния и численности коммунистических партий рисуются реакционной историографией как «ослабление» Коминтерна. Подобно тому как процесс кризиса и загнивания капитализма превращается под пером реакционных историков в его расцвет, могучий рост сил коммунистического движения изображается как его мнимый кризис и распад. Фальсификаторские «тенденции», изобретенные буржуазной историографией, прямо противоположны действительным тенденциям развития общества в новейшее время. Основываясь на уже известной нам теории «старого» и «нового» капитализма, буржуазная и ревизионистская историография неустанно повторяет, что якобы в отдельных капиталистических странах, например, в Англии уже в 30-х годах, а впоследствии и в других государствах Запада, социальное законодательство полностью ликвидировало недостатки «старого» капитализма, от которых страдал пролетариат в XIX веке, и тем самым исчезли основания для борьбы рабочих за социализм¹. Буржуазные историки, спекулируя на активном участии рабочего класса в антифашистском движении Сопротивления, отстаивавшем национальные интересы, и участии в национально-освободительной борьбе в колониальных и зависимых странах, снова протаскивают фальшивый тезис о «национализме» рабочих. Этот же вывод о «рабочем национализме» буржуазная историография делает и на основе совершенно противоположного факта, что демагогия германского и итальянского фашизма оказывала влияние на отсталые слои трудящихся. (Для послевоенного периода обычно делается ссылка на влияние, которым пользовался перонизм среди некоторой части аргентинских профсоюзов и т. п.) Реакционная историография постоянно подчеркивает уже известный нам довод о мнимом «противоречии» интересов рабочих разных стран² и утверждает, что интересы рабочих будто бы сливаются с интересами буржуазного государства, якобы

¹ См. W. S. B u c k i n g h a m, *Theoretical Economic Systems*. N. Y., 1958, p. 312; J. S a v i l l e, *The Welfare State. A Historical Approach*, «New Reasoner», 1957—1958, Winter, No 3.

² См. D. B r o g a n, *The Price of Revolution*, p. 82.

заботящегося о благоденствии пролетариата¹. Выдвигая далее очередное измышление, что социалистическая революция противоречит... интересам национальной независимости (хотя и не приводя при этом никаких доводов, кроме ссылки на «мировой» характер революции и на рассказы о «руке Москвы»), буржуазные ученые с торжеством объявляют, что рабочий класс не может быть более сторонником социализма². Где тонко, там и рвется! Чувствуя, что словесная «ликвидация» пролетарского интернационализма и борьбы рабочего класса за социализм может мало кого убедить, буржуазные исследователи пускаются в дополнительные разъяснения. Пролетарский интернационализм, мол, давно изжит и заменен борьбой за пресловутую «европейскую интеграцию» (иное название для международных союзов монополистов и агрессивных военных блоков)³. Наряду с елейным расписыванием «растворения» пролетариата в каком-то едином «среднем классе» рабочих нередко прямо изображают врагами демократии, которую якобы защищает буржуазия⁴.

Подлинная история бесконечно далека от этих вымученных «доводов» и «обвинений» в адрес пролетариата и международного рабочего движения. Рабочий класс сыграл выдающуюся роль в движении Сопротивления, в восстановлении демократии и ликвидации последствий войны в экономике своих стран. Коммунисты проявили себя самыми решительными и героическими борцами за национальную независимость и свободу. Руководящая роль, которую играли коммунисты в движении Сопротивления, привела к огромному росту авторитета компартий среди трудящихся масс. В ряды компартий влились миллионы новых борцов. Послевоенный период прошел под знаком упорного отстаивания коммунистическими партиями капиталистических стран экономических интересов рабочих и всего трудового народа, борьбы за национальную незави-

¹ См.: «American Political Science Review», 1959, March, p. 129.

² См. P. Vergnaud, L'idée de la nationalité et de libre disposition des peuples dans ses rapports avec l'idée de l'état, P., 1955, p. 14.

³ Под этим углом зрения иногда «переписывается» также история рабочего движения и в предшествующую эпоху. (См., например, H. Heidegger, Die deutsche Sozialdemokratie und der Nationalstaat, 1870—1920.)

⁴ См. S. L. Lipset, Political Man. The Social Bases of Politics, pp. 92—102.

симось от покушений на нее со стороны американского империализма, за сохранение и расширение демократических свобод. Невиданными темпами росло профсоюзное движение. Всемирная федерация профсоюзов, образованная после окончания войны, в 1961 году уже имела 119,5 млн. членов, несмотря на то что правые лидеры американских профсоюзов и британских тред-юнионов образовали раскольнический центр — «Международную конфедерацию свободных профсоюзов», проводящую политику антикоммунизма и прислужничества перед империалистической буржуазией. Стачечная борьба не прекращалась на протяжении всего послевоенного периода. Мощные забастовки, в которых принимали участие сотни тысяч и миллионы рабочих, происходили почти во всех странах капитала.

Одним из показателей могучего политического роста рабочего класса является широчайшее распространение идей пролетарского интернационализма, выступление рабочих капиталистических стран против «холодной войны», которая была развернута империалистами против социалистического лагеря, против колониализма, за мир и сотрудничество между народами всего земного шара.

В годы после окончания войны было создано великое детище пролетариата — мировая социалистическая система, превратившаяся в решающий фактор развития человеческого общества. Мировое коммунистическое движение является самой влияющей силой современной эпохи. После XX съезда КПСС, сыгравшего огромную положительную роль в подъеме международного коммунистического движения, еще более усилился могучий рост коммунистических рядов. «В наши дни, — указывал Н. С. Хрущев в отчетном докладе на XXII съезде Коммунистической партии Советского союза, — уже нет страны с более или менее развитым рабочим движением, где не сказывалось бы политическое влияние коммунистов. За последние годы дружная семья коммунистов увеличилась еще на 12 партий, а общее число коммунистов — на семь миллионов человек»¹. Коммунистические партии объединяют ныне в своих рядах 40 миллионов коммунистов в 87 странах мира.

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС, Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 22.

По мере развития международного коммунистического движения совершенствовались формы связи и сотрудничества между партиями. В 1947—1956 годах действовало Информационное бюро коммунистических и рабочих партий, способствовавшее укреплению связей, обмену опытом работы и освещению актуальных теоретических вопросов рабочего движения. В последующий период стал широко практиковаться метод двухсторонних встреч и многосторонних совещаний представителей коммунистических партий, а также другие средства общения. Опыт проведенных встреч, и особенно двух крупнейших Совещаний представителей коммунистических партий в ноябре 1957 года и ноябре 1960 года, показал, что в современных условиях такие совещания представляют собой эффективную форму обмена мнениями и опытом, обогащения коллективными усилиями марксистско-ленинской теории и выработки единых позиций в борьбе за общие цели.

Отстаивая чистоту марксистско-ленинских идей, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, коммунистические партии уверенно ведут борьбу за претворение в жизнь непобедимого учения, созданного великими вождями и учителями рабочего класса К. Марксом и В. И. Лениным. Марксистско-ленинская теория всегда служила и служит яркой путеводной звездой для рабочего класса и трудящихся всех стран в их великой борьбе за мир и светлое коммунистическое будущее человечества.

Глава III

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ФАШИЗМЕ

1

В реакционных концепциях новейшей истории особое место занимает фальсификация истории и характера фашизма.

Идеология фашизма — идеология крайнего шовинизма и расизма — порождается финансовым капиталом. «Фашизм у власти — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹. Установление фашистской диктатуры в Германии, Италии и других странах являлось проявлением глубокого кризиса буржуазной демократии и общего кризиса капиталистической системы. Фашизм, развязавший вторую мировую войну, совершивший такие чудовищные злодеяния, которых не знала вся история человечества, вызывал и вызывает жгучую ненависть сотен миллионов людей во всем мире. В годы второй мировой войны советский народ и другие свободолюбивые народы разгромили фашистский агрессивный блок, возглавляемый гитлеровской Германией, и спасли человечество от ужасов фашистского порабощения. Эта победа, в достижении которой решающую роль сыграл Советский Союз, досталась дорогой ценой миллионов человеческих жизней. Народы всего мира полны решимости не допустить возрождения фашизма и эта решимость является реальным политическим фактором,

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 53.

с которым не могут не считаться правящие классы капиталистических стран. Однако углубляющиеся упадок и разложение капиталистической системы побуждают монополистический капитал к попыткам подпереть прогнившие устои капитализма милитаризмом и усилением подавления трудящихся масс с помощью фашизации государственного и политического строя буржуазных стран. Эта фашизация, как правило, проводилась и проводится в целях обмана народа под фальшивой вывеской «защиты демократии» (маккартизм в США, фашистское законодательство в ФРГ и т. д.). Такова, в немногих словах, «социальная почва», на которой возникает реакционная интерпретация истории фашизма в новейшей буржуазной историографии.

Буржуазные историки отлично понимают к тому же, что без создания «удобного» объяснения происхождения и характера фашизма вся фальшивая теория превращения капитализма в «строй благосостояния» потеряет последние остатки правдоподобия даже в глазах самых легковверных людей. Если в процессе этого «превращения» капиталистический строй уже раз породил кровавое фашистское чудовище, то где гарантия, что вместо обещанного строя всеобщего благоденствия капитализм не попытается еще раз опутать народы буржуазных стран цепями фашистского рабства?

При помощи фальсификации истории фашизма буржуазная историография пытается достигнуть сразу нескольких политических целей:

1. Во-первых, доказать «непричастность» финансовой олигархии к фашизму, скрыть его характер как реакционнейшей диктатуры монополистического капитала.

2. Во-вторых, сузить понятие фашизм так, чтобы под него подходили только отдельные разновидности фашистской диктатуры (точнее, те из них, которые существовали в Германии и Италии).

3. Отождествлять всех противников буржуазной демократии справа и слева, оклеветать таким образом международное рабочее движение и социалистические страны, доказывая, что они якобы имеют какие-то черты сходства с фашизмом.

Первую задачу буржуазная историография пытается решить с помощью уже знакомой нам лжетеории народного национализма, вторую — с помощью отождествления фашизма с единоличной диктатурой «фюрера», третью —

путем изобретения фальшивой «теории тоталитаризма». На практике решение всех этих трех фальсификаторских задач часто тесно переплетается и создает различные «варианты» буржуазного извращения истории фашизма.

Фашизм всегда ставила у власти монополистическая буржуазия, и он всюду осуществлял политику финансового капитала. В прокладывании гитлеровской банде дороги к власти наряду с германскими магнатами капитала немалую роль сыграли американские и английские монополии¹. Каким образом буржуазная историография пытается опровергать эти ныне общеизвестные исторические факты? Обратимся для примера к той интерпретации фашизма, которую дает американский исследователь истории политических учений У. Ибенстейн. Согласно его теории, фашизм может возникнуть лишь в странах, находящихся на достаточно высоком уровне экономического развития и в то же время не имеющих демократических традиций. Хотя, а может быть именно потому, что Ибенстейн писал свою работу в разгар маккартистской истерии, он сразу же отводит от США и вообще от стран «с демократическим опытом» даже подозрение в появлении фашистских тенденций. Ибенстейн признает далее (как отрицать это?), что «небольшая численно группа промышленников и землевладельцев» поддерживала фашизм, чтобы избавиться от профсоюзов. Однако «промышленники как класс были не более фашистски настроены, чем остальные социальные группы». Другим питательным источником фашизма была мелкая буржуазия, а также служащие, которые, как неорганизованный элемент, терпели от «засилья» профсоюзов, добивавшихся повышения заработной платы только для своих членов. Наконец, фашизм поддерживают военные и безработные во время кризиса, поскольку этим последним фашисты создают чувство принадлежности к господствующей нации. На основе этого эклектического смешения явных выдумок с частицами правды Ибенстейн считает возможным опровергать «марксистскую интерпретацию фашизма как классового явления». Ибенстейн доказывает: «Фашизм существует во всех социальных группах: богатые промышленники и землевладельцы поддер-

¹ См. Л. И. Гинцберг, О связях реакционных кругов США и Англии с гитлеровской партией (1930— январь 1933), «Вопросы истории», 1955 г., № 2.

живают его по одной причине, низы средних классов — по другой, психопаты и преступники — по третьей, и, наконец, в каждой стране имеется много националистов и шовинистов, падких на обещание завоеваний и создания великой империи». Некоторые нации к тому же более чем другие «предрасположены» к установлению фашистской диктатуры. Фашизм, таким образом, не «классовое движение», он не собирался спасти капитализм, а лишь «использовал его в своих целях»¹. Среди буржуазных социологов и историков получила хождение теория, согласно которой в каждом классе имеются как «демократы», так и «экстремисты» фашистского типа (а, мол, у рабочих еще и коммунисты, также являющиеся «экстремистами»)². При таком «разъяснении» фашизм оказывается в равной мере и рабочим, и буржуазным движением.

В своей основе вся эта концепция построена на распространном приеме, о котором уже приходилось говорить выше,—оценке характера реакционной партии не на основании ее политики, а исходя из состава рядовой членской массы, вовлекаемой в такую партию при помощи демагогии, всех видов идеологического, политического и экономического принуждения. Западногерманская историография с особым усердием подхватила эту старую версию о «мелкобуржуазном» характере фашизма³ (в 30-е гг. ее распространяли многие буржуазные политики, а также троцкисты). Более того, из этого делается вывод, что осуществление планов демократизации Германии путем уничтожения монополий и юнкерских поместий лишь увеличило бы число «деклассированных» элементов и укрепило позиции нацистов⁴. Известный немецкий буржуазный историк Г. Риттер писал, что гитлеровский режим якобы на-

¹ См. W. E b e n s t e i n, Today's isms, pp. 57 — 61; J. P. P l a m e n a t z, World War. Communism and Social Democracy, «The Concise Encyclopaedia of World History», p. 485.

² См. S. M. L i p s e t, Social Stratification and «Right Wing Extremism», «The British Journal of Sociology», 1959, Dec., pp. 346—348.

³ См. «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1960, Nr. 4, S. 447. Об освещении характера фашизма в этом журнале см. Л. И. Г и н ц б е р г, Фальсификация новейшей истории западногерманским журналом, «Новая и новейшая история», 1961 г., № 2, стр. 139—149.

⁴ См. L. D e h i o, Germany and the Epoch of World Wars, «German History. Some New German Views», p. 133—134.

ходился в «сознательном и полном противоречии с буржуазной эпохой»¹.

Для доказательства «не буржуазного» характера фашизма реакционные историки используют его разногласия и подчас острую борьбу за власть со старыми буржуазными партиями. В частности, предпринимаются специальные исследования, чтобы доказать, будто идеологи германской реакции типа Шпенглера представляли собой не предшественников нацистов, а течение, боровшееся против фашизма². Бытуют и реакционные теории, перепевающие фашистские вымыслы, что нацизм возник вследствие отсутствия у Германии достаточного для ее народа «жизненного пространства».

Нередко можно встретить утверждение, что нацизм создан «демонической личностью Гитлера»³, а итальянский фашизм — Муссолини, который якобы повел после 1930 года «войну против итальянских высших и средних классов»⁴. Даже лейбористский историк Коул, обычно критиковавший подобные взгляды, писал, что германские монополии стали орудием Гитлера, а не фашистская банда осуществляла волю крупного капитала⁵. Реакционные ученые стремятся представить фашизм «национальным» движением, поскольку якобы он подчинял интересы индивидуума «интересам нации»⁶ и в то же время поскольку фашисты широко спекулировали на антикапиталистической фразеологии, «не буржуазным», народным движе-

¹ G. Ritter, *Europe und die deutsche Frage. Betrachtungen über die geschichtliche Eigenart des deutschen Staatsdenkens*, München, 1948, S. 192. В крайнем случае буржуазные авторы признают фашизм одним из множества возможных путей буржуазного развития. (См. W. S. Buckingham, *Theoretical Economic Systems*, p. 233.)

² См. K. Klemperer, *Germany's New Conservatism. Its History and Dilemma in the Twentieth Century*, Princeton, 1957. Рецензируя эту работу, П. У. Гатцке из университета Джона Гопкинса утверждал, что она меняет «часто упрощаемую историю прихода Гитлера к власти». (См. «*American Historical Review*», 1957, Oct., p. 125.)

³ Этот взгляд высказал уже вскоре после войны видный германский историк Ф. Мейнеке. (См. F. Meinecke, *Die Deutsche Katastrophe*, 2 Aufl., Wiesbaden, 1946, S. 89.)

⁴ См. R. Crossman, *Government and the Governed*, p. 279; D. M. Smith, *Mussolini, Artist in Propaganda. The Downfall of Fascism*, «*History Today*», 1959, Apr., pp. 224—225.

⁵ См. G. Cole, *Socialism and Fascism*, L., 1960, p. 3.

⁶ См. R. Crossman, *op. cit.*, p. 274.

нием¹ и таким образом свести корни фашизма к существованию пресловутого «народного национализма»². Следуя этой линии, лейборист Р. Кроссмен договорился до чудовищного утверждения: «Вместо марксистской диктатуры пролетариата Гитлер создал диктатуру германского народа»³. После этого нетрудно найти благовидное объяснение активной помощи, которую оказывали монополии гитлеровской клике, как результата поддержки нацизма широкими массами³.

Стремясь любой ценой освободить капиталистический строй от ответственности за фашистские злодеяния, его буржуазные и реформистские адвокаты выдвигают взаимоисключающие «объяснения». Среди правых социалистов получила хождение теория, что фашизм — не проявление кризиса капиталистической системы, а лишь временное заблуждение части буржуазии. Это, по разъяснению других реакционных авторов, чуть ли не «детская болезнь» буржуазии отдельных стран, не сумевшей осознать свою роль в процессе превращения капитализма в строй благоденствия⁴. Еще одна группа фальсификаторов истории, напротив, уверяет, что буржуазию нечего винить за фашизм, являвшийся фатальной исторической неизбежностью, которую, мол, нельзя мерить мерками морали⁵. Значительная часть буржуазных авторов старается обнаружить причины фашизма в национальных особенностях немцев, ищет корни гитлеризма в... реформации XVI века и т. п. (что, между прочим, делали и сами нацисты). Западногерманских историков, разумеется, не очень устраивает эта теория, и они, напротив, пытаются доказать, что германский фашизм — это результат общеевропейского развития чуть ли не со времен Французской революции и продукт созданной этим историческим процессом «массовой демократии» (Г. Риттер), которая лишь в силу слу-

¹ См. «Encyclopaedia Britannica», L., 1960, vol. 9, p. 104.

² См. D. T h o m s o n, World History from 1914 to 1950, L., 1954, pp. 142—143; S. H o o k, Marx and the Marxists the Ambiguous Legacy, N. Y., 1955, p. 38; R. C r o s s m a n, Government and the Governed, p. 274; ср. R. M a r t i n, Le National Socialisme Hitlerien. Une dictature populaire, P., 1959.

³ См. J. H a y e s, C. W. C o l e, History of Europe, N. Y., 1956, p. 395.

⁴ См. H. S c h w a b-F e l i s h, Weimer, Hitler und die Folgen, «Neue Deutsche Hefte», 1960, Apr., S. 50.

⁵ См. «German History. Some New German Views», p. 14.

чайного стечения обстоятельств проявила себя в Германии¹.

Но с этим как раз не желают согласиться другие западные историки вроде Ибенштейна, объявившего, как мы видели, что государственный строй США и ряда других стран обладает иммунитетом против фашистской заразы, или Г. Кона, доказывающего, что фашистские тенденции в развитии западных стран были слабыми и носили случайный характер, тогда как среди германского народа и интеллигенции они получили полное преобладание и господство². Если одна группа историков, упражняясь в клевете на народы социалистических стран Восточной Европы, изображает их «предрасположенными» к подчинению диктаторскому режиму, то другие историки (в частности, католические) в попытках реабилитировать фашистские режимы, существовавшие до войны в Венгрии, Румынии, Польше, Болгарии, Литве, Латвии и Эстонии, выдают их за «полудиктатуры», даже ставившие задачей подавление фашизма наряду с устранением «коммунистической угрозы»³.

Буржуазная историография стремится спасти от ответственности за кровавый фашистский режим не только капиталистический строй, но и те реакционные политические силы, которые активно расчищали фашизму дорогу к власти. Показательны, например, попытки реакционной (особенно клерикальной) историографии представить в качестве «традиционной» главной опоры демократии в Германии католическую партию центра (предшественницу современной партии христианских демократов, правящей в ФРГ)⁴, которая, как это документально установлено, внесла немалый вклад в подготовку передачи власти в руки нацистов⁵. Католические историки стремятся замолчать неопровержимые факты тесного сотрудничества Ватикана с гитлеровским режимом, соучастия папства в преступлениях фашизма против народов мира.

Во время и после второй мировой войны среди буржуазных историков было широко распространено объяснение

¹ См. «German History. Some New German Views», p. 14.

² *Ibid.*, p. 26.

³ См. С. J. Hayes, C. W. Cole, History of Europe, p. 400.

⁴ См. «German History. Some New German Views», p. 53.

⁵ См. Б. Г. Тартаковский, Буржуазные партии Веймарской республики и приход фашизма к власти. («Из истории Германии нового и новейшего времени», Изд-во АН СССР, 1958.)

фашизма и фашистской агрессии влиянием «традиций» реакционного пруссачества. Доля истины в этом объяснении есть в том смысле, что реакционное наследие пруссачества несомненно помогло развитию фашистского движения в Германии, его приходу к власти. Это объяснение превращается в фальшивую антинаучную «теорию», когда с его помощью пытаются скрыть, что главными силами, приведшими фашизм к власти, были все же не «традиции», а германский монополистический капитал, использовавший в прошлом монархию Вильгельма II, а в 30-е годы стремившийся использовать фашизм против рабочего движения и как орудие для новых захватнических войн. Нельзя не отметить также, что самое понятие «пруссачество» часто теряет в изображении буржуазных историков конкретные социальные черты и превращается в некую абстракцию «реакционного», «антидемократического» духа, хотя хорошо известно, что носителями «пруссских» традиций являлось прежде всего крестово с его монархией Гогенцоллернов и военной кастой, а впоследствии также вступившая в союз с ним германская крупная буржуазия.

Более того, реакционные историки делают еще один «тонкий» ход, представляя пруссачество не как одну из разновидностей буржуазно-помещичьей реакции, а как явление, якобы полностью противоположное по своей сущности американскому, английскому, французскому и вообще «западному» консерватизму (при этом последнему приписываются черты миролюбия, поскольку он стремился к «мирному», т. е. нереволюционному пути развития!). Самая критика обожествления реакционными идеологами прусской монархии незаметно подменяется нападками на «культ национального государства»¹. После этого уже нетрудно объявить пруссачество «антизападным» явлением и чуть ли не предтечей всех противников Североатлантического договора, также враждебных «западной цивилизации». «Трагедией Германии в новое время, — писал Г. Кон, — было то, что в ней имелось слишком мало либерализма в западном смысле слова, а также слишком мало консерваторов, которые стремились бы сохранить наследие Запада»². По мнению Кона, наследниками пруссачества выступили гитлеровцы не в силу их реакционно-

¹ См. «German History. Some New German Views», p. 158.

² I b i d., p. 21, 27 and next.

сти, а вследствие их «антизападных тенденций». Что же касается современности, то наследниками «пруссачества» и фашизма являются, оказывается, отнюдь не боннские милитаристы, не бывшие гитлеровские генералы, а... трудящиеся Германской Демократической Республики, поскольку они «также» настроены против западного империализма, чтут деятелей, боровшихся за воссоединение Германии, и живут на территории бывшей Пруссии! Так мнимое «разоблачение» прUSSачества обертывается вульгарным антикоммунизмом и прославлением империалистической политики западных держав.

В первые годы после краха гитлеровского рейха западногерманские буржуазные историки в общем и целом примыкали к концепции Кона и подобных ему реакционных ученых в Америке и Англии. В их глазах она была историческим обоснованием планов, о которых еще в 1955 году открыто писал видный западногерманский историк Л. Дехио. Американские войска должны были, по мнению Дехио, «отодвинуть железный занавес и таким образом объединить всю Германию»¹. Эта концепция «поглощения» Германской Демократической Республики с помощью американских штыков делала упор на «единство» с Западом и поскольку отводила малую роль возрождаемому германскому милитаризму, могла включать критику «пруссачества» как «антизападного» явления. Однако по мере возрождения западногерманского милитаризма эта точка зрения все менее стала устраивать боннских реваншистов. Началось очередное «переписывание» истории, большая роль в котором принадлежит Г. Риттеру, Г. Ротфельсу, В. Хубачу и др.²

Если Г. Кон представлял «даже» Бисмарка политиком, который вызвал «отчуждение» Германии от Западной Европы, то реакционные историки в ФРГ изображают «железного канцлера» борцом за «европейскую интеграцию»³.

Видный западногерманский публицист и историк Цер еще в 1952 году опубликовал статью, в которой дока-

¹ L. D e h i o, Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert, München, 1955, S. 146.

² Начало этому пересмотру было положено вскоре после окончания войны. (См., например, R. P e s c h e l, Deutsche Spiegel, 1946); ср. E. K e s s e l Adolf Hitler und der Verrat am Prusstum, «Aus Politik und Zeitgeschichte», 15. Nov., 1961.)

³ См. H. R o t h f e l s, Bismarck und der Staat, Stuttgart, 1953.

звал, что «Германия» должна объединить «Европу» как против «Евразии», то есть СССР, так и против «Атлантики», иначе говоря — США. (Недаром эта статья вызвала гнев Кона.)¹ В свою очередь Риттер отчитал английского буржуазного историка Уиллера-Беннета за то, что он своей книгой «Немезида власти. Участие германской армии в политике в 1918—1945 годы», несмотря на его в целом «приемлемые» реакционные взгляды, осуждает прусско-германский милитаризм и мешает политике перевооружения бундесвера в соответствии с планами НАТО².

«Солидные» историки типа Г. Риттера стремятся не впадать в «преждевременные крайности» Церера и даже готовы критиковать наиболее одиозных представителей германского империализма — Вильгельма II, пангерманцев, Людендорфа. Но в то же время эти историки твердят, что нацизм не стоял ни в какой преемственной связи с «прускими традициями», что он представлял собой явление, «чуждое германскому духу», что Пруссия была якобы фактором мира в Европе, «защитницей» ее от «Востока, страной с образцовой администрацией и вообще воплощением „западной культуры“». Прусские захваты (например, Эльзас-Лотарингии) — это, по разъяснению Риттера и Ротфельса, печальные примеры «народного национализма», навязавшего свои требования «миролюбивому» прусскому правительству, а пангерманцы — просто маленькая секта, невольно воспринявшая «от марксизма» учение о борьбе за материальные ценности.

Видный западногерманский историк П. Рассов в 1958 году с нечаянным юмором даже разъяснил, что, мол, Пруссия после 1871 года играла в Германии, да и вообще, ту же роль, которую ныне играют США в Североатлантическом блоке³. Из «отделения» нацизма от его прусских кор-

¹ См. «German History. Some New German Views», p. 22—23.

² См. G. Ritter, *Nemesis der Macht? Zu Wheeler-Bennets Buch über das deutsche Soldatentum 1918 bis 1945*, «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 20. Apr. 1955. (Цит. по W. Berthold, «...Grosshungern und gehorchen». Zur Entstehung und politischen Funktion der Geschichtsideologie des norddeutschen Imperialismus untersucht am Beispiel von Gerhard Ritter und Friedrich Meinecke, B., 1960, S. 203.)

³ Характеристика этих теорий западногерманских историков дана в статье E. Engelberg, *Nato-Politik und die westdeutsche Historiographie über die Probleme des 19. Jahrhunderts*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1959, Nr. 3; см. А. С. Ерусал-

ней западногерманские историки делают нередко прямые реваншистские выводы, требуют восстановления Пруссии в ее довоенных границах (включая сюда и польские земли)¹. Однако именно эти «выводы», вполне отвечающие и духу пруссачества, и «наследию» гитлеризма, сами по себе превосходно демонстрируют полную преемственность политики германской реакции, которую силятся отрицать историки в ФРГ.

В хоре буржуазных историков, излагающих различные, но в равной мере антинаучные теории возникновения фашизма, можно определить голоса и сторонников «психоаналитической» версии и авторов, пытающихся увести читателя в мутную тину иррационализма и мистики. Нет недостатка и в попытках применения плюралистической теории факторов, при которой наряду, например, со ссылкой на силу воздействия антикапиталистической демагогии в условиях экономического кризиса в качестве других равноценных «причин» упоминается падение влияния протестантских церквей или «национальное» стремление передать власть в руки «сильной личности»².

2

Одной из главных целей, преследуемых буржуазными фальсификаторами, является снятие с капитализма, с реакционных империалистических сил ответственности за фашизм. Другой целью является оклеветание международного коммунистического движения и мировой социалистической системы. Прежде всего в попытках изобрести «аргументы» против марксистско-ленинской теории буржуазная историография с радостью ухватилась за факт установления в 30—40-х годах фашистского режима в ряде европейских стран. Одни буржуазные историки, в частности Тревор-Ропер, объявляют, что, поскольку буржуазно-демократические порядки уступили место фашистско-

л и м с к и й, О некоторых попытках реабилитации германского империализма в современной реакционной историографии, «Вопросы истории», 1953 г., № 8.

¹ Это было отмечено французским историком П. П. Сагавом, опубликовавшим специальную статью о попытках реабилитации Пруссии в западногерманской историографии. (См. «Annales», (Paris), 1960, № 1, pp. 130—150.)

² См. V. L. Albjerg, M. H. Albjerg, Europe. 1914 to the Present, N. Y., 1951, pp. 195—196.

му режиму, а не диктатуре пролетариата, этим якобы доказывается неправильность марксистских «прогнозов»¹. Нелепость на основе временной и, как показал опыт, кратковременной победы крайней буржуазной реакции делать вывод о том, что не подтвердилось научное предвидение об исторически неизбежной гибели капиталистического строя, слишком бросается в глаза. Вероятно поэтому другие буржуазные авторы предпочитают доказывать нечто противоположное, что, мол, ленинское учение об империализме подтверждалось будто бы лишь вследствие «чисто случайного» установления фашистского режима в Германии и других капиталистических странах². Таким образом из полностью взаимоисключающих утверждений буржуазные историки делают, однако, совершенно тождественный вывод о том, что ход истории якобы «опровергает» марксизм. Такова уж «наука» Тревор-Ропера и других «критиков» марксизма из числа буржуазных историков.

Выше уже упоминалось об обвинении, бросаемом буржуазными историками в адрес коммунистов, что своей революционной борьбой они якобы «подрывали демократию» и тем, мол, «помогали фашизму». Здесь же следует отметить, что значительная часть реакционных историков действует с помощью еще более беззастенчивых методов. Фашизм возник для подавления революционного движения. Это ведь признают и марксисты, пишут буржуазные историки. Следовательно, фашизм порожден рабочим движением³. По этой удивительной «логике» вину за убийство нужно возлагать не на преступника, а на ограбленных и убитых им людей, которые самым своим существованием «породили» преступление. Другие реакционные историки разъясняют, что поскольку, мол, нацисты выступали против империалистов США, Англии и Франции как соперников германских империалистов, а коммунисты также борются против империализма, то это просто две разновидности «антизападных» движений⁴.

¹ H. R. Trevor-Roper, *Historical Essays*, p. 297.

² См. D. Smith, *Lenin's Imperialism. A Study in the Unity of Theory and Practice*, «*Journal of Politics*», 1955, Nov., p. 568.

³ См. E. Fraenkel, *Zu Entstehung des Faschismus*, «*Politische Studien*», 1960, Apr., SS. 238—244.

⁴ См. P. Viereck, *The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952*, «*Political Science Quarterly*», 1952, Sept., p. 344; J. Corry, H. Abraham, *Elements of De-*

Однако основным орудием, с помощью которого буржуазная историография стремится обратить фальсифицированную историю фашизма против социалистических сил, служит получивший самое широкое распространение в реакционной литературе термин «тоталитаризм».

Часто этот термин употребляется буржуазными историками в смысле «подчинения» индивидуума государству, под которым подразумевается наделение государства полномочиями в случае необходимости принуждать отдельных граждан к тем или иным действиям во имя государственных интересов¹. В связи с этим буржуазные историки наряду с другими изобретенными ими типами государств («традиционный», «современный» и т. д.) вводят еще и «тоталитарный» тип². Согласно подобной «классификации», историческим примером «тоталитаризма» оказывается Франция эпохи Великой буржуазной революции конца XVIII века, поскольку для защиты ее завоеваний французскому народу пришлось пойти на крайнее напряжение сил и проявить великое самопожертвование. Напротив, в категорию «свободных» стран попадает капиталистическая Англия того же времени, страна, бесконтрольно управлявшаяся верхушкой дворянской и финансовой аристократии, страна величайшего разорения трудящихся масс и новых капиталистических фабрик, где даже детей с 4—5-летнего возраста заставляли работать по 14 и более часов в день. Более того, в эту же категорию попадает феодально-абсолютист-

mocratic Government, N. Y., 1958, p. 61; в таком духе Г. Кон интерпретирует историю Веймарской Германии («German History. Some New German Views», p. 21).

¹ Иногда этот термин фальсификаторы толкуют еще «шире», подразумевая под «тоталитаризмом» подчинение всего достижению одной какой-то (все равно какой!) цели. (См. «Handbuch des Weltkommunismus», S. 13; C. Friedrich, Z. Brzezinski, Totalitarian Dictatorship and Autocracy, Camb. (Mass.), 1956, p. 9; T. Wopner, D. Hill, G. Wilber, The Contemporary World. Social Sciences in Historical Perspective. Englewood Cliffs, N. Y., 1960, p. 496; C. W. Cassinelly, Totalitarianism. Ideology and Propaganda, «Journal of Politics», 1960, Febr., p. 69.)

² См. «Zur Geschichte und Problematik der Demokratie, Festgabe für Hans Herzfeld», S. 115. Можно отметить и прямо мошеннические попытки (иногда даже с фальшивыми ссылками на К. Маркса) вывести родословную «тоталитаризма»... от древних восточных монархий, поскольку, мол, в них существовала государственная собственность на землю. (См. K. A. Wittfogel, Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power.)

ская Австрия, тюрьма народов, где сохранялось крепостное право, а также, как мы видели выше, хищническая милитаристская Пруссия.

Поскольку дело идет о современной эпохе, буржуазная историография полностью игнорирует (или даже прямо объявляет «выдумкой» марксистов) факт сужения в странах капитала демократических свобод — даже там, где формально их расширяют введением всеобщего избирательного права и т. п. — в силу роста государственного аппарата, милитаризма и т. д., а главное все более полного подчинения буржуазного государства монополиям¹. В ряде стран идет и прямое наступление на демократические свободы и права трудящихся масс, устанавливается режим личной власти. Конституции и избирательные системы в буржуазных странах разработаны так, чтобы обеспечить власть эксплуататорских классов. Примером может служить избирательная система Пятой республики во Франции. На последних выборах Коммунистической партии, собравшей 3 882 204 голоса, досталось 10 мест в Национальном собрании, а реакционной партии «Союз в защиту новой республики», получившей голосов меньше, чем коммунисты, — 188 мест! Между тем в буржуазной литературе даже такой вопиющий пример нарушения демократии спокойно констатируется как «нормальное следствие» одного из вариантов «демократической» избирательной системы!² Буржуазная наука так формулирует понятие демократии, что под него подходят фактически все капиталистические страны, кроме открыто фашистских (а иногда и эти последние). Критерием демократии объявляется существование нескольких партий, пусть в равной мере реакционных и далеких от народа, а отсутствие между ними существенного различия — дополнительным показателем «стабильности» демократических порядков³.

После всего этого фальсификаторы истории объявляют **любое** выступление против современной буржуазной демократии (пусть даже настолько урезанной, как в Пятой республике во Франции) «тоталитарным мятежом» против

¹ См. W. E b e n s t e i n, *Today's isms*, pp. 11—12.

² См. E. S. F u r n i s s, *France. Troubled Ally. De Gaulle Heritage and Prospects*, 1960, p. 394.

³ См. S. M. L i p s e t, *Political Man. The Social Bases of Politics*.

свободы и «западного либерализма». В результате «тоталитарным мятежом» оказывается и фашистский переворот, и борьба революционного рабочего движения в защиту демократических свобод, национальной независимости и мира, и, конечно, демократические и социалистические революции¹. Но от этого объединения под одним термином полностью разнородных явлений за версту несет фальсификацией. Как известно, Ф. Энгельс, характеризуя подобные обобщения, заметил: «От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, — от этого у нее еще не вырастут молочные железы»².

Словесное отождествление в корне различных вещей несколько не меняет того обстоятельства, что в реальной жизни они сохраняют эти коренные различия. А ведь к подведению под одно «понятие» реакции и революции, чтобы таким образом клеветать на революцию, и сводится сущность «методологии» ученых фальсификаторов³. Марксизм доказал, что в любом классовом обществе неизбежна диктатура, то есть политическое господство одного класса, управляющего в производстве и использующего государственную власть для подавления своих классовых противников. Хотя любая диктатура является политическим господством части общества, «бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает диктатура гигантского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов народной власти»⁴. В любом эксплуататорском, в том числе буржуазном обществе диктатура принадлежит кучке эксплуататоров, использующих ее для подавления эксплуатируемого большинства народа. В странах империализма «монополистический капитал, полностью захватив основные материальные средства, не делит ни с кем политическую власть. Он установил свою диктатуру — диктатуру меньшинства

¹ См. W. E b e n s t e i n, Today's isms, p. 55.

² Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 40.

³ В буржуазной науке ныне вообще нередки попытки «сравнения» отдельных политических учреждений социалистических и капиталистических государств при замалчивании вопроса об общественном строе, положении различных классов, о классовой сущности «сопоставляемых» элементов политической надстройки и т. д. (См., например, «Journal of Politics», 1960, May, p. 300 and next.)

⁴ В. И. Л е н и н, Победа кадетов и задачи рабочей партии, Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 288—289.

над большинством, диктатуру капиталистических монополий над обществом»¹.

Следует добавить, что наряду с широким пониманием диктатуры как политического господства это понятие иногда употребляют в более узком смысле как особую форму государственной власти. «Диктатура,— указывал В. И. Ленин, — есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на *насилие*»². Эта форма власти возникает в периоды особого обострения классовой борьбы, часто в ходе революции или контрреволюции, принимающей в ряде случаев форму гражданской войны. В подобных условиях господствующий класс применяет жесткие, крайние меры, чтобы сломить сопротивление своих классовых противников. Диктатура в этом узком смысле слова может быть революционной и контрреволюционной, в зависимости от того, каким классом она осуществляется.

На игнорировании факта существования диктатуры в широком смысле слова и основаны построения реакционных ученых.

Предпосылкой этих построений является отрицание того доказанного марксистами факта, что буржуазно-демократический режим — это форма классовой диктатуры буржуазии. Фашистский переворот не меняет классового характера буржуазной диктатуры. Он означает, что правящий класс — империалистическая буржуазия переходит от буржуазно-демократических к фашистским, то есть диктаторско-террористическим методам господства. Та же финансовая олигархия в Германии — Круппы, Флики, Рехлинги, — которая правила руками сменявшихся правительств в Веймарской республике, после 1933 года используя как свое орудие гитлеровскую банду, развязала кровавый террор в стране и подожгла пожар второй мировой войны. Социалистическая революция, напротив, означает свержение диктатуры — политического господства буржуазии, независимо от того, осуществляется ли оно фашистскими, то есть деспотически-диктаторскими, или буржуазно-демократическими методами, и установление диктатуры пролетариата, являющейся подлинной демократией для трудящихся масс, для подавляющего большинства народа.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 33.

² В. И. Ленин, О лозунге «разоружения», Соч., т. 23, стр. 84.

Помимо функции подавления эксплуататоров, которая осуществляется преимущественно в первый период после победы социалистической революции, пролетариату принадлежит политическое руководство, опирающееся на союз рабочего класса, крестьянства и всех трудящихся масс, в великом деле строительства социализма и коммунизма. Учитывая эту сущность и исторические задачи диктатуры пролетариата, которые ярко проявили себя в истории Советского Союза и всех социалистических стран, можно с особой ясностью разглядеть всю лживость буржуазного изображения пролетарской диктатуры, подобно контрреволюционным режимам, как «голового насилия», «порабощения» и т. п.

Нередко буржуазные историки и социологи пытаются применять прием, который Ленин справедливо характеризовал как софистику, — выхватывание внешнего сходства случаев вне связи событий¹. Таким путем реакционеры от науки стараются «доказать» свои фальсификаторские вымыслы. Так, в характеристике фашизма они подчеркивают существование в фашистских странах одной партии и на этом «основании» объявляют, что фашизм — это «подражание» социализму².

Прежде всего общеизвестно, что в ряде фашистских государств существовало по несколько партий и это не мешало им быть фашистскими странами (Румыния, Венгрия, Болгария в годы до народно-демократических революций, Аргентина во время диктатуры Перона и т. д.). С другой стороны, при социалистическом типе государства могут существовать в зависимости от конкретных исторических условий как одна партия (в Советском Союзе), так и многопартийная система при руководящей роли марксистских партий (Китай, Чехословакия, Польша, ГДР и др.). Следовательно, однопартийность или многопартийность никак нельзя считать признаком, определяющим сущность государственного строя данной страны.

Главное, однако, заключается в том, что буржуазная историография пытается скрыть смысл фашистской «однопартийности» — он заключался, как известно, в запрещении Коммунистической партии и всех классовых организаций пролетариата, созданных им для защиты своих интере-

¹ См. В. И. Ленин, Русские зюдекумы, Соч., т. 21, стр. 100.

² См. W. E b e n s t e i n, Today's isms, p. 55; «Encyclopaedia Britannica», vol. 9, p. 104.

сов, и ликвидации политических партий, выражающих интересы всех тех слоев населения, которые были в чем-то несогласны с политическим курсом наиболее шовинистических и агрессивных кругов финансового капитала, направленным на подготовку и разжигание новой войны. Фашистская «однопартийность» была следствием обострения и углубления антагонистических классовых противоречий в Германии и Италии и других странах, где буржуазия призвала к власти фашистов.

Существование одной партии в нашей стране вызвано прямо противоположной причиной — отсутствием в Советском Союзе антагонистических классов, интересы которых должны представлять различные партии. Весь советский народ — рабочие, крестьяне, интеллигенция — питает безграничное доверие к верному выразителю их интересов — Коммунистической партии Советского Союза, уверенно ведущей нашу страну к осуществлению заветной цели — построению коммунистического общества.

Чего только не делают реакционные историки, чтобы замаскировать единую классовую сущность фашизма и других государственных форм, существующих в буржуазных странах. Часто они пытаются изгнать вообще упоминание о социальном строе и ввести вместо этого неопределенное понятие «образа жизни», который, мол, характеризуется той или иной «концепцией природы человека» и т. п. Таким образом можно вполне произвольно отрицать внутреннее единство или, наоборот, отождествлять государственный строй различных стран¹. Часть буржуазных исследователей выдает вмешательство фашистского государства в экономику в интересах монополий за «планирование» и объявляет фашизм «родственным» социализму (к тому же эти авторы добавляют, что вопрос, кому принадлежат средства производства, не имеет значения!)². В действительности, как хорошо известно, фашистское «планирование» в интересах монополистического капитала, в интересах подготовки и ведения войны не имеет ничего общего с социалистическим плановым хозяйством и ничем принципиально не отличается по своей экономической сущности от государственно-капиталистических мероприятий, про-

¹ См. W. E b e n s t e i n, Today's isms, p. VII.

² См. M. H e i l p e r i n, Studies in Economic Nationalism, Geneva, 1960, p. 16 and next.; W. E b e n s t e i n, Today's isms, pp. 149—150.

водившихся в США, Англии, Франции и других странах¹.

При изложении истории рабочего движения буржуазные историки упорно протаскивают версию о «неприменимости» марксизма к высокоразвитым капиталистическим странам, что он может служить лишь идеологией «тоталитарного мятежа» в экономически отсталых странах. Этот вымысел о неприменимости марксизма к условиям Западной Европы и Северной Америки (опровергаемый хотя бы простой ссылкой на пример и на успехи Чехословацкой Социалистической Республики или Германской Демократической Республики) некоторые буржуазные историки и социологи дополняют еще одним тезисом. «Тоталитарный мятеж» (т. е. любое выступление против буржуазно-демократического режима) в развитых странах, мол, удался в прошлом и имеет шансы на успех в будущем, если он носит фашистский характер². Так, теория «тоталитаризма» помимо своей основной функции — клеветы на социалистические страны приобретает еще одну дополнительную роль — посеять среди западноевропейского и американского рабочего класса неверие в возможность свергнуть капиталистический строй, создать убеждение, что любые перемены могут быть лишь изменением в худшую сторону — в сторону фашизма. Быть может, самое характерное после всех этих фальшивых и демагогических маневров, что некоторые буржуазные историки, выдавая свою реакционную сущность, прямо пишут о «предпочтительности» для них фашизма по сравнению с властью рабочего класса!³ Более того, в буржуазной историографии усиливается течение, занимающееся открытым оправданием и апологией кровавого фашизма.

Нередки попытки отделить якобы «хороший» итальянский фашизм от «плохого» германского. Фашистского дуче, по приказу которого казнили тысячи итальянских патриотов, английский историк В. Смит рисует просто артистом на посту главы правительства, заботящемся лишь о теат-

¹ Это последнее обстоятельство побудило правого социал-демократа Зеринга объявить, что, мол, фашизм — это якобы путь к «плановому капитализму». (См. P. S e r i n g, *Jenseits des Kapitalismus, Lauf bei Nürnberg*, 1946, S. 89; см. S. C l o u g h, *The Economic Development of Western Civilization*, p. 440.)

² См. W. E b e n s t e i n, *Today's isms*, pp. 55—56; W. S. B u c k i n g h a m, *Theoretical Economic Systems*, p. 233.

³ См. «*The Concise Encyclopaedia of World History*», p. 485.

ральной красивости своих поступков¹. Р. Кроссмен доказывал, что якобы Муссолини «привел в гармонию» различные антагонистические силы итальянского общества и поставил их на службу государству, что дуче был политиком, следующим «истинной европейской традиции»². Муссолини прямо восхвалял за «великое дело» — пресечение «стачек и беспорядков»³.

Чтобы представить, как ведется интенсивная кампания по обелению нацизма, достаточно будет привести несколько примеров.

Начало гитлеровского господства было ознаменовано пожаром рейхстага, который через несколько лет разросся в зловещее пламя второй мировой войны. Эти два нацистских поджога неразрывно слились в сознании человечества с кровавой историей гитлеризма. Новейшая историография сделала «открытие», что нацизм неповинен ни в одном из них.

В западногерманском журнале «Шпигель», начиная с 23 октября 1959 г. по 6 января 1960 г., появилась серия статей отставного нацистского чиновника Ф. Тобиаша и его помощников, где доказывалось, что в пожаре рейхстага был виновен лишь полупомешанный голландский анархист Ван дер Люббе, бывший марионеткой в руках нацистов и казненный впоследствии по приговору фашистского суда. Нацисты, указывал «беспристрастный» Тобиаш, использовали пожар, чтобы несправедливо обвинить в этом коммунистов (этого не может отрицать даже новоявленный западногерманский историк: слишком памятны всем выступления Г. Димитрова на Лейпцигском процессе, после которых его вынужден был оправдать даже фашистский суд!). Но, мол, и коммунисты (как будто только одни коммунисты!) несправедливо обвиняли в пожаре гитлеровцев. «Сенсационное» открытие Тобиаша немедленно перепечатала вся печать в ФРГ и в других западных странах; его пропагандированием занялись буржуазные исторические журналы. В Западной Германии за «открытие» Тобиаша с восторгом ухва-

¹ См. «History Today», 1959, Apr., p. 233 and next. (Реальную картину возникновения и политики фашистской диктатуры в Италии см. в книге итальянского прогрессивного историка П. Аллатри, Происхождение фашизма, ИЛ, 1961.)

² См. R. Crossman, Government and the Governed, p. 269, 278.

³ См. F. C. Harpold, This Modern Age, L., 1949, p. 221.

тились неонацистские историки типа бывшего заместителя Геббельса Г. Зюндермана¹.

Нет нужды здесь подробно опровергать доказательства Тобиаша по существу². Достаточно сказать, что факт поджога рейхстага нацистами цинично признал сам Гитлер в 1942 году (как об этом показал на Нюрнбергском процессе генерал Гальдер), что об этом же (по свидетельству Раушнинга) заявил Геринг фашистским гаулейтерам и т. д. Видный чиновник гестапо и активный участник «генеральского заговора» 1944 года Гизевиус в 1945 году в книге «До горького конца» и в 1960 году в гамбургском журнале «Дицейт» назвал даже имя начальника отряда штурмовиков, которые по приказанию Геринга совершили поджог, — некоего Ганса Гевера (известного среди фашистов под кличкой «Гейни-пистолет»)³. Важнее для нас проследить позицию солидной «академической» печати. Один английский историк, написавший восторженную статью об «открытии» Тобиаша, почувствовал необходимость сделать оговорку, что, мол, нацисты остаются преступниками, подожгли они рейхстаг или нет. Какое, мол, значение имеет вообще дело о поджоге рейхстага для оценки нацистов, имеющих на своем кровавом счету хладнокровное убийство миллионов людей в газовых камерах, истребления населения целых городов? Можно согласиться с тем, что даже если бы нацисты и не подожгли рейхстаг, то это нисколько не сняло с них клейма кровавых преступников и изуверов. Но дело ведь совсем в другом. Как признал даже реакционный исторический журнал в ФРГ, когда ничего вообще не говорится о преступлениях нацистов, а создается шума лишь вокруг тех преступлений, которые гитлеровцы якобы не совершали, то таким способом явно стремятся создать у читателя впечатление, что можно поставить под сомнение и сведения о всех остальных злодеяниях фашизма⁴.

¹ См. «Nation Europa», 1960, Febr.

² Это уже сделано в марксистской литературе. (См. Л. К а й т, Кого реабилитирует «Шпигель»? «Международная жизнь», 1960 г., № 2, стр. 108—113; «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1960, Nr. 5, SS. 1021—1068.)

³ Интересно отметить, что Гевер, который в 1945 году предпочел промолчать в ответ на обвинение, в 1960 году, почувствовав благоприятную атмосферу для нацистов, решил удобным выступить в защиту Геринга и нацизма, подав на Гизевиуса в суд за «клевету». (См. «Московская правда», 28 декабря 1960 г.)

⁴ См. «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1960, Juli, S. 278.

(Точно так же добавим, что при изложении отношений германских генералов с Гитлером говорится не о преступлениях, совершенных ими во время многолетней службы фюреру, а об отдельных оппозиционных фразах в частных письмах или недовольстве неудачами нацистов в войне против СССР, которое выдается за антифашизм.) Характерно, однако, что, сделав приведенное выше признание, западногерманский журнал сам осуществляет как раз подобную же тактику, подчеркивая, что, мол, вопрос о поджоге рейхстага все же неясен, что это к тому же научный вопрос, в котором следует прислушиваться к мнению «историков» вроде Тобиаша, то есть, иначе говоря, защищает фашистских поджигателей, полностью изобличенных в преступлении.

Если Тобиаш взялся обелить фашистов в поджоге рейхстага, то куда более серьезные усилия предпринимаются, чтобы оправдать гитлеровцев в преступном поджигании второй мировой войны. В области истории международных отношений это делает «неоревизионистская» школа историков в США и открытые апологеты нацизма в ФРГ, о которых говорится в следующей главе.

Здесь же следует упомянуть о предпринятой в США попытке убедить читателей, что вся общеизвестная история подготовки нацистской Германии к войне является «легендой». Это утверждается в выпущенной Гарвардским университетом монографии Б. Г. Клейна «Экономическая подготовка Германии к войне». Основной тезис Клейна, что гитлеровцы якобы заботились прежде всего не о подготовке к войне, а о повышении жизненного уровня, что хоть Геринг говорил «пушки вместо масла», в действительности упор делался на «масло», а не на «пушки»¹. Однако даже по заведомо преуменьшенным официальным данным военные расходы Германии с 1934 по 1939 год выросли в 10, а военное производство—в 12,5 раза². Во время подготовки к на-

¹ См. В. Н. Klein, *Germany's Economic Preparations for War*, Camb. (Mass.), 1959, p. 3 and next., 76.

² См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», ИЛ, 1956, стр. 23, 33. По данным, приводившимся английским консервативным историком Ч. Уэбстером, на военные расходы в Германии шла в пять раз большая часть национального дохода, чем в Англии, также, как известно, быстро вооружавшейся в канун 1939 года. (См. С. Webster, *Munich Reconsidered: A Survey of British Policy*, «International Affairs», 1961, Apr., p. 151.)

падению на Советский Союз гитлеровцы еще более расширили военную промышленность. Среднемесячное производство танков увеличилось в 1941 году по сравнению с 1939 годом в 15 раз¹.

С помощью каких подтасовок фактов «доказывает» Клейн свой вывод? Потребовалось бы много места, чтобы перечислить их все, отметим лишь немногие. Гитлеровцы готовились к войне, исходя из авантюристической стратегии блицкрига; поэтому они не копили особо больших запасов импортного стратегического сырья, тем более что полное истощение золотых и валютных резервов делало и невозможным создание подобных запасов. Для Клейна это уже доказательство, что Германия не вела тотальной подготовки к войне. Фашистский режим был орудием крупнейших монополий. Это особенно ярко проявлялось в том, что монополии иногда вопреки всем планам гитлеровского правительства не желали вкладывать капиталы в недостаточно высоко доходные, по их мнению, отрасли промышленности. В частности, так обстояло дело с авиационной промышленностью, где частое изменение типов самолетов, слабая механизация и другие факторы понижали уровень доходов. Клейн, однако, из всего этого извлекает лишь еще один «довод» в пользу утверждения об отсутствии «тотальной подготовки».

Гитлер признавал, что Германия затратила на подготовку войны 90 млрд. марок. Его адвокат Клейн уменьшает эту цифру до 50 млрд. Делается это очень просто — не учитываются расходы на создание военной промышленности, строительство стратегических автострад и т. п.² Одновременно Клейн доказывает, что главным предметом внимания гитлеровцев якобы было благоденствие народных масс. Доказательства? В 1937 году было построено квартир лишь на 1% меньше, чем в 1929 году³. Но Клейн умалчивает о другом. Нужда в жилищах за этот период значительно более чем удвоилась. Напротив, капиталовложения в жилищное строительство постоянно сокращались. В 1929 году они составляли 43% вложений в строительство, а в 1937 году — лишь 10%. Взамен строились казармы, аэрод-

¹ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 41.

² См. В. Н. Клейн, *Germany's Economic Preparations for War*, p. 15—17 and next.

³ *Ibid.*, p. 13.

ромы, военные заводы и т.д.¹ К тому же среди построенных жилищ резко возрос удельный вес роскошных квартир для буржуазии.

С помощью различных цифровых манипуляций Клейн уверяет, будто в гитлеровской Германии гражданское потребление находилось на уровне 1928—1929 годов². В действительности потребление гражданского населения сократилось в 1938 году по сравнению с 1929 годом с 59,6 млрд. до 41,7 млрд. марок, а если взять в отношении к национальному доходу — с 78,5 до 52,4%, а на душу населения — с 931 до 604 марок³. Гитлеровская Германия была адом для трудящихся и раем для капиталистов. С 1 января 1939 г. разрешалось повышать рабочий день с 10 до 14 часов, причем нередко без уплаты сверхурочных. Отказ от дополнительной работы был объявлен уголовно наказуемым деянием. Зарплата квалифицированного рабочего составляла (1928 = 100) в 1932 году — 85,1, а в 1939 году — 82,5, то есть была ниже уровня, до которого она спустилась в годы мирового экономического кризиса. Заработная плата вспомогательного рабочего, составлявшая в 1932 году 85,7, в 1939 году равнялась 83,5. Фонд социального обеспечения на одного жителя составлял в 1932 году 32,78 марки, а в 1939 году — всего 6,68 марки. За тот же период прибыли треста «ИГ Фарбениндустри» выросли с 48 млн. до 363 млн. марок, прибыли «Стального треста», равнявшиеся в 1934 году 90 млн., в 1939 году поднялись до 250 млн. марок. В целом по стране процент дивидендов по отношению к основному капиталу вырос с 2,78 в 1932—1933 годах до 5,23 в 1938—1939 годах, то есть почти в два раза, не считая огромного увеличения самого капитала крупнейших монополий⁴. Такова была фашистская действительность, которую тщетно стремится приукрасить американский профессор Клейн.

¹ См. И. М. Файнгар, Очерк развития германского монополистического капитала, Соцэкгиз, 1958, стр. 334—335. (Ср. В. В. Размеров, Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933—1935 гг.), Изд-во ИМО, 1959.)

² См. В. Н. Клейн, Germany's Economic Preparations for War, pp. 11—12, 21.

³ См. И. Гольдштейн, Р. Левина, Германский империализм, Госполитиздат, 1947, стр. 241.

⁴ См. Г. Н. Горюшкова, Антирабочее законодательство гитлеровского правительства накануне войны (1933—1939 гг.), «Империализм и борьба рабочего класса», Сборник статей памяти академика Ф. А. Ротштейна, Изд-во АН СССР, 1960, стр. 445.

Картина была бы, конечно, неполной, если бы Клейн на основе своих апологетических изысканий не попытался также принизить размах титанической борьбы Советской Армии против военной машины германского фашизма¹.

В США Клейна мягко покритиковали в исторических журналах за некоторые «преувеличения» и «неполное» использование имеющихся источников². В Германии же реваншисты и неофашисты восторженно объявили книгу гарвардского профессора доказательством, что Германия проиграла войну просто в силу своего миролюбия, которое помешало ей подготовиться к вооруженному конфликту³. Не заставили себя ждать и западногерманские «исследования», доказывающие, будто бы перевооружение гитлеровской Германии преследовало чисто оборонительные цели⁴.

Неофашисты призывают признать «заслуги» нацизма в «преодолении» классовой борьбы⁵ и в «подавлении» подрывной и революционной деятельности коммунистов⁶. Буржуазная историография последовательно пытается освободить от вины за злодеяния нацистов капиталистический строй, германские монополии, гитлеровский генералитет. Неофашистские историки доводят до конца эту «всеобщую амнистию», объявляя невиновным в нацистских зверствах... и сам нацизм! Ответственными за все неслыханные злодеяния гитлеровских извергов, за концлагеря, за печи Освенцима и Майданека, за уничтожение миллионов и миллионов людей по всей Европе оказываются Гиммлер, Гейдрих, Эйхман и еще два-три гестаповца. Даже Гитлер, отдававший людоедские приказы своим подручным об истреблении целых народов, восторженно именуется «метеором мировой истории», государственным деятелем, спасшим Германию в 1933 году и потом оказавшимся невинной жертвой коварства других стран, которые принудили «миролюбивую» фашистскую Германию начать войну. При этом тут же добавляется, что за ошибки «метеора» нацизм ответст-

¹ См. В. Н. Клейн, *Germany's Economic Preparations for War*, p. 238.

² См. «*Journal of Modern History*», 1960, June, p. 192.

³ См. R. Handorp, *Mangel der deutsche Kriegswirtschaft*, «*Nation Europa*», 1960, Mai.

⁴ См. G. Meink, *Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933—1937*, Wiesbaden, 1959.

⁵ См. «*Nation Europa*», 1960, Juli, S. 21.

⁶ См. «*Nation Europa*», 1958, Nov., S. 13.

венности не несет и по-прежнему должен служить предметом для подражания в ФРГ...¹ Так замыкается круг. От попыток избавиться от ответственности за фашизм те силы, которые привели его к власти, от попыток использования фальсификации истории фашизма для клеветы на социалистические страны — до прямой апологии человеконенавистнического гитлеризма. Это не только набор различных мнений, но и тенденция развития наиболее реакционного крыла буржуазной историографии, целиком поставившей себя на службу агрессивным империалистическим кругам и подготавливающей почву для возрождения фашизма.

¹ См. Н. S ü n d e r m a n, Das Dritte Reich. Eine Richtigstellung in Umrissen, Leoni am Starnberger, 1959, SS. 59, 69, 73, 75, 87—89; Н. B o d e n s i e c k, Nationalsozialismus in revisionistischer Sicht, «Aus Politik und Zeitgeschichte», Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 29. März 1961.

Глава IV

КАК РЕАКЦИОННЫЕ ИСТОРИКИ ИЗВРАЩАЮТ ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

1

В XX веке — в эпоху, когда, по уверению буржуазной историографии, «старый» капитализм претерпел превращение в строй благоденствия, — произошли две опустошительные мировые войны, стоившие 80 миллионов убитых и искалеченных, разрушение бесчисленных материальных ценностей — такова страшная цена, которую на протяжении жизни одного поколения заплатили народы за агрессивную политику империалистических стран.

Война — неизбежный стутник капитализма. Истребительные войны — прямое следствие строя, основанного на частной собственности и эксплуатации человека человеком.

В трудах В. И. Ленина содержится глубочайший научный анализ причин, порождающих империалистические войны, в частности причин первой мировой войны. Перерастание «свободного» доминирующего капитализма в империализм, окончание территориального раздела мира, резкое обострение неравномерности развития, быстрое изменение в результате этого соотношения сил между империалистическими странами и борьба за передел поделенного мира «по силе», «по капиталу», перерастающая в вооруженные конфликты, — такова в немногих словах подлинная картина возникновения империалистических войн.

Давая оценку первой мировой войне как войне империалистической, В. И. Ленин писал: «Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стрем-

ление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»¹. На протяжении жизни одного поколения империализм сверг человечество в пучину двух кровопролитнейших мировых войн. Марксистская наука на основе огромного фактического материала неопровержимо доказала, что мировые войны XX века были неизбежным следствием противоречий, заложенных в самой природе капиталистического строя. Эта истина прочно вошла в сознание десятков и сотен миллионов людей. «Опровержение» ее имеет решающее значение для идеологов империализма, в том числе для реакционных историков. Только при этом условии можно хотя бы внешне воспрепятствовать явному для всех крушению теории «старого» и «нового» капитализма — главного оружия «исторического» оправдания и возвеличивания современного капиталистического строя.

Реакционные ученые, пытающиеся изобразить марксизм «устарелой теорией прошлого века», доказывают, что, поскольку он возник в период, когда не было крупных войн, он якобы «не мог» учитывать значение войны в общественном развитии и вообще объяснить причины военных конфликтов². Абсурдность этого «довода» становится особенно ясной, если вспомнить, что Ленин, гениально развивший марксизм применительно к условиям империалистической эпохи, жил во время первой мировой войны. Другие реакционные ученые доказывают, будто марксистско-ленинское учение о войне «потеряло свой независимый научный характер», поскольку оно якобы приспосабливается к нуждам советской внешней политики. «Доказательством» объявляют то, что коммунисты считали справедливой войну против фашистских стран, хотя ее вели наряду с Советским Союзом буржуазные страны, тогда как первую мировую войну большевики клеймили как империалистическую³. При этом забывается, что в то время как первая мировая война была в основном борьбой за передел колоний, во время второй мировой войны фашизм поставил под угрозу

¹ В. И. Ленин, Задачи революционной социал-демократии в европейской войне, Соч., т. 21, стр. 1.

² См. F. Sternberg, Marx und die Gegenwart, S. 31.

³ См. J. L. Horowitz, The Idea of War and Peace in Contemporary Philosophy, N. Y., 1957, pp. 138—141.

свободу, независимость и самое существование народов мира, борьба которых приобрела освободительный, справедливый характер.

Многие буржуазные историки отдают себе отчет в тщетности подобных легковесных наскоков на марксистско-ленинское учение о войне и пытаются выдвинуть более «солидные» критические доводы. Так, У. Ростоу прямо писал о том, что центральной задачей его апологетической концепции «стадий экономического роста», призванной заменить исторический материализм, является опровержение марксистско-ленинской теории империализма и происхождения мировых войн¹.

Буржуазные правительства, как известно, всегда прилагали отчаянные усилия, чтобы скрыть от народных масс истинные причины и цели войны. В буржуазном обществе важнейшие вопросы войны и мира решаются втайне от общества, «решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент»². Реакционная историография во всеоружии всех имеющихся у нее средств активно участвует в том, чтобы сохранить втайне подлинные пружины военных конфликтов. Общеизвестны попытки буржуазной историографии в межвоенный период скрыть правду о происхождении войны 1914—1918 годов, стремление реакционных немецких историков возложить всю ответственность за нее на Антанту, а английских, французских и американских исследователей — только на германский империализм. Говоря об освещении истории второй мировой войны в буржуазной науке, американский историк Г. Барнс в пылу полемики признал: «Никогда со времен средневековья не использовались такие организованные и мощные силы, какие действуют сейчас, чтобы... не дать возможности аме-

¹ См. W. W. R o s t o w, *The Stages of Economic Growth*, p. 106 and next. За несколько лет до этого Ростоу выступил с теорией, что войны убыстряют темпы развития и обе мировые войны способствовали... улучшению положения трудящихся масс. (См. W. W. R o s t o w, *The Process of Economic Growth*, N. Y., 1952, p. 166.) Доказывалось это последнее утверждение очень простым способом: влиянию войны приписывались те уступки, которые революционный пролетариат упорной борьбой вырывал у буржуазии в военные и послевоенные годы.

² В. И. Л е н и н, IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г., Речь при закрытии съезда 5 апреля, Соч., т. 30, стр. 454.

риканскому народу ознакомиться с фактами об ответственности за вторую мировую войну»¹.

В буржуазной науке не было и нет недостатка в теориях, дающих «благовидное», то есть приемлемое для капитализма, объяснение причин, породивших войны XX столетия. Даже в обширной старой либеральной литературе, содержащей пацифистскую и буржуазно-реформистскую критику империализма, экспансионистская агрессивная политика капиталистических держав рассматривалась прежде всего как орудие определенной узкой группы «злонамеренных» монополий (стальных трестов, военных концернов), причем игнорировалось или прямо отрицалось, что сами монополии являются необходимым результатом развития капитализма. Над отысканием «подходящих» предпосылок военных конфликтов в 20—30 годах немало потрудились не только буржуазные, но и социал-реформистские исследователи империализма². В этот период Чикагский университет потратил много средств для «полного изучения» причин войны, итог которым был подведен в работе К. Райта³. Суммируя массу различных, часто взаимоисключающих суждений буржуазных авторов по этому вопросу, американский ученый Г. Б. Дэвис писал: «От них мы узнаем, что военную агрессию порождает как богатство (избыток капитала), так и бедность, желание захватить малонаселенные области и густонаселенные области, инстинкт и разум, религия, раса и национальность, климат и перемены в климате, избыток энергии и усталость, стремление сохранить статус-кво и стремление к переменам»⁴. Нисколько не ушли в этом отношении вперед и новейшие исследователи. Так, американец У. Леви писал: «Сохранение мира определяется биологическими, психологическими, политическими, экономическими, культурными, идеологическими, метафизическими,

¹ См. «Perpetual War for Perpetual Peace». Ed. by H. C. Barnes. Caldwell, 1953, p. 10. (Цит. по «Поражение германского империализма во второй мировой войне», Статьи и документы, Воениздат, 1960, стр. 14.)

² См. A. Solz, *Das Wesen des Imperialismus*, Leipzig, 1931; H. Crossman, *Die Akkumulations-und-Zusammenbruchgesetz des kapitalistischen Systems*, Leipzig, 1929; M. Handman, *War. Economic Motives and Economic Symbols*, «American Journal of Sociology», 1939, March.

³ См. R. Wright, *A Study of War*, vol. I — II, Chi., 1941.

⁴ H. B. Davis, *Conservative Writers on Imperialism*, «Science and Society», 1954, No 4, p. 313.

военными, государственно-правовыми (institutional), технологическими и вероятно многими другими факторами, действие которых изменяется благодаря их многочисленным сочетаниям и положению во времени и пространстве¹. Конкретизируя эту разновидность «теории факторов», буржуазные историки перечисляют в качестве длинного ряда равноправных причин первой мировой войны причины дипломатического, политического, военного, идеологического («социал-дарвинизм»), религиозного («падение веры» и «впадение в материализм» народа), экономического характера и т. д.² Весьма характерно, что упомянутый выше К. Райт, перечисливший в своей работе «Изучение войны» все мыслимые и немыслимые причины военных конфликтов, «забыл» упомянуть об одной причине — капиталистическом строе, порождающем эти войны. Очень часто «теорию факторов» в объяснении причин военных столкновений буржуазные историки прямо противопоставляют марксизму-ленинизму. При этом буржуазные авторы нередко стремятся облегчить себе задачу «критики» ленинской теории империализма, просто извращая ее главные положения. Так, они утверждают, что В. И. Ленин будто считал единственной причиной империалистической политики экспорт капитала, и доказывают, что, мол, у таких стран, как Швейцария, Швеция и др., вывоз капитала не привел к участию в колониальной политике³. Но Ленин, как известно, говорил не только об экспорте капитала, но и борьбе монополий за рынки, источники сырья, за возможности эксплуатации дешевой рабочей силы в колониях и т. д. Что же касается ссылок на пример некоторых малых стран, то следует учесть и невозможность для них прямого захвата колоний в условиях ожесточенной борьбы за территориальный раздел мира и участие финансового капитала этих стран на правах младшего партнера монополий великих держав в экономическом разделе мира между крупнейшими монополистическими объединениями.

Американский историк Г. Голборн в его курсе новой и новейшей истории Европы, выступая с нападками на

¹ W. L e w i, Fundamentals of World Organisation, Minneapolis, 1950, p. 45; ср. Н. В. D a v i s, Conservative Writers on Imperialism, «Science and Society», 1954, No 4.

² См. С. J. H. H a y e s, C. W. C o l e, History of Europe, pp. 349—350.

³ Этот прием был еще употреблен в известной книге L. R o b b i n s, The Economic Causes of War, L., 1939.

Ленина, с критикой «догматического утверждения, что финансовый капитализм соответствует империализму», уверяет, что захватническую политику конца XIX — начала XX века породили не столько экономические, сколько другие факторы. Какие же? Во-первых, стратегические интересы (как будто защита этих стратегических интересов в конечном счете не была направлена на защиту позиций монополистического капитала данной страны в борьбе против его империалистических конкурентов), далее, «перенаселение» в Италии, стремление Франции укрепить свой военный потенциал¹. Полная беспомощность этого рода «аргументов» Голборна бьет в глаза. Разве «перенаселенность» Италии, которую он берет в качестве примера, не носила относительного характера, связанного с империализмом и одновременным сохранением сильнейших пережитков феодализма (помещичье землевладение на Юге и т. д.), разве, наконец, в переселении «излишнего» числа итальянцев крупный итальянский капитал не видел средство и для ослабления классовых противоречий внутри страны и для укрепления своих позиций в Африке с целью усиления эксплуатации уже захваченных «своих» колоний и борьбы за передел колоний, принадлежавших другим державам? В. И. Ленин научно проанализировал на примере Англии эту связь чисто, так сказать, экономических и социально-политических корней колониальной экспансии². Голборн ссылается на то, что Францию интересовала при захвате колоний возможность вербовать местных жителей в свои войска, но ведь и американский историк упоминает об этом лишь как об одном из мотивов. К тому же достаточно напомнить, что усиление военного потенциала нужно было французскому капиталу для борьбы против империалистических соперников, прежде всего Германии, для захватнических войн и передела мира. Еще более несостоятелен довод Голборна, что, мол, колониальная политика Германии не диктовалась финансовым капиталом, поскольку на долю германских колоний приходилась лишь ничтожная доля (1—2%) внешней торговли страны³.

Нужно быть поистине ни перед чем не останавливаю-

¹ См. Н. Н о l b o r n, The Political Collapse of Europe, pp. 59—60.

² См. В. И. Л е н и н, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 243—244.

³ См. Н. Н о l b o r n, op. cit., p. 60.

щимся «критиком» марксизма, чтобы увидеть в этом факте «доказательство» того, что колонии не представляли интереса для германских монополий, а не причину ожесточенной борьбы империалистической Германии, обгонявшей по темпам экономического развития Англию и другие колониальные державы, а не борьбу за «место под солнцем», за передел рынков сбыта и сфер приложения капитала. Или чего стоит довод, выдвинутый Д. Пламенатцем, что война 1914—1918 годов велась не из-за колоний, так как иначе такие державы, как Англия, Франция и царская Россия, не находились бы в одном лагере¹. Как будто притязания нового сильного хищника — кайзеровской Германии не могли сплотить и не сплотили в действительности старые колониальные державы, не побудили их пойти на блок с царизмом для защиты своих старых владений и для новых империалистических захватов!

Таким образом, попытки снять с капитализма ответственность за войну путем уверения, что борьба за колонии, приводившая к военным конфликтам, не связана с интересами монополистического капитала, рушится при первом же соприкосновении с фактами. В целом эклектическая «теория факторов» и при объяснении причин возникновения войн проявляет свою полнейшую научную несостоятельность. Осознавая, что эта «теория» является совершенно не эффективным орудием критики ленинского учения об империализме, часть буржуазных историков ищет другие пути для нападок на ленинизм.

Хорошо известно, что наряду с основной, главной причиной империалистических войн имелось немало второстепенных причин, способствовавших возникновению военных конфликтов. В. И. Ленин, например, специально отмечал в качестве одной из таких причин войны 1914—1918 годов династические интересы восточноевропейских монархий². Это обстоятельство и пытаются использовать буржуазные историки. Они готовы признать, что некоторые из выдвигаемых в литературе факторов вроде перенаселения, реваншизма и т. д. нельзя признать причиной войн³. Эти историки соглашались с тем, что многие факторы могли быть лишь поводами, скрывающими подлинные причины войн,

¹ См. «The Concise Encyclopaedia of World History», p. 482.

² См. В. И. Ленин, Война и российская социал-демократия. Соч., т. 21, стр. 11.

³ См. «Revue de Synthèse», 1957, oct. — dec., p. 515 and next.

но тут же фальсифицируют сами причины. Взамен пестрого калейдоскопа причин, которыми стремятся ослепить читателя авторы, придерживающиеся «теории факторов», многие реакционные историки выдвигают на первый план одну-две действительные (но второстепенные, производные) или вообще мнимые причины, всячески преувеличивая, раздувая, абсолютизируя их значение.

Одним из наиболее распространенных способов империалистической пропаганды, начиная с 1914 года, было утверждение, что причинами войны являлись **особенности** государственного строя вражеской страны, при этом особенно, прямо или внешне не связанные с капитализмом как таковым. Достаточно напомнить здесь лицемерную пропаганду Антанты против кайзера и германского милитаризма как якобы единственных виновников первой мировой войны или заявления германских империалистов об обороне против царизма и т. п.¹

Эта пропаганда была связана с идеей, которую в XIX веке распространяли буржуазные либералы типа С. Милля, уверявшие, что войны исчезнут с ликвидацией политических пережитков феодализма (абсолютистских монархий, дворянского офицерского корпуса и т. д.). Впоследствии теория «совершенствования» отдельных буржуазных государств как панацея от войн дополнялась утверждением, что войны могут быть ликвидированы с помощью создания международной организации. Эту идею широко эксплуатировали в демагогических целях империалистические политики типа В. Вильсона.

В годы второй мировой войны аналогичная тенденция проявилась в США и Англии в нередких попытках изображения виновниками войны только гитлеровской партии и японской военщины при замалчивании роли монополий Германии и Японии, которые руками своих слуг развязали кровавый военный конфликт. У. Ростоу попытался недавно придать квазинаучную форму этому пропагандистскому

¹ В Англии, Франции и США у части историков сохранялась (а во время второй мировой войны даже усилилась) тенденция повторять при изложении причин войны 1914—1918 годов пропагандистскую версию Антанты, что она велась в «защиту» Бельгии и Сербии, против германского милитаризма и за утверждение демократии. В целом как будто далекий от повторения этой примитивной версии Д. Кеннан все же доказывает, что одной из целей Антанты в войне было «перевоспитание» немцев. (См. G. K e n n a n, *American Diplomacy, L.*, 1953, p. 55.)

маневру, доказывая, что тенденции к разжиганию войн якобы являются прежде всего «наследием» «традиционного» (т. е. докапиталистического) общества и поэтому, мол, ее носителями выступали юнкера в Германии, самураи в Японии и т. п. С другой стороны, Ростоу уверяет, используя свою схему стадий развития, что эта тенденция сохраняется в определенный период индустриализации (США после Гражданской войны 1861—1865 гг., Германия после 1873 г., Япония после 1905 г. и т. д.), давно уже пройденный капиталистическими странами Запада, но который, мол, еще переживается или только будет переживаться странами Азии и Африки. У стран, страдающих от тягот индустриализации, возникает, мол, «соблазн» освободиться от части внутренних трудностей, от социальных противоречий за счет внешних захватов (Ростоу тут же добавляет, что США «почти» удержались от этого «соблазна», чего нельзя сказать о других странах.) Вывод очевиден — в будущем агрессивных действий якобы следует ждать от Китая, Индии, Индонезии, от недавно освободившихся колоний, но никак не от империалистических держав.

Буржуазная историография нередко, когда это в ее интересах, пытается отрицать связь между внешней политикой и общественным строем, представить, что основные внешнеполитические принципы государств определяются не его классовым характером, а «свободным выбором» определенной линии поведения, производимой политическими деятелями. У. Ростоу также использует этот прием. Если в одних случаях американский исследователь уверяет, что характер внешней политики непосредственно вытекает из уровня развития производительных сил (и использует это для клеветы на социалистические и нейтралистские страны), то в других случаях он доказывает, что империалистические страны, находящиеся на одном и том же уровне экономического развития, могут тяготеть к принципиально различной политике (например, в начале XX в. Германия проводила агрессивную, а США якобы «миролюбивую» политику). Ростоу не был бы самим собой, если бы не обнаружил теоретических доказательств и в пользу вымысла об «агрессивности» Советского Союза. Оказывается, имеется еще один период, когда у всех государств, вне зависимости от социального строя, появляется склонность к агрессии — период, который опять-таки уже пройден США и западноевропейскими государствами — членами

НАТО, но который с 1945 года якобы переживает СССР. Это период приближения к экономической зрелости, во время которого можно либо сосредоточиться на создании «общества благоденствия», чем занялись США и их союзники, либо на агрессии. Второй путь, по разъяснению Ростоу, был избран Советским Союзом¹. Но тут реакционный теоретик наталкивается на неожиданное препятствие—его клеветнические фантазии построены на «абстрагировании» от экономического базиса, от общественного строя тех стран, которые он группирует лишь по более чем произвольно определяемому уровню развития производительных сил. Это очень удобно для лживых отождествлений социалистических стран с кайзеровской Германией или самурайской Японией, но никак не способно объяснить мнимую «агрессивность» Советского Союза, быстро догоняющего США по уровню своего экономического развития, и столь же мнимое миролюбие США в течение всего XX века. Не теряясь, У. Ростоу с невозмутимостью профессионального фокусника находит выход в геополитике. Обе мировые войны в той мере, в какой они имели экономические корни, произошли, оказывается, вовсе не из-за существования империализма, не от борьбы за колонии, их причина — «в контурах Евразийской арены». В силу этих «контуров» более развитые Германия, Япония, а позднее якобы Советский Союз не могли устоять против соблазна заполнить «вакуум» в Восточной Европе и Китае². О том, как упорно пытались империалисты США заполнять любой мнимый «вакуум» в Латинской Америке, Азии, Африке и позднее в Западной Европе, изобретатель «стадий» предпочитает скромно помалкивать...

В эпоху империализма буржуазия стала видеть в захватнических войнах средство спасения капиталистического строя, используя их для завоевания новых рынков и как предлог для удушения рабочего движения. Ростоу же хочет доказать — и это основная апологетическая тенденция его книги (которой служит грубая клевета по адресу социалистических стран и государств, недавно освободившихся от колониального гнета), — что, мол, США и Западная Европа по уровню своего экономического развития уже

¹ См. W. W. Rostow, *The Stages of Economic Growth*, pp. 114—120.

² *Ibid*, p. 120—121.

перешагнули период, когда у них могли быть мотивы к разжиганию войн. Этот же насквозь фальшивый тезис выдвигает многочисленная группа историков, утверждающая, что экономика современного капитализма требует ликвидации «международной анархии», которая и является главной причиной военных конфликтов. Фактически эта группа историков, открыто или замаскированно призывающих к утверждению мирового господства США (или блока главных империалистических стран), смыкается с теми буржуазными учеными, которые считают, что причина войн коренится в существовании национальных государств (об этой «теории» нам еще придется говорить ниже).

Разновидностью той же теории являются взгляды, проповедуемые реформистами. В период первой мировой войны Каутский выступил с реакционной теорией ультраимпериализма, которую Ленин справедливо оценил как обман масс¹. В межвоенный период, развивая «теорию Каутского», реформисты доказывали, будто капитализм приобретает миролюбивый характер и имеет тенденцию, преодолев национальную ограниченность, создать в международном масштабе государство «благоденствия»². Вторая мировая война, порожденная империализмом, не помешала социал-реформистам и в наши дни продолжать пропаганду этих фальшивых теорий с той только разницей, что ныне правые социалисты объявляют об этом мнимом изменении природы империализма как о якобы совершившемся факте.

Значительная часть реакционных ученых усердно выдвигает **психологическое** объяснение происхождения мировых войн. Райт, автор отмеченного выше исследования о войне, не упомянув в числе причин войны о капиталистическом строе, не забыл отметить такой «важный фактор», как «скуку», якобы возбуждающую страсть к конфликтам. Психологическая теория опирается на иллюзии, которые десятилетиями сеяла буржуазно-пацифистская пропаганда, уверявшая, что войны возникают из-за незнания людьми собственных интересов и могут быть уничтожены с по-

¹ См. В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 280.

² См. А. Г р а б о в с к у, Der Sozialimperialismus als letzte Etappe des Imperialismus, Basel, 1939. Среди реформистов было распространено и объяснение империалистической агрессивности капиталистических государств существованием пережитков феодализма.

мощью должной воспитательной работы. Клерикалы в свою очередь уверяли верующих, что можно ликвидировать войны, если будет устранен «безбожный материализм» и атеизм. В буржуазной науке часто встречалось утверждение, что война — следствие несовершенства человеческой природы¹. (В несколько измененном виде этот тезис вошел составной частью в теорию социал-дарвинизма, в проповеди апологетов войны в начале XX в. типа Бернгарди, а позднее — в людоедскую расовую теорию гитлеровцев.) Наконец, многочисленные поклонники теории психоанализа доказывали, что война — это результат «агрессивных импульсов» у политиков типа Гитлера, Муссолини или Франко и может быть уничтожена путем соответствующего лечения их по методу, рекомендуемому фрейдистами². В одной из новейших фрейдистских работ о причинах войн несколько более пессимистически разъясняется, что «разрушительные инстинкты, являющиеся важнейшей причиной войны, — это инстинкты, которые нельзя уничтожить, как бы сильно их ни изменяли»³.

Большое место среди буржуазных объяснений причин войны имеет теория «агрессивных наций», согласно которой некоторые народы в силу ли расовых причин, в силу ли многовековых традиций имеют склонность к захватам и нападениям на соседей. По разъяснению ряда американских, английских и французских историков, к числу таких наций относятся (или относились) немцы и японцы⁴. Эта точка зрения, особо широко распространенная в годы второй мировой войны, сохраняется и поныне в ряде работ.

Наиболее реакционная часть буржуазной историографии считает все эти объяснения приемлемыми, но недостаточными. В стремлении обелить империализм и его агрес-

¹ См. Д ж. Ф. С. Ф у л л е р, Вторая мировая война 1939—1945 гг., ИЛ, 1956, стр. 543.

² См. К. N. W a l t z, Man, The State and War, p. 17, 45 and next., 62—63. Нередки в буржуазной литературе и попытки вывести социальные противоречия и, следовательно, порождаемые ими войны из «психологических конфликтов», прирожденной жестокости, ненависти и т. п. (См., например, W. B r e n d, Foundation of Human Conflicts. A Study in Group Psychology, L., 1944, pp. 29—33, 42—46 and next.)

³ A. S t r a c h e y, The Unconscious Motives of War. A Psycho-Analytical Contribution, L., 1957, p. 266.

⁴ См. W. M c G o v e r n, From Luther to Hitler, Boston, 1941; P. W i n k l e r, The Thousand Year Conspiracy, N. Y., 1943; W. S h i r e r, The Rise and Fall of the Third Reich, N. Y., 1960.

сивную политику они видят одно главное средство для достижения этой цели — уверять, что единственной причиной войн в современную эпоху может быть... коммунистическая идеология и существование социалистического лагеря. Об этом неоднократно заявляли империалистические политики типа Трумэна, Никсона, Д. Ф. Даллеса¹, ссылающиеся на то, что якобы с помощью войны коммунисты собираются произвести мировую революцию или завоевать мировое господство. Эта «теория» проходит красной нитью через большинство реакционных работ по истории послевоенного периода. Но она бессильна скрыть, что в действительности дело обстоит как раз противоположным образом. Агрессивная природа империализма вопреки утверждениям его идеологов и их ревизионистских подпевал не изменилась, но ныне сложились силы, способные пресечь попытки империалистов разжечь пожар новой войны. Существование могущественного Советского Союза, великого социалистического лагеря является главной силой, препятствующей империалистам развязать мировую войну. В защиту мира выступает большая группа молодых национальных государств Азии, Африки, Латинской Америки. Небывало возросла в международной политике и роль народных масс капиталистических стран во главе с рабочим классом, которые все более активно ведут борьбу за предотвращение новой войны.

В ближайшем будущем рост могущества социалистической системы, которая будет выпускать более половины мировой промышленной продукции, рост рабочего движения в капиталистических странах, завершение распада колониальной системы сделают абсолютным превосходство сил мира и социализма. В результате этого еще до победы социализма на земле при сохранении капитализма в части стран создастся реальная возможность исключить войну из жизни общества. Коммунистам не нужна война. Мир является верным союзником социализма, который идет к своей исторически неизбежной победе над капитализмом на всей земле, победе, которая окончательно устранит социальные и национальные причины возникновения всяких войн. «Коммунисты,— указывается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий,—

¹ См. «The New York Times», Nov. 19, 1953; Apr. 28, 1957. (Ср. К. Н. Уолтз, Man, the State and War., p. 157.)

видят свою историческую миссию не только в том, чтобы упразднить эксплуатацию и нищету в мировом масштабе и навсегда исключить возможность любой войны из жизни человеческого общества, но уже в современную эпоху избавить человечество от кошмара новой мировой войны»¹.

2

С целью снять с капитализма ответственность за войну буржуазная историография с особой настойчивостью стремится добиться решения двух задач: во-первых, всячески преуменьшить роль империалистических противоречий и, во-вторых, доказать существование мифического «народного национализма», которое якобы приводило к военным катастрофам.

Две мировые войны, которые пережило человечество в XX веке, были прямым результатом непримиримости империалистических противоречий. Пытаясь обелить современный капитализм, буржуазная историография старается любыми средствами опровергнуть этот непреложный факт. Буржуазные историки, как мы увидим ниже, выдвигают на передний план немалое количество различных мнимых или действительных, но второстепенных по значению факторов, пытаясь одновременно отодвинуть в тень главную причину. В реакционной исторической литературе широко распространены отрыв внешней политики от внутренней политики, от экономических интересов господствующих классов и классовой борьбы, полное игнорирование империалистических противоречий, навязчивые уверения, что «экономическое соперничество, видимо, играло сравнительно малую роль в возникновении мировых войн»². Однако подобная слишком уж явная фальсификация истории оказывается не вполне пригодной для идеологов реакции именно вследствие своей очевидной тенденциозности. Поэтому в буржуазной историографии наряду со всяческим принижением роли империалистических противоречий видно настойчивое стремление в то же время найти для них «благовидную» интерпретацию. Приемы, которые применяются

¹ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 33.

² M. Morgan, *Freedom and Compulsion. A Survey of European History between 1789 and 1939*, L., 1954, p. 183; ср. W. Sulzbach, *Imperialismus und Nationalbewusstsein*, Fr. am/M., 1959, S. 206—220.

для этого реакционной историографией, сводятся чаще всего к следующему (они с наибольшей полнотой проявляются в сводных работах, но постепенно пропитывают и исследования, посвященные конкретным вопросам истории международных отношений).

Во-первых, сами империалистические противоречия выводятся в конечном счете из неэкономических причин (вопросы престижа, национального самолюбия, идеологические конфликты, геополитические «факторы» и т. д.). Особенно часто доказывается, что экономическое соперничество капиталистических держав возбуждалось национальным соперничеством¹ и абстрактной «борьбой за власть»². Порой противоречия между германским империализмом и его соперниками идеалистически трактуют как конфликт идей, столкновение немецкого и западного духовного склада, восходящее чуть ли не к XVI веку³.

Во-вторых, в центр ставятся противоречия между странами, на территории или части территории которых возникли социалистические государства (например, широко распространено утверждение, что главной причиной первой мировой войны якобы был конфликт между царской Россией и Австро-Венгрией, а не англо-германский антагонизм. Эту точку зрения подробно развивает У. Росту в его уже неоднократно упоминавшейся работе «Стадии экономического роста». В схеме Росту, как по мановению волшебной палочки, исчезают общеизвестные факты острого англо-германского соперничества в Азии и Африке, борьба за колонии и влияние в зависимых странах).

В-третьих, сводятся к минимуму те империалистические противоречия, которые в силу ряда конкретно-исторических причин не приводили к военным столкновениям (англо-французские, франко-американские противоречия и т. д.).

В-четвертых, дается фальсификаторская интерпретация тем столкновениям между странами, отрицать остроту которых было бы невозможно. Так, на франко-германской конференции историков было решено доказывать, что про-

¹ См. J. H. Hayes, C. W. Cole, History of Europe, vol. II, p. 350; S. B. Clough, The Economic Development of Western Civilization, p. 406.

² См. W. E benstein, Today's isms, p. 7.

³ См. G. Ritter, Europa und die deutsche Frage. Betrachtungen über die geschichtliche Eigenart des deutschen Staatsdenkens, S. 11; W. E benstein, Today's isms, p. 7.

тиворечия между Германией и Францией после 1871 года вовсе не носили столь острого характера, как это было принято считать в литературе. Бисмарк, мол, во время «военных тревог» 1875 и 1887 годов не стремился к новой войне против Франции. Напротив, во Франции никто из ответственных политических деятелей и не помышлял о реванше за поражение во франко-прусской войне. Конференция рекомендовала вести борьбу против «преувеличения» роли пангерманистского движения и отрицать наличие у кайзеровской Германии каких-либо планов европейской гегемонии, а также что идеи реванша имели серьезное значение в определении политики французских правящих кругов¹. На другом подобном совещании буржуазных историков Западной Европы в докладе Ф. Шнабеля было подчеркнуто, что созданная Бисмарком система союза была якобы направлена на защиту Центральной Европы от России².

Наконец, в-пятых, с прямыми ссылками и на основе лже-теории старого и нового капитализма рисуется фальшивая картина постепенного смягчения противоречий между буржуазно-демократическими странами. Тенденция к сглаживанию истории противоречий между различными европейскими государствами и США призвана также засвидетельствовать существование некоей «атлантической общности» и тем самым подвести историческую базу под агрессивный Североатлантический блок³. Наиболее показательным примером в этом отношении может служить интерпретация в реакционной науке истории отношений между главными капиталистическими странами — США и Англией.

Новая литература, вышедшая в США и Англии, по истории англо-американских отношений не только тенденциозно сглаживает все острые углы, но и рисует в корне ложную картину затухающей кривой противоречий между этими странами. Характерным отголоском идейной установки,

¹ См. «Deutsch-französische Vereinbarung über strittige Fragen europäischer Geschichte», SS. 8—9.

² См. «Europa und der Nationalismus.», S. 107. Единственно в чем оказался повинным «европеец» Бисмарк, — это в том, что он недостаточно теснил и онемечивал поляков. (См. «Deutsche Heimat ohne Deutsche», Braunschweig, 1953.)

³ Характерно, что на X Международном конгрессе историков был прочитан специальный доклад американского историка Р. Палмери и французского историка Ж. Годшо, призванный обосновать идею «атлантической общности».

которой следуют буржуазные историки США и Англии, является статья, появившаяся несколько лет назад в журнале «Social Studies», рассчитанном на учителей американских школ. «Наши студенты слышат слишком много о Бостонском «чаепитии», повешении Натана Хэла и майора Андре, захвате американских моряков, сожжении Белого дома и деле Трента», — говорилось в статье. Взамен упоминания об этих конфликтах журнал рекомендовал рассказывать учащимся об «англо-саксонском единстве» и о том, что Британская империя — важнейший рынок и источник сырья для США¹.

Характерной чертой англо-американских отношений являлась борьба двух тенденций — к соперничеству и к сотрудничеству, причем эти тенденции играли неодинаковую роль в различные исторические периоды. Приводимые в литературе данные об англо-американском сотрудничестве отражают одну из важных сторон процесса развития взаимоотношений между США и Англией. Что же касается другой не менее важной стороны истории взаимоотношений Англии и США, а именно англо-американских противоречий и соперничества, то она подверглась явному извращению. Фальсификация истории проявляется прежде всего в искажении перспективы, в том, что во главу угла всегда ставится тенденция к сотрудничеству, которая была значительно более слабой в течение ряда десятилетий (в частности, в период до 60-х гг. XIX в., а также в 20-х гг. XX в. и т.д.), и доказывается, что эта тенденция непрерывно усиливалась, чего отнюдь не отмечалось в действительности².

Развитие капитализма, как известно, обнаруживает тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, уничтожает национальную замкнутость, связывает страны с помощью международного разделения труда. Эти тенденции были сильны и в отношениях Англии и США, чему способствовали эмиграция, общность языка и культурная близость. Фактический материал по данному во-

¹ «Social Studies», Published by the National Council for the Social Studies in Collaboration with American Historical Association, 1948, p. 202.

² См. Н. Аллен, Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations (1783—1952), L., 1954. (Специальный разбор буржуазной литературы по истории англо-американских отношений см. в статье Е. Б. Черняк. Искажение буржуазной историографией истории англо-американских отношений XIX — начала XX века, «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 153—165.)

просу, собранный в исторической литературе¹, ныне используется рядом американских и английских авторов, чтобы доказать существование в XX веке и даже еще ранее, в XIX веке, пресловутой «атлантической цивилизации»². Однако эти авторы предпочитают забывать тот факт, что взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий складывались в ходе развития капитализма не на основе сотрудничества, а в результате борьбы и подчинения одних стран другими. Эта борьба порождала неизбежные конфликты и войны.

В 20-х годах XX века англо-американские противоречия превратились в ведущие противоречия капиталистического мира. Большую роль играли англо-американские противоречия также в предвоенное десятилетие в целом (особенно во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.³) и в годы второй мировой войны. Но тщетно стали бы мы искать картину развития этих противоречий в современной буржуазной историографии. Фактические данные о борьбе английских монополий за нефть, каучук, цветные металлы и другое сырье, за рынки сбыта и сферы приложения капиталов совершенно вытеснены со страниц буржуазных общесторических работ в специальные экономические исследования, да и там приводятся в крайне идеализированном виде. Англо-американские разногласия в исторических работах превращаются в споры отдельных государственных деятелей (У. Черчилль—Рузвельт), в столкновение различных политических и стратегических концепций, в равной мере, однако, направленных на защиту «демократий» и несколько не колеблющих основ англосак-

¹ См. M. Hansen, *The Atlantic Migration 1607—1860*, Cambr. (Mass), 1940; O. Handlin, *Boston's Immigrants. 1790—1865*, Cambr. (Mass), 1941; K. T. Berthoff, *British Immigrants in Industrial America 1790—1950*, Cambr. (Mass), 1953 а.о.

² См. F. Thistlethwaite, *Atlantic Partnership*, «The Economic History Review», 1954, Aug., p. 2. (Ср. его же, *The Anglo-American Connection in the Early Nineteenth Century*, Philadelphia, 1959.) Основная историческая литература, изданная в США и Западной Европе в связи с теорией «атлантической цивилизации», приведена в докладе Ж. Годшо и Р. Палмера «Проблема Атлантики в XVIII — XX веках», прочитанном на X Международном конгрессе историков в Риме. (См. «X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni», vol. V, Firenze, 1955, pp. 175—239.)

³ См. А. С. Кодаченко, *Англо-американская борьба за рынки сбыта в период мирового экономического кризиса (1929—1933)*, Изд-во ИМО, 1960.

сонского единства. Фактически целиком исчезла из буржуазной исторической литературы картина ожесточенной конкурентной борьбы и развития империалистических противоречий между США и Англией в послевоенные годы¹.

3

Одной из основных опор, с помощью которой реакционная историография стремится укрепить свою главную теорию «старого» и «нового» капитализма и вместе с тем создать удобную для империалистической буржуазии интерпретацию причин возникновения мировых войн, является концепция «народного национализма». Буржуазная историография прежде всего сознательно отождествляет два понятия — «национальный» и «националистический». С помощью этого «лингвистического» трюка проводится знак равенства между совершенно различными явлениями, которые все, вместе взятые, подводятся под единую рубрику «национализма». Формирование национального самосознания и национальной культуры, национально-освободительное движение и образование национальных государств, с одной стороны, а с другой — национализм реакционных правящих классов в конце XIX века и в XX веке, политика великодержавного шовинизма, национального гнета, разжигание ненависти к другим народам и нациям, фашизм — все это в равной мере именуется в буржуазной историографии «национализмом». Пытаясь подвести теоретическую базу под это фальсификаторское отождествление, американский историк Г. Кон дает «национализму» такое определение: «Национализм — это система взглядов, согласно которой каждый индивидуум обязан быть прежде всего лояльным в отношении национального государства»².

¹ Об этой империалистической борьбе см., например, И. М. Лемин, *Англо-американские противоречия после второй мировой войны*, Изд-во АН СССР, 1955; Н. Н. Калинин, *Англо-американские противоречия на современном этапе*, Госполитиздат, 1958; М. А. Сенев, *Англо-американская борьба за нефть после второй мировой войны*, Госполитиздат, 1954; П. М. Михайлов, *США и Англия на капиталистических рынках после второй мировой войны*, Изд-во АН СССР, 1956 и др.

² Н. Коуп, *Nationalism. Its Meaning and History*, N. Y., 1955, p. 1.

Нечего говорить о том, что это определение носит антинаучный, воинствующе идеалистический и антиисторический характер (иногда прикрываемый, как мы увидим, лжеисторизмом). На основе такого определения, полностью игнорирующего социальное и классовое содержание «национализма», нетрудно провести знак равенства между прогрессивными деятелями, борцами за национальное воссоединение Германии или Италии, и гитлеровцами или итальянскими фашистами, проповедовавшими идеологию людоедского шовинизма, что и делают на практике многие реакционные историки. С помощью идеалистической и антиисторической трактовки «национализма» буржуазная историография стремится «переписать» в реакционном смысле всю историю XIX и XX веков. Европейская история XIX века «перекраивается», как это откровенно пишет английский ученый Баттерфилд, чтобы опровергнуть традиционное изображение в старых работах национально-освободительного движения в качестве кульминационного пункта многовекового прогресса¹. «Национализм» изображается как своего рода злополучный «зигзаг» на пути от «европейского порядка», созданного империей и папством в средние века, и от «космополитического» XVIII века с его «офрануженным» во всех странах господствующим классом — дворянством к «европейской интеграции» и к «западному единству» в середине XX века.

Г. Кон так прямо и разъясняет: «В XVIII столетии сознание единства западного мира было еще живо. В эпоху национализма, последовавшей за наполеоновскими войнами, был сделан упор на самодовлеющих нациях и их развитии в изолированном виде. Этот изоляционизм приводил к нарушению исторической перспективы и к чрезмерной оценке особенностей национальной истории и национального характера. После 1914 года опыт войн и революций невиданного масштаба привел людей к пониманию внутренней взаимосвязи между нациями, входящими в западную цивилизацию»².

Известный английский историк Д. Боул, также критикующий «мифологию современного национализма», представляет образование национальных государств еще во

¹ См. Н. Butterfield, *History and Human Relations*, pp. 163—164.

² Н. Ко hn, *American Nationalism. An Interpretative Essay*, p. 226.

времена Возрождения отклонением от развития по пути единства, начавшегося со времен Римской империи¹.

Развитием этой концепции, основанной на использовании еще более утонченной разновидности лжеисторизма, является признание, что «национализм» сыграл положительную роль, но в конце XIX века он оказался связанным с реакционными правительствами (Германия, Франция и т. д.), а «национализм» малых народов, например хорватов, фламандцев, басков, каталонцев, грозил разрушить уже существующие «национальные» государства (Бельгию, Испанию, Венгрию как часть двуединой Габсбургской монархии и др.)². Во всех этих концепциях частичное признание реального смысла и значения действительных исторических процессов служит лишь для полной фальсификации всей картины развития в целом. Бесспорно, что в период от Великой французской буржуазной революции конца XVIII века происходил «длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития»³. Хотя в национальном движении наряду с демократическим крылом, опиравшимся на народные массы, имелось крыло, поддерживавшееся помещиками и крупной буржуазией, в целом национальное движение имело глубоко прогрессивный характер. Буржуазия, возглавляя национальное движение, выдвигала в этот прогрессивный период своего развития лозунги, способствовавшие пробуждению самых широких масс к борьбе против угнетения, за права наций, за народный суверенитет. Превращение буржуазии в реакционный класс коренным образом изменило характер выдвигавшихся ею национальных лозунгов.

В страхе перед пролетариатом буржуазия вступает в союз с силами феодально-помещичьей реакции, становится главным глашатаем реакционного национализма, проводит политику угнетения и неравноправия наций. Шовинизм буржуазии усиливался вследствие обострения конкуренции на мировом рынке, борьбы за раздел и передел мира.

¹ См. J. Bowle, *The Unity of European History*, L., 1948, pp. 7, 200 and next.

² См. D. Brogan, *The Price of Revolution*, pp. 103—107.

³ В. И. Ленин, Конференция зарубежных секций РСДРП, Соч., т. 21, стр. 138.

Буржуазный шовинизм стал идеологией, обосновывающей колониальную эксплуатацию, империалистическую агрессию, захватнические войны. Буржуазия все шире пыталась использовать шовинизм как орудие против своего классового антагониста — пролетариата, против растущего рабочего движения. Демагогическими призывами к национальному единству на основе «классового мира», проповедью зоологической ненависти к другим народам и нациям буржуазия старалась отвлечь трудящиеся массы от борьбы за демократию и социализм. Буржуазный шовинизм был призван оправдать сохранение таких пережитков феодализма, как помещичье землевладение и монархия, обосновывать усиление государственной машины, используемой для подавления масс, растущий милитаризм. Немецкая буржуазия, ранее стремившаяся к воссоединению Германии, превратилась в конце XIX века совместно с юнкерством в глашатая пангерманизма, проводила политику свирепого угнетения и ассимиляции национальных меньшинств, зверского порабощения народов колоний. Итальянская буржуазия, боровшаяся за освобождение и объединение Италии, в конце XIX — начале XX века вступила на путь колониальных захватов и грабительских войн и т. д.¹

Таковой была подлинная эволюция буржуазного национализма, извращаемая в реакционной историографии. Совершенно несостоятельны попытки многих буржуазных ученых отрицать прогрессивный характер национальных движений XIX века на основании того, что они представляли отступление от мнимой «космополитической традиции». Но не менее ложно и утверждение другой части буржуазных историков, что «национализм» исчерпал свои положительные элементы к концу XIX века. Этот вывод достигается как раз на основе антиисторического толкования понятия «национализм». Во-первых, перерождение революционно-демократического буржуазного национализма в реакционный не отменяет его глубокой прогрессивности на определенном этапе развития. Во-вторых, в корне ложен вывод, делаемый на основе манипуляции с термином «национализм», что раз буржуазный национализм приобрел реакционный характер, то реакционным стало само существование национальных государств, национальный сувере-

¹ Мы не касаемся в данной связи вопроса о политике буржуазии стран угнетенного Востока, национальные лозунги которой по-прежнему носили демократический, прогрессивный характер.

нитет, лозунг самоопределения наций. А ведь именно к этому выводу настойчиво подводят читателя буржуазные историки с помощью своей интерпретации «эпохи национализма».

И ранее буржуазная историография нередко ссылалась на «национализм» как на причину военных конфликтов, но одновременно подчеркивала, что они возникали вследствие непоследовательного соблюдения национального принципа при образовании европейских государств, приведшего к появлению ряда угнетенных наций¹. Ныне же буржуазные историки доказывают нечто прямо противоположное, а именно, что «национализм» коренится в самом факте существования национальных государств. Национальный суверенитет, уверяет Ростоу, включает в себя право убивать людей, принадлежащих к другим нациям, и тем самым порождает войны².

Завершение процесса создания национальных государств в Западной Европе относится к 60—70-м годам XIX в. После этого наступил длительный перерыв в процессе формирования новых государственных образований на национальной основе. Напротив, вследствие усиления империалистической экспансии капиталистических держав многие народы Азии и Африки лишились независимости и возможности развития своего национального государства. В странах угнетенного Востока возникло мощное освободительное движение, ставившее целью ликвидацию империалистического гнета и достижение государственной независимости. Национальный вопрос из вопроса о правах отдельных национальных меньшинств в странах Европы превратился прежде всего в вопрос о судьбах сотен миллионов людей в странах Востока, угнетенных народов колониальных и зависимых стран, составлявших **большинство** человечества. В эпоху империализма национальный вопрос стал национально-колониальным вопросом. Происходящее на наших глазах крушение колониальной системы империализма и создание на месте прежних колоний десятков новых национальных государств, вступивших на путь самостоятельного национального развития, является ве-

¹ Об этом много писали в годы первой мировой войны, в частности Б. Рассел. (Ср. К. N. W a l t z, Man, the State and War, p. 83.)

² См. W. W. R o s t o w, The Stages of Economic Growth, p. 107.

ликим прогрессивным событием современной эпохи. Сохранение и укрепление независимости недавно освободившихся государств имеет огромное значение для ликвидации ими экономической отсталости и других наследий колониализма, для общего прогрессивного развития человеческого общества.

Следует учесть также, что в современную эпоху вопрос о сохранении независимости приобрел первостепенное значение и для развитых в экономическом отношении буржуазных государств (западно-европейские страны, Канада, Австралия, Япония и т. д.).

Наиболее мощные империалистические государства, не ограничиваясь уже стремлением к порабощению слаборазвитых стран, как это было в период первой мировой войны, стремятся подчинить себе также высокоразвитые капиталистические страны. Германский империализм в годы второй мировой войны пытался захватить и включить в разбойничий «новый европейский порядок» все государства Европы и установить свое мировое господство. После второй мировой войны монополистический капитал США также выдвинул притязания на мировое господство, на включение под той или иной вывеской в своего рода американскую империю не только колониальных владений, но и самих метрополий. Напуганные могучим ростом сил мировой социалистической системы и международного рабочего движения, в страхе перед собственным народом, перед национально-освободительным движением в колониях, империалистические круги многих буржуазных стран идут на национальное предательство, на подчинение своих стран американскому империализму. Во имя узкоклассовых, эгоистических интересов монополистическая буржуазия втягивает свои страны в сколачиваемые империалистами США агрессивные военные блоки, которые направлены против социалистических государств, против национально-освободительной борьбы угнетенных народов, против демократических сил, и прежде всего рабочего движения в самих буржуазных странах. Слепленные ненавистью к силам демократии и социализма, стремящиеся к наживе на милитаризации и гонке вооружений, которая связана с участием в военных блоках, реакционные монополистические круги приносят в жертву государственный суверенитет и превращают свои страны в плацдармы для американского атомного оружия, создавая смертельную угрозу для самого

существования народов этих стран. В современных условиях борьба за национальную независимость приобрела и в буржуазных странах, имеющих вековую историю самостоятельного развития, первостепенное значение, оказалась неразрывно связанной с борьбой за мир, за защиту и развитие демократии, за социальный прогресс.

В свете всего этого становится ясным, что стремление реакционных ученых представить «национализм», то есть в данном случае борьбу за завоевание или сохранение национальной независимости, противоречащим «тенденциям» XX века, обнаруживает лишь истинную сущность тенденций буржуазной историографии. В буржуазных исторических работах широко распространены утверждения, что «национализм» мешает, как пишет Г. Кон, «международному сотрудничеству в то самое время, когда вследствие причин технологического и экономического порядка народы становятся все более зависимыми друг от друга»¹. Но завоевание независимости колониальными странами и оставление государственного суверенитета народами высоко развитых стран мешает не экономическим связям, а лишь приданию им насильственного, угнетательского характера со стороны американского империализма и других наиболее сильных империалистических государств, особенно западногерманских реваншистов. Напротив, надгосударственные организации, ограничивающие национальный суверенитет, ведут не к усилению сотрудничества, а к обострению империалистических противоречий, к подчинению самыми сильными участниками «интеграции» более слабых стран. И не характерно ли, что не раз упоминавшийся американский историк Г. Кон сопровождает свою критику «национализма» вообще не менее рьяным восхвалением «исключительного» американского национализма, который, мол, представляет собой вследствие эмиграции в США сплав национальных черт многих народов и поэтому находит свое воплощение в «надгосударственном» Североатлантическом блоке!² Политическая суть псевдонаучных исследований Кона и его многочисленных единомышленников из числа буржуазных ученых обнажена здесь до предела. А разве не показательным также, что другим олицетворением отказа от «разъедающего национального духа» и стремле-

¹ Н. К о h n, Nationalism. Its Meaning and History, p. 90.

² См. Н. К о h n, American Nationalism. An Interpretative Essay, p. 228.

ния «создать новый европейский порядок, основанный на международном сотрудничестве, а не политическом соперничестве держав», объявляется политика Аденауэра и западногерманских реваншистов¹, на деле мечтающих с помощью НАТО установить свое главенство в Европе, которое было бы лишь новым изданием гитлеровского «нового порядка»!

Но реакционные историки не ограничиваются этим. Доказывая с помощью целой цепи подстановок и подлогов якобы реакционную роль национального суверенитета в XX веке, фальшиво отождествляя его с буржуазным шовинизмом, эти историки делают еще один шаг. Носителями человеконенавистнического шовинизма объявляются народные массы, после чего уже «нетрудно» возложить на них ответственность за переживавшиеся человечеством бедствия, и прежде всего мировые войны, порожденные развитием противоречий современного капитализма. Как известно, с наступлением эпохи империализма буржуазия резко усилила идеологическую обработку масс в духе реакционного национализма. Яд этой пропаганды источала вся буржуазная пропаганда, в шовинистическом развращении народа активное участие принимали реакционная печать и школа, церковь и наука, офицерская каста и чиновничий аппарат. Буржуазия ряда стран сознательно спекулировала на идеологии эпохи национальных движений, чтобы под лозунгами «возвращения Эльзас-Лотарингии», «освобождения» итальянского меньшинства в Австро-Венгрии и т. д. подготовить империалистические войны за передел мира, порабощение и угнетение других стран и народов. Буржуазия угнетенных наций (Ирландии, Каталонии, Чехии и т. д.) пыталась с помощью призывов к национальному единству, понимаемому в смысле отказа от классовой борьбы, помешать росту рабочего движения. В то же время эта буржуазия в страхе перед собственным народом отказывалась от реальной защиты национальных интересов и шла на сделку с империалистической буржуазией господствующих наций. Когда откровенно человеконенавистнические формы национализма переставали оказывать воздействие на массы, буржуазия с помощью оппортунистов пыталась использовать утонченные формы национализма, требовав-

¹ «Catholic Historical Review», 1959, Oct., p. 364. (Ср. С. G o r d o n, From Bismark to Adenauer. Aspects of German Statecraft, Baltimore, 1958.)

шие разделения пролетариата под благовидными предложениями защиты национальной автономии и национальной культуры.

Интенсивная, проводившаяся десятилетиями пропаганда реакционного национализма, оупляющего и разъедающего сознание масс, не могла не оказывать известного влияния на отсталые слои трудящихся, в том числе и на рабочих. В этом нет ничего удивительного, поскольку господствующим классам, как правило, удается навязывать выгодные для них взгляды большей или меньшей части эксплуатируемых масс, и только передовая часть трудящихся в состоянии в этих условиях порвать пути идеологического принуждения, осознать свои подлинные классовые интересы. Однако то обстоятельство, что буржуазии удалось навязать части трудящихся националистические предрассудки, несколько не опровергает ни буржуазной сущности реакционного национализма, ни его враждебности коренным интересам пролетариата и всех трудящихся масс. Мировоззрением сознательных пролетариев была всегда идеология пролетарского интернационализма, непримиримо враждебная буржуазному национализму во всех его разновидностях. Последовательный революционный интернационализм большевиков, отражающий коренные интересы пролетариата, явился образцом для рабочих всех стран. Пролетарский интернационализм не только не исключает, а, наоборот, теснейшим образом связан с подлинным патриотизмом, национальной гордостью за прогрессивные и революционные традиции своей родины, беззаветной борьбой против господствующих эксплуататорских классов, являющихся худшими врагами страны и ее народа. Интернационализм пролетариата и его руководящей силы — коммунистических и рабочих партий неразрывно спаян с последовательной борьбой против всех видов национального гнета и неравноправия, за право на самоопределение всех народов и наций, борьбой против попыток империалистов выхолостить национальный суверенитет и подорвать возможности самостоятельного национального развития. Цели коммунистов — защитников и борцов за утверждение принципов пролетарского интернационализма отвечают высшим интересам нации.

Попытки буржуазных историков, используя тот факт, что буржуазии удавалось и удастся навязать националистические предрассудки части народных масс, создать тео-

рию «народного национализма» носят, таким образом, глубоко антинаучный характер. Следуя методологии буржуазных историков, можно было бы говорить, скажем, о «народном характере» рабовладения или крепостничества, поскольку ведь и в ту эпоху господствующим классам удавалось навязать части рабов или крепостных убеждение в незыблемости и неизбежности их рабского состояния.

Ощущая всю шаткость теории «народного национализма», буржуазные исследователи пытаются подкрепить ее различными, нередко взаимоисключающими «доказательствами». Так, американский историк Б. Шефер доказывает, с одной стороны, что национализм потерял экономические корни, которые он имел во времена К. Маркса, а с другой, утверждает, что в XX веке массы, в частности рабочий класс, стали защищать свои интересы с «помощью нации» и поэтому, мол, перешли на позиции национализма¹. Американский ученый Корбетт уверяет, что рабочие якобы перешли на позиции национализма, поскольку буржуазное государство защищало их от «конкуренции» пролетариата других стран² и т. д.

Буржуазные ученые отождествляют поддержку империалистической политики и борьбу за завоевание и сохранение национальной независимости, переход подкупленной империализмом верхушки пролетариата на позиции социал-шовинизма и патриотизм рабочего класса и всех трудящихся масс, выступающих в защиту национального суверенитета. Однако эти «подстановки» лишь воочию демонстрируют всю вопиющую фальшь теории «народного национализма».

Но все это несколько не смущает буржуазных исследователей, стремящихся любой ценой «доказать» свои апологетические концепции и снять с капитализма ответственность за нищету масс и военные катастрофы. Буржуазные исследователи упражняются в нападках на «миф» о миролюбии народных масс, объявляя его наследием «рационализма XVIII века»³. Говоря о причинах первой мировой войны, буржуазные историки сплошь и рядом называют главной

¹ См. B. Schaffer, *Nationalism. Myth and Reality*, N. Y., 1955, pp. 170, 172, 197—198.

² См. P. E. Corbett, *Law in Diplomacy*, Princeton, 1959, p. 90.

³ См. H. Kohn, *American Nationalism. An Interpretative Essay*, p. 184.

из них «народный национализм» вообще¹ и иногда даже (очередной трюк!) «национализм», то есть борьбу за свои национальные права, угнетенных народов Австро-Венгрии и царской России².

Звериный шовинизм гитлеровцев, проводивших политику наиболее реакционных и агрессивных элементов финансового капитала, и патриотизм народов, ставших жертвами фашистской агрессии, нередко подводятся под рубрику «народного национализма» и объявляются главной причиной второй мировой войны. Так, реакционная теория «народного национализма» смыкается с не менее реакционными интерпретациями истории фашизма, которые объективно направлены на оправдание и возвеличивание монополий, выступавших в роли вдохновителей фашистской агрессии.

На основе лжетеории «народного национализма» буржуазная историография фальсифицирует место и роль милитаризма в современную эпоху. Милитаризм — прямое порождение империалистической эпохи. «Современный милитаризм, — указывал В. И. Ленин, — есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях („*Militarismus nach aussen*“, как выражаются немцы), и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата („*Militarismus nach innen*“)»³. Милитаризация в эпоху империализма стала проникать во

¹ См. T. Derry and T. Jarman, *The European World 1870—1945*, L., 1951, pp. 185, 200—201; R. Brasse, *The Making of Modern World. From the Renaissance to the Present*, N. Y., 1955, p. 465.

² См. J. P. Plamenatz, *World War, Communism and Social Democracy*, «The Concise Encyclopaedia of World History», p. 479; H. Seton-Watson, *The Intellectuals and the Revolution. Social Forces in Eastern Europe since 1848*, «Essays Presented to Sir Lewis Namier», pp. 410—411. Эту же точку зрения защищает в ряде общих курсов по истории международных отношений известный французский историк П. Ренувен. (Ср. также J. Bourdon, *Causes et consequences des deux guerres*, «Revue de Synthèse», 1957, oct. — dec., p. 514.)

³ В. И. Ленин, *Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии*, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 187.

всю общественную жизнь капиталистических стран¹. Милитаризм необходим империалистической буржуазии для борьбы за передел мира и для подавления революционного пролетариата. Буржуазия горстки империалистических держав стремилась увековечить эксплуатацию сотен миллионов людей в колониях, «держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма»². В. И. Ленин, подвергнув всестороннему анализу причины появления и характер современного милитаризма, писал — и опыт истории тысячекратно подтвердил всю справедливость этой ленинской мысли, — что гонка вооружений — настоящее золотое дно для монополистов и буржуазных политиков. Ленин подчеркивал тесное переплетение интересов военных трестов различных стран. «Международно-переплетенный капитал, — писал Ленин, — делает великолепные дела на вооружениях и войнах»³. В изготовлении орудий массового истребления — вот в чем проявлялся ярче всего «интернационализм» монополий, который, по уверениям мещанских пацифистов и реформистов, должен якобы придать «миролюбивый» характер современному империализму. «Государственно-монополистический капитализм неслыханно усиливает милитаризм. Империалистические государства содержат и в мирное время огромные вооруженные силы. Военные расходы поглощают все большую часть государственных бюджетов. Империалистические государства превращаются в милитаристские, военно-полицейские государства; милитаризация пронизывает жизнь буржуазного общества»⁴. Военные расходы в первую половину XX века (1900—1953 гг.) превысили цифру в четыре триллиона долларов. Ныне 15—20% национального дохода капиталистических стран тратится на вооружения. В условиях углубляющегося общего кризиса капиталистической системы империалистическая буржуазия во главе с американским империализмом пытается с помощью бе-

¹ См. В. И. Ленин, О лозунге «разоружения», Соч., т. 23, стр. 87.

² В. И. Ленин, Империализм и раскол социализма, Соч., т. 23, стр. 105.

³ В. И. Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 202; его же, «Кому выгодно?» Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 61—62; его же, Вооружения и капитализм, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 175—176.

⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 29.

шенной гонки вооружений, сколачивания агрессивных военных блоков, направленных против социалистических стран, против рабочего и национально-освободительного движения, предотвратить исторически неизбежный крах капитализма. Наиболее оголтелые представители империалистических кругов — милитаристы, заправляющие в НАТО, открыто призывают к развязыванию ракетно-ядерной войны.

Однако в нашу эпоху объединенные усилия мирового социалистического лагеря, международного рабочего класса, национально-освободительного движения всех стран и всех миролюбивых сил могут пресечь попытки империалистических агрессоров разжечь пожар мировой войны. В ближайшем будущем благодаря росту могущества сил, выступающих за мир, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества. Агрессивная природа империализма и в нашу эпоху осталась неизменной, уменьшились лишь возможности империалистов развязать новую войну. Вот эту истину как раз и стремятся затушевать реакционные ученые своей трактовкой истории и характера милитаризма.

Главное стремление буржуазных историков — как и в ряде других случаев — оторвать милитаризм от монополий и проводимой ими политики. С этой целью под понятие «милитаризм» подводится любое вооружение народа — пусть даже для защиты своей родины или своих революционных завоеваний от реакции и иностранной интервенции¹. На этом «основании» родоначальниками милитаризма часто объявляются... французские якобинцы, поднявшие народ на борьбу против вторгшихся в революционную Францию армий интервентов². (Г. Риттер, как уже отмечалось выше, хотел бы свалить на Французскую революцию вину даже за немецкий милитаризм!³) Это фальшивое именование «милитаризмом» революционной борьбы было использовано реформистами уже в годы первой мировой войны (например, английской независимой рабочей партией при осуждении

¹ См. A. V a g t s, A History of Militarism, 1959.

² См. C. H a y e s, Modern Europe to 1870, N. Y., 1953, p. 519.

³ См. G. R i t t e r, Das Problem des Militarismus in Deutschland, «Historische Zeitschrift», 1954, Bd. 177, S. 26. (Критику Риттера и других апологетов милитаризма см. в статье А. С. Е р у с а л и м с к и й, Против идеологии германского империализма, «Вопросы философии», 1960 г., № 7, стр. 90—105.)

ею героического ирландского восстания 1916 г.)¹. Нередки в буржуазной и реформистской историографии и попытки представить милитаризм в виде случайного паразитического нароста на капитализме или только свойства отдельных империалистических стран, в частности Германии, которые, будучи обделены при грабеже колоний, с особой резкостью выдвигали требования передела мира. В. И. Ленин почти полвека назад разоблачил эти апологетические попытки выгородить одни империалистические страны за счет ничем от них принципиально не отличающихся других стран империализма². Еще более антинаучный характер носят старания современной реакционной историографии представить милитаризм лишь в виде «независимой» военной касты, заботящейся прежде всего о поддержании социального престижа офицерского корпуса и т. п.³ Чтобы как-то подкрепить реакционные теории милитаризма, рушащиеся при первом же соприкосновении с фактами, буржуазные историки снова вытаскивают на свет лживый миф о народном национализме. Но эта фальшивая опора сама не выдерживает критики и тем более не способна служить фундаментом для других столь же антинаучных концепций ученых апологетов империализма.

4

В освещении истории первой мировой войны буржуазная наука учитывает в первую очередь цели «общего» характера: оправдание капиталистического строя путем снятия с него ответственности за эту войну, обоснование лживой теории перерастания капитализма в строй благоденствия. Фальсификация реакционными историками причин второй мировой войны преследует наряду с этими общими также другие важные для империалистов и сугубо политические задачи: возвеличивание действий правящих кругов США и Англии, историческое обоснование политики сколачивания Североатлантического блока и возрождения западногерманского милитаризма, черная клевета на Советский Союз, сыгравший главную и решающую роль в спасении человечества от фашистского рабства.

¹ См. «Socialist Review», 1916, Sept, p. 205.

² См. В. И. Ленин, Империализм и социализм в Италии, Соч., т. 21, стр. 329.

³ См. «German History. Some New German Views», p. 49.

В соответствии с этим наличием как «общих», так и «частных» целей фальсификации буржуазная историография дополняет изобретенные ею «общие» причины войн также особыми «частными» причинами, якобы приведшими к возникновению второй мировой войны.

Для того чтобы представить эти «частные» причины, измышленные новейшими реакционными историками, следует прежде всего упомянуть об одном тезисе, то открыто декларируемом, то молчаливо предполагаемом как якобы аксиома, не требующая дальнейших объяснений. Этот тезис сводится к тому, что политика правящих кругов Англии и Франции, а также США, поскольку они участвовали в решении европейских дел, в общем и целом являлась выражением и защитой интересов некоей абстрактной Европы, «западной культуры», «западной традиции» и т. п., которым угрожали противник справа — фашизм и противники слева — Советский Союз и международное коммунистическое движение. Так, Э. Вермейль, характеризуя обстановку 30-х годов, писал, что в этот период «Европа должна была бороться, защищая себя против буржуазного фашизма и пролетарского коммунизма»¹. Американский историк Клоф также рисует картину борьбы абстрактной «Европы» и «западной традиции» против чуждых ей фашистских стран и также Советского Союза². Нечего говорить о глубокой лживости этой «схемы», выставяющей по сути дела монопольными представителями западной культуры империалистические круги западных стран, исключаяющей из западной цивилизации революционный пролетариат и все ведомые им демократические слои европейского населения — то есть игнорирующей истинных защитников культуры и наследия европейских народов, наконец, клеветнически ставящей на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз, народ которого спас Европу от порабощения кровавым гитлеризмом. Между тем эта схема служит буржуазным историкам в качестве отправной точки для изыскания удобных для них «причин» второй мировой войны.

Как известно, в десятилетие перед войной правящие круги Англии, Франции и США проводили пресловутую мюнхенскую политику умиротворения фашистских агрессоров, сговора с ними и подталкивания их к нападению на

¹ См. «The European Inheritance», Oxford, 1954, vol. III, p. 208.

² См. S. B. Clough, The Economic Development of Western Civilization, p. 443.

Советский Союз. Мюнхенская политика подробно исследована в научной литературе. Ее антисоветские цели выяснены с полной документальной неопровержимостью¹. Следует особо подчеркнуть твердо установленный факт активной поддержки и соучастия правящих кругов США в осуществлении мюнхенской политики². Истинную сущность мюнхенской политики освещает даже обширный фактический материал, который содержится в наиболее серьезных специальных исследованиях консервативных историков, хотя авторы этих работ и уклоняются, как правило, от того, чтобы сделать напрашивающиеся выводы из приводимых фактов³. Отказ правящих кругов западных стран от сотрудничества с Советским Союзом, поощрение ими ремилитаризации Германии и попытки сговориться с гитлеровцами о «канализации» фашистской агрессии на Восток создали для гитлеровской клики возможность развязать вторую мировую войну. «Вся предыстория второй мировой войны— это позорная глава в политике так называемых западных демократий,— справедливо говорил Н. С. Хрущев. — Правящие круги Англии, Франции, Польши и других государств не остановились перед предательством национальных интересов своих народов. Из памяти человечества никогда не изгладится позорный Мюнхенский сговор 1938 года, когда правители Англии и Франции бросили под ноги фашистских захватчиков Чехословацкую республику. За

¹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», Воениздат, 1961, т. I, стр. 139—160; А. М. Некрич, Политика английского империализма в Европе. (Октябрь 1938— сентябрь 1939), Изд-во АН СССР, 1955; В. А. Матвеев, Провал мюнхенской политики (1938—1939), Госполитиздат, 1955; Л. В. Поздеева, Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936, Изд-во АН СССР, 1956; В. Г. Трухановский, Новейшая история Англии, Соцэкгиз, 1958; В. М. Хвостов, А. М. Некрич, Как возникла вторая мировая война, Госполитиздат, 1959; В. Г. Поляков, Англия и мюнхенский сговор, Изд-во АН СССР, 1960; А. Rothstein, The Munich Conspiracy, L., 1958; Э. Ротштейн, Мюнхенский сговор, ИЛ, 1960 и др.

² См. Н. Иноземцев, Внешняя политика США в эпоху империализма, Госполитиздат, 1960; Ю. М. Мельников, США и гитлеровская Германия. 1933—1939 гг., Госполитиздат, 1960.

³ См. J. Wheeler-Bennett, Munich. Prologue to Tragedy, L., 1948; L. B. Namier, Diplomatic Prelude 1938—1939, L., 1948; его же, Europe in Decay, L., 1959; W. Langer and G. Gleason, The Challenge to Isolation 1937—1940, N. Y., 1952 и др.

эту предательскую политику народам пришлось расплачиваться миллионами жизней своих сынов и дочерей, страшными лишениями»¹. В свете этих фактов чудовищным выглядит утверждение многих реакционных историков, что причиной войны было отсутствие сотрудничества между странами Запада, недостаточное участие США в делах Западной Европы². Сотрудничество (несмотря на разделявшие империалистов США, Англии и Франции глубокие противоречия) оказывалось однако весьма активным, когда дело шло о натравливании Германии и Японии на Советский Союз. «Американский изоляционизм», не мешавший монополиям США деятельно содействовать созданию фашистской военной машины, превратился по существу в еще одно из орудий поощрения гитлеровской агрессии. То обстоятельство, что вскормленный для нападения на СССР фашистский хищник обрушился прежде всего на своих западных покровителей, не может изменить этих фактов. Очень характерно, что сторонники указанной выше лже-теории одновременно осуждают все попытки установления сотрудничества с Советским Союзом, которое действительно могло бы преградить дорогу фашистской агрессии. В частности, франко-советский пакт 1935 года изображается как договор, якобы подрывавший внешнеполитические позиции Франции. Почему же? Да только потому, что его плохо приняли фашистские агрессоры и их союзники, а также мюнхенские круги в Англии!³

У многих буржуазных и реформистских авторов лживое утверждение, будто вторую мировую войну породило отсутствие должного сотрудничества между «миролюбивыми демократиями Запада», перерастает в тезис, что война была вызвана неудачей планов создания Соединенных Штатов Европы и развитием (в частности, благодаря распаду Австро-Венгрии) национализма в Европе⁴. Так, вымысел о «недостаточном единстве демократий» благополучно сли-

¹ «Правда», 22 июня 1961 г.

² См. Н. К о h n, American Nationalism. An Interpretative Essay, p. 209. На основе этого насквозь лживого утверждения делается вывод о том, что при нынешнем англо-американском сотрудничестве якобы нечего опасаться возрождения германского милитаризма. (См. Н. К о h n, The Minds of Germany. The Education of a Nation, N. Y., 1960, p. 345.)

³ См. Н. H o l b o r n, The Political Collapse of Europe, p. 142.

⁴ См. R. C r o s s m a n, Government and the Governed, pp. 248—249.

вается с уже знакомой нам лживой теорией «народного национализма» и объяснениями войны как следствия существования государственного суверенитета! И разве существенно отличаются от этой «теории» уверения некоторых западногерманских реваншистов вроде лидера «землячества» судетских немцев социал-демократа В. Якша, что попытки Чехословакии отстоять свою независимость являются «панславизмом», который, мол, столь же заслуживает осуждения, как и гитлеризм. (Любопытно, что высказывания Якша вызвали полное одобрение бывшего австрийского канцлера Шушнига, ныне подвизающегося в качестве видного католического историка в США.)¹ Вполне в духе всего этого и рассуждения других западногерманских историков, что возможность развязывания войны Гитлером создалась благодаря отклонению Польшей «умеренных» требований фашистской Германии и «преследованиям», которым подвергались немцы со стороны поляков².

В рамках лживой концепции, утверждающей, что отсутствие сотрудничества между «западными демократиями» явилось главной причиной войны, нетрудно изобразить и преступный мюнхенский сговор 1938 года как попытку укрепления мира. Так, уже известный нам Г. Кон не смущаясь пишет, что «Мюнхенский договор был заключен с целью предотвратить войну; к его заключению вело всепоглощающее, хотя и приводившее к ошибкам, желание мира со стороны Англии и Франции»³.

Среди реакционных историков раздаются голоса в пользу переоценки Невилля Чемберлена, подвергавшегося резкой критике даже в буржуазной историографии. Так, видный американский католический историк Зонтаг предлагает изображать Чемберлена, покровителя гитлеризма,

¹ См. W. J a k s c h, Europa's Weg nach Potsdam. Schuld und Schicksal in Donaauraum, Stuttgart, 1958. Рецензия Шушнига опубликована в «Catholic Historical Review», 1960, Jan., pp. 479—482.

² См. P. H. S e r a p h i m, Ostdeutschland und das heutige Polen, Braunschweig, 1953, S. 10.

³ Н. К о h n, American Nationalism. An Interpretative Essay, p. 215. Некоторые реакционные историки подыскивают для этого лживого вымысла квазиисторическое обоснование: Чемберлен, мол, действовал таким образом, чтобы Германия не чувствовала себя «в окружении», как в 1914 году, и поэтому стала бы более миролюбивой. (См. K. N. W a l t z, Man, the State and War, pp. 220—221.)

пытавшегося любой ценой столкнуть Германию и Советский Союз, идеалистом, который якобы верил, что война «может быть предотвращена обращением к здравому смыслу и общему чувству гуманности»¹. Американский журнал «Католическое историческое обозрение» открыто восторгается ненавистью Чемберлена к Советскому Союзу и его стремлением сотрудничать с гитлеровцами. Журнал считает Чемберлена виновным лишь в неудаче его попытки сговориться с нацистскими главарями. «Вероятно, Чемберлен, великий умиротворитель, был слаб только в одном — в том, что его предложения делались в одиннадцатом часу и слишком поздно,— с сожалением замечает исторический журнал церковников.— Умиротворение, конечно, вело к созданию сильной Германии, но это по меньшей мере оставляло рубежи Западной Европы в руках яростно антикоммунистического правительства». Господство гитлеризма, по мнению католического журнала, много предпочтительнее того, «через что должна была пройти Западная Европа после успешного окончания второй мировой войны»². Лейбористский идеолог Р. Кроссмен даже уверяет, что западные державы проводили политику умиротворения вследствие, во-первых, пацифистских настроений («коллективного пацифизма»), во-вторых, стремления любой ценой поддерживать принцип национального суверенитета и, в-третьих, ... демократии, якобы неспособной к действиям³.

Отлично зная, что целью английской и французской политики вплоть до начала второй мировой войны и даже впоследствии, в месяцы так называемой «странной войны», было добиться сговора с Гитлером и натравить его на СССР, что ради этого велись непрекращавшиеся тайные переговоры с гитлеровской кликой, многие западные реакционные историки вопреки общеизвестным фактам доказывают нечто прямо противоположное: якобы «разумной гипотезой»(1) является предположение, что Англия и Франция в 1939 году спасли Советский Союз от нападения Гитлера; приняли удар на себя и совместно с Америкой «спасли мир»⁴. Эта «разумная гипотеза» является просто

¹ См. «Catholic Historical Review», 1953, Jan., p. 396. (Ср. статью Фитцсимонса в «Review of Politics», 1950, Oct., p. 497 and next.)

² «Catholic Historical Review», 1955, Apr., p. 61.

³ См. R. Crossman, Government and the Governed, pp. 257, 280.

⁴ См. «The European Inheritance», vol. III, p. 224.

взятым с потолка измышлением, противоречащим абсолютно всему, что известно о предыстории войны, в том числе и документам из архивов министерств иностранных дел западных держав, опубликованных правительствами этих стран.

Германская реваншистская историография, вполне солидаризируясь с вымыслами американских, английских и французских ученых, в лице своих явно неонацистских представителей идет еще дальше. Так, в статье Г. Юнкера «Мюнхенский договор» можно прочесть: «Историческое значение его (т. е. договора.— *Е. Ч.*) заключается в том, что он является примером мирного урегулирования нетерпимого положения. Тот факт, что последовавшая война поставила под вопрос практическое осуществление договора, не может ничего изменить в его значении с точки зрения международного права»¹. Оказывается, союзники во время войны не были вправе отменить этот «выдающийся по значению» договор, и все их действия следует признать «незаконными», поскольку они предпринимались без согласия... Гитлера². Недобитые нацисты рисуют мюнхенский сговор как пример справедливого решения «Европой» ее проблем, а последовавший за этим в 1939 году захват всей Чехословакии — как необходимое и похвальное укрепление стратегических позиций фашистского рейха накануне «испытания огнем» и выражают лишь горькие сожаления, что «эта (т. е. мюнхенская.— *Е. Ч.*) политика не могла продолжаться далее»³. На такой «основе» западногерман-

¹ «Nation Europa», 1957, Sept., S. 11.

² См. «Nation Europa», 1957, Sept., S. 15. Эти «исторические изыскания» отнюдь не являются в ФРГ делом каких-то обезумевших от злобы недобитых гитлеровцев. На основании таких «доводов» ФРГ выдвигает реваншистские требования в отношении Чехословакии. Аденауэровское министерство информации фабрикует и пересылает чехословацким гражданам свидетельства о западногерманском гражданстве, делая при этом ссылки на Мюнхенский договор и положение об оккупации Чехословакии в 1939 году. (См. В. Соляк, Дорога, ведущая в пропасть, «Международная жизнь», 1961 г., № 3, стр. 68.) Западногерманский министр Зеебом (неоднократно заявлявший, что, «согласно международному праву», Мюнхенский договор сохраняет силу) прямо призывает в то же время к «освобождению» всей Восточной Европы, то есть к новому захвату ее германскими милитаристами и их союзниками. (См. «Neues Deutschland», 10. Sept. 1961.)

³ См. А. Нугле, München. 1938, Europas letzter Staatsakt, «Nation Europa», 1958, Sept., SS. 20, 26; Н. Лебге, München und die Kriegsursachen (Ibid., S. 27).

ские реваншисты открыто требуют восстановления Германии в границах гитлеровского рейха 1939 года¹.

Западногерманские реваншисты развертывают демагогическую кампанию против «железного занавеса», не позволяющего, мол, увидеть, что гитлеровская Германия «не хотела» войны². А профессор истории в Майнце М. Геринг пишет о Гитлере так, что его слова вполне мог произнести двадцать лет назад заместитель «фюрера» Г. Геринг: «Не может быть сомнения: Гитлер (в 1939 г.— Е. Ч.) верил в скорое установление всеобщего мира и желал этого»³. Этот вывод фашиста в профессорской мантии не нуждается в комментариях, и после него вряд ли может удивить появление (в частности, в США) книг, в которых разъясняется, что имелся еще один рьяный борец за мир в Европе, пытавшийся утвердить его на протяжении двух десятилетий, а именно итальянский фашистский диктатор Муссолини...⁴

Но, быть может, еще более характерны обвинения, которые выдвигают влиятельные реакционные историки, изображающие себя противниками нацизма, по адресу фашистской внешней политики кануна второй мировой войны. Главное преступление, которое вменяется в вину гитлеровской Германии,— это не агрессивная политика и развязывание второй мировой войны, а заключение ею из тактических соображений в 1939 году договора с Советским Союзом. И самое поджигание войны осуждается прежде всего «как германская глупость, которая в конечном счете привела русских в Берлин». Гитлер, мол, развязыванием войны, а также нападением на Советский Союз принудил западные державы к сотрудничеству с СССР и только вторжение английских и американских армий «спасло» Западную Европу и Западную Германию для «западной цивилизации», поскольку Советы пришли уже в центр Европы⁵. Виной Гитлера, по разъяснению реак-

¹ См. «Neues Deutschland», 25. Sept. 1961.

² См. «Deutsche Soldaten-Zeitung», 18. Aug. 1961.

³ М. G ö h r i n g, Bismarcks Erben. Deutschlands Weg von Wilhelm II bis Adolf Hitler, 2 Aufl., Wiesbaden, 1959, S. 332; «Nation Europa», 1960, Febr., S. 42.

⁴ См. L. V i l l a r i, Italian Foreign Policy under Mussolini, N. Y., 1957.

⁵ См. Н. К о h n, American Nationalism. An Interpretative Essay, p. 216; «German History. Some New German Views», Intro-

ционных ученых, является не вероломное нарушение советско-германского пакта и развязывание в июне 1941 года войны против СССР, а, наоборот, подписание пакта о ненападении¹. Реакционные историки упрекают Гитлера, что его политика помешала «объединению Европы» против Советского Союза². Эти «обвинения» в адрес Гитлера дополняются не менее показательным «оправданием» его в отношении агрессивных планов на Западе, с чем выступил недавно уже знакомый нам историк Тревор-Ропер. В статье, опубликованной в западногерманском реакционном историческом журнале, Тревор-Ропер доказывал, что Гитлер якобы никогда не имел никаких агрессивных планов в отношении западных стран, что фашистский фюрер стремился лишь к установлению германской империи на Востоке. Игнорируя общеизвестные факты (включая сюда выступления Гитлера, документы фашистского правительства, материалы Нюрнбергского процесса и т. д.), Тревор-Ропер хотел бы уверить читателей, что Гитлер питал самые миролюбивые планы в отношении Англии и Франции, что он гуманно подходил к французскому населению и т. п.³

Английский историк предлагает предать забвению все, еще столь живые в памяти, воспоминания о зверствах гитлеровских оккупантов во Франции, о варварских бомбардировках Лондона и уверовать в новую «интерпретацию» целей Гитлера⁴. Теория Тревор-Ропера представляет по своей беззастенчивости и цинизму не столь частую даже в буржуазной историографии фальсификацию, преследующую собой вполне прозрачные политические цели: оправдание мюнхенской политики и, главное, современного союза

duction by H. Kohn, p. 13. На этой «основе» американские историки даже осуждают западногерманских историков-реваншистов вроде Серафима (автора книги «Die deutsch-russischen Beziehungen 1939—1941, Hamburg, 1949), утверждающих вслед за Геббельсом, что гитлеровская Германия на Востоке защищала «европейскую культуру от большевизма».

¹ См. L. D e h i o, Germany in the Epoch of World Wars, «German History. Some New German Views», pp. 139—140. (Первоначально опубликовано в «Historische Zeitschrift», 1952, Febr.)

² См. G. M a n n, Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts, SS. 894—895.

³ См. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1960, Nr. 2, SS. 121—133.

⁴ См. А. Л е о н и д о в, Судьба, которая готовилась Англии, «Международная жизнь», 1960 г., № 6, стр. 90—96; е г о ж е, № 4, стр. 91—97.

западных стран с возрождаемым западногерманским милитаризмом.

К концепции Тревор-Ропера, хотя и несколько иными путями, пришла и так называемая неоревизионистская школа в американской историографии второй мировой войны, родоначальником которой считается Ч. Бирд и которая состоит из открытых реакционеров: Г. Барнса, Ч. Тэнсилла, Д. Моргенштерна, Ф. Сэнборна и др. Выдвигая против Ф. Рузвельта смехотворное обвинение в «сочувствии коммунистической экспансии», неоревизионистские историки с сожалением пишут, что американский президент не пошел на создание единого антисоветского блока с фашистскими державами и своей неуступчивостью спровоцировал Германию и Японию на войну против США, приведшую к таким плачевным результатам для капиталистической системы. Реакционные ученые стремятся таким путем обелить фашизм, оправдать тесные связи американских монополистов с гитлеровцами и японскими милитаристами, замаскировать глубину и непримиримость империалистических противоречий, которые привели к войне между капиталистическими странами. Тэнсилл в своей работе «Черный ход к войне»¹ именуется безумием всякую попытку сопротивления фашистской Германии и милитаристской Японии — бастионов против большевизма — и заявляет, что в Нюрнберге и Токио надо было судить не главных военных преступников, а тех западных политиков, которые вели войну с фашистскими державами.

На основе этой концепции реакционные историки доказывают, что Гитлер стремился лишь к войне против СССР и только вследствие ошибок западной дипломатии вступил в вооруженную борьбу на Западе².

Впрочем, реакционные историки, кажется, соревнуются

¹ См. С. Тэнсилл, *Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941*, Chi., 1952. (Об историках-неоревизионистах см. Б. И. Марушкин и Н. Н. Яковлев, *Историки американской «новой школы» об участии США во второй мировой войне*, «Вопросы истории», 1956 г., № 7, стр. 142—150; Л. Н. Кудашев, В. И. Попов, *Как буржуазно-реакционная историография США фальсифицирует историю кануна и начала второй мировой войны*, «Против фальсификации истории», Соцэкгиз, 1959; А. Е. Кунина и Б. И. Марушкин, *Миф о миролюбии США*, Соцэкгиз, 1960, стр. 151—158.)

² См. С. Тэнсилл, *Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941*, p. 557.

друг с другом в поправлении истины. Ведь трудно иначе назвать пропагандируемую множеством фальсификаторов версию, будто Советский Союз (единственная страна, которая вела последовательную борьбу за мир и предотвращение военного конфликта!) и только один Советский Союз был заинтересован в развязывании второй мировой войны¹. Рецепт, по которому «доказывается» эта ложь, чрезвычайно прост: все шаги СССР, направленные на обеспечение коллективной безопасности и отпора агрессорам — единственной политики, которая была способна остановить фашистских поджигателей военного пожара, выдаются за свидетельство желания войны². Когда же речь заходит о событиях весны — лета 1939 года, буржуазные историки радикально меняют фронт — они объявляют, что якобы правительства Англии и Франции стремились к организации коллективного отпора фашистским агрессорам и что СССР отверг сделанные ему на этот счет предложения³, в результате чего и возникла война⁴. В действительности, как документально доказано советскими публикациями германских трофейных документов и исследованиями советских историков, правительства Чемберлена и Даладьё использовали переговоры с Советским Союзом лишь как ширму для тайных переговоров с гитлеровцами об образовании единого антисоветского блока. Контрудары советской дипломатии расстроили эти коварные планы мюнхенцев⁵.

Крайние представители реваншистской «науки» в ФРГ при конструировании «ответственности» Советского Союза за войну полностью перепевают Геббельса. В число их «доказательств» входит и вера советских людей в торжество

¹ См. W. Langer, G. Gleason, *The Challenge to Isolation. 1937—1940*; К. Типпельскирх, *История второй мировой войны*, Воениздат, 1956.

² См. В. Celovskí, *Das Münchener Abkommen von 1938*, Stuttgart, 1958, SS. 71—72, 178, 325, 474.

³ Эту точку зрения рекомендовано развивать в исторических учебниках Западной Германии и Франции. (См. «Deutsch-französische Vereinbarung über strittige Fragen europäischer Geschichte», S. 412.)

⁴ См. W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. I, L., 1948, p. 331; Н. Кohn, *American Nationalism. An Interpretative Essay*, p. 215, 216; G. Huszar and others, *Soviet Power and Policy*, N. Y., 1955, p. 5.

⁵ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. I, стр. 139—160; А. М. Некрич, *Политика английского империализма в Европе*, Изд-во АН СССР, 1955 и др.

коммунизма, и то обстоятельство, что коммунисты Германии, а также Австрии, Чехословакии, Франции, оккупированных гитлеровцами, вели борьбу против фашизма¹, и «недружеское» отношение Советского Союза к предателю Петэну, и вообще отказ от одобрения захватов, сделанных державами фашистского блока в Европе и Азии, и даже статьи в советских газетах, указывавшие на необходимость крепить оборонную мощь СССР!²

Буржуазная историография в последние годы выработала прямо-таки «стандартный образец» фальсификации хода второй мировой войны. Основные части этого «стандарта» сводятся к следующему: изображению второстепенных по значению англо-американских операций в Северной Африке и на Тихом океане и воздушных бомбардировок Германии в качестве решающих событий войны и всяческому принижению роли главного, советско-германского фронта, где была сосредоточена подавляющая часть гитлеровских вооруженных сил³; к распишыванию временных успехов гитлеровцев на Восточном фронте и в лучшем случае глухому упоминанию о грандиозных победах Советской Армии; к выпячиванию значения ленд-лиза, в приписывании ответственности за поражение на Востоке одному Гитлеру и выгораживанию германских генералов, к замалчиванию или приуменьшению кровавых злодеяний фашистских оккупантов, к отрицанию огромной роли Советского

¹ Стоит напомнить, что в других случаях буржуазные историки с целью оклеветать коммунистов доказывают, что компартий оккупированных стран до июня 1941 года якобы не боролись против фашистских захватчиков.

² См. Udo, Die Vorgeschichte des Russlandfeldzuges, «Nation Europa», 1958, Nov., SS. 13—24. В статье высказывается при этом сожаление, что западная историография недостаточно оценивает и одобряет антикоммунизм Гитлера и его ненависть к Советскому Союзу. Фашистские «исследователи» готовы обнаружить «оправдание» гитлеровской агрессии и... в статьях советских историков, показывающих заботу Советского Союза об укреплении своей обороноспособности. (Ibid., 1960, Sept., SS. 33—37.)

³ Более 90% всех убитых гитлеровских солдат и офицеров погибло на советско-германском фронте. Президент Ф. Рузвельт писал в августе 1942 года, что «Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года». («Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, Госполитиздат, 1957, стр. 32.)

Союза в победе над империалистической Японией¹. Это извращение истории войны подвергнуто уничтожающей критике в советской исторической литературе, документально показавшей всю лживость вымыслов реакционных ученых, которые пытаются оклеветать нашу страну, разгромившую фашистских агрессоров².

Западногерманская реваншистская историография прилагает особые старания для того, чтобы внести в концепцию истории второй мировой войны, созданной буржуазной наукой, свои добавления, учитывающие интересы монополий и возрождающегося милитаризма в Западной Германии. Среди «добавлений» следует отметить прежде всего выдвинутую, впрочем, еще Черчиллем легенду о том, что вторая мировая война была развязана и была проиграна Германией по вине одного Гитлера, который не слушался спасительных советов немецких генералов, и что якобы генералы еще до войны пытались устранить «фюрера» без ущерба для интересов страны³. Германские генералы, мол, были «в основе» антифашистами, но не осознали, пока не оказалось поздно, сущности гитлеризма. Они были недостаточно опытными политиками, чтобы выступить единым фронтом и устранить Гитлера, но лишь некоторые из них вроде Кейтеля и Йодля стали орудием фашизма⁴. «Никогда еще никакой генеральный штаб не был столь невиновен в войне, как германский генеральный штаб в возникновении второй мировой войны»⁵.

¹ См. В. Liddell-Hart, *The Other Side of the Hill*, L., 1956; F. Pratt, *The Battles that Change History*, N. Y., 1956; «Concise Encyclopaedia of World History», p. 488; S. B. Clough, *The Economic Development of Western Civilization*, p. 453.

² На эту тему см. А. И. Еременко, *Против фальсификации истории второй мировой войны*, ИЛ, 1958; «Против фальсификаторов истории второй мировой войны», Сб. статей, Воениздат, 1958.

³ См. G. Ritter, *Geschichte als Bildungsmacht*, Stuttgart, 1947; W. Görlich, *Der Zweite Weltkrieg 1939—1945*, Bd. I, Stuttgart, 1951; K. Riescker, *Ein Mann verliert einen Weltkrieg*, Fr. am./M., 1955; К. Типпельскирх, *История второй мировой войны* и др.

⁴ См. F. L. Carsten, *The German Generals and Hitler*, «History Today», 1958, Aug., p. 564. (Карстен, как и многие другие правые историки в западных странах, ныне не критически повторяет западногерманскую интерпретацию этого вопроса.)

⁵ G. Mann, *Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts*, SS. 877—878.

Гитлеровская армия якобы завоевала доброе расположение большей части населения оккупированной Франции и Бельгии. Если же генералы должны были изредка участвовать в фашистских зверствах, в частности в расстрелах заложников, то «они делали это с тяжелым сердцем»¹. Нечего и говорить, что эта версия является лживой от начала до конца. Германский генеральный штаб в течение двух десятилетий — и до прихода Гитлера к власти и особенно после установления фашистской диктатуры — готовил новую войну. Конечно, бесноватый фюрер, уверенный в своей гениальности, наделал немало грубых военных ошибок, и прежде всего вследствие неправильной оценки военной мощи СССР и силы Советской Армии. Но ведь этот основной просчет в стратегических планах Гитлера был одновременно и ошибкой всех основных светил германского генерального штаба, вполне разделявших недооценку возможностей Советского Союза. Авантюристическая гитлеровская стратегия была прямым детищем порочной военной доктрины немецкого милитаризма, десятилетиями разрабатывавшейся германским генеральным штабом. Гитлер мог осуществлять свои планы, лишь опираясь на активную поддержку германского генералитета. Что же касается «антифашизма» германских генералов, то теперь уже точно установлено, что дело шло лишь об оппозиции части генералитета в отношении тех шагов Гитлера, которые явно могли привести к поражению германский империализм. Отставки отдельных генералов (например, в 1938 и в 1941 гг.) отнюдь не свидетельствовали о конфликте Гитлера с генералитетом в целом. Ряд из «отставленных» генералов (например, Гудериан) потом получал еще более крупные военные посты. Что же касается «генеральского заговора» в июле 1944 года, как это уже давно не является тайной, он не был следствием «антифашизма» генералов, до того (как это признают и реакционные историки) безоговорочно выполнявших все гитлеровские приказы, а явился результатом катастрофических поражений фашистской Германии и стремления путем смены лиц, стоявших у руководства, сохранить основы реакционного режима, предотвратить полный разгром германского империализ-

¹ G. M a n n, Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts, SS. 891, 894, 906.

ма¹. Даже западногерманские историки невольно выдают это, когда ставят в вину правительствам США и Англии, что они недостаточно активно поддержали руководителей заговора 20 июля, которые могли бы «спасти» Германию и Европу от большевизма². (Более того, этот заговор объявляется даже прообразом... контрреволюционных путчей в странах народной демократии, которые тщетно мечтает организовать империалистическая реакция.)³

Не менее лживой является версия о том, что чудовищные злодеяния гитлеровской армии были только следствием «ошибок» или патологических особенностей отдельных лиц (Гитлера, Гимmlера и т. д.), а не применением на практике преступной военной доктрины германских милитаристов. Тщетной является и попытка очистить репутацию таких гитлеровских генералов, как Кейтель, Кессельринг, Гудериан, Манштейн и др., которые, как это было в частности неопровержимо установлено на Нюрнбергском процессе, являлись организаторами варварского разрушения городов, массовых убийств военнопленных, истребления миллионов мирных жителей оккупированных стран.

Западногерманская историография в целом активно поддерживает утверждение реакционных английских и американских историков, что якобы решающее значение для исхода войны имели «битва за Англию» и высадки союзников во Франции в 1944 году (хотя западногерманские фальсификаторы истории, зная, что многие события войны еще слишком свежи в памяти немецкого населения, делают порой при этом оговорки о значении поражений гитлеров-

¹ Об антигитлеровском путче 1944 года имеется обширная реакционная литература, среди которой особо известна, в частности, работа G. Ritter, Karl Goerdeler und die Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1954, со времени своего появления выдержавшая ряд изданий в ФРГ и других странах НАТО. Научную оценку см. в работах: В. Ульбрихт, К истории новейшего времени, ИЛ, 1957, стр. 37 и след.; О. Винцер, 12 лет борьбы против фашизма и войны, ИЛ, 1956, стр. 217 и след.; «Einheit» 1960, Nr. 7; В. С. Коваль, Правда о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г., Киев, 1960; Л. Безыменский, Германские генералы — с Гитлером и без него, Соцэкгиз, 1961 и др.

² См. H. Rothfels, Zeitgeschichtliche Betrachtungen, Göttingen, 1959, S. 79, 82 ff.; K. O. Raetel, Das Ausland und der deutsche Widerstand, «Aussenpolitik», 1960, Mai, SS. 320—327.

³ См. H. Rothfels, 20 Juli 1944, «Das Politik und Zeitgeschichte», Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 20. Juli 1960.

ской армии на Восточном фронте). Союз между странами антифашистской коалиции реваншистские историки пытаются изобразить не следствием объективных интересов этих стран, а результатом просчетов германской дипломатии. В то же время доказывается, что гитлеровская армия потерпела поражения в СССР помимо ошибок Гитлера из-за сурового климата (как будто советские войска били гитлеровцев, действуя не в этих же климатических условиях)¹. Выдвигается также довод о численном превосходстве Советской Армии. На деле в решающих сражениях войны гитлеровцы были разгромлены советскими войсками, не имевшими численного перевеса сил, но превосходившими фашистскую армию своим моральным духом и воинским мастерством².

Общим для реваншистских историков и всей реакционной историографии является настойчивое стремление в крайнем случае обнаружить источник стойкости советских войск в якобы неизменных свойствах русского народа, не зависящих от социалистического общественного строя. Это несколько неожиданное признание патриотизма русского народа со стороны лютых врагов нашей страны служит вполне явной цели — отрицанию непреложного факта, что победу в войне одержал советский общественный и государственный строй, что это была всемирно-историческая победа социализма над капитализмом.

Для политической и научной атмосферы в ФРГ очень показательным, что наряду с господствующим пока мифом об «антифашизме» гитлеровских генералов начинает зловеще вырисовываться новая легенда об «ударе кинжала в спину», с помощью которой реваншисты и позднее гитлеровцы объясняли поражение Германии в первой мировой войне. О возрождении открыто фашистского «объяснения», подобного тому, которое в 30-х годах послужило удобным предлогом для кровавых расправ со всеми противниками гитлеризма, еще в 1954 году был вынужден писать Г. Кон. Немецкими историками, отмечал он, создаются «новые легенды о гитлеровской Германии как бастионе христианства и Запада против коммунизма и об ударе

¹ Об этом же пишут английские и американские фальсификаторы истории, например Д. Фуллер, Б. Лиддл Харт и др.

² См. Д. Е. Мельников, Причины военного поражения фашистской Германии и западногерманские фальсификаторы истории, «Вопросы истории», 1958 г., № 3, стр. 152—164.

ножом в спину со стороны союзников и движения Сопротивления 20 июля 1944 г.»¹. Этой цели служат мемуары Гудериана, адмирала К. Ассмана и ряда других гитлеровцев, такие книги, как «Разговоры Гитлера за столом»², призванные возвеличить главаря фашистских убийц, и т. д. Откровенные фашисты, подобно официозной боннской историографии, готовы объявлять, что причиной войны были ошибки Гитлера. Р. Хондорп разъясняет, например, что на «гениальность» фюрера отрицательно сказалось... высокое атмосферное давление в Виннице, где находилась гитлеровская штаб-квартира³ (о могучих ударах Советской Армии, «повысивших давление» в гитлеровской ставке, фашистскому «историку» хочется забыть любой ценой!). Это, однако, не мешает неофашистским историкам именовать «изменниками» генералов — участников путча 1944 года и даже объявлять, что их «предательство» помешало Гитлеру выиграть войну⁴. В «новой» трактовке военных событий проявляется не только усиление фашистских тенденций в ФРГ, но и обнажается сущность западногерманского реваншизма, использующего, как и после первой мировой войны, помощь западных держав, но готового при первом же удобном случае обрушиться на своих союзников по НАТО для утверждения собственного господства в Западной Европе.

¹ «German History. Some New German Views», p. 25. Это же отмечают, всячески приуменьшая, однако, значение неонацизма, и другие буржуазные авторы. (См. O. B. R o e g e l e, «La table ronde», 1960, mars, p. 145.)

² См. «Hitler's Tischgespräche», Bonn, 1951.

³ См. «Nation Europa», 1960, Mai, S. 33.

⁴ См. H. S ü n d e r m a n, Das Dritte Reich. Eine Richtigstellung in Umrissen. Зюндерман, который был ближайшим сподручным Геббельса, добавляет, что он не имеет пока возможности полностью высказать свои взгляды.

Глава V

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ХАРАКТЕРА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

1

Реакционные историки систематически искажают характер нашего времени. Для научной оценки характера эпохи необходимо выяснить, *какой класс* находится в ее центре, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки и т. д.¹ Буржуазная историография стремится дать фальсификаторскую оценку всех факторов, которые в сумме определяют характер переживаемой нами эпохи.

В интересах этой фальсификации искажается вся картина развития человечества в период нового и новейшего времени. В отношении эпохи промышленного капитализма, как уже сказано, в буржуазной исторической науке ныне утвердилась «новая концепция», сменившая традиционную либеральную схему старой буржуазной историографии. К. Маркс писал о буржуазной политической экономии XIX века, что она рассматривала «капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства»². Соответственно этому буржуазная историография изображала капиталистический строй в виде «естественного» порядка, соответствующего природе человека. Более того, в конце XIX — начале XX века

¹ См. В. И. Ленин, Под чужим флагом, Соч., т. 21, стр. 125.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 12.

некоторые сторонники традиционно-либеральной схемы пытались нередко подкрепить ее якобы «марксистскими» доводами, то есть брать, говоря словами В. И. Ленина, охарактеризовавшего этот фальсификаторский прием, «из марксизма то, что приемлемо для либералов, для буржуазии (критика средневековья, прогрессивная историческая роль капитализма вообще и капиталистической демократии в частности)»¹.

Новая концепция лишила промышленный капитализм этого ранга естественного строя и объявила его лишь одним из звеньев в цепи исторического развития, столь же переходящим, как и предшествовавший ему феодализм. Если раньше «вечность» капитализма доказывалась его мнимой неизменностью, то теперь ее стали выводить из столь же мнимой его способности к бесконечному совершенствованию. При этом основной упор буржуазные историки сделали на то, чтобы оторвать все отрицательные стороны общественной жизни от противоречий, заложенных в капиталистическом способе производства. Эти отрицательные стороны выводились либо из развития надстроечных явлений, оторванных от породившего их экономического базиса, либо из «болезней роста» капиталистического строя, из сохранения пережитков феодализма, «неизбежных издержек индустриализации» и т. д. Многие буржуазные историки утверждают даже, что капитализм был «капиталистическим» в марксистском понимании этого слова примерно до конца XIX века, а с тех пор потерял свой прежний характер. Процесс этого превращения якобы шел по линии преобразования буржуазного либерализма в бесклассовый либерализм и соответственно буржуазного государства из орудия господствующего класса капиталистов в орган, действующий под контролем всего общества и в интересах всех слоев населения.

Империализм принес «рабочему классу неслыханное обострение классовой борьбы, нужды, безработицы, дороговизны, гнета трестов, милитаризма, политическую реакцию»². «Отрицая» эти решающие факты, игнорируя процесс сосредоточения всей власти в руках монополий, буржуазные историки выдвигают на передний план повышение

¹ В. И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, стр. 222.

² В. И. Ленин, Проект резолюции Циммервальдской левой, Соч., т. 21, стр. 314.

уровня жизни рабочей аристократии в некоторых империалистических странах и проведение под давлением масс отдельных мер, формально расширявших буржуазную демократию (введение всеобщего избирательного права для мужчин, социальное страхование, ликвидация пережитков сословного неравноправия и т. д.). Таким способом начало XX века, период резкого усиления буржуазной реакции, выдается за время распространения и расширения демократии в странах капитала.

Однако эта единая линия фальсификации истории явно ломается при освещении буржуазной историографией эпохи победоносных социалистических революций и общего кризиса капиталистической системы. Как уже отмечалось, значительная часть буржуазных ученых склонна отрицать существование капиталистической системы мирового хозяйства, представляя каждую буржуазную страну имеющей свой особый социальный строй. Тем самым эти ученые фактически отказываются от общей характеристики процесса развития мирового капитализма в новейшее время. Однако этот отказ соблюдается только до тех пор, пока он соответствует апологетическим задачам буржуазной историографии, пытающейся не замечать развертывание и углубление общего кризиса капиталистической системы. Когда же им это выгодно, буржуазные историки вводят с заднего крыльца отвергнутое ранее понятие единой мировой хозяйственной системы, утверждая, что те или иные неудобные империалистам явления (например, борьба народов колоний за независимость) противоречат тенденциям социально-экономической эволюции «свободного», то есть капиталистического, мира в современную эпоху.

Буржуазным идеологам выгодно в одних случаях идентифицировать понятия «Запад» (в смысле страны Западной Европы и Северной Америки) и «капитализм», а в другом случае полностью разрывать всякую связь между этими понятиями. Мощные социальные потрясения, прежде всего войны и революции, порожденные противоречиями капиталистического способа производства, буржуазии выгодно представить не связанными с основами капитализма. Многообразные формы, в которых протекает процесс общего кризиса капитализма, буржуазная историография стремится представить как свидетельство «заката Запада». В то же время многие из этих самых проявлений общего кризиса изображаются реакционными учеными как изме-

нение природы капитализма, его расцвет и превращение в строй общего благосостояния. Эта двойственность проходит через работы большинства буржуазных историков, в которых дается оценка характера новейшей эпохи, причем в зависимости от политической окраски взглядов автора ударение переносится то на одну, то на другую сторону проблемы. Как правило, преимущественное ударение на «закате Запада» делает открыто консервативная и клерикальная историография. Не случайно родоначальником теорий «заката Европы» выступал после первой мировой войны проповедник идеи циклического развития общества, идейный предтеча гитлеровцев О. Шпенглер.

Примером настоящей пропаганды идеи «заката Запада» могут служить работы американского историка П. Вирека. По мнению Вирека, в Европе с 1870 года, и особенно с 1914 года, происходили три «неполитические» революции, которые, мол, и вызвали закат Запада. Во-первых, этическая революция. «Она ликвидировала нравственные ограничения, определявшие средства, с помощью которых общество достигало своих целей»¹. Нельзя сказать, что эта мысль Вирека совершенно лишена основания. Напротив, в мистифицированной форме она отражает тот факт, что в попытках сохранить ускользающую у нее власть буржуазия рвет со всеми ранее признававшимися ею, по крайней мере на словах, принципами права и морали, попирает основы ею же установленной буржуазной законности, когда они становятся в чем-то стеснительными для капитала, не колеблясь идет на неприкрытые преступления и проведение политики оголтелого кровавого террора внутри страны, разбоя и бандитизма на международной арене. Достаточно напомнить, например, кровавые расправы, чинившиеся буржуазией над революционным пролетариатом Германии, Венгрии и других стран в годы после первой мировой войны, зверства интервентов на временно захваченной советской земле и т. д. «Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник»², — так характеризовал

¹ P. V i e r e c k, The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952, «Political Science Quarterly», 1952, Sept., p. 339. (Ср. W. R ö p k e, The Social Crisis of Our Times, Chi., 1950.)

² В. И. Л е н и н, II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля, Соч., т. 31, стр. 202.

тогда В. И. Ленин политику империализма. Чудовищные злодеяния фашизма слишком свежи в памяти народов, свидетельствуя об отсутствии у империалистической буржуазии каких-либо «нравственных ограничений» в попытках сохранения и укрепления своего господства. Вирек указывает на одну из форм трансформации еще в годы правления Бисмарка прежнего либерального национализма в воинствующий шовинизм, а потом в фашизм. Упоминает Вирек о социал-дарвинизме и других реакционных теориях, оправдывавших эту «этическую революцию». Неправда начинается лишь там, где Вирек объявляет, что прежде национализм был «мирным, уступчивым, терпимым, эволюционным», что, мол, маккиавелизм в невиданных прежде размерах заменил христианство как религию и систему господствующих этических взглядов и что гуманизм уступил место «языческому военному культу национальности»¹. Если говорить о «добисмарковском национализме», то есть о национально-освободительных движениях, то они вовсе не отличались терпимостью и эволюционным характером, которые приписывает ему Вирек. Но это были действительно передовые движения против феодализма и феодальной раздробленности, за воссоединение раздробленных стран (Германии и Италии), движения, одушевленные подлинно прогрессивными идеями. Что же касается тенденциозного противопоставления «христианского наследия» реакционной идеологии XX века, то эта распространенная идея лжива от начала до конца. Подлинно гуманистические идеи XIX века не имели ничего общего с идеологией церкви, выступавшей верной прислужницей феодальной реакции точно так же, как в наши дни она выступает орудием реакции империалистической.

Самое важное, однако, что Вирек полностью отрывает «этическую революцию» от превращения некогда прогрессивной буржуазии в реакционный класс, от установления в эпоху империализма господства финансовой олигархии, от резкого обострения в эпоху империализма всех противоречий капиталистической системы, от борьбы империалистов за передел мира, от отчаянных попыток эксплуататорских классов любыми средствами предотвратить надвигающийся крах капитализма. Более того, Вирек, хоть он

¹ См. P. Viereck, *The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952*, «Political Science Quarterly», 1952, Sept., pp. 341, 343.

прямо и не пишет об этом, явно возлагает вину за «этическую революцию» на все общество в целом, и прежде всего на народные массы. Так, Вирек целиком примыкает к теории «народного национализма», объявляя его главным виновником первой мировой войны, резко ускорившей «этическую революцию»¹. При этом американский историк ссылается на показания столь «правдивого» и «беспристрастного» свидетеля, как... Гитлер, цитируя из «Мейн кампф» то место, где фашистский фюрер уверял, что якобы «весь народ» в 1914 году желал войны².

Еще более раскрывает свои карты американский историк, утверждая, что второй стороной «этической революции» была замена мирного утопического социализма Сен-Симона, Фурье и Оуэна марксизмом-ленинизмом, который Вирек клеветнически объявляет «социальным милитаризмом» (?!), поскольку, мол, марксисты прибегают к силе при решении социальных проблем. Кошущенно сравнительная социализм с фашизмом, Вирек утверждает, что они имеют «общее» — марксисты требуют ликвидации «неполноценных» классов, а шовинисты и фашисты — «неполноценных» наций или рас³. Так одним росчерком пера великая гуманистическая идея социализма о ликвидации эксплуатации и создания счастливой жизни для всех людей, вне зависимости от цвета кожи, расы или национальности, отождествляется клеветником в профессорской мантии с бредовыми человеконенавистническими фашистскими планами порабощения чужих стран и истребления целых народов. Трудно найти более яркий пример «научного» подлога с целью поношения великих социалистических идеалов, дорогих и близких сотням миллионов людей во всем мире. Мы специально остановились на лживом выверте Вирека, потому что в той или иной форме он повторяется в десятках работ буржуазных историков. В реакционной историографии легко проследить стремление вывести общественные бедствия и катастрофы, в которые человечество

¹ Интересно, что Вирек считает первую мировую войну «неправимой трагедией», поскольку она помешала процессу утверждения оппортунизма в рабочем движении. (См. P. Viereck, *The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952*, «Political Science Quarterly», 1952, Sept., p. 345, 346.)

² См. P. Viereck, *The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952*, «Political Science Quarterly», 1955, Sept., p. 346.

³ *Ibid.*, p. 341, 343.

в XX веке было ввергнуто империализмом, из политики «экстремистов».

В определении корней «европейской катастрофы» Вирек указывает наряду с «этической революцией» также на факт объединения Германии и Италии («территориальная революция»). Надо ли говорить, что американский реакционер сознательно смешивает прогрессивный факт воссоединения Германии и Италии в одно государство с тем, что через много десятилетий в совершенно иную историческую эпоху германские империалисты выступили застрельщиками первой и второй мировых войн и что итальянские империалисты также сыграли свою роль в развязывании и ведении этих войн! Здесь мы вновь видим софистический прием игнорирования того обстоятельства, что историческое явление в ходе своего развития может превратиться в собственную противоположность. С помощью подобной дешевой софистики можно «доказать» все что угодно, но и цена подобным «аргументам» равна нулю. Наконец, третьей причиной европейской катастрофы Вирек считает распространение промышленной революции, которая первоначально происходила в Англии и Франции, на новые страны¹. В этом утверждении, как и в теории «этической революции», крупницы правды переплетаются с ложью в главном. Распространение «промышленной революции» (говоря это, Вирек, очевидно, имеет в виду просто индустриальное развитие) за пределы Западной Европы действительно привело к резкому снижению удельного веса западноевропейских стран в мировом промышленном производстве. Но сам по себе один этот факт в отрыве от существующего в странах Западной Европы способа производства никак не объясняет «европейскую катастрофу». Развитие мировой системы социализма показывает, что быстрая индустриализация ранее отсталых стран способствует не закату, а еще большему экономическому расцвету других, связанных с ними узами дружбы и сотрудничества социалистических государств и народов. В условиях же империализма индустриализация неевропейских стран привела к еще большему обострению неравномерности развития, росту империалистических противоречий, к войнам за передел рынков, сфер влияния и приложения капиталов. «Отвле-

¹ См. P. Viereck, The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952, «Political Science Quarterly», 1952, Sept., p. 339.

каясь» от господствующих производственных отношений, от социального строя (т. е. применяя прием, уже проиллюстрированный выше на примере У. Ростоу), Вирек стремится полностью разорвать связь между «европейской катастрофой» и господством капитализма в странах Западной Европы. Таким образом, все три «причины», сформулированные Виреком, направлены неизменно к этой цели, то есть к сокрытию подлинных причин кризиса Западной Европы как одного из проявлений и составных частей общего кризиса мировой системы капитализма. И не случайно в заключение Вирек объявляет, что открытые им причины «европейской катастрофы», и особенно «этическая революция», якобы являются также причинами...возникновения Советского Союза! ¹

Со взглядами Вирека и его единомышленников перекликаются объяснения «европейской катастрофы», даваемые проповедниками космополитизма, один из признанных идеологов которого заявил: «Бюрократия, милитаризм, войны, безработица, нищета, преследования, угнетение — все, что коммунисты приписывают капитализму, является в действительности следствием и результатом того, что мир состоит из независимых национальных государств» ². Космополитизм, используемый для откровенного выгораживания и апологии капиталистического строя, таким образом обнаруживает корни всех зол в существовании государственного суверенитета, являющегося препятствием для империалистических планов мирового господства. Патриотизм народов, их борьба за независимость своих стран оказываются причиной всех бед, которые в действительности обрушились на человечество по вине капитализма.

2

Если Вирек и его единомышленники озабочены подысканием аргументов в пользу того, что «закат Запада» не имеет ничего общего с кризисом капитализма, то еще более многочисленный отряд буржуазных историков, переставляя акцент, доказывает, что капитализм никак не связан

¹ См. P. V i e r e c k, The Revolution in Values. Roots of the European Catastrophe. 1870—1952, «Political Science Quarterly», 1952, Sept., p. 356.

² E. R e v e s, The Anatomy of Peace, N. Y., — L., 1945, p. 245.

с «закатом Запада», что, более того, этот «закат» происходит одновременно с превращением капиталистического строя в «строй всеобщего благоденствия».

Чтобы разобраться в этой лжетеории, присмотримся прежде всего, как рисует буржуазная историография картину экономического развития капиталистического мира.

К началу нашего столетия свободный домонополистический капитализм перерос в капитализм монополистический, загнивающий капитализм. После победы Великой Октябрьской социалистической революции развернулся общий кризис капиталистической системы. Раскол мира на две системы, могучий рост социалистической системы, резкое обострение внутренних противоречий капитализма, дальнейшее усиление империалистического паразитизма, хроническая недогрузка производственных мощностей и миллионы безработных, аграрный кризис, мощный подъем рабочего и национально-освободительного движения — таковы некоторые важнейшие характерные черты этого общего кризиса капиталистического строя.

Загнивание и надвигающееся крушение капитализма как системы не означает, конечно, что в XX веке не происходило экономического роста отдельных капиталистических стран. В трудах В. И. Ленина показано, что тенденция к загниванию не исключает возможности быстрого роста: «..Отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»¹. За 60 лет нашего столетия промышленное производство в странах современного капиталистического мира возросло в несколько раз, а размеры сельскохозяйственного производства удвоились. В то же время богатства крупнейших монополий выросли в сотни раз, а с другой стороны, по данным ООН, 1,5 млрд. человек живут в состоянии нищеты. Более половины производственных мощностей бездействует, 20% населения и 1/5 промышленного производства вовлечено в подготовку новой

¹ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 286.

войны. Военные расходы в США возросли за эти годы в 200 раз. Упорной борьбой пролетариату удалось сократить продолжительность рабочего дня, нередко достигавшую в начале века 10—12 и более часов, ввести в определенные рамки эксплуатацию труда детей и подростков. Но эти социальные завоевания были сделаны далеко не повсеместно: Массовая безработица продолжала терзать рабочих, а сотни миллионов людей в колониях и зависимых странах в современную эпоху жили в полурабских условиях, почти ничем не ограниченного произвола империалистов и связанных с ними туземных эксплуататоров.

Вся эта картина до неузнаваемости искажается в трудах буржуазных историков. Для них не существует ни загнивания, ни кризиса капиталистической системы. Выпячивая лишь факт роста промышленного производства в отдельных капиталистических странах, буржуазная историография молчит о хронической недогрузке предприятий, о массовой безработице, аграрном кризисе, империалистическом паразитизме и т. п. Если же мимоходом и упоминаются эти «неприятные факты», то лишь для того, чтобы разорвать всякую связь между ними и капиталистической системой и объявить их следствием послевоенных неурядиц, эгоистической политики отдельных государств, неумением «элиты» в той или иной стране использовать (по примеру США) «динамические возможности» капиталистического строя и т. п.¹ Мировой экономический кризис 1929—1933 годов, развернувшийся в условиях общего кризиса капитализма, также объясняется причинами «случайного» характера, никак не связанными с природой капиталистического строя, — падением спроса вслед за «искусственным» его расширением в годы первой мировой войны и послевоенного десятилетия, долгами и репарациями, бумом спекуляцией на нью-йоркской бирже, неудачной эмиссионной политикой банков и т. д.

Наряду с этой популяризацией идей вульгарной политической экономии буржуазные ученые стремятся перенести акцент с факта невиданных лишений, которые терпели десятки миллионов трудящихся в годы кризиса, на утверждение, что он, мол, послужил «толчком» к принятию буржуазными государствами на себя обязанности заботить-

¹ См. S. B. Clough, *The Economic Development of Western Civilization*, pp. 413—419, 427—429.

ся о благосостоянии граждан (речь идет о скупом расширении системы пособий по безработице, организации общественных работ и т. п., на которые должна была пойти буржуазия отдельных стран для сохранения своего господства)¹.

При описании картины экономического развития капиталистического мира буржуазная историография должна хоть в какой-то мере затронуть вопрос о роли монополий. Большинство буржуазных историков склонно писать о монополиях, преимущественно касаясь событий первых двух-трех десятилетий нашего столетия. Реакционная историография с видимостью беспристрастия указывает, что первоначально тресты и другие монополистические объединения обладали рядом отрицательных качеств — проводили антирабочую политику и нарушали интересы общества. Однако сразу после этих признаний, ограниченных самым жестким минимумом, подчеркивается, что это были лишь болезни роста и что для ограждения общества и свободы предпринимательства были уже тогда приняты вначале недостаточные эффективные, но постепенно усовершенствованные меры (антитрестовский закон Шермана в США и др.). Более того, сами эти пороки трестов объясняются тем, что в целом еще продолжала сохраняться политика свободной торговли, характерная для старого капитализма XIX века. Обеспечив себя с помощью подобных вынужденных признаний от упрека в тенденциозном игнорировании огромного количества общеизвестных фактов, рисующих хищничество монополий, жесточайшую эксплуатацию ими пролетариата и разорение «средних слоев», буржуазные ученые доказывают далее, что развитие монополистических объединений якобы вызвало снижение цен, организацию производства на научной основе и т. д. Экономический раздел мира, образование международных монополистических союзов трактуется даже как «рост интернационализма...»². Однако, говоря о событиях последних десятилетий, эти буржуазные историки предпочитают вообще замалчивать роль монополий. По-иному действуют открытые апологеты монополий типа А. Берли, провозгласившие, что в XX веке произошла «капиталистическая революция» и создан но-

¹ См. S. B. Clough. The Economic Development of Western Civilization, pp. 432—433.

² См. T. Derry and T. Jarmann, The European World 1870—1945, p. 182 and next.

вый высший общественный строй — «корпоратизм»¹. Для прославления якобы благотворной роли монополистического капитала, для изображения финансовой олигархии-главной определяющей и созидательной силой, стоящей в центре новейшей эпохи, создана целая специальная отрасль буржуазной историографии — так называемая «деловая история», или «история бизнеса». Очень характерно, что эта отрасль буржуазной исторической науки возникла и получила наибольшее развитие в главной стране империализма — в США.

Возникновение «историографии бизнеса» тем более показательное, что в США враждебное отношение к трестам было еще в конце XIX века распространено среди буржуазно-либеральных элементов (которых В. И. Ленин называл последними могиканами буржуазной демократии)², мелкобуржуазных и фермерских кругов, не говоря уже о пролетариате. Недаром к демагогической «критике» монополий часто прибегали даже американские политики, например Т. Рузвельт и В. Вильсон, бывшие на деле верными слугами финансового капитала. Все это служило социальной почвой, питавшей «антитрестовские» взгляды значительной части американских историков, экономистов и социологов. Либеральные ученые приводили немало фактов, доказывавших паразитизм монополий, консервацию ими технических улучшений, «нечестные» методы подавления конкуренции со стороны средних и мелких предпринимателей, несовместимость с элементарными требованиями демократии, контроль над правительством, расширение под влиянием финансовых магнатов бюрократического аппарата и т. д.³ Благожелательно настроенный к «обиженным» монополистам американский исследователь Гловер даже объявил, что они, мол, служили «козлом отпущения» за все общественные неурядицы, за инфляцию, кризисы, вой-

¹ См. A. Berle, *The 20th Century Capitalist Revolution*, N. Y., 1954; его же, *Power without Property*, N. Y., 1959.

² См. В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, Соч., т. 22, стр. 274.

³ См. J. Glover, *The Attack on Big Business*, Boston, 1954, pp. 15, 19, 56, 125, 139, 157. Изредка в мелких издательствах США и поныне выпускаются книги, критикующие большой бизнес. (См. S. Jordan, *Business Be Damned*, N. Y., 1952; T. Quinn, *Giant Business. Threat to Democracy*, N. Y., 1953.)

ны¹ (как будто «большой бизнес», т. е. империализм, не служил причиной всех этих явлений!).

«Историография бизнеса» возникла еще в начале XX века как прямой ответ монополий на эти обвинения. Она использовала самое слабое место «критиков» «большого бизнеса» — неумение и нежелание осознать, что возникновение монополий было порождено всем ходом развития капитализма. Поэтому выступления критиков по сути дела обращались лишь против отдельных капиталистов. Соответственно этому «историки бизнеса» направляли главные усилия на «моральную» реабилитацию Морганов и Рокфеллеров. В десятилетие между окончанием первой мировой войны и мировым экономическим кризисом 1929—1933 годов восхваление финансового магната, ранее приобретшего нелестное название «барона-разбойника», стало особенно безудержным. «История бизнеса отмыла его добела. Она сделала его безупречным и безгрешным»². Мировой экономический кризис полностью дискредитировал эту слащавую и наивно апологетическую историографию. В самых широких кругах американского народа назревало возмущение против монополий как социального учреждения, против всего строя, при котором господство финансового капитала обрекало миллионы людей на лишения и нищету. Соответственно с этим должны были перестроиться и историки бизнеса. В канун второй мировой войны возникла «новая история бизнеса», получившая особенно широкое развитие в условиях послевоенного экономического бума. «Новая история» демонстративно противопоставляла себя прежним наивным апологетам и объявила своей задачей объективное изучение «бизнеса» как экономической силы. На сторону поборников «новой истории» перешли и многие из прежних либеральных критиков монополий. Ида Тэрбелл, начавшая свою деятельность разоблачением «Стандард ойл»³ (против этих разоблачений и поныне воюют «историки бизнеса»), кончила прославлением роли монополий как организаторов «научной» системы производства⁴. После 1945 года американскую историческую

¹ См. G. Glover, *The Attack on Big Business*, pp. 299—300.

² См. H. E. Kroos, *Economic History and New Business History*, «*The Journal of Economic History*», 1958, Dec., p. 469.

³ См. J. M. Tarbell, *History of Standard Oil Company*, N. Y., 1904 (послед. изд. в 1925, 1937 гг.).

⁴ См. J. M. Tarbell, *All in the Day's Work*, N. Y., 1939.

литературу захлестнул настоящий поток книг по «истории бизнеса». Выборочная библиография американских и канадских работ по истории монополий, изданная в 1957 году Гарвардским университетом — центром «исследователей бизнеса», — включает более 2000 (двух тысяч!) названий. Большинство этих работ относится к послевоенному периоду.

Своей целью «историки бизнеса» объявляют (в отличие от экономических историков вообще) изучение «бизнеса» как такового — исследование целей, методов, поведения предпринимателей в каждом поколении. Профессор Грас, бывший долгое время вице-президентом и идеологом «Общества истории бизнеса», составил даже специальную схему основных работ по истории монополий. Одни исследования должны быть, по мнению Граса, специально посвящены организации монополистических объединений, другие — их финансовой деятельности, третьи — истории хранения и сбыта товаров, истории манипуляций с акциями и т. д.¹ В установленные Грасом двенадцать основных типов работ, разумеется, не вошли такие «мелочи», как вопрос об уровне эксплуатации пролетариата, борьбе монополий против прогрессивных профсоюзов, репрессии против рабочих активистов и т. д. Заранее исключая из области исследований все вопросы классовой борьбы², новые историки бизнеса, однако, отнюдь не отказываются от анализа социальных последствий деятельности монополий, разумеется, всячески фальсифицируя реальную действительность.

Употребляя уже знакомый нам метод лжеисторизма, новые апологеты бизнеса создали насквозь фальшивую теорию о якобы происшедшем коренном изменении целей у современных финансовых магнатов по сравнению с их предшественниками. Ныне финансовые воротилы, оказывается, стремятся не к максимальным прибылям, а к благотворным социальным последствиям, заботятся, в частности, об обеспечении полной занятости и т. п.³ Открытые поклон-

¹ См. «Bulletin of the Business Historical Society», 1946, Nov.

² Некоторые историки бизнеса, впрочем, прямо изображают миллиардеров уже в XIX—начале XX века в качестве благодетелей рабочих. Об этом, например, пишет Невинс в книге о Форде, опираясь на утверждения... самого Форда. (См. A. Nevins, Ford. The Times, the Man, the Company, N. Y., 1954.)

³ См. «Journal of Economic History», 1958, Dec., pp. 475—476. (Из особо известных работ апологетов бизнеса здесь стоит отметить: R. W. Hiddy and M. E. Hiddy, Pioneering in Big Busi-

ники «субъективизма — релятивизма — презентизма», такие историки бизнеса, как Невинс, Хиди и компания, прямо поставили задачей «переломить» настроение народных масс в пользу монополий. Под их пером деятельность монополистов — необходимый фактор «порядка», «стабильности», «процветания», «величия» Америки¹. Один американский историк не без иронии писал о книгах апологетов бизнеса: «В них подразумевается, что рост крупных объединений направляет невидимая десница во имя гармонии и благоденствия всего общества»². Порой не менее откровенны и сами историки бизнеса. Так, уже упомянутый выше профессор Грас заявлял: «В борьбе, которая ныне ведется в форме «холодной войны» и грозит принять более резкий характер, имеется еще одна возможность, и ею нельзя пренебрегать: мы можем превратить капитализм в религию...»³.

«Историк, — пишет о себе и своих коллегах Р. У. Хиди, — имеет дело с разнообразием живых организмов и множеством интересов, находящихся в сложном (в оригинале — «в деликатном») переплетении. Эти различные интересы следует принять во внимание». Хиди требует от своих товарищей по ремеслу «обосновать» тезис о «стабилизирующем влиянии», которое монополии якобы оказывают на экономическую жизнь, дабы противопоставить его зловердному «убеждению коммунистов, что только их система... уничтожила промышленные циклы» (т. е., попросту говоря, кризисы. — Е. Ч.). Особое внимание, доказывают теоретики из «Общества истории бизнеса», следует уделить борьбе с опубликованием фактов, разоблачающих внешнеполитическую экспансию американских монополий, ибо, как вы-

ness. History of the Standard Oil Company (New Jersey), 1882—1911, N. Y., 1955; G. H. Gibb and E. H. Knowlton, The Resurgent Years. History of the Standard Oil Company (New Jersey) 1911—1927, N. Y., 1956; A. Nevins and F. E. Hill, Expansion and Challenge. 1915—1933, N. Y., 1957 и др.)

¹ A. Nevins, Study in Power. John D. Rockefeller, vol. I, N. Y., 1953, p. VIII. В своей книге Невинс доказывал, что без «гения» монополистов США «демократии» проиграли бы войну против Гитлера. Это пишется о тех, кто не только помог созданию гитлеровской военной машины, но и в годы войны поддерживал экономические связи с фашистской Германией!

² D. Chalmers, From Robber Barons to Industrial Statesmen. Standard Oil and the Business Historian, «The American Journal of Economics and Sociology», 1960, Oct., p. 49.

³ «Bulletin of the Business Historical Society», 1949, March, p. 64.

разился Хиди, «это подрывает нынешние усилия государственного департамента». Эти нелегкие задания, по мнению Хиди, вполне осуществимы при наличии доброй воли и усердия. Главное, учит он, не занимайтесь «ошибками» монополий, а должным образом освещайте их достижения— в этом вся премудрость «объективной» истории бизнеса.

Не подозревая, насколько он на сей раз близок к истине, Хиди требует от историков неуклонно доказывать, что «крупные корпорации являются организациями народа и для народа в такой же мере, как и правительственные учреждения»¹. Немудрено, что в своей «Истории Стандарт ойл» Р. У. Хиди и М. Е. Хиди сбывают решение верховного суда в пользу Рокфеллеров равнозначным борьбе за «поддержание высокого жизненного уровня в США», а А. Невинс заранее отвергает любые обвинения против монополистов вследствие их «конструктивных достижений». Рвение историков бизнеса было замечено. «Радостно видеть,— писала редактор журнала по истории бизнеса Генриетта Ларсон,— как на наших глазах сужается водораздел, отделяющий ученых от бизнесменов, и как между ними развивается тесное сотрудничество»².

В удушливой атмосфере, созданной «холодной войной», апологеты бизнеса перешли в наступление против инакомыслящих, выступая с нападками на всех сколько-нибудь объективных исследователей истории монополий. Так, на конференции профессоров и преподавателей истории в Калифорнии в 1951 году Невинс резко обрушился на всех тех историков, кто не желал признать «баронов-разбойников» за «героев нашего экономического роста». Дополняя Невинса, профессор Э. Робинзон заявил: «Я надеюсь, что мы никогда не повторим в будущем периода, известного под названием развенчивания престижа. Это отрицательно сказывается на наших нравах и весьма опасно для нации»³. Эдвард Сейвет в журнале «Форчюн» писал, что прежние историки якобы нападали на корпорации из корыстолюбия, так как являлись сыновьями разорившихся дельцов, или, напротив, что эти историки руководствовались альтруизмом

¹ «Bulletin of the Business Historical Society», 1949, June, pp. 69, 77.

² «Bulletin of the Business Historical Society», 1948, Febr., p. 6.

³ «Известия», 14 октября 1951 г.

или «женским идеализмом» и т. п.¹ В эту шумную кампанию включился тогда президент Трумэн, обратившийся к 56 съезду Американской исторической ассоциации с призывом «помогать» правительству США в осуществлении «его политики»² и поручивший Колумбийскому университету составлять «настоящую» историю США, которая, мол, подвергается искажению злонамеренными лицами как в самой Америке, так и за рубежом. Многие ученые, в том числе и не принадлежащие формально к историкам бизнеса, стали писать о якобы достигнутой «моральной реабилитации капитализма»³.

По-прежнему появляются работы, авторы которых с помощью фальсифицированных исторических экскурсов стремятся внедрить в сознание читателей мысль, будто капитализм тождествен «свободе»⁴. Однако большая часть буржуазных историков предпочитает, напротив, твердить об абстрактной «свободе» и «демократии», не упоминая вообще «непопулярного» слова «капитализм».

Даже среди части буржуазных ученых с годами все более распространялось скептическое отношение к наукообразным по внешности, но явно тенденциозным писаниям историков бизнеса. Уже цитированный выше американский исследователь Г. Е. Крус писал, что историкам бизнеса не доверяют, считают, что они получают деньги от монополий. «В широких кругах в историке бизнеса видят адвоката бизнеса. В качестве такового его рассматривают с подозрением, а иногда с циничным недоверием»⁵. Это «циничное недоверие» к историкам бизнеса и является, очевидно, одной из главных причин сохранения в буржуазной американской историографии (и в буржуазной историографии в целом) двух тенденций в освещении экономического развития капиталистического мира в новейшее время — тенденции открытой апологии и тенденции замалчивания роли монополий. Здесь же необходимо подчеркнуть, что обе тенденции по существу имеют апологетическую направлен-

¹ См. «Fortune», 1952, Apr., pp. 118—119, 165—170, 172, 174 and next.

² Это послание Трумэна опубликовано в «American Historical Review», 1951, Apr.

³ См. G. K. Lewis, Twentieth Century Capitalism and Socialism: the Present State of Anglo-American Debate, «Western Political Quarterly», 1959, March, p. 80.

⁴ См. J. Chamberlain, The Roots of Capitalism, N. Y., 1959.

⁵ «Journal of Economic History», 1958, Dec., p. 477.

ность и призваны представить происходящий в действительности процесс общего кризиса капиталистической системы как смену «старого» капитализма «новым» капитализмом, равнозначным пресловутому «строю общего благоденствия».

«Мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата»¹, именно поэтому значительная часть буржуазных историков стремится вообще уклониться от характеристики основных черт современной экономики мирового капитализма, спекулируя на различии в достигнутом уровне хозяйственного развития разных капиталистических стран. Используя наличие в буржуазных странах наряду с частнохозяйственным капитализмом больших или меньших элементов государственного капитализма, как уже указывалось, буржуазные ученые готовы объявить, что каждая капиталистическая страна имеет свой «особый» общественный строй. Иначе говоря, эти историки сознательно пытаются игнорировать факт существования мировой капиталистической системы, которая, включая страны различного экономического уровня, вместе с тем имеет свойственные ей в целом законы и тенденции развития. Различие в уровне экономического развития пытался, в частности, широко использовать уже знакомый нам Росту. Согласно изобретенной им схеме, капиталистические страны якобы находятся на качественно отличных стадиях развития, а у «относительно отсталых» стран наблюдаются те особенности, которые были типичны для более передовых стран в XVIII—XIX веках. Многие реакционные историки (вроде Сетон-Уотсона) стараются аналогичными способами «отделить» наиболее развитые капиталистические государства Северной Америки и Западной Европы от других стран капитализма и т. д.

Пытаясь с помощью всех видов клеветы дискредитировать социалистический строй, некоторые буржуазные историки и социологи стремятся в то же время сыграть на приверженности трудящихся масс к социализму. Идеологи реакции типа У. Росту, Р. Арона, Д. Кеннана и др., как уже отмечалось выше, уверяют будто современный капитализм имеет «те же цели», что и социализм — максимальное удовлетворение потребностей народных масс. А американский исследователь Бэкингом даже доказывает, что

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 10.

капитализм вообще уже мало чем отличается от социализма, мол, и при том, и при другом строе имеются крупные предприятия, не принадлежащие какому-либо одному владельцу, и оплата по труду, и деньги. Вот только в капиталистических странах сохраняется еще и частная собственность на средства производства...¹ Возникает вопрос, кого надеются буржуазные ученые обмануть подобными сказками или выдумкой, будто успехи социализма (которые тут же подменяются вдобавок «успехами» реформистских партий в буржуазных странах) оказались возможными только, мол, в силу глубокой демократичности современных собственнических классов, не желающих подавлять рабочее движение!²

К упомянутым историкам нередко примыкают и проповедники теории «второй промышленной революции». Главное, однако, стремление сторонников этой теории — отделить современный капитализм от его прошлого. Как известно, апологетическая теория «второй промышленной революции» утверждает, будто бы в наше время бурное развитие техники (автоматика и мирное использование атомной энергии) само по себе без ликвидации капитализма способно решить все социальные проблемы и привести ко всеобщему процветанию. Марксистская критика вскрыла всю несостоятельность этой теории. Промышленная революция, происходившая в передовых капиталистических странах в XVIII—XIX веках, была не только техническим, но и социальным переворотом, возникновением основных классов капиталистического общества — промышленной буржуазии и промышленного пролетариата. Технические изменения в наши дни, напротив, не создают в буржуазных странах никаких новых классов. Эти изменения, вопреки утверждениям буржуазных апологетов, приводят не к смягчению, а к обострению внутренних противоречий капиталистического общества, к появлению и развитию в дополнение к основному антагонизму между пролетариатом и буржуазией противоречий между монополиями и мелкими и средними предпринимателями, между финансовой олигархией и мелкими акционерами и т. д. В условиях капитализма автоматизация ведет к росту концентрации производства и разорению средних и мелких предпринимате-

¹ См. W. S. B u c k i n g h a m, *Theoretical Economic Systems*, pp. 483—485.

² См. W. E b e n s t e i n, *Today's isms*, p. 157.

лей, к усилению безработицы, к обострению проблемы рынков и т. д. Конфликт между характером производительных сил и капиталистическими производственными отношениями приобретает невиданную остроту и властно требует исторически неизбежной ликвидации капитализма.

«Историки бизнеса» и проповедники «второй промышленной революции» часто используют миф о «революции управляющих». Капитал сохраняется, капитализм сохраняется, исчезает лишь капиталист, уверяют буржуазные авторы типа А. Берли. Капиталисты, согласно их разъяснениям, превратились лишь в простых администраторов своих предприятий, которыми они управляют в интересах общества. Эта теория, выдвинутая еще два десятилетия тому назад реакционером и проповедником утверждения американского мирового господства Бернхэмом, ныне в различных видах включена в работы историков бизнеса. Между тем назначение крупных миллионеров на крупные административные посты в капиталистических корпорациях нисколько не меняет того факта, что капиталисты являются владельцами этих корпораций. Напротив, реальный контроль над крупнейшими монополиями, играющими решающую роль в экономике империалистических стран, теперь, как никогда раньше, сосредоточен в руках горстки финансовых магнатов. Ранее нужно было иметь около 40% акций, чтобы быть бесконтрольным распорядителем капиталистической компании, при нынешней же «технике» оказывается достаточно владеть 5—10% акционерного капитала. Стоит напомнить также, что «заработная плата» президентов «Дженерал моторз», «Бетлехем стил», «Дюпон де Немюр» и ряда других равняется или даже превышает 500 тыс. долл. в год, то есть не может быть результатом оплаты личного, пусть высококвалифицированного труда. Эти гигантские оклады представляют по сути дела формы дополнительной прибыли на капитал, то есть являются следствием эксплуатации рабочих.

Конечно, многими заводами и фабриками руководят наемные управляющие — директора, инженеры, техники. Но этот факт свидетельствует не о мифической «революции управляющих», а о том, что монополистическая буржуазия стала «бесполезным наростом на общественном организме, излишней для процесса производства»¹.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 29.

Еще в 20-х годах XX в., в период капиталистической рационализации, открытые идеологи империализма совместно с лидерами II Интернационала громогласно провозглашали наступление «эры организованного капитализма». Мировой экономический кризис 1929—1933 годов не оставил камня на камне от этих измышлений. Сейчас наблюдается возрождение в слегка измененной форме тех же идей. Проповедники «организованного капитализма» противопоставляли его старому капитализму, ныне повторяется та же история. Защитники теории «второй промышленной революции» всячески стремятся обнаружить мнимые качественные, принципиальные отличия между современным капиталистическим строем и старым капитализмом, к которому они относят и ранее столь восхвалявшийся «организованный капитализм» 20-х годов.

Особые усилия в этом отношении проявляют правосоциалистические и ревизионистские авторы. Пытаясь ниспровергнуть научную марксистскую характеристику современной эпохи и подменить ее буржуазно-апологетической оценкой, Штернберг начинает с излюбленного всеми реформистами утверждения, будто развитие капитализма «шло не по К. Марксу». К тому же социалистические и народно-демократические революции в Азии, освобождение колониальных и зависимых стран произошли до социалистических революций в наиболее развитых странах Западной Европы и США. Как хорошо известно, причины этого были с исчерпывающей глубиной проанализированы в гениальных трудах В. И. Ленина, творчески развившего учение К. Маркса применительно к условиям империалистической эпохи. В. И. Ленин на базе основных принципов марксизма и с помощью марксистского метода открыл закономерности новой исторической эпохи. В свете этих всем известных и неопровержимых фактов поистине жалкими выглядят потуги Штернберга доказать, что победа пролетарской революции первоначально в отдельных странах (являющихся слабыми звеньями в империалистической цепи) якобы... опровергает марксизм! Следуя, однако, далее по пути подтасовок, Штернберг утверждает, что вдобавок в результате пролетарских революций возникает не социалистический, а какой-то особый строй, «не предусмотр-

ренный» марксизмом¹. После этой неумной, хотя и часто повторяемой клеветы на социалистические страны, Штернберг, наконец, переходит к характеристике милого его сердцу капитализма. Пролетарские революции были, оказывается (по Штернбергу), ничуть не связаны с противоречиями капитализма, а образование социалистических стран — фактором, никак не свидетельствующим о кризисе мировой капиталистической системы. Первый этап общего кризиса капитализма (т. е. период от победы Октябрьской социалистической революции до момента образования мировой социалистической системы) превращается под пером реформистского фальсификатора в переходный период, но не от капитализма к социализму, а от капитализма тоже к капиталистическому «строю благоденствия». Штернберг, правда, не может отрицать кризисных явлений в развитии капиталистической системы, но тут же подыскивает им благовидные объяснения с уже знакомых нам позиций лжеисторизма. Он рисует такую схему истории капитализма: в сравнительно ранний период развития крупной промышленности, особенно во второй четверти XIX века, экономические кризисы были чрезвычайно острыми, но позднее, вплоть до первой мировой войны, они становились все более слабыми. По его мнению, дело в том, что кризисы были глубокими, когда капитализм еще слабо раздвинулся вширь, по мере же этого расширения они постепенно сходили на нет². Отталкиваясь от неверной мысли Р. Люксембург о необходимости некапиталистической среды для развития капитализма, Ф. Штернберг в своем апологетическом рвении договорился до заведомо фальшивого тезиса, что наличие такой среды может свести на нет противоречия капитализма. В действительности же во второй половине XIX — начале XX века происходило не ослабление, а углубление и обострение экономических кризисов³. Прибавляя к упомянутому выше тезису о смягчении кризисов не менее апологетическую трактовку роли и характера социальных реформ в буржуазных странах, Ф. Штернберг конструирует, наконец, свою характеристику первого этапа общего кризиса капитализма. Реформистский теоре-

¹ См. F. Sternberg, Marx und die Gegenwart, SS. 25—30 ff.

² См. F. Sternberg, Die militärische und die industrielle Revolution, B., 1954, SS. 182—183.

³ См. Л. Менделсон, Теория и история экономических кризисов и циклов, т. 1—2, Соцэкгиз, 1959.

тик уверяет, что «периоду, на который падает мировой экономический кризис 1929 года, предшествовало прекращение внешнего расширения капиталистического способа производства. Америка не могла во второй раз экономически завоевать континент. Европейская империалистическая экспансия также подходила к концу, хотя тогда наступил еще не крах европейского колониального империализма, а почти полная приостановка его дальнейшего распространения». С другой стороны, государственное вмешательство в экономическую жизнь было еще незначительным. «Таким образом, можно сказать о тогдашней эпохе, что внешняя экспансия **уже не могла**, а государственное вмешательство **еще не могло** оказать влияние на кризис. Этим объясняется то, что прошло столь много времени, прежде чем его удалось преодолеть»¹. В этой насквозь фальшивой изоцирено фальсификаторской «характеристике» новейшей эпохи крупницы правды служат лишь для того, чтобы придать правдоподобие тоннам вымысла. Конечно, исчерпание свободных западных земель в США и резкое сокращение неподделанных между империалистами или, с их точки зрения, «плохо лежащих» территорий увеличивало экономические трудности, обостряло внутренние противоречия капитализма. В еще большей степени этому способствовал раскол мира на две системы и отпадение от капитализма одной шестой части земного шара, на которой утвердился социалистический строй. (Ф. Штернберг предпочитает умалчивать об этом неприятном для него «факторе».) Однако обострение противоречий капиталистической системы, усиление разнообразных проявлений ее общего кризиса, которые полностью замалчивает Штернберг и которые вызвали небывалый размах мирового экономического кризиса, порождались действием внутренних антагонистических противоречий самого империализма. Что же касается выхода из кризиса, то империалисты осуществляли его на путях, ничего общего не имеющих с государственным вмешательством, согласно интерпретации апологета Штернберга, то есть с социальным законодательством и «планированием» для ликвидации безработицы и расширения рынка. Напротив, выход из кризиса империалисты искали на путях дальнейшего снижения себестоимости посредством повышения экс-

¹ F. Sternberg, Die militärische und die industrielle Revolution, S. 184.

плуатации рабочих, рационализации и концентрации производства, приводившей к разорению миллионов мелких и средних предпринимателей, на путях милитаризации экономики и развязывания империалистических войн с целью захвата новых земель, нового передела мира (японская агрессия против Китая, нападение фашистской Италии на Абиссинию, гитлеровский разбой в Европе, резкое обострение борьбы за африканские колонии, за влияние на Ближнем Востоке, в странах Латинской Америки и т. д.). Общеизвестно, что эти пути выхода из мирового экономического кризиса в конечном счете привели к еще большему обострению общего кризиса капиталистической системы. Государственное вмешательство в экономическую жизнь, о котором в таких апологетических тонах говорит Ф. Штернберг, имело первоочередной задачей ускорить перевод народного хозяйства на военные рельсы, экономическую подготовку к войне.

Очень характерно, что Штернберг пытается не замечать никаких проявлений общего кризиса капитализма, кроме небывалого размаха, глубины и продолжительности экономического кризиса 1929—1933 годов, ибо даже простое перечисление их не оставляет камня на камне от апологетических ухищрений правосоциалистического «исследователя», от его «концепции», согласно которой империалистические войны и экономические кризисы являлись лишь «временными перерывами» в процессе мнимого «улучшения» положения трудящихся масс при капитализме!¹

Другой реформистский идеолог лейборист Д. Стрэчи в книге «Конец империи» пытается доказать, что капитализм развивался по «старым» законам примерно до первой мировой войны. Эпоха общего кризиса капитализма предстает в изображении Стрэчи как период постепенного изменения законов капиталистического развития с помощью государственного вмешательства, причем после второй мировой войны начался новый этап этого благотворного вмешательства буржуазного государства (в изображении Стрэчи уже превращенного с помощью избирательной урны в орудие трудящихся) в экономическую жизнь.

Стрэчи цитирует известное место из труда В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»: «Разу-

¹ См. F. Sternberg, Die militärische und die industrielle Revolution, S. 160.

меется, если бы капитализм мог развить земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, которое повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским,— тогда об избытке капитала не могло бы быть и речи. И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс есть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства¹. В отличие от упомянутых В. И. Лениным мелкобуржуазных критиков, утверждавших о имевшейся якобы возможности обращения избытка капитала на повышение жизненного уровня масс, «социалистический» апологет капитализма Стрэчи утверждает, что такое чудесное превращение буржуазного ада для рабочих в буржуазный рай уже произошло и что процесс этого превращения и составляет главное содержание новейшей эпохи. Альтернативой империализму (в смысле политики экспансии) оказалось и осуществленное якобы в действительности повышение потребления «не капиталистических $\frac{9}{10}$ населения»².

Как мы видим, лейбористскому «историку» нельзя отказать в полете фантазии, когда дело идет о защите интересов капитала. Действительно, для конструирования его схемы Стрэчи пришлось не только абстрагироваться от таких «пустяков», как фашизм (может быть, и гитлеровцы решали «альтернативу» в смысле обращения избытка капитала на повышение уровня жизни масс, что, впрочем, и утверждают некоторые западногерманские и американские реакционные историки?), как борьба империалистов за передел мира, игнорировать вторую мировую войну, усиление ограбления колоний на первом этапе общего кризиса капитализма и т. д. «Абстрагировался» Стрэчи и от чудовищной нищеты и лишений «некапиталистических $\frac{9}{10}$ населения» колониальных и зависимых стран — подавляющего большинства населения нашей планеты, эксплуатировавшихся горсткой империалистических государств. Однако положение «некапиталистических $\frac{9}{10}$ населения» даже этих «избранных» империалистических стран также не имело и не

¹ В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 229.

² См. J. S t r a c h e y, The End of Empire, p. 117 and next.

имеет ничего общего с картиной, нарисованной лейбористским «исследователем». В частности, в Англии Стрэчи мог измыслить (в другой своей книге — «Современный капитализм») повышение доли рабочих в национальном доходе, приплюсовывая к заработной плате... расходы на содержание вооруженных сил¹. Неопровержимые данные свидетельствуют не о росте, а о сокращении доли трудящихся в национальном доходе. Показателен в этом отношении пример наиболее богатой капиталистической страны США, на которую прежде всего ссылаются буржуазные и правосоциалистические фальсификаторы истории как страну, где, мол, «вопреки К. Марксу», доля трудящихся в национальном доходе не снижается, а растет². Национальный доход США распределялся следующим образом (в %)³:

	1929 г.	1940 г.	1950 г.	1958 г.
Доля рабочих и служащих	46	44	41	41
Доля буржуазии и ее агентуры	54	56	59	59
Норма эксплуатации в процентах	118	128	143	143

Даже по данным буржуазной статистики заработная плата рабочего обрабатывающей промышленности в США за десятилетие с 1944 по 1954 год, изображаемое как период процветания, понизилась с 80,9 до 70,0% прожиточного минимума при одновременном росте нормы выработки, интенсификации труда. Напротив, гигантские прибыли американских монополий выросли с 1944 по 1955 год на 86%. Еще один пример. Было подсчитано, что рабочее время, необходимое для металлурга в Париже для приобретения одной пары обуви, увеличилось с 1913 по 1956 год в 1,66, готового костюма — 2,38 раза и т. д.

В ФРГ, стране рекламируемого на Западе «экономиче-

¹ См. J. St r a c h e y, Contemporary Capitalism, L., 1956, p. 133 and next. (Разбор «статистических» фальсификаций Стрэчи см. у Э. Я. Б р е г е л ь, Ревизионизм и реформизм в теории общицания, Соцэкгиз, 1960, стр. 127—132.)

² См. F. S t e r n b e r g, Die militärische und die industrielle Revolution, S. 160 ff.

³ Приводимые далее цифры взяты из статьи академика С. Г. С т р у м и л и н а, Хитрая механика роста дороговизны, «Новое время», 1960 г., № 37, стр. 9.

ского чуда», динамика соотношения заработной платы и прибыли определяется следующими цифрами¹:

	1936 г.	1950 г.	1957 г.
Заработная плата	50	41	35
Прибыль	50	59	65

Таким образом, удельный вес заработной платы резко сократился даже по сравнению с периодом гитлеровского господства, бывшего временем безудержной и фактически ничем не ограниченной эксплуатации рабочего класса.

В Италии, если принять заработную плату рабочих промышленности, транспорта и средств связи (с учетом пособий по безработице и других пособий) в среднем в 1932—1936 годах (т. е. опять-таки в годы кровавого хозяйничания фашистов!) за 100, то в 1950 году соответствующая цифра равнялась 89². А ведь надо принять в расчет и такие общеизвестные факторы, как резкое усиление эксплуатации рабочих монополиями путем интенсификации труда. Ее отрицательное влияние на здоровье трудящихся далеко перекрывает положительную роль, которую сыграло имевшее место в отдельных странах капитала некоторое увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня. Нельзя забывать также невиданный рост налогов, повышение квартирной платы и особенно безработицу, приносящую огромные лишения трудящимся массам, надо помнить также о разорении монополиями в послевоенный период миллионов крестьян, мелких предпринимателей, кустарей и т. д. Капитализм несет нищету не только пролетариату, но и массе мелких товаропроизводителей. А войны, которые обрушил капитализм на народы и которые принесли невиданные лишения сотням миллионов людей, вызвали бесчисленные жертвы! Буржуазные историки просто спекулируют либо на откровенно лживой статистике, либо на том, что рост относительной и абсолютной нищеты пролетариата может происходить и при улучшении его положения по отдельным показателям, поскольку это

¹ См. «Положение и борьба рабочего класса капиталистических стран», Сб. статей, Изд-во ВПШ и АОН, 1959, стр. 153.

² См. «Положение и борьба рабочего класса стран Западной Европы», Изд-во АН СССР, 1957, стр. 163.

улучшение сопровождается ухудшением по другим показателям¹.

Только упорной борьбой, в частности путем стачек, смогли рабочие отстоять некоторые из самых насущных своих интересов. Так, за 10 лет, с 1945 по 1954 год, по официальным данным число трудящихся, участвовавших в забастовках в 11 капиталистических странах (США, Англия, Франция, Западная Германия, Япония, Канада, Австралия, Швеция, Бельгия, Голландия, Аргентина), составляло 73 млн. человек, тогда как в десятилетие, предшествовавшее второй мировой войне, количество стачечников равнялось 21 млн.² В 1960 году бастовало свыше 53 млн. человек! Гигантская стачка 500 тыс. сталелитейщиков в США в 1959 году, всеобщие стачки в Бельгии (конец 1960 — начало 1961 г.) и во Франции (апрель 1961 г.), миллионы забастовщиков в Японии, упорные классовые бои в Италии в 1960—1961 годах — таковы только немногие, самые последние примеры классовой борьбы в странах капитала, о ликвидации которой трубят буржуазная историография.

Социальные завоевания пролетариата были достигнуты вопреки яростному сопротивлению правящей финансовой олигархии и ее орудия — буржуазного государства, применявших все виды экономического и политического давления (от локаутов, затрагивавших сотни тысяч рабочих в США, до кровавых полицейских расправ в Японии и Италии), чтобы сломить у пролетариата волю к борьбе. Изображать поэтому эти социальные завоевания заслугой современного буржуазного государства — значит попросту, говоря словами известной немецкой пословицы, «делать из нужды добродетель». К тому же, несмотря на эти частичные социальные завоевания, как справедливо констатировалось в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, во многих капиталистических странах уровень жизни остается по-прежнему ниже довоенного³.

Нисколько не преодолел капитализм, вопреки увере-

¹ См. Э. Я. Брегель, Ревизионизм и реформизм в теории обнищания, стр. 22 и др.

² «Правые социалисты — против социализма», Сб. статей под ред. Л. А. Леонтьева, Соцэкгиз, 1960, стр. 45.

³ См. «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 11.

ниям буржуазных апологетов, и присущей его природе анархии производства. Напротив, анархический характер капиталистического производства постоянно углубляется, конфликт между производительными силами и производственными отношениями становится все более острым. В США с 1948 года наблюдалось четыре резких падения производства (в 1948—1949, в 1953—1954, в 1957—1958 и в 1960—1961 гг.). Число безработных в одних только США, по данным американского министерства труда, достигло в марте 1961 года 5,7 млн. человек, не считая 1,7 млн. частично безработных, то есть «рекордного» уровня за 20 лет¹.

Как мы видим, качественные «принципиальные» отличия, которые обнаружил Д. Стрэчи между капитализмом первых десятилетий XX века и середины этого столетия, имеют тот существенный «недостаток», что они существуют лишь в апологетических писаниях буржуазных историков, социологов и экономистов.

Многие буржуазные историки, основываясь на знакомой нам лжетеории превращения буржуазного государства в надклассовое, склонны в своей характеристике делать упор на то, что буржуазия якобы перестала быть правящим классом в капиталистических странах. Следуя уже известной нам теории, будто в «мире за пределами коммунистической орбиты» существует якобы великое множество социальных систем, буржуазные ученые утверждают, что ныне влияние собственности «является одним из многих влияний и его размеры в громадной степени разнятся в различное время и от страны к стране»².

Буржуазное государство в изображении этих авторов контролирует профсоюзы, кооперативы, объединения государственных служащих и т. д. Во многих буржуазных исторических работах создается миф о постепенном превращении в новейшую эпоху западноевропейских государств из буржуазных в «пролетарские», то есть действующих в интересах рабочего класса и вообще трудящихся масс³. Государство, уверяет С. Хук, уже не является аппаратом господствующего класса, «оно становится аппаратом или орудием любого класса или классовой коалиции, которая

¹ См. «Правда», 11 марта 1961 г.

² G. C. Field, *Political Theory*, L., 1956.

³ См. J. P l a m e n a t z, *German Marxism and Russian Communism*, p. 169.

в процессе демократической борьбы получает преобладание»¹. Понятно поэтому, что передача управления в руки правосоциалистических министерств, в особенности если они (подобно лейбористам в 1945 г.) располагали большинством в парламенте, прямо оценивается как якобы состоявшийся переход власти в руки рабочих. Все это — тенденциозные выдумки, не имеющие ничего общего с действительностью. Достаточно вспомнить о полном всемогуществе финансовой олигархии, которой принадлежит подавляющая часть национального богатства в капиталистических странах. Около $\frac{1}{3}$ мирового капиталистического производства сосредоточено в руках 200 монополий, в Англии один процент населения владеет половиной всей собственности, принадлежащей частным лицам, во Франции 100 трестов господствуют в экономике страны и т. д.² Фактом также является подчинение буржуазного государства монополиям, использующим его для подавления и «вторичного» ограбления народных масс, заполнение массы важнейших постов самими магнатами капитала или их агентами. Кабинет президента Эйзенхауэра в США недаром окрестили метким названием «правительства 17 миллионеров». В правительстве президента Кеннеди насчитывается семь миллионеров и мультимиллионеров (Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Р. Кеннеди, Д. Раск, Д. Диллон, Р. Макнамара, Л. Ходжес). Показателен и типичен пример министерства обороны США, распределяющего ежегодно военные заказы на десятки миллиардов долларов. В 1947—1948 годах министром обороны был Д. Форрестол — компаньон известного банкирского дома «Диллон Рид энд К^о», в 1949—1950 годах Л. Джонсон — директор военно-авиационного концерна «Консолидэйтед валти», в 1950—1951 годах — генерал Джордж Маршалл, в 1951—1953 годах — Р. Ловетт, компаньон банкирского дома Гарриманов, директор атомной, авиационной и ракетной монополии «Норт америкен эвиэшн», в 1953—1957 годах — Чарльз Вильсон, президент автомобильного и танкового треста «Дженерал моторз», в 1957—1960 годах — Нейл Макэлрой, директор атомной и электронной монополии «Дженерал электрик» и ракетного треста Крайслера, с 1960 по январь 1961 года —

¹ «Politische Studien», 1960, June, H. 122, S. 367.

² См. Ю. Островитянов, В. Чепраков, Государственно-монополистический капитализм — в кривом зеркале ревизионизма, «Проблемы мира и социализма», 1958 г., № 2, стр. 45.

Томас Гейтс, компаньон банкирского дома «Дрексель энд К°», принадлежащего к финансовой группе Моргана¹. С января 1961 года этот пост занимает миллионер Роберт Макнамара.

В английском консервативном правительстве Макмиллана директорами крупнейших капиталистических компаний помимо самого премьера являются также министры Селвин Ллойд, лорд Хьюм, Данкен-Сэндис, Леннокс-Бойд и др.². Аналогичную картину можно наблюдать в ФРГ, Франции, Бельгии и других буржуазных странах.

Общезвестно также, что «рабочими», то есть право-социалистическими правительствами, в буржуазных странах по-прежнему управляли и управляют магнаты капитала.

Реакционные историки пытаются широко использовать рост государственно-капиталистических тенденций для доказательства превращения капитализма в строй благоденствия. На практике государственно-монополистический капитализм, буржуазная национализация отдельных отраслей промышленности лишь способствуют окончательному превращению государства в комитет по управлению делами монополистической буржуазии. «Государственно-монополистический капитализм,— справедливо указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза,— соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»³.

Даже приведенные выше немногие цифры и факты показывают, какова истинная цена утверждениям, исходящим из рядов ревизионистов, что новейшая эпоха (последние 20 лет) якобы характеризуется тем, что развитие капитализма не соответствует, как прежде, предсказаниям К. Маркса, а якобы «опровергает» эти предсказания.

¹ См. А. Л е о н и д о в, Монополистическая военщина в США, «Проблемы мира и социализма», 1961 г., № 4, стр. 28—34; В. З о р и н, Монополии и политика США, Изд-во ИМО, 1960.

² О контроле монополий над английским буржуазным государством см., например, Д. Х а р в е й и К. Х у д, Британское государство, ИЛ, 1961.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 26—27.

В центре современной эпохи стоит международный рабочий класс, великой исторической миссией которого является ликвидация капитализма и построение коммунистического общества. В новейшее время происходил огромный рост численности пролетариата, в его ряды влились десятки и десятки миллионов людей, резко возросла зрелость и классовая сознательность, культурность, небывало усилилась революционная энергия рабочего класса. Этот важнейший факт современной эпохи буржуазная историография пытается исказить и обратить в его противоположность на базе всех уже перечисленных выше фальсификаторских концепций истории XX века.

При этом буржуазные ученые широко прибегают к своему излюбленному методу лжеисторизма. Вкратце концепция буржуазных историков сводится к утверждению, что появление современного пролетариата якобы связано не с возникновением промышленного капитализма, а со специфическими условиями генезиса буржуазного общества, исчезающими по мере развития капиталистического строя. Вместе с ликвидацией этих условий, по разъяснению буржуазных историков, происходит исчезновение и самого пролетариата. Подобную концепцию применительно к истории Германии защищал на X международном конгрессе исторических наук в Риме (1955 г.) западногерманский историк В. Конце. По его мнению, процесс исчезновения пролетариата уже завершился в Западной Германии к 1950 году¹. Многие буржуазные историки склонны утверждать, что пролетариат, возникший в результате промышленного переворота, исчезает в итоге уже знакомой нам «второй промышленной революции»². Как же пытаются буржуазные историки доказать эту фантастическую теорию?

Последнее столетие — время непрерывно идущего процесса классового сплочения рабочего класса. В начале своего исторического пути к пролетариату примыкали и лишь находились в процессе включения в его ряды числен-

¹ См. «Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», Roma, 1957, pp. 603—606.

² См. F. Sternberg, Die militärische und die industrielle Revolution, S. 164; J. G. Calvez, La pensée de Karl Marx, P., 1956, p. 571.

но преобладавшие миллионы вчерашних крестьян, ремесленников, мелких хозяев, рабочих домашней промышленности, разоренных развитием капитализма. Таким образом, в этот период наряду с собственно пролетарскими слоями в состав рабочего населения входили социальные прослойки, классовое положение которых еще не полностью совпадало с пролетарским. Эта неоднородность ликвидировалась в ходе дальнейшего развития рабочего класса. Численность рабочих крупной капиталистической промышленности увеличилась в несколько раз и в абсолютных цифрах и относительно к общей численности населения. В США за последнее столетие относительная численность пролетариата возросла более чем в 10 раз (от примерно 5 до свыше чем 50% всего населения) и т. д. Хотя буржуазии империалистических стран и удалось подкупить рабочую аристократию предоставлением ей крох сверхприбылей, которые получали монополии от эксплуатации колоний и зависимых стран, подкупленная верхушка составляла и составляет незначительное меньшинство по сравнению с основной массой рабочего класса этих стран, не говоря уже о международном пролетариате в целом.

В современную эпоху еще несравнимо быстрее, чем на предшествующих этапах истории буржуазного общества, капитализм с каждым шагом своего развития увеличивает число пролетариев, наемных рабочих, сплачивает, организует, просвещает их, готовя таким образом классовую силу, которая неизбежно должна идти к своим целям¹. Только за последние годы ряды пролетариата пополнились новыми десятками миллионов человек. В крупную революционную силу превратилось рабочее движение стран Азии, Латинской Америки, Африки, где насчитывается свыше 100 млн. лиц наемного труда. По мере развития капитализма пролетариат растет, все крепче смыкает свои ряды, зреет, закаляется как класс в борьбе за свои классовые интересы. Однако все это отнюдь не означает, что в результате развития капитализма пролетариат отделяется каменной стеной от других слоев общества.

Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд средних слоев неминуемо вновь и вновь создается капитализмом, и эти новые мелкие произ-

¹ См. В. И. Ленин, Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении, Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 244.

водители также неизбежно вновь выбрасываются в ряды пролетариата¹. Не существовала и не существует буржуазная страна, в экономике которой не сохранились бы большие или меньшие остатки докапиталистических укладов. «Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; — если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»².

Жонглируя этими фактами и строят свою фальсификацию буржуазные историки. Прежде всего они, не оговаривая этого, вкладывают в понятие пролетариат свое отличное от обычного содержание, чтобы проложить путь к теории исчезновения пролетариата. Упражняясь в дешевых напаках на «миф о пролетариате»³, буржуазные историки, конечно, бессильны доказать, что в капиталистических странах «исчезли» сотни миллионов людей, добывающих себе средства к жизни исключительно путем продажи своей рабочей силы, а не за счет прибыли с какого-либо капитала, то есть общественный класс, определяемый в науке термином пролетариат. Ученые апологеты капитализма просто предпочитают — не объявляя прямо об этом — подразумевать под «пролетариатом» обязательно забитого, полуграмотного, живущего в грязных трущобах, вынужденного работать на фабрике по 12—14 и более часов в сутки, лишенного политических прав и т. п. рабочего (или даже вообще представителя низших классов), который был типичен для западноевропейских стран в эпоху промышленного переворота. Рисуя потом на основе фальсифицированной буржуазной статистики в розовых красках современное положение рабочих в капиталистических странах, буржуазные историки и объявляют об исчезновении пролетариата. Подтасованные данные о материальном положении

¹ См. В. И. Ленин, Марксизм и ревизионизм, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 25.

² В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 55.

³ См. Р. Агон, *L'opium des intellectuels*, p. 78 etc.

рабочих, искаженное изображение «новых» форм капиталистической эксплуатации (интенсификация труда в результате внедрения системы Тейлора, автоматизации и т. д.), наконец, факт завоевания рабочими в упорной борьбе определенных уступок у монополистического капитала (на которые буржуазия была вынуждена пойти в большей мере вследствие страха за свое господство после образования СССР, а позднее—мировой социалистической системы)—все это выдается за исчезновение пролетариата.

Более того, следуя своему пониманию «пролетариата», буржуазные реформистские историки берут смелость объявлять, что он был якобы классом лишь на заре собственной истории, а потом перестал представлять единую общественную группу. Пытаясь сыграть на неизбежной связи пролетариата тысячами переходных нитей с мелкобуржуазными слоями, на существовании наряду с классовыми интересами «цеховых» интересов внутри рабочего класса, буржуазные историки рисуют насквозь лживую картину распада пролетариата (и общества в целом) на множество профессиональных и т. п. группировок, в состав которых наряду с рабочими входят представители других классов, включая сюда и буржуазию¹.

Лейбористский политический деятель и историк Р. Кроссмен идет еще дальше, уверяя, что в XX веке исчезло единство интересов рабочего класса в международном масштабе и даже в рамках отдельных стран. Уровень жизни рабочих стал зависеть от места, которое занимало «их» (буржуазное) государство на международной арене и они должны были защищать «свою» (капиталистическую) страну во время ее военных конфликтов с другими державами, так как поражение в войне означало катастрофу не только для капиталистов, но и для рабочих. Кроме того, рабочие одной страны выигрывали от того, что приносило бедствия рабочим другой страны. Так, германские горняки получили выгоду от угольной стачки 1926 года в Англии (в ходе которой, как известно, английские шахтеры терпели большие лишения), а английские рабочие — от франко-бельгийской оккупации Рура, приведшей к экономической катастрофе в Германии и т. д. По мнению Кроссмена, и внутри отдельных стран возникли многочисленные конфликты

¹ См. «Atti del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», р. 606; F. L o w e n t h a l, Das kommunistische Experiment, Köln, 1957, S. 172 ff.

между интересами рабочих различных отраслей промышленности, между рабочими и безработными и т. д. «К концу 1919 года,— пишет далее Кроссмен,— прежнее единство рабочего класса полностью исчезло и было замещено запутанным переплетением привязанностей к различным социальным группам и интересам определенных районов (social loyalties and sectional interest)»¹. Не стоит опровергать здесь давно опровергнутые измышления о якобы возникшей необходимости для рабочих защищать буржуазное отечество в империалистической войне (Кроссмен здесь просто повторяет фальшивые доводы английских, германских и других социал-шовинистов периода первой мировой войны). Отметим характернейшую для буржуазной историографии попытку изобразить цеховые интересы пролетариата (да и представленные к тому же в крайне тенденциозном виде) за его единственные интересы, а коренные классовые интересы объявить вообще несуществующими в современную эпоху. Конечно, нет сомнения, что профессиональные и другие виды деления пролетариата имеют свое и немалое значение, но они играют подчиненную роль по сравнению с **общностью** классовых интересов рабочих. Полное освобождение от капиталистической эксплуатации, в котором жизненно заинтересованы рабочие вне зависимости от профессии, места работы и т. д., возможно лишь путем социалистической революции, которую в состоянии осуществить рабочий класс, а не отдельные группы пролетариев. Ясно, что «промышленные рабочие,— писал В. И. Ленин,— не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узкоцеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться хлопотами об улучшении своего иногда сносно-мещанского положения»². Это не значит, конечно, что рабочие определенной профессии не должны бороться за свои профессиональные интересы. Напротив, рабочие обычно с помощью профсоюзов ведут такую борьбу, которая оказывается, как правило, особенно эффективной, если руководящая роль в профсоюзах принадлежит последовательным пролетарским революционерам. Завоевание час-

¹ R. H. S. Crossman, *Government and the Governed*, pp. 262—263.

² В. И. Ленин, Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу, Соч., т. 31, стр. 129.

тичных уступок от капиталистов рабочими какой-либо профессии (так же как завоевание реформ всеми рабочими) не только не противоречит интересам рабочего класса, но, наоборот, способствует росту его сознательности и энергии в борьбе за конечную революционную цель — свержение капитализма. Конечно, в истории бывали случаи, когда отдельные группы политически неразвитых рабочих замыкались в рамках своих профессиональных интересов, отгораживались от общей борьбы своих товарищей по классу. Некоторые рабочие, находившиеся под влиянием реакционных политических организаций, церкви и т. д., смотрели на рабочих других профессий, на пролетариев, принадлежащих к другой расе, национальности, религии или живущих в другом районе и государстве, как не на союзников и братьев по классу, а, напротив, как на «конкурентов». Это могло породить и породило в отдельных случаях такие уродливые явления, как использование в корыстных целях борьбы других рабочих, включая даже «штрейкбрехерство» и т. п. Однако рабочие поступали так не в соответствии, а вопреки своим коренным жизненным интересам. Надо учитывать, что в условиях эксплуататорского общества правящие классы с помощью идеологического принуждения всегда имели возможность навязывать выгодные им взгляды большей или меньшей части эксплуатируемых классов. (Вследствие этого обстоятельства, как известно, даже самые реакционные, антинародные партии нередко имеют в своем составе большее или меньшее число членов из числа трудящихся.) Феодалным правительствам удавалось не раз руками крепостных крестьян в солдатских мундирах подавлять крестьянские восстания, однако на этом основании еще, кажется, никто не изображает ныне крепостных крестьян заинтересованными в сохранении крепостного права! Возвращаясь же к нашей теме, нужно отметить, что система идеологического принуждения, осуществляемая буржуазией в отношении пролетариата в современную эпоху, была тесно связана со спекуляцией на узкоцеховых интересах, противопоставляемых классовым интересам. Составной частью этой политики объективно являются и теории буржуазной (в том числе правосоциалистической) историографии, пытающейся представить дело таким образом, что у рабочих в XX веке остались лишь цеховые интересы и что эти интересы определяют позицию пролетариата.

Характерной чертой истории пролетариата является преодоление цеховой узости, все более активная и сознательная борьба за свои классовые интересы. Свидетельством тому является мощный подъем рабочего и коммунистического движения в современную эпоху.

Таким образом, утверждение буржуазной историографии о распадении рабочего класса на профессиональные группы, нередко со сталкивающимися интересами, прямо противоположно действительному ходу исторического процесса. Не лучше обстоит дело и с попытками буржуазных историков играть на связях рабочего класса с мелкой буржуазией, которые также служат мнимым доказательством образования взамен классов «межклассовых» социальных групп. В действительности в современную эпоху эти связи способствуют тому, что рабочий класс, интересы которого совпадают с жизненными интересами всех трудовых слоев, угнетаемых крупным капиталом (крестьянства, городской мелкой буржуазии, трудовой интеллигенции), возглавляет народные массы, борющиеся против монополий¹. Рабочий класс является руководящей силой в борьбе как за непосредственные экономические интересы и права трудящихся масс — за демократию, так и за конечную цель — свержение капитализма и строительство коммунистического общества.

Слабая убедительность измышлений о «раздроблении» рабочего класса на мелкие профессиональные группы заставляет часть буржуазных историков подыскивать и другие объяснения причин мифического исчезновения пролетариата. При этом указанных историков ничуть не смущает, если эти «дополнительные» объяснения опровергают предыдущие доводы. Так, некоторые историки, на время оставив в стороне теорию распада пролетариата и отрицание самого существования классов, объявляют, что в новейшую эпоху просто происходил процесс слияния рабочего класса с классом капиталистов вследствие «демократизации богатств». Этот изобретенный еще в конце XIX века апологетический вымысел базируется на цифрах увеличения числа владельцев акций промышленных предприятий и банков. Но, во-первых, общеизвестно, что показываемый буржуазной статистикой рост числа акционе-

¹ См. А. С. Черняев, Причины и характер современного демократического движения в странах развитого капитализма, «Новая и новейшая история», 1961 г., № 5, стр. 27—39.

ров на деле скрывает нечто обратное: небольшая кучка капиталистов скупает акции сотен и тысяч компаний. В статистических отчетах же нередко каждый из крупных капиталистов засчитывается за столько лиц, в скольких компаниях он состоит акционером. Однако если даже происходит на деле рост числа акционеров, как разъяснил еще в 1902 году В. И. Ленин, то «доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному»¹. Пролетарий, имеющий одну или несколько акций, не перестает быть пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу. В то же время крупный капитал использует множество мелких вкладов для еще большего увеличения своих прибылей и могущества. К тому же число рабочих — владельцев акций относительно очень невелико. Даже в США в 1955 году только 3% рабочих являлись акционерами и владели лишь 0,2% стоимости всех акций. Одна семья миллиардеров Дюпонов имела в 10 раз больше акций, чем все американские рабочие, взятые вместе². В 1946 году в США, по данным министерства финансов, 0,8% населения владели 300 млрд. долл. — половиной национального богатства. В Англии 10% населения в возрасте старше 25 лет владеют 80% всего частного капитала, 1% населения — половиной частного капитала³. Чего же стоят после этого утверждения буржуазных историков, «что широкие круги рабочих социологически ныне уже, если не считать остающихся еще некоторых отличительных черт, в значительной мере принадлежат буржуазии»?⁴

Мы не знаем, что подразумевает западногерманский историк Г. Шваб-Фелиш, из статьи которого процитирован вышеприведенный отрывок, под понятиями «социологически принадлежать» к какому-либо классу или «отличительные черты» класса. Конечно, если Шваб-Фелиш,

¹ В. И. Ленин, Из экономической жизни России, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 289.

² См. В. Перло, Империя финансовых магнатов, ИЛ, 1958, стр. 50. При этом нельзя также забывать о долгах рабочих. Так, в США потребительский долг, в основном падающий на рабочих и служащих, составляет гигантскую цифру в 198,5 млрд. долл.

³ См. Д. Харвей и К. Худ, Британское государство, стр. 8.

⁴ H. Schwab-Felisch, Weimar, Hitler und die Folgen, «Neue Deutsche Hefte», 1960, Apr., H. 69, S. 50.

подобно многим американским социологам, будет определять классовую принадлежность по таким признакам, как наличие телефона, ношение шляпы (вместо кепки) и тому подобным показателям, а к «еще оставшимся отличительным чертам» отнесет «мелочи» вроде продажи пролетариями своей рабочей силы капиталистам, эксплуатации и т. д., то он легко сможет доказать все, что угодно. Однако эти «доказательства» способны убедить только уж очень неискушенных в науке и политике или чрезмерно наивных людей.

Тезис об исчезновении пролетариата нередко увязывается в буржуазных работах с еще одним фальшивым утверждением, также входящим в характеристику, которая дается буржуазными историками современной эпохе. «Этап между двумя мировыми войнами, — пишет упомянутый выше Шваб-Фелиш, — был последним воплощением периода существования национальных государств в пределах цивилизованного мира и за пределами того мира, который ныне характеризуют сомнительным собирательным термином „слаборазвитые страны“»¹. Объективный факт нашей эпохи — борьба угнетенных народов Азии и Африки за освобождение от цепей колониализма и за создание национальных государств и стремление империалистов к объединению сил против национально-освободительного движения и особенно государств социалистического лагеря — изображается в трудах буржуазных историков как процесс мнимого преодоления капиталистическими государствами Европы и Северной Америки национальной ограниченности, к которой якобы стремятся «слаборазвитые страны». Космополитический тезис о миновании «стадии национально-государственного развития» призван скрыть тот факт, что ослабление устоев капиталистического строя во многих странах побуждает империалистов этих стран объединяться в военно-политические союзы во главе с США для борьбы против стран социализма, международного рабочего и национально-освободительного движения.

Буржуазная историография дает лживое с самого начала освещение основных факторов, действие которых непосредственно привело к наступлению в настоящее время нового этапа в развитии общего кризиса капитализма.

¹ H. Schwab-Felisch, Weimar, Hitler und die Folgen, «Neue Deutsche Hefte», 1960, Apr., H. 69, S. 50.

Торжество социализма в большой группе европейских и азиатских стран, на территории которых проживает более трети всего человечества, неуклонное ослабление империализма в соревновании с социализмом предстает в буржуазных работах лишь как подрыв позиций «западной цивилизации», в то время как капиталистический строй якобы продолжает развиваться и преобразовываться в строй общего благосостояния. Новый огромный подъем национально-освободительной борьбы и нарастающий процесс полного крушения колониальной системы изображается как результат якобы планомерной политики Запада, направленной на предоставление независимости народам Востока, «добровольной самоликвидации империализма» и чуть ли не укрепления позиций мирового капитализма, «освободившегося» от бремени управления слабо развитыми территориями и могущего переключиться на повышение жизненного уровня стран Западной Европы и США. Возрастающая неустойчивость и загнивание всей капиталистической системы мирового хозяйства вообще игнорируется буржуазной историографией, пытающейся, напротив, уверить, будто внедрение автоматики и государственное регулирование способны ликвидировать анархию, присущую природе капиталистического производства. Обострение противоречий капитализма в результате развития государственно-монополистического капитализма превращается под пером буржуазных историков в возникновение «организованного», «бескризисного» капитализма. Углубление противоречий между монополиями и интересами всей нации «обертывается» буржуазными историками в свидетельство «демократизации богатств», ликвидации классов и классовых противоречий, превращения капиталистических монополий чуть ли не в «народную собственность» или по крайней мере учреждения, руководствующиеся в своей деятельности интересами народных масс. Наблюдающееся повсеместно в странах капитала свертывание буржуазной демократии, небывалое усиление политической реакции, тенденция к автократическим и фашистским методам управления выдаются за расширение демократии, превращение пролетариата и всех трудящихся в правящий класс, «трансформацию» буржуазного государства в «демократическое государство благоденствия» и т. п. Глубокий кризис буржуазной политики и идеологии — характерная черта общего кризиса капитализма — нахо-

дит свое отражение в буржуазной науке, и в частности проявляется в беззастенчивой фальсификации истории с целью отрицания существования кризиса капиталистической системы и всех его основных проявлений на современном этапе.

5

Главное содержание современной эпохи составляет переход от капитализма к социализму, который начался победой Великой Октябрьской социалистической революции. Империалистический лагерь, несмотря на использование своей ударной силы — фашизма и развязывание второй мировой войны, оказался не в состоянии преградить путь социалистическим революциям в Европе и Азии. Основным итогом поступательного развития общества в XX веке является создание мировой социалистической системы. Социализм превратился в мировую систему, стремительный рост могущества и международного влияния которой усиливается с каждым годом. **«Главная отличительная черта нашего времени, — справедливо отмечается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества»¹.**

Мировая социалистическая система образовалась, как и в свое время мировая система капитализма, в конечном счете как результат развития производительных сил общества. Однако различная социальная природа определила принципиально различный характер складывания этих систем. Если капиталистическая система возникла в ходе непрерывной военной, экономической и политической борьбы, подчинения слабых стран сильными державами, образование социалистической системы происходило на основе добровольности и полного равноправия народов.

Реакционная историография ставит одной из своих главных задач создать полностью фальсифицированное освещение процесса складывания мировой социалистической системы. С этой целью буржуазные историки пытаются доказать, что в отличие от капиталистической системы

¹ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 8.

создание мировой системы социализма не было результатом «органического», естественного развития входящих в нее стран Европы и Азии. В течение многих лет буржуазные историки отрицали, что Советская власть была создана и существует по воле всего народа нашей страны. Теперь они изменили позицию. Они готовы признать «законность» социализма в Советском Союзе, но объявляют его чужеродным явлением во всех остальных странах социалистического лагеря¹. С этой целью фальсификаторы истории пытаются представить социалистические революции в европейских и азиатских странах как следствие какого-то давления извне, со стороны Советского Союза². Обращаясь снова к затасканному вымыслу об «экспорте революций», буржуазные историки доказывают, что, мол, в 20—30-х годах Советский Союз пытался «насадить социализм» с помощью коммунистических партий, а во время и после второй мировой войны — с помощью Советской Армии³. О том, до какого падения докатились ревизионисты, можно судить по тому, что они не только повторяют эту ложь, но и объявляют социалистическую революцию... «мифом», изобретенным большевиками в интересах «советской экспансии»⁴. Однако эта фальшивка не выдерживает первого же соприкосновения с фактами. Северный Вьетнам, где победила революция, отделен от Советского Союза тысячами километров. Во время демократической революции во Вьетнаме между ним и Советским Союзом находился тогда еще гоминдановский Китай. Новейший пример — Куба — слишком свеж в памяти, чтобы о нем было необходимо здесь специально говорить. С другой стороны, советские войска вступали во время войны на территории Австрии, Норвегии, Дании, Финляндии, однако там не произошла революция и не было предпринято попыток ее со-

¹ См. G. K e n n a n, *Peaceful Coexistence. A Western View*, «Foreign Affairs», 1960, No 2.

² Некоторые буржуазные историки пытаются «объяснить» победу социалистической революции в Восточной Европе (в частности, в Чехословакии) как «ответ» на изгнание коммунистов в 1947 году из правительства во Франции и Италии. (См. L. H a m o n, *Histoire de vingt ans*, «Esprit», 1960, mars, p. 358.)

³ См. E. J. R o z e k, *Allied Wartime Diplomacy. A Pattern in Poland*, N. Y., 1958, pp. 438, 446; H. S e t o n-W a t s o n, *Neither War nor Peace*, pp. 253—255; D. T r e a d g o l d, *Twentieth Century Russia*, pp. 230—255.

⁴ См. «New Reasoner», 1958—1959, Winter, No 7, p. 123.

вершить. Все дело заключается, следовательно, во внутренних условиях каждой данной страны.

Это не значит, конечно, что присутствие Советской Армии не оказало влияния на ход событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Прежде всего оно представляло собой гарантию от «экспорта контрреволюции». Советская Армия не только освободила народы от гитлеровского ига, но и предотвратила оккупацию стран Центральной и Юго-Восточной Европы американскими и английскими войсками. А что несла эта оккупация, ярко демонстрирует опыт Греции, где местная реакция, опираясь на штыки английских оккупантов, развязала гражданскую войну и потопила в крови демократическое движение в стране. Присутствие Советской Армии создало для освобожденных ею народов возможность самим, без вооруженного вмешательства извне решать свою судьбу. Эта гарантия от контрреволюционной интервенции позволила народам стран Центральной и Юго-Восточной Европы пресечь попытки всякого рода иного вмешательства (экономическое давление, реакционные заговоры, которые создавались разведками империалистических держав и т. п.) и обеспечила для них полную возможность самостоятельного выбора формы социального и государственного строя. «Экспорт революции», о котором пишут фальсификаторы истории, был на деле обеспечением народов от империалистического «экспорта контрреволюции». Именно сожаление об этом империалистическом «экспорте» и руководит реакционными историками в их клеветническом походе против Советского Союза. Недаром идеологи реакции предлагают, чтобы Советский Союз «потребовал» от коммунистических партий буржуазных стран прекращения борьбы против капиталистического строя, а от стран социалистического лагеря — согласия на реставрацию капитализма.

Выше уже отмечались приемы, с помощью которых буржуазная историография пытается дискредитировать социалистические революции, а диктатуру пролетариата изображать в виде «большевистского насилия» и как власть, враждебную интересам трудящихся масс, в первую очередь крестьянства. Все эти приемы широко используются для оклеветания народно-демократических революций в Центральной и Юго-Восточной Европе и их развития в социалистические революции. При этом, не ограничива-

ясь ссылками на «советское вмешательство», буржуазная историография стремится дополнить их фальсификацией истории классовой борьбы и политики пролетариата на всех этапах революции в этих странах.

Большинство буржуазных историков готово признать со многими оговорками поддержку народом революции на ее общедемократическом этапе. Однако они, отмечая антифашистский и антифеодальный характер революции, пытаются игнорировать ее направленность против иностранного империализма в целом и тесно связанной с ним предавшей национальные интересы крупной монополистической буржуазии. Буржуазная историография отрицает, что руководящей силой на общедемократическом этапе революции выступал рабочий класс, возглавляемый закаленными коммунистическими партиями, и что благодаря союзу с пролетариатом широкие массы крестьянства уже в этот период добились осуществления своей вековой мечты — передачи помещичьей земли в руки тех, кто ее обрабатывает. В свете одного этого факта становится очевидной истинная цена фальшивки, которой постоянно оперирует реакционная историография, утверждая, что главной «жертвой» коммунистов были не фашисты, ликвидированные в ходе войны, не помещики и крупные капиталисты, на национализацию имущества которых были согласны «все демократы», а в первую очередь крестьянство, а потом... и сам рабочий класс!¹ «Доказывается» это утверждение путем очередной подтасовки фактов.

Как известно, характерной особенностью перерастания народно-демократической революции в социалистическую было то обстоятельство, что оно не вызвало существенного изменения в расстановке классовых сил. В своей основе те классы, которые шли с пролетариатом на общедемократическом этапе революции — крестьянство, средние слои города, большая часть интеллигенции и даже некоторые элементы буржуазии, — поддержали переход к строительству социализма, что обеспечило мирное развитие революционного процесса. В то же время наиболее реакционная часть социал-демократических лидеров, а также правая часть верхушки крестьянских партий, явно потеряв доверие членской массы и тех социальных групп, которые шли за этими партиями, выступили против развития революции по восходя-

¹ См. Н. Seton-Watson, *Neither War nor Peace*, p. 25.

щей линии. Эти правые лидеры, не говоря уже о главарях различных буржуазных партий, подстрекаемые империалистическими кругами Запада, а также Ватиканом, не раз пытались организовать контрреволюционные заговоры с целью ликвидировать руководящую роль рабочего класса и воспрепятствовать развитию по социалистическому пути. Общедемократический блок решительно устранил с дороги правые, предательские элементы, что обеспечило развитие революции от общедемократического к социалистическому этапу. Буржуазные историки пытаются не увидеть главного — согласия подавляющего большинства общедемократического блока на переход к социалистическому этапу революции и стремятся выдавать факт устранения с пути революции правых лидеров социал-демократических и крестьянских партий за свидетельство раскола этого блока и даже подавления его остальных участников пролетариатом или коммунистическими партиями. Поддержку основной массой крестьянских и мелкобуржуазных партий политики коммунистов реакционеры историки объявляют, конечно, результатом «коммунистических маневров» и т. п.¹ Понимая, вероятно, абсурдность утверждений, будто крестьянство выступало против распределения помещичьих земель, а рабочие — против национализации фабрик, заводов и шахт, реакционные историки доказывают, что трудящиеся массы были за эти меры, но... против социализма!² Замечая «отпадение» от революции империалистических агентов типа Миколайчика, Надь Ференца, Маниу, Братиану и им подобных, буржуазные историки не желают видеть все более активное участие в строительстве социализма десятков миллионов простых

¹ См. «Hungary». Ed. by E. C. Heilmreich, N. Y., 1957, pp. 119—120; «Czechoslovakia». Ed. by V. Busek and N. Spulber, N. Y., 1956, pp. 67—69, 86—87. Обе работы — из серии «East and Central Europe under the Communists». Ed. by F. R. Byrnes; E. R o z e k, Allied Wartime Diplomacy. A Pattern in Poland, p. 416 and next., 434; M. K. D z i e w a n o w s k i, The Communist Party of Poland. An Outline of History, p. 190 and next.; W. K u l s k i, Peaceful Co-existence, Chi., 1959, p. 459; H. S e t o n - W a t s o n, Neither War nor Peace, p. 25. Сетон-Уотсон готов также отрицать существование классовой борьбы в деревне и доказывать, что имели значение лишь противоречия между сторонниками и противниками «приказов из Москвы». (См. H. S e t o n - W a t s o n, From Lenin to Khrushchev, p. 251.)

² См. M. K. D z i e w a n o w s k i, The Communist Party of Poland. An Outline of History, p. 279.

людей, на собственном опыте убеждающихся в великих преимуществах социалистического строя.

Следует отметить, что наряду с прямой клеветой на социалистические революции буржуазная историография, как уже указывалось выше, доказывает, что они могли произойти в Европе только на Востоке, но никак не на Западе. При этом фальсификаторы истории сталкиваются с одним обстоятельством, которое явственно даже для самого неискущенного читателя вскрывает фальшивость их теории. Как объяснить, допустим, «исключительность» победы революции в Чехословакии, которая и до войны была высокоразвитой капиталистической страной и в которой во время перехода революции на ее социалистический этап не было никаких советских войск? Припертые к стене, реакционные историки спешно открыли «исключительные» условия исторического развития и в Чехословакии, выражавшиеся в том, что чехи ненавидели «Запад» за Мюнхен и рассматривали Советский Союз как своего друга. Это, мол, делает победу социалистической революции в Чехословакии «исключительным явлением...», ее опыт не дает основания сделать общий вывод о способности коммунистов прийти к власти в промышленных странах¹. Можно уверить реакционных историков, что как раз подобные «исключительные» условия существуют повсеместно в странах капитала: повсюду растет возмущение масс против империализма и усиливаются симпатии к Советскому Союзу и всему социалистическому лагерю — оплоту мира и безопасности всех народов.

Как уже говорилось выше, буржуазные историки рисуют коллективизацию сельского хозяйства противоречащей интересам крестьянства. Буржуазная наука искажает историю индустриализации в странах социалистического лагеря. Она всячески старается с помощью статистических манипуляций преуменьшить огромные успехи в промышленном развитии этих стран². Быстрое развитие

¹ Н. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, p. 260.

² См. А. Zauberman, *Industrial Development in Czechoslovakia, East Germany and Poland*, L., 1958. Некоторые буржуазные авторы при этом доказывают, что якобы можно было бы добиться еще больших успехов при сохранении частного предпринимательства. На естественный вопрос, почему подобных успехов не заметно у капиталистических стран, указывается, что там... отсутствует преимущественное направление капиталовложений в тяжелую промышленность (которое возможно при плановом со-

тяжелой промышленности нередко требует известных жертв и лишений на первых этапах индустриализации. Как известно, эти трудности в странах народной демократии в большой мере уменьшились вследствие огромной помощи со стороны Советского Союза займами, поставками оборудования и сырья и т. д., а также помощи других более развитых в промышленном отношении стран социалистического лагеря менее развитым странам. Буржуазные историки всячески выпячивая трудности, связанные с индустриализацией¹, «абстрагируются» от того обстоятельства, что она проводилась в интересах трудящихся масс и что временные жертвы сторицей возмещались последующим ростом народного благосостояния. Когда же приходится, скрепя сердце, говорить о росте жизненного уровня трудящихся в СССР и других странах социализма, являющегося результатом успехов плановой экономики, буржуазные авторы уверяют, что улучшение условий жизни было якобы «вырвано» народом у правительств и является свидетельством... непрочности социалистического строя!² Немногим умнее и постоянные уверения буржуазных историков, что великие успехи СССР и других социалистических стран были достигнуты... вопреки существующему в них социалистическому строю, вопреки марксизму!³

циалистическом хозяйстве!). (См., например, В. Balassa, *The Hungarian Experience in Economic Planning*, New Haven, 1959, p. 237.) Об успехах в развитии промышленности и сельского хозяйства стран народной демократии см., например, А. Петрушов, *Сельское хозяйство европейских стран народной демократии на социалистическом пути*, Госполитиздат, 1959; В. Н. Стародубровская, *Экономический союз рабочего класса и крестьянства в европейских странах народной демократии*, Госполитиздат, 1959; «Социалистическая индустриализация стран народной демократии», Госпланиздат, 1960; В. Н. Стародубровская, М. А. Усиевич, *Социализм и крестьянство. Осуществление ленинского кооперативного плана в странах народной демократии*. Изд-во АН СССР, 1960.

¹ См. М. К. Dziewanowski, *The Communist Party of Poland. An Outline of History*, p. 264 and next.

² Об этих выдумках иронически писал даже пропагандистский орган государственного департамента. (См. А. Nové, *Social Welfare in the USSR*, «Problems of Communism», 1960, Jan.—Febr., p. 1.)

³ См. Н. Seton-Watson, *Neither War nor Peace*, p. 451. Тревор-Ропер еще более «умно» добавляет, что марксизм был «бы давно опровергнут», если бы не существование Советского Союза. (См. Н. R. Trevor-Roper, *Historical Essays*, p. 298.)

До крайности искажая историю бескорыстной помощи Советского Союза странам народной демократии, реакционные историки лживо пишут о «советской эксплуатации» этих стран, не пытаясь привести ни тени доказательств своей клеветы¹. Столь же голословны и вымыслы буржуазных авторов о противоречии, которое якобы существовало между развитием национальной экономики и интересами роста экономических взаимосвязей и общего развития социалистической системы². В действительности, как это показывает исторический опыт, народное хозяйство каждой социалистической страны получает мощный дополнительный стимул от развития всестороннего сотрудничества и взаимопомощи между всеми странами социалистического лагеря. «Сотрудничество социалистических государств позволяет каждому из них наиболее рационально и полно использовать свои ресурсы, развивать производительные силы. В процессе экономического и научно-технического сотрудничества стран социализма, координации их народнохозяйственных планов, специализации и кооперирования производства складывается **новый тип международного разделения труда**»³. Экономическое сотрудничество социалистических стран приводит к ускорению темпов хозяйственного развития. Оно способствует более быстрому росту отставших при капитализме в экономическом отношении государств и выравниванию общего уровня всех стран социалистического лагеря. Не знающая кризисов плановая экономика социалистических стран развивается в несколько раз более быстрыми темпами, чем экономика капиталистических государств. В 1951—1961 годах среднегодовой прирост промышленной продукции в странах социализма составлял почти 14%, а в капиталистических странах — лишь около 5%. Мировая социалистическая система уверенно приближается к окончательной победе в экономическом соревновании с капитализмом.

Реакционные фальсификаторы изложением всей истории народно-демократических стран стараются вызвать у

¹ См. М. К. Дзидеуановска, The Communist Party of Poland. An Outline of History, p. 226 and next.

² См. N. Spulber, The Economics of Communist Eastern Europe, Л., 1957, p. 484.

³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 23.

читателя представление о том, что якобы эти страны лишены политической независимости. «Доказательства» неблещут оригинальностью: во-первых, к каждому мероприятию партии и правительства любой социалистической страны добавляется как рефрен фраза «по приказу Москвы». Во-вторых, подчеркиваются общие черты течения революционного кризиса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В действительности такие черты возникали как в силу того, что любая социалистическая революция имеет наряду с особенностями также много общего, характерного для пролетарских революций, так и вследствие наличия у этих стран многочисленных сходных черт в экономике и историческом развитии (помещичье землевладение, засилье иностранного капитала в ключевых отраслях народного хозяйства, существование во время войны — а в большинстве случаев и до войны — фашистских или фашистских режимов и т. д.)¹. В-третьих, буржуазная историография всячески «обыгрывает» использование социалистическими странами огромного опыта строительства социализма в СССР, также именуя это «московскими приказами». В-четвертых, наконец, делаются ссылки на выступление социалистических стран единым фронтом на международной арене, хотя ясно, что единство отвечает коренным интересам народов этих стран, так как многократно усиливает действенность их внешней политики, направленной на обеспечение мира и международного сотрудничества.

Буржуазная историография не жалеет усилий, чтобы укрепить одно из главных идеологических орудий современной империалистической реакции и ревизионизма — извращение роли Советского Союза в социалистическом лагере. В действительности Советский Союз ни в коей мере не претендует на командную роль в социалистическом лагере. Роль Советского Союза, как подчеркивал Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС, «состоит не в том, что он руководит другими странами, а в том, что наша страна первой проложила дорогу человечеству к социализму, является наиболее мощной страной в мировой социалистической системе и первой вступила в период развер-

¹ Ср. «Общие закономерности перехода к социализму и особенности их проявления в разных странах», Сб. статей, Изд-во ВПШ и АОН, 1960.

нутого строительства коммунизма»¹. Социалистический лагерь является добровольным содружеством полностью равноправных и суверенных народов на основах взаимной выгоды и братской взаимопомощи. Только на путях социализма обрели эти страны подлинную независимость и суверенитет, освободившись от влияния иностранного монополистического капитала. Строжайшее соблюдение государственного суверенитета каждой страны является неизблемым принципом социалистического интернационализма и законом, определяющим взаимоотношения всех стран социалистического лагеря, основой, на которой осуществляется их всестороннее товарищеское сотрудничество и взаимопомощь в строительстве нового общества. Нахождение в великом лагере социализма гарантирует каждой стране сохранение ее суверенитета от любых покушений со стороны империалистических сил.

В свете этих фактов, известных сотням миллионов людей и подтверждаемых ежедневно всей практикой взаимоотношений стран социалистического лагеря, поистине ничтожными выглядят потуги буржуазной историографии представить пролетарский интернационализм в виде «требования Москвы», чтобы все социалистические страны восприняли... «советско-русский национализм»². Реакционные историки не скрывают своего сочувствия пресловутому «национал-коммунизму», являющемуся орудием империалистической реакции. Недаром же ревизионизм, воспевающий национальную ограниченность, доказывающий мнимую возможность строить социализм без связи и даже вражды с социалистическими странами, нарушая основные принципы пролетарского интернационализма, вызывает такое одобрение империалистической реакции. Недаром буржуазная историография рекламирует ревизионистские теории как «смелую и продуманную попытку привести марксизм в соответствие с условиями современности»³. При этом отдельные буржуазные ученые открыто говорят о причинах своих симпатий к этому ревизионистскому

¹ «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет», т. I, Госполитиздат, 1959, стр. 92.

² См. Н. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, p. 257.

³ H. G. Skilling, *Communism; National or International?* «International Journal», 1959—1960, Winter, p. 45.

«развитию» марксизма: «Национальный коммунизм» в этом районе (в Восточной Европе. — *Е. Ч.*) является в большей мере маской антикоммунизма и в лучшем случае демократического социализма»¹.

В буржуазной историографии проводится лживая мысль; будто патриотизм народов, входящих в лагерь социализма, якобы несовместим с пролетарским интернационализмом. Должны ли поляки, задает «коварный» вопрос Д. Брoгeн, сочувствовать войскам Пилсудского или Красной Армии во время войны 1920 года². Однако подлинный патриотизм народа не имеет ничего общего с великодержавным шовинизмом и национальной ограниченностью. Патриотизм трудящихся масс неразрывно связан с любовью к прогрессивным и революционным традициям своей родины, с ненавистью к «своим» и чужим угнетателям как собственному народу, так и народам других стран.

В своей знаменитой статье «О национальной гордости великороссов» великий Ленин в 1914 году писал: «Мы гордимся тем, что эти насилия (гнет царского режима. — *Е. Ч.*) вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика...

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душировать свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, споспешествуемые капиталистами, ведут нас на войну, чтобы душировать Польшу и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае, чтобы усилить позорящую наше великорусское национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей»³. Русский народ и все народы России в 1917 году освободились от гнета царской

¹ B. Morris, Soviet Policy toward National Communism: The Limits of Diversity, «American Political Science Review», 1959, March, p. 137.

² См. D. Brogan, The Price of Revolution, p. 120.

³ В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, стр. 85—86.

шайки, свергли капитализм и приступили к созданию социалистического общества. Польские трудящиеся, которые в течение десятилетий вели борьбу против позорившей страну шайки пилсудчиков, в конце концов выдавшей Польшу на разграбление гитлеровским ордам, после второй мировой войны также пошли по пути строительства социализма. Польскому народу есть много чем гордиться в своей славной истории: от героической защиты Польши от тевтонских рыцарей до борьбы совместно с русским народом против общего врага — царского самодержавия. И это чувство национальной гордости и патриотизма неразрывно связано у поляков с ненавистью к реакционной власти пилсудчиков, к антинациональной политике вражды против Советского Союза, которая привела Польшу к катастрофе 1939 года, а польский народ — к угрозе физического истребления гитлеровскими палачами. Нет, неудачный для себя пример выбрал профессор Бруген. Тщетно пытаюсь «столкнуть» патриотические чувства советского и польского народов, он продемонстрировал лишь, насколько небрежлива в средствах буржуазная историография, обслуживая интересы империалистической реакции.

Многие буржуазные историки в попытках доказать существование мнимых «национальных противоречий» между СССР и государствами НАТО, а также между Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря пытаются представить национализм в виде какого-то извечного явления, лишить его реальных классовых корней. С этой целью мобилизуется в помощь и геополитика. Не находя подходящих аргументов в прошлом, которым им пристало заниматься по профессии, буржуазные историки в отчаянии хватаются за аргументы «от будущего». Так, упоминавшийся выше Л. Холл доказывал, что и в случае победы коммунизма в США они должны будут... остаться враждебными Советскому Союзу¹. Однако уже имеющийся опыт истории полностью разоблачает ложь фальсификаторов. Одно из величайших достижений мировой социалистической системы состоит в том, что она на практике подтвердила марксистско-ленинское положение о том, что вместе с падением антагонизма классов падает антагонизм наций. В природе социалистической системы нет объективных причин для противоречий и конфликтов

¹ Цит. по «International Journal», 1960, Spring, p. 105.

между входящими в нее народами. Развитие социалистической системы ведет ко все большему укреплению сотрудничества и сплочению народов и стран. Национальные интересы гармонически сочетаются с интересами всей социалистической системы¹. Общность экономического строя, при котором ликвидирована эксплуатация человека человеком, общность великой марксистско-ленинской идеологии создают небывалое в истории неразрывное единство социалистической системы — единство народов, строящих коммунизм.

¹ См. «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 21.

Глаза VI

ПРОБЛЕМА МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ БУРЖУАЗНЫХ УЧЕНЫХ

1

Буржуазная наука много занимается в последние годы проблемой сосуществования, в том числе и в историческом аспекте. В реакционной историографии нет недостатка в попытках перенести проблему сосуществования социалистических и капиталистических стран в плоскость взаимоотношений западной, или атлантической, и восточной цивилизаций, как это делает, в частности, А. Тойнби и его многочисленные последователи из числа буржуазных ученых. Как уже отмечалось выше, политика правящих кругов США, Англии и Франции при этом систематически отождествляется с некоей абстрактной «атлантической цивилизацией», «Европой» и т. п. Современное буржуазное общество и буржуазное государство лживо изображается в качестве венца исторического развития, наследника всего лучшего, что было создано античной и европейской культурой. Буржуазные историки разъясняют, что причины напряженности в современных международных отношениях следует искать чуть ли не в истории Древнего Востока, культура которого тоже, как неожиданно выясняется, входит в «духовное наследие западной цивилизации...»¹.

Подобная «методология» позволяет реакционным историкам, кроме всего прочего, произвольно причислить к «атлантической цивилизации» любую социалистическую

¹ См. E. N. Johnson, An Introduction to the History of the Western Tradition, vol. I, Boston, 1959, p. 5.

страну и призывать к реставрации в ней «западных», то есть капиталистических, порядков¹. В качестве подобных поборников «европейской традиции» особенно рьяно выступают западногерманские реваншисты, и здесь являясь верными последователями гитлеровцев, как известно, постоянно кричавших о «защите европейской культуры от восточного большевизма». Так, один из западногерманских историков О. Лемберг, выяснив, что «Запад» включает, оказывается, в себя всю Восточную Европу, кроме СССР (и то без Украины), уверяет, что на «Западе» и «Востоке» всегда существовали даже принципиально различные «виды мышления». На этом «основании» Лемберг одобряет... гитлеровскую агрессию и, конечно, реваншистские требования боннских милитаристов².

Проблема сосуществования действительно имеет историю, но она не имеет ничего общего с этими антинаучными и нередко провокационными вымыслами. После победы в 1917 году Октябрьской революции в России впервые возникла проблема сосуществования государств, в которых наличествовал эксплуататорский строй и антагонистические классы, и Советской страны, где в процессе строительства социализма была окончательно ликвидирована эксплуатация человека человеком. Однако если вопрос о сосуществовании государств эксплуататорского и неэксплуататорского типа — это качественно новый вопрос, который был поставлен ходом общественного развития, то сосуществование эксплуататорских государств с разным общественным строем было постоянным явлением истории нового времени. Прежде реакционные историки мало или вообще не обращали внимания на эту сторону дела, вне зависимости от того, находились ли их симпатии на стороне буржуазно-демократических или феодальных государств. В последнее время можно отметить появление в современной реакционной историографии работ, в которых на материале истории XIX века показывается мнимая

¹ См. O. Halecki, *The Limits and Divisions of European History*, L. — N. Y., 1950; его же, *Imperialism in Slavic and East European History*, «*American Slavic and East European Review*», 1952, vol. XI. Грубая фальсификация истории. Халецким и его единомышленниками подвергалась критике даже американскими буржуазными учеными.

² См. E. Lemberg, *Ostropa und die Sowjetunion. Geschichte und Probleme*, Salzburg, 1956, SS. 28, 92—95 ff.

невозможность мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Доля истины здесь заключается в том, что, действительно, существование и феодальных, и капиталистических государств немислимо без захватнических войн. Военные конфликты между феодальными и капиталистическими государствами, в частности в Европе, порождались прежде всего не различием, а, напротив, сходством общественного строя в этих странах, основанного на эксплуатации человека человеком. Это не исключает, однако, и того, что возникали войны, в основе которых, по крайней мере частично, лежало различие социального устройства и стремление феодально-абсолютистских государств не допустить утверждения нового буржуазного строя. Таковы были в конце XVIII века войны феодальных государств Европы против Франции, в которой совершалась Великая буржуазная революция (хотя антифранцузскую коалицию возглавляла буржуазная Англия, стремившаяся наряду с удушением революции достичь и другой свсей заветной цели — утверждения колониальной, торговой и морской гегемонии). Таковы были и войны-интервенции Священного Союза против революций в Неаполе (1820 г.), Испании (1823 г.) и т. д. Однако подобного рода войны феодальные правительства вели лишь против буржуазных стран, переживавших революционный период утверждения нового строя. Превращение буржуазии в реакционный класс снимало такого рода противоречия между нею и силами феодальной реакции как внутри данной страны, так и на международной арене, и войны между буржуазно-консервативными и феодальными государствами возвращались по типу к «нормальным» военным конфликтам, обусловленным торговым, колониальным и т. п. соперничеством, и по существу не отличающихся от конфликтов между «однородными» в отношении социального устройства государствами эксплуататорского типа.

Как же трактуются эти проблемы современной буржуазной наукой? Во-первых, все усиливается тенденция (связанная с общим отказом буржуазии от ее прогрессивного прошлого) представить страны, переживавшие период революционной ломки старого строя, источником военной опасности. Так, А. Коббен («прославившийся» теорией, что Французская революция конца XVIII в якобы не

вызвала смену феодализма капитализмом!)¹ объявляет, что революционная Франция не была в состоянии жить в мире с остальной Европой. Английский историк рисует Францию периода революции агрессором, навязавшим войну «поочередно Австрии, Пруссии, Англии, Голландии, Испании». Чтобы очернить революцию, Коббен приписывает ей войны, которые велись не только Директорией, но и Наполеоном. Коббен уверяет, будто революция породила «тотальную войну, ничем не ограниченную в методах ее ведения»². Г. Риттер именовал французских революционеров «крайними империалистами и поджигателями войны», а также «милитаристами», поскольку они впервые создали «массовую демократию» и массовую армию для защиты революционного отечества, а предшественниками Гитлера объявляет революционеров 1848—1849 годов³.

На эту тему любят распространяться в Западной Германии и неофашисты, разъясняющие, что, мол, Французская революция пыталась насадить свои, пригодные лишь для Франции, принципы во всей Европе и нарушала «жизненные законы» развития европейских народов⁴. Американский историк Л. Холл возвел «агрессивность» в закон любой революции⁵.

Прежде для буржуазной историографии были характерны попытки представить империалистические войны XX века (особенно первую мировую войну) в виде национально-освободительных войн, характерных для периода подъема капитализма. Ныне буржуазные историки, в частности с целью фальсификации идеи мирного сосуществования, не брезгают и другим трюком, изображая в качестве империалистических войн освободительные войны, которые вела революционная Франция против интервентов. В результате даже современный милитаризм — типичное порождение политики реакционной буржуазии —

¹ См. A. C o b b a n, *The Myth of French Revolution*, L., 1955.

² A. C o b b a n, *An Age of Revolutionary Wars: a Historical Parallel*, «Review of Politics», 1951, Apr., pp. 132—133, 136.

³ См. G. R i t t e r, *Staatskunst und Kriegshandwerk*, München, 1954, SS. 63, 251 f., 273, 321 f.; е р о ж е, *Das Bismarck-Problem*, «Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisch Denken», 1950, Nr. 6, S. 669.

⁴ См. G. J u n k e r, *Die Französische Revolution und ihr Erbe*, «Nation Europa», 1957, June, S. 13.

⁵ См. L. J. H a l l e, *The Basic Aim of the Kremlin*, «New York Times Magazine», 1959, June 28, p. 42.

оказывается в работах реакционных ученых следствием Великой французской революции XVIII века¹. Буржуазные историки пытаются подойти к решению поставленной им фальсификаторской задачи и с другой стороны, в частности путем извращения истории Венского конгресса. Это собрание феодальных монархов и представителей торийского правительства Англии и даже конгрессы Священного Союза давно уже изображаются консервативными историками как первый опыт создания «международного правительства», «европейской интеграции» и т. п.²

Еще более «презентистскую» интерпретацию истории Венского конгресса попытался дать Г. Киссингер, приобретший в последние годы в США печальную известность как «теоретик» термоядерной войны. В своей статье, помещенной в журнале «Уорлд политикс» в 1956 году, и книге «Восстановление мира: Меттерних, Кэстльри и проблемы мира, 1812—1822» (Нью-Йорк, 1957 г.) Киссингер доказывает, что прочный мир немислим иначе, как между государствами с одинаковым социальным строем, которые не разделяют разногласия идеологического характера. Из всей этой реакционной фальсификации прямо вытекает и еще один «вывод», что «экспорт контрреволюции», который пытались осуществить (в конце XVIII в.) европейские монархи и действительно осуществлял «Священный союз» в 1820 годах, якобы способствовал умиротворению Европы. Недаром вдохновитель и организатор контрреволюционных интервенций Меттерних (а также его достойный коллега — английский министр иностранных дел Кэстльри) все более выдвигается в герои реакционной историографией. Некоронованный глава феодально-абсолютистской реакции Меттерних изображается многими реакционными историками как поборник «европейского объединения», который стремился превратить «воинствующих националистов в придерживающихся принципа терпимости

¹ См. C. H a u e s, *Modern Europe to 1870*, p. 519 and next. Католическая историография очень часто возвращается к этой теме, причем в роли обвинителя Французской революции как виновника... милитаризма и фашизма выступил недавно не кто иной, как выкормыш Ватикана Отто Габсбург в книге «Социальный строй завтрашнего дня». (См. «За рубежом», 22 октября 1960 г., стр. 27.)

² См. неоднократно переиздававшийся курс A. G r a n t and H. T e m p e r l e y, *Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries*, L., 1940.

европейцев»¹. Возвеличивая Меттерниха как предтечу восхваляемого ими НАТО, буржуазные историки нечаянно дают действительную характеристику Североатлантическому союзу как орудию реакционных сил для борьбы против социального прогресса и для «экспорта контрреволюции». Как не вспомнить при этом, что, объявляя любое народное восстание против реакционных режимов «угрозой мира», участники Североатлантического блока прямо провозгласили свое право на подавление «подрывной», то есть любой революционной деятельности, иначе говоря, право на «экспорт контрреволюции»; что американские государственные деятели выдвинули провокационную доктрину «освобождения» Восточной Европы, то есть реставрации там капиталистических порядков, что за последнее десятилетие этот зловещий «экспорт» империалистических порядков осуществлялся в Гватемале, Лаосе, Конго и многих других местах земного шара и что недавно США пытались осуществить его на Кубе.

Реакционная историография в искаженном свете рисует борьбу за мир, которую вели различные общественные силы в XIX и начале XX века, в частности гипертрофирует историческую роль пацифизма. Буржуазный пацифизм имеет длинную историю. Его зарождение относится к началу XIX века. Усиление масштабов военных конфликтов и, с другой стороны, рост политической активности все более широких общественных слоев населения стимулировали деятельность пацифистских обществ. Пацифистское движение, на первом этапе представленное отдельными частными обществами, постепенно создавало организации в масштабах целой страны, позднее стали созываться международные конгрессы пацифистов². Однако ни многочисленные международные съезды пацифистов, ни принимаемые ими широковещательные обращения к реакционным правительствам нисколько не препятствовали капиталистическим странам разворачивать подготовку и развязывать новые агрессивные войны. Буржуазно-интеллигентские руководители пацифистских организаций (не говоря уже о входивших в эти организации представителях крупного капитала, духовенства и т. д.) относились равнодуш-

¹ P. Viereck, *Conservatism Revisited. Revolt against Revolt. 1815—1949*, N. Y., 1949, p. XII.; ср. «*Journal of Modern History*», 1960, No 4, p. 333—339.

² Л. А. Комаровский, *Успехи идеи мира*, М., 1898, стр. 94.

но или даже прямо враждебно к рабочему движению. Поэтому очень часто бесплодный буржуазный пацифизм объективно превращался в средство отвлечения масс от революционной борьбы, в том числе и от борьбы против растущей военной угрозы. Характерно, что и для многих реформистов в рабочем движении проповедь буржуазно-пацифистских идей, в частности в 1914—1918 годах, в условиях, когда только революционные выступления пролетариата могли покончить с империалистической войной, была формой отказа от реальной антивоенной борьбы.

Буржуазная историография, игнорируя эти обстоятельства, представляет пацифистские организации как главную силу антивоенного движения, акцентируя вдобавок внимание на различных фондах, создававшихся в пропагандистских целях миллионерами под предлогом «защиты мира». В то же время преуменьшается, а часто и вовсе замалчивается та действительная борьба против милитаризма и войны, которую вело рабочее движение. Борцами против войны предстают не большевики во главе с Лениным, не Бебель, Жорес или К. Либкнехт, а миллиардер Карнеги и военный промышленник Нобель!¹

Буржуазная историография игнорирует роль народных масс в борьбе за мир. XX век — время огромного возрастания роли народных масс в истории, и в частности в международных отношениях современной эпохи. Еще К. Маркс указывал, что для осуществления своей исторической миссии пролетариат должен овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью правящих классов своих стран и в необходимых случаях противодействовать этой деятельности². Сто лет тому назад во время гражданской войны в США английский рабочий класс воспрепятствовал интервенции Англии в пользу южных рабовладельческих штатов, заставил правящие классы отказаться «от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана»³.

¹ См. J. R a e and T. M a h o n e y, *The United States in World History*, N. Y., 1955, p. 562.

² См. К. М а р к с, Учредительный манифест международного товарищества рабочих, основанного 28 сентября 1864 г. на публичном собрании, состоявшемся в Сент-Мартинс Холле, Лонг Эйкр, в Лондоне, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, *Избранные произведения*, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 343.

³ Т а м ж е.

Большую роль играли антивоенные выступления революционного пролетариата, движение «Руки прочь от Советской России!», выступления против мюнхенской политики сговора с фашистскими агрессорами, против колониальных войн, которые вели империалисты, и т. д. Не меньшее значение имела поддержка рабочим классом и всеми трудящимися массами стран антигитлеровской коалиции политики бескомпромиссной борьбы против фашизма, против антисоветских интриг американских и английских империалистов, мечтавших о сохранении реакционных режимов в Европе, освобождавшейся от фашистского порабощения. Общеизвестна огромная историческая роль всемирного движения в защиту мира, развернувшегося в послевоенный период. Образование мировой социалистической системы, крушение колониализма, мощный подъем революционного рабочего движения — все эти факторы в огромной степени усилили роль народных масс. Решительные выступления народов в защиту мира ныне способны пресечь попытки империалистических агрессоров развязать новую мировую войну.

Весь этот процесс возрастания роли масс в международных отношениях фактически целиком замалчивается буржуазной историографией, которая даже самое широкое движение современности — движение в защиту мира склонна изображать как результат происков «коммунистических агентов». Часть буржуазной историографии, в особенности клерикальные историки, откровенно выражают свою ненависть к народным массам. Католическая историография следует примеру Пия XII, разъяснившего, что массы «являются основными врагами демократии и ее идеалов свободы и равенства»¹. В буржуазной науке и публицистике (например, Липпман, Кеннан и др.) часто раздаются упреки народным массам в «капризности», «деспотизме», «непонимании высших национальных интересов» и т. п.

Однако большинство буржуазных историков предпочитает путь более изощренной фальсификации. Используя все ту же пресловутую теорию «старого» и «нового» капитализма, реакционная историография пытается выдать факт усиления роли народных масс в международных

¹ „Papal Pronouncement of the Political Order“, The Newman Press, 1952, p. 51.

отношениях за доказательство «народного», «демократического» характера внешней политики империалистических государств. Возрастание роли народных масс, проявляющееся в империалистических странах преимущественно в форме сопротивления реакционной политике господствующих классов, изображается как непосредственное участие в осуществлении этой политики, которая якобы определяется таким образом самим народом¹. Эта фальсификация тесно смыкается и с теорией «народного национализма», стремящейся возложить на народ ответственность за войны, империалистическую агрессию и колониальный разбой, порожденные капитализмом.

2

Политика мирного сосуществования по праву именуется народами всего мира ленинской политикой. Провозглашенная великим основателем Советского государства В. И. Лениным, она стала незыблемым принципом, которого последовательно и неизменно придерживалось и придерживается Советское правительство в своих действиях. Именно поэтому попытки «опровержения» и нападки на политику мирного сосуществования² реакционная историография начинает с фальсификации внешней политики нашего государства первых лет его существования, когда во главе Советского правительства стоял В. И. Ленин. Эта фальсификация, кроме того, является составной частью того систематического извращения истории ленинизма, которое все более становится одной из главных целей реакционной историографии. Так, профессор Гарвардского университета С. У. Пейдж, автор клеветнического сочинения «Ленин и мировая революция», где много места отведено извращению советской внешней политики, и другие реакционные историки признают, что рассматривают свои нападки на Ленина как сражение в «холодной войне», как попытку поколебать убеждения «интеллектуальных

¹ Ср. Т. В а i l e y, *The Man in the Street. The Impact of Public Opinion on Foreign Policy*, N. Y., 1948.

² В буржуазной науке можно отметить попытки построения «концепций» новейшей истории, совершенно замалчивающих проблему взаимоотношения двух социальных систем. (См. R. A l b e r e c h t-C a r r i e, *Perspective sur un quart de siècle. 1914—1939*, «Politique étrangère», 1958, No 3.)

лидеров» народов многих стран, которые не являются коммунистами, но для которых деятельность Ленина является воплощением «гласа истории и объективной истины»¹. Буржуазные исследователи строят фальсификацию истории советской политики этого периода на основе извращения идеологии ленинизма и истории русской революции. Иезуит Г. Веттер, «специалист» по критике коммунистической идеологии, пытается уверять, что Ленин стоял за «экспорт революции»..., поскольку он считал, что историческая необходимость не исключает «сознательного вмешательства революционеров»². Из того факта, что история творится людьми, никак не следует, что революционеры одной страны должны «подталкивать» революцию в других странах, в которых не созрели для этого объективные исторические условия. Все это, конечно, отлично известно рясносоному фальсификатору, готовому на любой подлог для оклеветания внешней политики СССР и идеи мирного сосуществования.

Для буржуазной науки органически присуще игнорирование тех закономерностей исторического развития, которые порождают объективную необходимость сосуществования социалистических и капиталистических государств, и изображение его в виде какого-то «подвоха» со стороны Советов, направленного на осуществление планов «коммунистической экспансии». Нет нужды подробно доказывать всю лживость этих утверждений. Пейдж уверяет, что целью Ленина и большевиков было установление мирового господства «под маской» мировой революции. Красная Армия якобы создана для завоевания Европы. Этот центральный пункт своей клеветы Пейдж старается снабдить оговорками, которые затруднили бы ее немедленное разоблачение. Учитывая невозможность игнорирования провозглашенной Лениным политики мирного сосуществования, Пейдж подыскивает ей такое «объяснение»: большевики просто решили «произвести революцию» в странах Востока, чтобы потом приняться за более медленно идущий по революционному пути Запад, отсюда, мол, и политика под-

¹ См. S. W. Page, *Lenn and the World Revolution*, N. Y., 1959, pp. XVII—XVIII; D. Treadgold, *Twentieth Century Russia*, p. 65 and next.

² См. G. A. Wetter, *The Soviet Concept of Co-existence*. «Soviet Survey», 1959, Oct. — Dec.

держания нормальных отношений с западными странами¹. Американский историк М. Флоринский в статье «СССР и Западная Европа» пишет, что, поскольку Советский Союз руководствуется доктриной марксизма-ленинизма, утверждающей неизбежность разрушения буржуазного общества, главным объектом советской внешней политики всегда являлось уничтожение капиталистического окружения². В этом «выводе» заключен тот подлог, который совершает не только Флоринский, но и его многочисленные единомышленники из числа реакционных историков и политиков. Таким образом, основой фальсификации политики мирного сосуществования является ложь об «экспорте революции», которой нам приходилось не раз касаться выше. Д. Кеннан избирает тот же путь. Он попросту пытается провести знак равенства между пролетарским интернационализмом, предусматривающим последовательную защиту права самоопределения всех наций³, и «экспортом революции». Но ведь подобное «отождествление» может обмануть лишь человека, не знакомого с азбучными истинами марксизма-ленинизма. Марксизм учит, что революции возникают как неизбежное следствие процесса социально-экономического развития конкретных исторических условий и не могут делаться по заказу⁴. Ликвидировать капиталистический строй было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие буржуазных стран. Творчески развивая великую теорию марксизма, В. И. Ленин создал учение о революционной ситуации, показывающее те объективные и субъективные причины, которые порождают революционный кризис. Для возникновения революционной ситуации необходимо, чтобы угнетенные трудящиеся массы осознали невозможность жить по-старому, а эксплуататорские классы не могли бы управлять по-старому⁵. Ленин учил, что победу в революции можно одер-

¹ См. S. W. Page, Lenin and the World Revolution, pp. 118, 152 and next.

² См. «Current History», 1959, Jan., p. 1.

³ О применении принципов пролетарского интернационализма во внешней политике социалистических стран см. Е. К о р о в и н, Пролетарский интернационализм в международной практике, «Международная жизнь», 1958 г., № 2, стр. 29—39.

⁴ См. Ф. Э н г е л ь с, Принципы коммунизма, К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 4, стр. 331.

⁵ См. В. И. Л е н и н, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 65.

жать, лишь когда самые широкие массы в результате собственного опыта переходят на позиции либо прямой поддержки, либо по крайней мере благожелательного нейтралитета в отношении революционного авангарда. Еще Ф. Энгельс писал, что победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать осчастливливания, не подрывая этим своей собственной победы¹. Напоминая эти слова Энгельса, В. И. Ленин подчеркивал как безусловный интернационалистический принцип в отношении к другим народам: «...Навязывать им осчастливление значило бы подрывать победу пролетариата»². Ленин резко бичевал антимарксистские теории «подталкивания» революции извне³.

Всего этого, конечно, не может не знать Д. Кеннан, который, чтобы как-то доказать свои выдумки, хватается за вырванную из контекста цитату из письма Ленина Объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов 3 октября 1918 г. Вспомним обстановку в октябре 1918 года, когда было написано это письмо. Империалисты Англии, Франции, США и их союзники развернули антисоветскую интервенцию, активно поддерживали белогвардейские армии. Войска интервентов захватили значительную часть территории Советской России. Германский империализм, продолжавший смертельную борьбу с империалистами стран Антанты, не отставал от них в деле антисоветской интервенции. Не ограничиваясь захватами по грабительскому Брестскому договору, германские империалисты оккупировали Украину, ворвались на Кавказ, строили совместно с царскими генералами планы удушения Советской республики. Но час разгрома германского империализма был уже недалек. Германия была беременна революцией, начало которой ускорялось вовсе не мифической «иностранный» пропагандой, а невиданными лишениями масс и приближающимся военным крахом. Империалисты Антанты открыто заявляли, что они не допу-

¹ См. Ф. Энгельс — К. Каутскому, 12 сентября 1888 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 356—357.

² В. И. Ленин, Итоги дискуссии о самоопределении, Соч., т. 22, стр. 337.

³ См. В. И. Ленин, Странное и чудовищное, Соч., т. 27, стр. 49; е г о ж е, Война и революция, Соч. т. 24, стр. 381.

стят социалистической революции в Германии, что их войска подавят всякую попытку перехода власти в руки германского пролетариата. В обстановке осени 1918 года для Советской республики на первый план выдвигались не вопросы мирного сосуществования, нарушенного агрессивней империалистов, а борьбы против интервентов и помощи другим жертвам империалистической интервенции. В цитируемом Кеннаном месте В. И. Ленин писал: «Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма. Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма»¹. Однако эта цитата (и еще в большей степени другие несколько абзацев из этого письма, на которые ссылается Кеннан) свидетельствует не за, а против измышлений американского историка. Совершенно очевидно, что в приведенном месте Ленин говорит о вполне возможном тогда случае — самообороне российского и германского пролетариата против контрреволюционной интервенции Антанты. Отвечая немецким социал-шовинистам, предвосхитившим «новейшие» обвинения реакционной историографии против коммунистов, Ленин еще в 1919 году высмеивал утверждение, «что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин»². В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что целью Советской России является мирное сосуществование со всеми народами, высказывался за экономические связи со всеми без исключения странами³.

Как известно, правящие классы капиталистических стран не были едины в своем отношении к Советскому Союзу. В буржуазных кругах боролись тенденции к прямому вооруженному конфликту и к сосуществованию с

¹ В. И. Ленин, Письмо Объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г., Соч., т. 28, стр. 83.

² В. И. Ленин, VIII съезд РКП(б), 18—23 марта 1919 г., Доклад о партийной программе 19 марта, Соч., т. 29, стр. 152.

³ См. В. И. Ленин, Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «New York Evening Journal», т. 30, стр. 340—341; е г о ж е, Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News», т. 30, стр. 32.

Советским государством. В. И. Ленин призывал к использованию противоречий внутри буржуазии для получения союзников, хотя бы неустойчивых и шатких, в борьбе за мирное сосуществование. Буржуазная историография, извращая историю, пытается выдать это за стремление Советского Союза «подрывать изнутри» другие страны, разжигать конфликты между капиталистическими государствами. Американский историк Г. Пэхтер утверждает, что, следуя концепции раскола мира, Ленин рассматривал войну между капиталистическими странами не как нарушение мира, а как ослабление врага. Пэхтер голословно уверяет, что якобы большевики в 20-х годах возбуждали национальное движение в Германии, Италии, Турции и вообще поощряли «подрывные силы», что мешало делу мира¹. Перед нами, таким образом, очередная попытка объяснить любую борьбу за национальные права «происками» большевиков, а самую эту борьбу — силой, враждебной международному сотрудничеству. Нечего говорить о том, что Пэхтер грубо фальсифицирует подлинные взгляды В. И. Ленина, указывавшего, что «вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»². Провозглашенный Лениным принцип борьбы за мир и сотрудничество между народами был и остается краеугольным камнем внешней политики СССР³.

Будучи не в состоянии опровергнуть эти незыблемые факты, некоторые буржуазные историки пытаются подвести и другие подпорки под свой карточный домик антисоветских вымыслов. Эти историки пытаются утверждать, что «первоначально» советская политика была направлена на насильственное насаждение коммунистического режима в других странах и, лишь потерпев неудачу, сменилась «тактикой» мирного сосуществования. Так, например, представляет дело реакционный историк У. Чемберлин в статье, посвященной периодизации советской внешней поли-

¹ См. Н. Р а с х т е г, *The Meaning of «Peaceful Coexistence», «Problems of Communism», 1961, Jan. — Febr., No 1, p. 2.*

² В. И. Л е н и н, VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г., Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря, Соч., т. 31, стр. 440.

³ См. В. М. Х в о с т о в, 40 лет борьбы за мир, Краткий очерк, Госполитиздат, 1958; С. Ю. В ы г о д с к и й, В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства, Лениздат, 1960.

тики¹. Подобные же вымыслы распространяют западно-германские историки Ханич, фон Раух и др. Буржуазные исследователи нередко пытаются даже привести дату, когда якобы произошло это изменение — часто называется при этом лето — осень 1920 года (т. е. время окончания советско-польской войны)², а иногда даже начало временной стабилизации капитализма (1924 г.)³.

В действительности же В. И. Ленин еще в трудах, написанных до 1917 года, научно доказал неизбежность периода сосуществования социалистических и капиталистических стран⁴. Принципы мирного сосуществования были воплощены в ленинском Декрете о мире, принятом сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Непреложные факты свидетельствуют, что Советское правительство оставалось верным этим принципам и в тяжелые годы гражданской войны и антисоветской интервенции. Советское правительство обращалось с мирными предложениями 5 августа 1918 г. к американскому представителю Пулю, 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону, 3 ноября, 7 ноября, 23 декабря 1918 г., 12 января, 17 января, 4 февраля, 12 марта, 7 мая 1919 г. — ко всем правительствам стран Антанты и т. д.⁵ На протяжении только 1918—1919 годов Советская Россия не менее одиннадцати раз официально предлагала странам Антанты вступить в переговоры о мире.

Нужно обладать твердолобостью «историка» Л. Шапиро, чтобы объявить все эти действия лишь прикрытием «экспорта революции»⁶.

«Теоретические» оценки, даваемые буржуазными учеными внешней политике СССР, не только не соответствуют действительности, но и противоречат одна другой. Вот некоторые примеры взаимоисключающих «тезисов», защищаемых реакционными учеными:

¹ См. «Russian Review», 1956, Apr.

² См. L. K o s c h a n, Russia, and the Weimar Republic, Camb., 1954, p. 31.

³ См. O. F l e c h t h e i m, Die Internationale des Kommunismus. 1917—1958, «Zeitschrift für Politik», 1959, Н. 3, p. 239.

⁴ См. В. И. Л е н и н, Военная программа пролетарской революции, т. 23, стр. 67.

⁵ См. В. И. Л е н и н, VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г. Проект резолюции по вопросу о международной политике, Соч., т. 30, стр. 169.

⁶ См. L. S h a p i r o, The Communist Party of the Soviet Union, p. 196.

«В основе советской внешней политики лежат общеизвестные агрессивные планы», — говорится в одной «теоретической» выкладке и тут же следует противоположная оценка: «Мотивы» внешней политики Советского Союза — это «загадка и секрет, помноженные на тайну».

«Политика Советского Союза определяется планами мирового коммунизма», — говорит один «ученый» муж, а другой утверждает, что «Советская внешняя политика основывается на русском шовинизме».

Или возьмем такие изречения:

«Корни внешней политики СССР — в извечном конфликте Западной и Восточной цивилизаций», но в то же время «политика СССР проистекает из советского характера».

С одной стороны, якобы «Советский Союз продолжает политику царизма», и здесь же противоположное утверждение, что «СССР порвал с умеренной политикой царизма, чтобы завоевать мировое господство».

Или еще: «Советский Союз стремится к безграничной экспансии из соображений престижа» и «СССР добивается стратегически выгодных границ».

Насколько не сходятся концы с концами, можно судить по таким глубокомысленным «выводам»: одни утверждают, что «Советский Союз ставит задачей овладение мировыми морскими путями», а другой, что «СССР стремится к господству в Евразии». Один считает, что «Советский Союз проводит жесткую политику», а другой убеждает, что «советская политика рассчитана на усыпление путем уступок бдительности Запада».

«Советская внешняя политика является негибкой, окаменелой», — вещает один; «Внешняя политика СССР отличается капризностью, изменчивостью», — открывает другой.

Одного осенило, что «советская политика определяется идеологией», а другой заявляет, ничтоже сумняшеся, что «политика Советского Союза целиком зависит от лиц, занимающих государственные посты», и т. д.¹

Все эти взаимоисключающие тезисы имеют единую легкую различимую антисоветскую основу.

Реакционные государственные деятели империалистических государств твердили и твердят, что якобы постоян-

¹ См. W. A. G l a s e r, Theories of Soviet Foreign Policy: a Classification of the Literature, «World Affairs Quarterly», 1956, July, pp. 128—146.

ной целью внешней политики СССР является завоевание мирового господства¹. Повторяя эти вымыслы, буржуазная историография пытается подвести под них научную базу, объявляя политику мирного сосуществования на всем протяжении ее истории лишь преходящей тактикой на пути к установлению «большевистского владычества» в мире².

Характеризуя историю взаимоотношений СССР с буржуазными странами, реакционные историки вопреки фактам пытаются изобразить капиталистический мир обороняющимся от большевистских «козней», что, мол, и определило его отношение к Советскому государству. Так, известный в США «исследователь» марксизма-ленинизма Р. Хэнт писал, что вследствие «поведения Советского Союза на протяжении его истории он вызвал враждебность или, по меньшей мере, подозрение всего свободного мира» (так американский автор, как и другие империалистические пропагандисты, именуется капиталистические страны). Действительно, правящие круги капиталистических государств враждебно отнеслись к возникновению Советского государства, уничтожившего у себя эксплуататорский строй. Однако в этот первый же период существования Советского государства истории известно не мнимое «вмешательство» Советской России в дела других стран, как это утверждает Хэнт, а вооруженная интервенция империалистических государств против Советской страны с целью реставрации в ней капиталистических порядков. В течение пяти лет интервенты топтали советскую землю, грабили и убивали жителей захваченных областей. Хэнт просто закрывает глаза на эти общеизвестные факты. «После Октябрьской революции, — читаем мы в статье Хэнта, — большевистский режим столкнулся с ужасными внутренними трудностями, и он не мог ничего выиграть от разжигания к себе неприязни Запада. Советские лидеры вполне могли перестраивать свою страну в соответствии с принципами, которых они придерживались, без возбуждения такой широкой враждебности. То, что делает правительство внутри страны, обычно рассматривается как его внут-

¹ См. «The Department of State Bulletin», July 28, 1958, p. 145.

² См. E. R. G o o d m a n, The Soviet Design for a World State, N. Y., 1960.

ренное дело»¹. Таким образом, одним взмахом пера американский «эксперт» стремится вычеркнуть из истории многочисленные отчаянные попытки империалистических государств реставрировать в России капиталистический строй: Вся история непрерывающегося стремления империалистических государств в разных формах — путем прямой вооруженной интервенции, поддержки белогвардейских банд, экономической блокады, политической изоляции и т. д. — добиться реставрации капитализма в России предстает в изображении фальсификатора истории как оборона от никогда не существовавшего советского вмешательства в дела других государств. В рамках этой теории исчезает даже борьба двух тенденций в правящих кругах капиталистических стран в отношении Советского Союза — борьбы сторонников и противников мирного сосуществования. Весь капиталистический мир предстает в виде невинной жертвы советских действий, только для обороны организовавшей враждебную блокаду и вооруженную интервенцию против СССР. И весьма характерно,

¹ «Problems of Communism», 1958, No 2, p. 14. Следует отметить, что ныне вообще буржуазная историография пытается всячески преуменьшить масштабы интервенции Антанты, особенно США. (См. G. К е п п а н, The Decision of Intervene, Princeton, 1958; R. W a r t h, The Allies and the Russian Revolution, Durham, 1954; B. U n t e r b e r g e r, America's Siberian Expedition 1918—1920, Durham, 1956; H. S e t o n - W a t s o n, From Lenin to Khrushchev, p. 48; J. V. D u r o s e l l e, Histoire diplomatique de 1919 a nos jours, P.; 1953, p. 40 etc). Западногерманские историки Г. фон Раух, Б. Мейснер и многие другие прямо одобряют германскую интервенцию как «освободительную миссию». Впрочем, иногда интервенцию открыто осуждают именно за то, что она была «недостаточной» по размерам и потерпела неудачу, причиной которой объявляется к тому же не героическая борьба советского народа, поддержанная международным пролетариатом, а ошибки антантовской дипломатии. (См., например, D. В г о г а н, The Price of Revolution, p. 52). Объективную картину американской интервенции против Советской России дают работы советских историков: А. Б е р е з к и н, США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России. (1918—1920 гг.), Госполитиздат, 1952; А. Г у л ы г а, А. Г е р о н и м у с, Крах антисоветской интервенции США. (1918—1920 гг.), Учпедгиз, 1952; А. Е. К у н и н а, Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. Госполитиздат, 1954; Г. К. С е л е з н е в, Тень доллара над Россией, Из истории американо-русских отношений, Воениздат, 1957 и др. Подробнее о фальсификации американскими буржуазными исследователями истории антисоветской интервенции см. А. Е. К у н и н а, Б. И. М а р у ш к и н, Миф о миролюбии США, стр. 103—145.

что совершенно подобные же теории проповедовала до Хэнта гитлеровская банда, чтобы обосновывать ими свою захватническую политику не только против СССР, но и против других стран. Хорошо известно, что все захватнические акты гитлеровской Германии Геббельс стереотипно мотивировал необходимостью защиты против «большевистской угрозы». (Эту тактику ныне целиком восприняли западногерманские реваншисты.)

На основе этой схемы, которая изображает капиталистический мир обороняющимся от несуществующей советской экспансии, реакционная историография оправдывает все агрессивные действия империалистов, включая интервенцию Антанты. Так, антисоветский «санитарный кордон», созданный империалистами Антанты для блокады СССР и подготовки новой интервенции, постоянно рисуется в качестве орудия против «советских попыток превратить русскую революцию в мировую революцию». Отсутствие «стабильности» в Европе, порожденное обострением общего кризиса капитализма, усилением империалистических противоречий, объясняют прежде всего политикой СССР¹. Напротив, реальная угроза Советскому Союзу со стороны империалистов США, Англии, Франции в 20-х годах является вымыслом или самообманом коммунистов, которые, мол, поддались этой «иллюзии», следуя идеологии марксизма-ленинизма². Именно поэтому, мол, коммунисты, даже когда они думали, что обороняются, в действительности пытались, чтобы ослабить своих мнимых противников, «увеличить беспорядок в мире»³. По утверждению реакционных историков, Советский Союз считал, что он должен «уничтожить всякие следы капитализма в мире или погибнуть». Реакционные ученые прямо пишут, что, мол, марксистская «легенда» о враждебности капиталистического мира использовалась Советским Союзом для экспансии, для проведения эгоистической политики, не ставящей ни во что интересы других стран и народов,⁴ и т. п.

¹ См. Н. Н о l b o r n, *The Political Collapse of Europe*, pp. 111, 113 and next.

² См. М. В e l o f f, *The Foreign Policy of Soviet Russia 1924—1941*, vol. II, L., 1949, p. 391.

³ См. D. B r o g a n, *The Price of Revolution*, p. 244.

⁴ G. B. d e H u s z a r and oth., *Soviet Power and Policy*, pp. 376—377.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции развернулся общий кризис капитализма. В течение долгого времени буржуазная наука пыталась игнорировать или объявлять временным, случайным явлением «нестабильность» в капиталистическом мире. Однако в условиях резкого обострения и углубления кризиса в наше время у буржуазных исследователей появилась другая, столь же фальшивая, концепция, согласно которой бурные революционные процессы, происходящие в капиталистических странах, и любые взаимоотношения двух социальных систем объявляются тождественными войне. «Мир находится в непрерывной войне с 1917 года», — писал один французский исследователь «войны нашего времени»¹. Политический смысл этого отождествления очевиден — это еще одна безнадежная попытка опровергнуть или ослабить значение факта мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Фактом, однако, является то, что с начала 1921 по 1939 год, то есть в течение двух десятилетий, Советский Союз (если не считать местных конфликтов — столкновения на КВДЖ, бои у Хасана и на Халхин-Голе) находился в состоянии мира с другими государствами. То же следует сказать и о более чем полуторадесятилетнем периоде после окончания второй мировой войны. Таким образом, период мирного сосуществования СССР с капиталистическим миром в целом достигает более чем 35 лет, полностью опровергая утверждение, что Советский Союз и буржуазные государства якобы находились в состоянии непрерывных военных конфликтов. Однако в свете своих фальсификаторских концепций буржуазная историография рисует всю линию развития и все изменения, которые претерпевала внешняя политика СССР, как серию «агрессивных» действий.

Основные принципы, на которых основывалась и основывается советская внешняя политика — политика социалистического государства, были незыблемо установлены со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Буржуазные историки, как мы видели, совершенно ложно освещают основные принципы внешней политики СССР. Некоторые из этих историков склонны вообще игнорировать существование этих неизменных основ и сосредоточивать внимание на переменах, происхо-

¹ См. J. H o g a r d, Cette guerre de notre temps, «Revue de défense nationale», 1958, août — sept., p. 1318.

дивших в политике нашего государства, искажая их смысл или выдавая эти перемены за изменение принципиальных основ внешней политики Советского Союза. Американский фальсификатор истории СССР У. Г. Чемберлин представляет советскую внешнюю политику постоянной и активной борьбы за мир и международное сотрудничество в виде смены периодов «агрессии» против капиталистического мира (1917—1921), «оборонительного изоляционизма» (1922—1933), ориентировки на народный фронт (1934—1938), «агрессивного изоляционизма» (1939—1941) и т. д.¹

Буржуазные историки вроде Г. Пэхтера клеветнически утверждают, будто бы советская политика мирного сосуществования имела как оборонительные, так и агрессивные элементы, что она служила прикрытием для наступательных действий против капиталистического мира. Политика мирного сосуществования якобы не была политикой международного сотрудничества. В 20—30-х годах, мол, Советский Союз уклонялся от участия в международной политике (так отражаются в кривом зеркале фальсификации попытки империалистов не допустить СССР к участию в решении международных проблем). Советский Союз был в это время якобы даже противником коллективной безопасности и заключал лишь пакты о ненападении с соседями, а не договоры о взаимной помощи (с кем, однако, должен был заключать подобные договоры Советский Союз — с государствами «санитарного кордона», служившими плацдармом великих держав для подготовки антисоветской интервенции?)². Буржуазные историки считают при этом удобным для себя не замечать ни последовательную борьбу СССР за разоружение³, ни неоднократные советские пред-

¹ См. «Russian Review», 1956, Apr., pp. 82—83. Некоторые буржуазные авторы стремятся изобразить советскую внешнюю политику (наряду с политикой капиталистических стран — США, Англии и др.) как постоянную смену тенденций к изоляционизму и к заключению союзов. (См., например, L. J. Halle, American Foreign Policy, L., 1960, pp. 1—5.) О научной периодизации истории СССР см. В. М. Хвостов, Основные этапы внешней политики Советского государства за сорок лет, «Новая и новейшая история», 1957 г., № 4; И. И в а ш и н, С. Е ш и н, О периодизации истории внешней политики СССР, «Международная жизнь», 1958 г., № 8, стр. 80—85.

² См. «Problems of Communism», 1961, Jan. — Febr., p. 3.

³ О борьбе Советского Союза за разоружение см. В. М. Х а й ц м а н, СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами), Изд-во АН СССР, 1959.

ложения, делавшиеся еще с 1922 года, о расширении экономических и культурных связей между всеми государствами Европы. Буржуазные историки лицемерно обвиняют СССР, что он рассматривал свое сотрудничество с другими государствами как временное, преходящее явление¹. В этом утверждении заключена очередная передержка. Виноват ли Советский Союз, что буржуазные страны нередко отказывались от заключенных ими договоров о сотрудничестве и союзе и снова возвращались на путь антисоветской политики, как это сделали, например, США, Англия и Франция после второй мировой войны? И мог ли Советский Союз, последовательно соблюдая все свои договорные обязательства, не учитывать тем не менее большой исторический опыт, демонстрирующий, сколь часто империалисты отказывались от собственных договорных обязательств, когда это соответствовало их интересам².

Очень характерны попытки новейшей западногерманской реакционной историографии извратить историю германо-советских отношений в 1919—1933 годах, являющихся примером мирного сосуществования. Реакционные историки Г. Ротфельс, П. Клюке, Т. Шидер, П. Ноак и др.³ всячески оправдывающие антисоветскую интервенцию германского империализма в 1918 году как «миссию освобождения», лгут, будто бы Советский Союз не выполнял условий заключенных соглашений, вмешивался во внутренние

¹ См. «Problems of Communism», 1961, Jan. — Febr., p. 3.

² Подлинную картину взаимоотношений между СССР и капиталистическим миром рисуют многочисленные исследования советских и прогрессивных зарубежных историков. Например, истории англо-советских отношений посвящены монографии: — Ф. Д. Волков, Англо-советские отношения (1924—1929 гг.), Госполитиздат, 1958; В. И. Попов, Англо-советские отношения. (1927—1929), Изд-во ИМО, 1958; А. Н. Красильников, Политика Англии в отношении СССР. 1929—1932 гг., Госполитиздат, 1959 и др.

³ См. «Zu den deutschen — russischen Beziehungen in Sommer 1918», «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1955, Nr. 1; «Historische Zeitschrift», Bd. 171, H. 3; T. Schieder, Die Probleme des Rapallo-Vertrags. Eine Studie über die deutsch-sowjetische Beziehungen 1922—1926, Köln, 1956; «Politische Studien», 1960, Nr. 117—118 и т. д. Подобные же взгляды развивают многие английские и американские историки — Д. Уиллер-Беннет, Л. Кочэн и др. Характеристику этой литературы см. у В. Б. Ушаков, Отношения между Советским Союзом и веймарской Германией в изображении западногерманской буржуазной историографии, «История СССР», 1959 г., № 5, стр. 182—190.

дела Германии, чтобы «произвести там революцию», что соглашения с Советским Союзом якобы ухудшали международные позиции Германии и т. д. Т. Шидер доказывает даже, будто договор в Рапалло (1922 г.) якобы носил агрессивный характер. В действительности поддержание мирных отношений и широких экономических связей с СССР вывело Германию из дипломатической изоляции, позволило освободиться путем переговоров от гнета Антанты, способствовало в годы кризиса 1930—1932 годов спасению от безработицы сотен и сотен тысяч германских рабочих¹.

Одним из методов фальсификации истории проблемы мирного сосуществования, а также апологии капиталистического строя и обоснования современной политики империалистических государств является изображение планов «интеграции Европы» межвоенного периода как якобы пути к установлению мира и экономического прогресса². В. И. Ленин еще в годы первой мировой войны показал, что попытки образования Соединенных Штатов Европы в условиях сохранения капиталистического строя могут означать лишь временное соглашение европейских капиталистов о совместных действиях против социализма и рабочего движения в Европе, о дележе и сохранении колоний³. «Паневропейское» движение в 20-х — начале 30-х годов было на деле прикрытием «локарнской» политики подготовки агрессии, планов антисоветской интервенции в 1929—1939 годах. «Паневропейская» пропаганда носила заостренно антисоветский характер и объективно была направлена на превращение Западной Европы в единый антисоветский военно-политический блок. Под маской «паневропейских»

¹ См. O. Winzer, *Der Rapallovertrag und seine nationale Bedeutung für Deutschland*, В., 1952; F. Klein, *Die diplomatische Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932*, В., 1954; А. Норден, *Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений*, М., 1959.

² См. R. Coudenhove-Kalergi, *An Idea Conquers the World*, L., 1953; A. Boyd, *Western Union*, Wash., 1949 и др. Теперь нередко буржуазные и реформистские авторы упрекают даже империалистических заправил Антанты — Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа, что они в 1919 году при составлении мирных договоров якобы пошли на поводу «принципа национальностей» и не превратили Лигу наций в паневропейское федеративное государство. (См. R. H. S. Crossman, *Government and Governed*, pp. 247—249.)

³ См. В. И. Ленин, *О лозунге Соединенных Штатов Европы*, Соч., т. 21, стр. 310—311.

проектов стремились приобрести гегемонию в послеверсальской Европе сначала французские реакционеры, а потом германские империалисты, опиравшиеся во многих отношениях на помощь влиятельных монополистических кругов США. Лозунги «объединения Европы» широко использовали и гитлеровцы во время подготовки к осуществлению своего разбойничьего нападения на Советский Союз¹. Возвеличивание планов «объединения Европы» отнюдь не случайно совпадает нередко с нападками на внешнюю политику СССР.

В числе других обвинений реакционные авторы упрекают советскую внешнюю политику, что она направляется «идеологией» и поэтому якобы страдает догматизмом. Так, Э. Б. Юлэм в статье «Советская идеология и внешняя политика» договорился, например, до утверждения, что «идеология» якобы привела к слабости советской внешней политики, поскольку та руководствовалась марксистской классовой меркой и не учитывала национальный и другие факторы. Нечего и говорить, что это вздорное и нелепое утверждение. Марксизм, конечно, не игнорирует национального фактора. Напротив, только трудами марксистов было создано научное понимание национального вопроса. Достаточно обратиться к примеру, приводимому Юлэмом, чтобы вскрыть всю фальшивость его утверждений. По мнению американского «теоретика», Советский Союз вследствие его «догматизма» с запозданием заметил угрозу, которую представлял гитлеризм, и недооценил «силу национального и демократического импульса, который побудил Запад смело выступить против Гитлера»². Это «открытие» Юлэма весьма типично для реакционных теоретиков, бесцеремонно отметающих общеизвестные факты в угоду своим неумным басням. Знание законов общественного развития вооружило советскую внешнюю политику пониманием характера гитлеровской власти как диктатуры наиболее агрессивных кругов финансового капитала, делавших ставку на подготовку новой мировой войны за передел мира в то время, когда дипломатия западных держав находилась и еще мно-

¹ Историю «паневропейских» проектов начиная с начала XIX века см. в работах: В. Б. К н я ж и н с к и й, Провал планов объединения Европы, Госполитиздат, 1958; E. T e r s e n, J. D a u t r i, Cl. Willard et J. Ch a m b a z, L'Europe (de Napoléon à nos jours). Mythes et réalités, P., 1954.

² «World Politics», 1959, Jan., p. 157.

гие годы продолжала находиться в плену иллюзий, что ей удастся «умиротворить» германский фашизм и направить его агрессию только против СССР. Н. С. Хрущев справедливо отмечал: «Еще в те дни, когда Гитлер, немецкие фашисты рвались к власти, наша партия и Советское правительство решительно разоблачали разбойничий характер фашизма, предостерегали народы о грозящей им опасности. Советский Союз был единственным государством, которое неустанно призывало обуздать фашизм, не допустить, чтобы он развязал новую мировую войну. В Лиге Наций, на антивоенных конгрессах громко звучал голос советских представителей, которые настойчиво призывали дать отпор фашизму, сплотиться для борьбы с надвигающейся военной катастрофой»¹. Марксистский подход позволил Советскому правительству ясно осознавать и то, что мюнхенская политика, проводившаяся правящими кругами США, Англии и Франции, находится в коренном противоречии с национальными интересами и демократическими убеждениями народов этих стран и неизбежно потерпит полный крах. Как хорошо известно, все это полностью было подтверждено историей.

Понимая нелепость обвинения советской политики в том, что она имела «идеологическую основу», многие буржуазные исследователи ссылаются на то, что коммунисты отвергают лжетеорию превращения старого капитализма в «строй благоденствия». На этом основании они утверждают, что внешняя политика СССР якобы основывалась на ложном представлении о положении в империалистических странах. В то же время эти «исследователи» пытаются уверять, что внешняя политика империалистических держав будто бы определялась не монополистическими кругами, а народами этих стран.

После этого, демагогически становясь здесь в позу «защитников народа», реакционные ученые, в других случаях пишущие о «народном национализме», заявляют, что народ не может вести агрессивную политику и если империалистические государства проводили враждебный курс в отношении СССР, то, следовательно, виноват в этом только Советский Союз. Стоит ли опровергать эту «теорию», если в защиту ее буржуазные авторы не в состоянии привести по сути дела ничего, кроме пустых заверений о

¹ «Правда», 22 июня 1961 г.

«демократическом» характере внешней политики империалистических стран.

Одним из наиболее излюбленных «доводов» антисоветских теоретиков, с помощью которого они надеются как-то придать видимость правдоподобия своим извращениям фактов, служит утверждение, будто внешняя политика Советского Союза является продолжением политики царизма. Всю лживость этого довода легко понять, вспомнив, что с первых дней своего существования Советская власть решительно порвала с внешней политикой царского и буржуазного Временного правительства. Советское правительство опубликовало тайные империалистические соглашения, заключенные империалистами Англии и Франции с царем о разделе Персии и Турции, отказалось от неравноправных договоров, навязанных царизмом Китаю и другим странам Азии. Советская власть провозгласила право самоопределения для всех народов, населявших территорию бывшей Российской империи, предоставила независимость Финляндии, Польше, Латвии, Литве, Эстонии. Советское государство установило равноправные отношения с угнетенными странами Востока — Китаем, Монголией, Персией, Турцией, Афганистаном и оказывало им поддержку в борьбе за свою свободу и независимость. Советский Союз неизменно выступал и выступает последовательным борцом за свободу, независимость и полное равноправие всех народов и наций. Отлично осведомленные обо всем этом, антисоветские «эксперты» предпочитают просто игнорировать неприятные для них факты и взамен их оперировать клеветой и подлогами. Приемы фальсификаторов истории не блещут умом и оригинальностью. СССР находится на территории бывшей царской империи и, разумеется, «продолжает» поддерживать отношения со странами, находившимися и находящимися на его границах. Поэтому достаточно «только» извратить смысл политики Советского Союза в отношении этих стран, чтобы представить ее продолжением царской политики. Здесь опять-таки под видом исследования советской внешней политики проводится по сути дела прямая апология империалистического экспансионизма, превращения граничащих или расположенных вблизи от границ Советского Союза стран в орудие антисоветской политики. Не менее распространен и другой прием. Внешняя политика дореволюционного русского правительства в определенные истори-

ческие периоды, например в эпоху Петра Первого, и в определенных вопросах была объективно направлена на решение исторически прогрессивных задач, в частности возвращение отторгнутых от России и жизненно важных для нее земель на Балтийском и Черном морях. Поскольку Советское правительство защищает законные права своего народа, антисоветские клеветники кричат о «преемственности» политики СССР по отношению к политике царского правительства. С помощью вымысла о преемственности буржуазная историография пытается извратить многие стороны внешней политики СССР в период как до, так и после второй мировой войны. Так, рисуя историю советско-польских отношений в межвоенный период, буржуазные историки отводят третьестепенное место агрессивным планам пилсудчиков, надеявшихся с помощью сначала французских империалистов, а потом гитлеровцев повторить окончившийся крахом в 1920 году поход на Украину. В изображении буржуазных историков СССР якобы постоянно стремился (в союзе с Германией) лишить Польшу независимости и при этом, как пишет известный английский историк Д. Уилер-Беннет в предисловии к книге Д. Френда, польшевики просто выступали преемниками... Екатерины II¹. Однако если где можно действительно обнаружить преемственность, то только в писаниях реакционных авторов, уныло переписывающих друг у друга давно опровергнутые антисоветские басни.

Очевидный провал «теоретической» клеветы против советской внешней политики побуждает фальсификаторов в последнее время выдвигать на передний план настойчиво распространяемую ложь о нарушении Советским Союзом подписанных им международных договоров. Почин взяла здесь на себя еще в 1955 году юридическая комиссия американского сената, пытавшаяся воспрепятствовать наметившемуся тогда оздоровлению международной обстановки. О служебной роли этого вымысла проговорилась влиятельная Американская юридическая ассоциация в опубликованном ею в феврале 1959 года отчете о «тактике, стратегии и целях» коммунизма. В этом отчете указывается, что Соединенные Штаты за последние 25 лет заключили многие международные соглашения, в которых участвовал СССР, причем якобы «Советская Россия нарушила почти все из

¹ См. G. F r e u n d, *Unholy Alliance*, L., 1957, p. XVII.

них». Так, в форме «исторической» клеветы на Советский Союз обосновывается давно известное требование крайних поборников политики с позиции силы не заключать никаких «бесполезных» соглашений с Советским Союзом, а усиливать гонку атомного и водородного вооружений, раздувать пламя «холодной войны».

Чтобы придать какое-то правдоподобие своим вымыслам, Американская юридическая ассоциация уверяет, что мнимое нарушение Советским Союзом своих договорных обязательств вытекает из... марксизма-ленинизма. «Коммунисты, — утверждает отчет, — следуют указаниям Ленина: „Обещания, что корка пирога: их на то и пекут, чтобы ломать потом“»¹. Авторы отчета сообщают, что цитата взята ими из статьи В. И. Ленина в газете «Пролетарий» от 10 октября (27 сентября) 1905 г. и находится на 294 странице 11 тома пятого Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Открывая 11 том на указанном месте, мы действительно обнаружим приведенную выше английскую поговорку (не так-то глупы опытные составители «Отчета», чтобы дать поймать себя на фальшивой сноске!). Однако для чего была приведена Лениным эта поговорка? Само собой разумеется, не для «указания коммунистам», а для характеристики политики буржуазных партий и меньшевиков, не только осуществлявших буржуазное влияние на рабочее движение, но и быстро приобретающих беспринципность, свойственную буржуазным партиям. А разве обещания научного беспристрастия и непредвзятости, которыми реакционные исследователи предваряют и заканчивают свои фальсификаторские антисоветские писания, не выполняют роль именно «корки пирога»?

Отлично сознавая, что на одной фальшивке далеко не уедешь, сочинители антисоветских басен стремятся притащить за волосы какие-либо «конкретные доказательства», которые могли бы ввести в заблуждение людей, не знакомых с историей международных отношений новейшего времени. Так, в одном из расплывшихся в США «антикоммунистических учебников» сведены в таблицу те случаи мнимого нарушения Советским Союзом договоров, в которые, по мнению автора учебника Колгроува, можно как-то заставить поверить неискушенного читателя². Эти несколько

¹ «Congressional Record», 1959, vol. 105, p. 1475-A.

² См. К. Colegrove, Democracy versus Communism, pp. 13—14.

примеров взяты из более чем 300 (!) «случаев» юридической комиссии сената, но и эти тщательно отобранные немногие примеры при первой же проверке оказываются чистой выдумкой.

Достаточно сказать, что американские сенаторы обвиняли СССР в нарушении Брест-Литовского договора 1918 года, навязанного молодой Советской республике германским империализмом. Всему миру известно, что по условиям перемирия, заключенного в ноябре 1918 года между Германией и Антантой, германское правительство отказалось от Брест-Литовского договора. Советское государство также денонсировало Брест-Литовский договор, потерявший всякое значение¹. В чем же выразилось тогда «нарушение» Советским Союзом этого договора? Оказывается, в том, что в 1920 году, отражая нападение белопольских войск Пилсудского, ворвавшихся на Украину, Красная Армия перенесла вооруженные действия на территорию Польши... Здесь даже знаменательно не то, что американские сенаторы, несмотря на образование Польского государства, рассматривают Польшу в качестве провинции кайзеровской Германии. По мнению юридической комиссии, всякое нападение на Советский Союз оказывается соответствующим международному праву, а оборона против империалистического нашествия и разгром агрессора на его собственной территории — «нарушением» международных договоров. Не слишком ли, однако, разоблачают сами себя авторы антисоветских поклепов, как поборники империалистической агрессии и разбоя?

Или чего стоит другой «пример»: СССР якобы нарушил советско-китайский договор о ненападении, заключенный в 1937 году. Нарушение выразилось в том, что (по соглашению с США, Англией и тогдашним центральным правительством Китая — об этом «забывают» упомянуть клеветники) в 1945 году Советский Союз разгромил на территории Маньчжурии находившуюся там японскую армию, которая воевала против Китая и много лет готовилась к нападению на СССР. Сколько договоров нарушили в таком случае США, войска которых во время второй мировой войны вступали на территории Франции, Бельгии, Голландии и многих других стран. Или американские сенаторы хотели бы,

¹ См. L. K o t z s c h, The Concept of War in Contemporary History and International Law, Genève, 1956, pp. 254—255. *

чтобы Советский Союз не выполнял своих обязательств перед США и другими странами антигитлеровского блока?

Не менее выдающимся является «открытие», что Советский Союз нарушил договор о взаимопомощи с Чехословакией, заключенный в 1935 году. Известно, что в 1938 году Англия и Франция, имевшая союзный договор с Чехословацкой республикой, при активном содействии США заключили с гитлеровцами Мюнхенское соглашение, в результате которого германские войска оккупировали Чехословакию. Один Советский Союз не только оставался верным своим договорным обязательствам в отношении Чехословакии, но даже был готов сделать больше, чем это предусматривалось договором 1935 года. Советское правительство уведомило Прагу, что оно готово оказать поддержку Чехословакии не только в случае предоставления помощи со стороны Франции (как это предусматривал советско-чехословацкий договор), но и в том случае, если французское правительство не выполнит своих договорных обязательств. В годы второй мировой войны Советская Армия освободила Чехословакию от гитлеровских захватчиков. Советские воины в мае 1945 года спасли Прагу от разрушения ее гитлеровскими варварами, а жителей чехословацкой столицы от истребления нацистскими головорезами. После выполнения своей освободительной миссии Советская Армия покинула территорию Чехословакии. В свете этих фактов поистине неприглядный вид имеют потуги американских фальсификаторов обнаружить «нарушение» договора 1935 года в факте воссоединения в 1945 году Закарпатской Украины с остальными украинскими землями, произведенном в связи с просьбой всего населения этой области на основе полностью добровольного и дружественного соглашения между Советским Союзом и Чехословакией.

Общезвестна огромная бескорыстная помощь, оказанная в послевоенные годы советским народом чехословацкому народу в хозяйственном и культурном строительстве, еще более укрепившая традиционную дружбу двух братских народов. Тесное сотрудничество Чехословакии и Советского Союза, также как нерушимая дружба и взаимопомощь всех стран социалистического лагеря, служит надежной гарантией безопасности чехословацкого государства против новых покушений со стороны западногерманских реваншистов, поощряемых из-за океана. Неумная клевета заокеанских «исследователей» отражает лишь их бессильную злобу при

виде искренней дружбы народов СССР и Чехословакии.

Среди клеветнических «примеров», отобранных Колгровым, стоит упомянуть еще один, поскольку по его подобию сфабрикованы и все остальные мнимые «случаи нарушений». В 1945 году Советский Союз заключил договор с китайским правительством. Через несколько лет после этого в Китае победила народная революция. Китайский народ сверг власть чанкайшистов и установил в своей стране новый, народно-демократический строй. Американские дипломаты любят цитировать слова выдающегося политического деятеля США Томаса Джефферсона, сказанные во время нахождения его на посту государственного секретаря: «Мы, конечно, не можем отрицать за любым народом то право, на котором основаны наши собственные права. Это — право каждого народа устанавливать удобную ему форму правления и изменять ее по собственной воле»¹. Признание Советским Союзом, как и многими другими странами, Китайской Народной Республики соответствовало этим общепризнанным нормам международного права. Советский Союз установил отношения дружбы и братства с Китайской Народной Республикой, возникшей по ясно выраженной воле всего китайского народа. Антисоветские «исследователи» поспешили и здесь отыскать «нарушение договоров». По их разъяснению, с каким бы единодушием не выбросил китайский народ со своей земли чанкайшистскую клику, Советский Союз «обязан» признавать в качестве правительства Китая политических марионеток, укрывшихся на оккупированном Соединенными Штатами китайском острове Тайвань и держащихся на американских штыках. Если следовать «логике» клеветников, то, например, нарушением международных договоров было признание многими европейскими державами США в годы войны за независимость против Англии, поскольку эти державы прежде заключали договоры с английским правительством. Почему не включить также в число злостных нарушителей договоров и первого американского президента Джорджа Вашингтона? Известно, что Вашингтон признал Французскую республику, хотя правительство США заключило в 1778 году союзный договор с правительством короля Людовика XVI, которого свергла с престола революция 1789—1794 годов. На протяжении истории США они сотни раз признавали

¹ «The Department of State Bulletin», Febr. 2, 1959.

правительства, приходившие к власти в результате различных революций и государственных переворотов, в частности в странах Латинской Америки. Если сосчитать все эти случаи, то наверняка можно обнаружить не 300, а во много раз большее количество «примеров» нарушений. Но исследователю внешней политики США нет нужды подобным путем «изобретать» нарушения международных обязательств, ибо он может в изобилии найти примеры действительного отказа Соединенных Штатов от соблюдения своих договорных обязательств.

Реакционные историки прекрасно осведомлены об этом. Недаром под аккомпанемент лживых обвинений в адрес Советского Союза они пытаются бездоказательно утверждать, что капиталистические страны, в частности США, «честно соблюдают свои договорные обязательства и международное право», что их поведение в этом отношении «благородно»¹. Но кому не известно, что США десятки и сотни раз вмешивались, например, во внутренние дела латиноамериканских стран, пытаясь поставить у власти лиц, угодных американскому капиталу, что ради этой цели войска США неоднократно высаживались на территории государств Центральной и Южной Америки. Все это факты, которые вошли в учебники истории и остаются неизвестными только авторам «антикоммунистических» изысканий вроде Колгроува. После второй мировой войны можно насчитать многие десятки случаев вмешательства США также во внутренние дела многих стран Европы, Азии, Африки. Даже Колгроув, начавший за здравие, кончает за упокой, признавая, что «в прошлом» США «не всегда соблюдали свои международные соглашения»². Это признание в его устах тем более знаменательно, что такое циничное пренебрежение к нормам международного права, как организация в 1954 году Соединенными Штатами с помощью наемных банд реакционеров интервенции против законно избранного правительства Гватемалы, Колгроув считает вполне похвальным шагом. Каковы же должны быть другие американские действия, которые не берется квалифицировать как законные даже этот присяжный адвокат антикоммунизма и политики «холодной войны»! Впрочем, среди реакционных историков можно найти и прямых защитников интер-

¹ См. К. Colegrove, *Democracy versus Communism*, p. 13.

² *Ibid.*, p. 16.

венционистской политики США, которая оценивается этими историками исключительно с точки зрения ее соответствия интересам империалистов¹. Эти историки, видимо, живут еще представлениями о временах, когда империалистическим силам удавалось душить освободительное движение народов. Но те времена безвозвратно ушли в прошлое. Могучий социалистический лагерь служит неодолимым препятствием на пути любителей «экспорта контрреволюции» и претендентов на роль мирового жандарма.

Распространение буржуазной историографией вымышленных обвинений по адресу Советского Союза служит лишь дымовой завесой для прикрытия империалистического характера политики США. Это становится особенно ясным, когда мы узнаем, что реакционные ученые обвиняют СССР в нарушении решений Потсдамской конференции 1945 года. Приводимая в качестве доказательства ложь, что советская военная администрация якобы «запретила» в Восточной Германии все партии, кроме Коммунистической, слишком уж очевидна, чтобы на ней останавливаться: хорошо известно, что в политической жизни Германской Демократической Республики участвует наряду с Социалистической единой партией Германии также христианско-демократический союз, либерально-демократическая партия, национально-демократическая партия, демократическая крестьянская партия, представляющие различные социальные группы. Показательно и другое «доказательство»: СССР «уступил» Польше территорию восточнее Одера и Нейссе. Между тем именно в решениях Потсдамской конференции говорится о проведении польско-немецкой границы по Одере и Нейссе². Здесь вымыслы о нарушении Советским Союзом договоров прямо смыкаются с натравливанием германских реваншистов на Польшу и другие миро-

¹ См. D. Graber, Crisis Diplomacy. A History of U. S. Intervention Policies and Practices, Wash., 1959. В американской буржуазной историографии уже давно проводится фальсификаторская версия о мнимом «бескорыстии» американских интервентов, якобы принципиально отличных от других империалистических захватчиков. (См. S. Bemis, A Diplomatic History of the United States, N. Y., 1950.) Критику этой «традиционной» фальсификации см. в статье Л. И. Зубок, Апология американской империалистической реакции в трудах С. Бемиса, «Вопросы истории», 1954 г., № 1.

² См. «Внешняя политика Советского Союза в период отечественной войны», т. III, 1947, Госполитиздат, стр. 351.

любимые государства. Фарисейски обвиняя СССР в восстановлении немецких военных сил в Восточной Германии, Колгроув и ему подобные ни единым словом не упоминают о возрождении агрессивной западногерманской армии. По официальным данным, все генералы и адмиралы западногерманского бундесвера служили в гитлеровской армии в чине не ниже полковника. В бундесвере нет ни одного офицера рангом от капитана и выше, не служившего в гитлеровском вермахте. Семь генералов и адмиралов бундесвера были ранее осуждены как военные преступники. Многие офицеры и генералы, занимающие высшие командные посты в бундесвере, совершили тяжчайшие военные преступления, отдавали приказы о чудовищных расправах с мирным населением (Хойзингер, Каммхубер, Ферч и др.). На Женевском совещании министров иностранных дел в мае—июне 1959 года государственный секретарь США определил численность бундесвера в 235 тыс. человек. В начале 1961 года эта цифра возросла уже до 354 тыс. Однако в действительности к указанному числу надо прибавить так называемые территориальные войска и резервистов. В Западной Германии действует более 1200 союзов бывших гитлеровских офицеров. Уже в октябре 1958 года на западногерманской территории насчитывалось 220 площадок для запуска атомных снарядов.

В ответ на формирование бундесвера в Западной Германии правительство Германской Демократической Республики должно было в интересах обороны государства принять решение о создании национальной народной армии. Ее численность составляет 90 тыс. человек, 80% личного состава этой армии не служили в войсках Гитлера, 12% служили рядовыми и 7% — унтер-офицерами. Кто же в свете этих фактов «нарушил» Потсдамские соглашения, предусматривающие демилитаризацию и денацификацию Германии, Советский Союз или США и их союзники по НАТО?

3

Буржуазная историография упорно пытается возложить вину за «холодную войну», развязанную империалистами, на Советский Союз¹. Она полностью игнорирует общеиз-

¹ Разоблачение этого фальсификаторского тезиса буржуазной историографии см. также в книге: А. Е. К у н и н а, Б. И. М а р у ш к и н а, Миф о миролюбии США, стр. 247 и след.

вестные факты, что еще в конце второй мировой войны Черчилль строил планы новой войны против СССР в союзе с германскими империалистами, что Трумэн сразу после войны выдвинул притязания США на мировое господство, что американские и английские империалисты уже в 1945 году встали на старый путь открыто антисоветской политики, атомной дипломатии и т. д. «Холодная война», уверяет Сетон-Уотсон, вызвана природой коммунизма. «Это не политика, избранная Западом, которую тот может принять или отвергнуть». Очень показательны, что реакционный историк жалуется при этом на рост «непонимания» среди народных масс на Западе этой «истины» и на убеждения, что можно жить в мире и сотрудничестве с Советским Союзом)¹ Для борьбы против этого досадного с точки зрения реакционных сил «непонимания» буржуазная историография стремится доказать, будто поддержание международной напряженности, враждебных отношений между социалистическими и капиталистическими странами якобы соответствует мировоззрению коммунистов. «Холодная война,— утверждает американец Ф. Гросс,— это применение коммунистических и тактических концепций в масштабе всего мира»². Как же доказать, что СССР не придерживался политики мирного сосуществования после второй мировой войны? Гросс находит не одно, а целых шесть «доказательств». Они настолько показательны, что их стоит перечислить. Это, во-первых, «коммунистическая пропаганда», во-вторых, «проникновение» коммунистов в профсоюзы буржуазных стран и государственные учреждения, в-третьих, стачечное движение и рабочие волнения во Франции, Италии и других странах, в-четвертых, народно-демократические революции, в-пятых, партизанская борьба в Греции, Малайе и Индокитае и т. д. и, наконец, война в Корее³. В этот примечательный список включено, как мы видим, все — и рабочее движение в капиталистическом мире, и социальные революции, являвшиеся закономерным следствием исторического развития различных стран, и граж-

¹ См. Н. Seton-Watson, *From Lenin to Khrushchev*, pp. 384—385.

² F. Gross, *The Seizure of Political Power in a Century of Revolution*, p. 296. Французский журнал «Эспри» объявил даже, что мирное сосуществование—это просто «продолжение „холодной войны“ другими средствами». (См. «L'Esprit», 1960, mars, p. 403.)

³ См. F. Gross, *The Seizure of Political Power in a Century of Revolution*.

данские войны, и национально-освободительная борьба народов колониальных стран, и война, развязанная американскими агрессорами против корейского народа, и даже фантастические измышления о коммунистическом проникновении в правительство США, добытые в результате маккартистской охоты на ведьм. С таким же успехом Гросс мог добавить к этим доказательствам происшедшие уже после выхода его «труда» солнечное затмение или землетрясение в Чили.

Следуя этой «логике», Р. Боун из Гарвардского университета нападает на советскую концепцию мирного сосуществования за то, что она связана с признанием неизбежности конечного торжества коммунизма¹, то есть с признанием объективно существующих законов общественного развития, на которые сознательно закрывает глаза буржуазная наука.

Объявить весь поступательный ход всемирно-исторического развития «коммунистическим заговором» или «советской экспансией» — к этому по сути дела сводится вся «методология» той части реакционных ученых, которые пытаются увековечить «холодную войну» и посеять сомнения в возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Каждый из «факторов» Гросса является объектом многочисленных книг, нацеленных на доказательства мнимой невозможности сосуществования. Так, скажем, в работе реакционного чешского эмигранта Корбела по послевоенной истории Чехословакии доказывалось, будто победа социализма в этой стране якобы является свидетельством, что сосуществование приводит к «коммунистическому заговору»¹. Оценивая эту фальшивку, американский журнал, посвященный истории Восточной Европы, с удовлетворением отмечал: «Книга ставит целью показать невозможность сосуществования с коммунизмом и что оно является у него средством для завоеваний»².

Более умные из реакционных исследователей понимают, что обвинения СССР в попытке «завоевать» капиталистические страны путем новой войны ныне не встречают доверия даже у самых наивных людей. Поэтому эти буржуазные

¹ См. «L'Esprit», 1960, mars, p. 377.

² См. J. K o r b e l, The Communist Subversion of Czechoslovakia. The Failure of Co-existence, Princeton, 1959.

³ «American Slavic and East European Review», 1960, Oct., p. 454.

авторы пытаются представить СССР стремящимся к захвату капиталистического мира с помощью политических, экономических и идеологических средств¹.

Часть буржуазных историков стремится, основываясь на фальсификаторском тезисе об исконной враждебности советской внешней политики в отношении всех несоциалистических стран, которая якобы вытекает из марксистско-ленинского учения, доказывать нереальность мирного сосуществования, пока коммунисты не откажутся от своей идеологии. Вряд ли сами буржуазные ученые верят в возможность отказа коммунистов от великого учения марксизма-ленинизма. Скорее из невозможности этого «отказа» буржуазные авторы хотели бы вывести мнимую невозможность ликвидации «холодной войны»². Уже упоминавшийся выше В. Конце на основе своих «исторических изысканий» прямо приходит к выводу, что пока коммунисты не откажутся от веры в победу коммунизма, от США и других капиталистических стран нельзя ждать ничего иного, как продолжения гонки вооружений...³

Конечно, внешняя политика социалистических и капиталистических стран имеет в корне противоположные идейные основы. Однако идеология марксизма-ленинизма предполагает возможность мирного экономического соревнования двух систем, а также ставит вопрос о том, чтобы идеологические противоречия не решались путем войны. Ленинский принцип экономического соревнования социалистических стран с капиталистическими странами в условиях мирного сосуществования всегда составлял незыблемую основу внешней политики Советского Союза.

От начала и до конца лживы попытки буржуазных историков возложить на СССР ответственность за разрыв после второй мировой войны торговых связей между странами империалистического и социалистического лагерей. В крайнем случае буржуазные историки пишут, что «холодная война» (вину за которую они опять-таки клеветнически стремятся свалить на Советский Союз) привела к этому свер-

¹ См. W. K u l s k i, Peaceful Co-existence, Chi., 1959, p. XX.

² См. «Revue internationale des sciences sociales et cooperation pacifique», v. XII, No 2; M. B e l o f f, The Great Powers. Essays in Twentieth Century Politics, L., 1959, p. 14.

³ См. «Aus Politik und Zeitgeschichte», Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 9. März 1960, S. 152.

тиванию торговли¹. В действительности, как хорошо известно, США вскоре после окончания войны встали на путь организации экономической блокады Советского Союза и стран народной демократии, не гнушаясь даже прямыми провокациями вроде незаконного задержания в американских портах советских торговых кораблей и т.п. В результате американской политики дискриминации товарооборот между США и СССР с 1946 по 1951 год сократился в шесть с лишним раз. В 1951 году американское правительство односторонним актом разорвало все торговые соглашения между США и Советским Союзом. 2 июня 1951 г. американский конгресс одобрил закон, согласно которому страны, получающие так называемую экономическую и финансовую «помощь» США, обязывались фактически порвать торговые отношения с Советским Союзом и странами народной демократии. Список товаров, которые США запрещали своим «союзникам» продавать странам социалистического лагеря, включал почти все товары, обращающиеся в международной торговле. Хорошо известно, что блокада, ставившая целью приостановить экономическое развитие стран социализма, окончилась полнейшим крахом. Экономика социалистических стран, набирая все более высокие темпы, развивалась и развивается в 4—5 раз быстрее, чем экономика капиталистических стран. Уже в ближайшем будущем Советский Союз превратится в первую промышленную державу мира, социалистическая система будет выпускать более половины мировой промышленной продукции. Не осознание ли этого факта заставляет часть буржуазных ученых прибегать ныне к неумному трюкачеству, заявляя, будто в нашу эпоху «экономика» потеряла прежнее значение и что решающей является «политика»².

Д. Кеннан, один из тех буржуазных идеологов, которые склонны в демагогических целях утверждать, что капитализм и социализм приобрели якобы общие черты, уверяет, что вопрос о социальном строе, «о владении средствами производства и распределении богатства» имеет для Запада второстепенное значение. На этом основании Кеннан отрицает существование у империалистов Запада намерения реставрировать в социалистических странах капитализм.

¹ См. S. B. Clough, The Economic Development of Western Civilization, p. 464.

² См. S. Hoek, Was hat uns Karl Marx heute noch zu sagen, «Politische Studien», 1960, Juni, S. 366.

Кеннан требует, якобы в интересах мирного сосуществования, отказа от «коммунистических позиций» в освещении новейшей истории США и Западной Европы — то есть от бесспорного вывода, что современное капиталистическое государство является орудием монополий¹.

Формально Кеннан готов признать, что сосуществование может базироваться лишь на признании государственного суверенитета и на невмешательстве во внутренние дела каждой страны. Однако тут же он требует этого вмешательства со стороны Советского Союза и при том... в интересах контрреволюции, то есть в интересах восстановления в Восточной Европе «западной демократии» — иное название для реставрации капитализма — и требует «указаний» коммунистическим партиям капиталистических стран прекратить борьбу за социализм. Эти требования Кеннана отражают ту трактовку вопроса о мирном сосуществовании, которой придерживается правительство США.

Изменения в обществе — это объективный процесс прогрессивного развития, смены социально-экономических формаций, который невозможно остановить никакими преградами. Попытки империалистов оказывать поддержку реакционным силам в других странах представляют собой нарушение основных принципов международного права и полностью противоречат идее мирного сосуществования, поскольку невмешательство во внутренние дела всех стран является необходимым условием мира.

Западногерманские историки-реваншисты подбирают исторические примеры, призванные подтвердить, что мирное сосуществование — это якобы только временное перемирие, «холодная война» перед «горячей» войной, и на этой основе оправдывают превентивные войны².

Формирование замкнутых военных блоков изображается в виде якобы исторически доказанного «фактора мира» (В. Конце, П. Рассов), хотя именно существование таких блоков и привело непосредственно к началу первой мировой войны³.

¹ См. «Foreign Affairs», 1960, Jan., pp. 175—176; ср. «Ost-Europa», 1961, Nr. 4—5, p. 278 ff.

² Ср. V. E. J e i s m a n, Das Problem des Präventivkrieges im europäischen Staatensystem mit besonderen Blick auf die Bismarck Zeit, München, 1959.

³ В буржуазной литературе распространена фальшивая теория, что относительный мир в Европе в 1815—1914 годах был следствием только «равновесия сил» соперничавших держав. (См.

Столь же фальшив тезис буржуазной историографии, будто мирное сосуществование и прогресс могут быть осуществлены путем объединения и тем самым усиления Западной Европы¹. Этот тезис дружно защищают открытые консерваторы и правые социалисты, неолибералы и недобитые гитлеровцы, клерикальные историки и проповедники современного ревизионизма. На практике цели «европейской интеграции» не имеют ничего общего с задачами повышения благосостояния народных масс и интересами международного мира.

В капиталистическом мире не прекращается борьба двух параллельно существующих тенденций — стремления к объединению для борьбы против социализма и усиление и обострение противоречий между империалистическими странами. В основе «европейской интеграции» лежат временные соглашения между ведущими монополиями. Оформляя эти международные соглашения монополистов в виде государственных договоров, финансовый капитал стремится использовать не только «свое» государство, но и «объединившиеся» с ним другие государства Западной Европы. Подлинными целями проповедников интеграции является не объединение, а, напротив, углубление раскола Европы, образование союза монополий против рабочего движения и социального прогресса, усиление гонки вооружений и укрепление агрессивного Североатлантического блока. Эта «интеграция», широко использовавшаяся американским империализмом в осуществлении его агрессивной политики, в последние годы все более становится также прямым орудием западногерманских реваншистов, стремящихся таким путем захватить ключевые позиции в экономике капиталистических стран Европы. «Европейское объединение угля и стали» (ЕОУС), создание «общего рынка», «Евроатом» и другие соглашения и планы «объединения Европы» не только не привели к устранению империали-

P. N i t z e, Coalition Policy and the Concept of World Order, «Alliance Policy in the Cold War». Ed. by A. Wolfers, Baltimore, 1959, pp. 16—17.)

¹ A. J. Z u r c h e r, The Struggle to Unite Europe. 1940—1958, N. Y., 1958; E. B. H a a s, The Uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces. 1950—1957, L., 1958. Иногда сторонники интеграции доходят до фантастического утверждения, что вторая мировая война, во время которой происходила героическая борьба народов за национальную независимость, якобы разрушила в Европе «идол национального суверенитета». (См. «European Integration». Ed. by C. G. H a i n e s, Baltimore, 1957, p. 43.)

стических противоречий между их участниками, но, напротив, еще более обострили эти противоречия.

Очень характерно, что лицемерные разглагольствования идеологов «интеграции» о том, что она положит конец национальной розни, безработице и нищете, сопровождаются одновременно как ссылками на необходимость объединения Европы для защиты от мифической «советской угрозы», так и требованиями вполне реального усиления гонок вооружений.

Существование в нынешнее время — это форма «агрессии» коммунизма, борьбы за мировое господство без войны, твердят реакционные историки. Коммунисты, в частности, мол, таким путем стремятся заставить нейтральные страны допустить «коммунистическое проникновение» и помешать вступать в «оборонительные союзы» с Западом; все это — попытки захватить без войны одну за другой позиции Запада и т. п.¹ Таким образом, пройдя полный круг фальсификаторских измышлений, буржуазные ученые опять возвращаются к изображению в качестве «подрывных действий» коммунистов всех прогрессивных изменений, происходящих в мире, — вступление бывших колоний на путь самостоятельного развития, социальные реформы и т. д.

Искажая решения XX съезда КПСС, «специалисты» по антисоветским провокациям уверяют, будто, по мнению коммунистов, в случае, если капитализм окажет сопротивление утверждению социалистического строя, «война и насилие неизбежны»². Фальсифицируя точку зрения КПСС, реакционеры сознательно смешивают вопрос о возможности предотвращения новой мировой войны с вопросом о возможности мирной победы социализма в отдельных капиталистических странах. Коммунистические партии не скрывали и не скрывают своего убеждения, что в случае применения реакционными кругами насилия против народа собственной страны в данной стране возможен немирный переход к социализму. Однако это особый вопрос, который только фальсификаторы могут отождествлять с совершенно другим вопросом — о возможности преградить дорогу новой мировой войне.

Буржуазные авторы всячески пытаются доказывать, что СССР ранее придерживался принципов мирного сосу-

¹ См. «Problems of Communism», 1961, Jan. — Febr., pp. 6—8.

² См. К. Colegrove, Democracy Versus Communism, p. 367.

существования только тогда, когда был слабым, а теперь объявляет о возможности предотвратить войну лишь из-за существования НАТО и водородной бомбы¹. Однако клеветники никак не могут объяснить, что в период, когда соотношение сил на международной арене было заведомо менее благоприятным для Советского Союза, чем ныне, когда существовала монополия США на атомное оружие (1945—1948 гг.), КПСС не выдвигала вопроса о возможности предотвращения войн. Напротив, этот вопрос встал не вследствие «слабости» СССР, а благодаря резкому изменению в соотношении сил в пользу СССР и всех стран социалистического лагеря. Еще более злостным измышлением является изображение вывода о возможности предотвратить войну как «пропагандистского маневра» коммунистов². «Наше стремление к миру и мирному сосуществованию,— подчеркивал Н. С. Хрущев,— обуславливается не конъюнктурными и не тактическими соображениями. Оно вытекает из самой природы социалистического общества, в котором нет таких классов или социальных групп, которые были бы заинтересованы в наживе с помощью войны или захвате и порабощении чужих территорий. Советский Союз и другие социалистические страны благодаря своей социалистической системе имеют неограниченный внутренний рынок и поэтому у них нет основания вести экспансионистскую политику завоевания и подчинения других стран своему влиянию»³.

XХ съезд КПСС сделал вывод огромного теоретического и практического значения, что в наши дни не существует фатальной неизбежности войн. Время, как было подчеркнуто на XXII съезде партии, полностью подтвердило этот вывод. Существование в нашу эпоху огромных сил, способных нанести поражение любому империалистическому агрессору в случае, если он развяжет новую мировую войну, коренным образом изменило международную обстановку. История подтвердила вещи слова В. И. Ленина о превращении «диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять

¹ См. «Ideology and Foreign Affairs», Wash., Jan. 17, 1960, p. 15.

² См. L. S h a p i r o, The Communist Party of the Soviet Union, p. 585.

³ Н. С. Х р у щ е в, О мирном сосуществовании, Госполитиздат, 1959, стр. 7.

всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)»¹.

Решительная позиция СССР и других социалистических стран, всех миролюбивых сил привела к краху англо-франко-израильской интервенции против Египта, предотвратила агрессию против Сирии и Ирака. Опираясь на поддержку антиимпериалистических сил, решительный отпор агрессорам оказал народ Лаоса. Кубинский народ разгромил высадившиеся на его землю банды наемников американских монополий. Каждый раз, когда империалисты ставили человечество на грань военной катастрофы, благодаря решительным действиям Советского Союза и всего социалистического лагеря, активным выступлениям миролюбивых сил во всех странах удавалось пресечь происки империалистов, обуздать агрессоров и воспрепятствовать развязыванию новой войны. Буржуазные историки приписывают КПСС и Советскому правительству утверждение, что мир можно сохранить только в случае победы коммунизма в мировом масштабе². Кого хотят обмануть фальсификаторы истории, когда всем известно, что КПСС и все международное коммунистическое движение придерживаются идеи мирного сосуществования. Коммунистическая партия Советского Союза неоднократно подчеркивала, что в результате осуществления экономических планов СССР и всех социалистических стран Европы и Азии будут созданы реальные возможности для устранения войны как средства решения международных вопросов. Еще до полной победы социализма на земле война может быть исключена из жизни человеческого общества.

Социалистические страны и коммунистические партии всего мира ведут упорную борьбу за осуществление великой исторической миссии — сохранения мира.

4

Вся буржуазная концепция периода после 1945 года базируется на мифе об «угрозе» со стороны СССР. Этот лжи-

¹ В. И. Ленин, Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам, Соч., т. 31, стр. 126.

² См. L. S h a p i r o, The Communist Party of the Soviet Union, p. 559.

вый миф используется не только для того, чтобы оклеветать внешнюю политику СССР и социалистического лагеря, но и представить в полностью искаженном свете всю историю международных отношений после окончания второй мировой войны. При этом используется как «метод» прямой лжи, так и прием фальшивой интерпретации событий послевоенного периода.

Как уже указывалось, по существу все прогрессивные события современности — от образования мировой социалистической системы, развития международного рабочего движения, национально-освободительных движений (по крайней мере в тех странах, где оно перерастало в вооруженную борьбу против империализма) и до внутриполитической борьбы в самых различных государствах — объявляются следствием «происков» Советского Союза. Одновременно целый ряд агрессивных действий западных держав превращается под пером мастеров фальсификации в «советскую агрессию». В качестве примера можно привести американскую интервенцию в Корею и раскол Германии, произведенный западными державами под эгидой США. В тех случаях, когда нелегитимно с помощью простой лжи изображать Советский Союз совершающим агрессивные и экспансионистские действия, в действительности осуществлявшиеся империалистическими державами, применяется метод фальшивой интерпретации. Он сводится к стереотипному изображению этих империалистических действий как «обороны» от несуществующей советской угрозы¹. В таком свете представлена история создания и развития Североатлантического блока буквально во всех работах реакционных историков². Противодействие народных масс Западной Европы сколачиванию этой агрессивной военной группировки, даже выступление правительств отдельных стран — участниц НАТО против особо бесцеремонных форм попрания американской военной государственной суверенитета, колебания этих стран в вопросе о размещении на своей территории ракетного оружия или в отношении к политике возрождения западногерманского милитаризма, объ-

¹ Например, так прямо и характеризует всю политику империалистических государств после 1945 года американский исследователь К. Томпсон. (См. К. Т h o m p s o n, *Political Realism and Crisis of World Politics*, Princeton, 1960, p. 246.)

² См., например, М. В a l l, *NATO and the European Union Movements*, L., 1959.

является может быть иногда извинительными сомнениями, но по существу лишь досадными помехами в деле, служащем интересам «атлантической цивилизации». В таком же духе излагается история остальных агрессивных блоков, сколоченных США,— СЕНТО, СЕАТО и др.

Под этим же углом зрения фальсифицируется в реакционной историографии вся история Организации Объединенных Наций. Несмотря на оговорки о необходимости использования ООН в качестве органа сотрудничества между всеми народами, реакционные авторы всем ходом изложения ее истории подводят читателя к мысли, что главная цель Организации Объединенных Наций — борьба против «международного коммунизма». Советский Союз, сыгравший огромную роль в создании ООН, вел и ведет неустанную борьбу за превращение ООН в эффективный орган борьбы против агрессии, в организацию, где бы осуществлялось подлинное сотрудничество между всеми народами, которое возможно только на основе действительного равноправия и уважения интересов каждого государства. В кривом зеркале фальсификаторов истории Советский Союз, напротив, изображается «врагом» ООН. «Основной кризис нашего поколения,— уверял в одной из своих речей государственный секретарь США Раск,— является результатом того, что Советский Союз присоединился к Организации Объединенных Наций формально, не по существу, и не выполнил обязательств, которые он и все мы взяли на себя в разгар великой войны»¹. С позиций этой фальшивой теории и освещается в многочисленных реакционных работах история Организации Объединенных Наций.

Подробно рассуждая о «слабостях» и «недостатках» ООН, буржуазные ученые имеют в виду не действительно отрицательные стороны ее работы, вызванные тем, что империалистическим странам удавалось не раз навязать Организации Объединенных Наций свою политику в ущерб законным интересам других государств и даже использовать ООН как орудие, способствовавшее осуществлению агрессивных империалистических действий (американской интервенции в Корее, контрреволюционного мятежа в Венгрии, попыток колонизаторов вновь закабалить Конго и т. д.). Американский исследователь Л. Гудрич прямо именует силами, враждебными ООН, стремление к националь-

¹ «Известия», 17 июля 1961 г.

ной независимости и даже уверенность коммунистов в грядущем установлении тесного братского сотрудничества между всеми народами мира после победы коммунизма в международном масштабе. Это, оказывается, планы действия «помимо ООН». А вот, напротив, сколачивание империалистами агрессивных военных блоков, отравляющих международную атмосферу и чреватых угрозой разжигания пожара ядерной войны,— это действия, идущие «на пользу» Организации Объединенных наций!¹ Буржуазные исследователи видят недостатки ООН лишь в тех пунктах ее Устава, которые препятствовали полному подчинению Организации Объединенных Наций американскому диктату, в частности в принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Появляются специальные работы, подробно анализирующие, где ООН выполняла свое «назначение», в точности следуя политике государственного департамента США, а где она уклонялась от этого «едиственно спасительного» пути. Если отбросить словесную шелуху, то, по мнению этих американских исследователей, выходит, что ООН обязана в основных вопросах осуществлять политику, выработанную США, которым лишь рекомендуется хотя бы отчасти учитывать, если это возможно, также интересы своих союзников². Поэтому, скажем, попытки осудить чудовищную расовую дискриминацию в Южно-Африканском Союзе — это не дело для ООН, так как обсуждение подобных резолюций ставит в неудобное положение США, поддерживающих колонизаторов-расистов³.

Напротив, любые обвинения в адрес стран социалистического лагеря — это, конечно, «укрепление основ» Организации Объединенных Наций⁴.

Точно так же в целом освещается история вопроса о представительстве Китайской Народной Республики. Давление США, препятствующее восстановлению законных

¹ См. L. Goodrich, *The United Nations*, N. Y., 1959, pp. 164, 327 and next.

² См. R. E. Riggs, *Politics in the United Nations. A Study of United States Influence in the General Assembly*, Urbana, 1958, pp. 106, 107, 180 and next. (В дальнейшем: «Politics in the United Nations».)

³ *Ibid.*, p. 125 and next.

⁴ См. L. Munro, *United Nations. Hope for a Divided World*, N. Y., 1960; Ср. F. Langenhove, *La crise du système de sécurité collective des Nations Unies. 1946—1957*, Bruxelles, 1958.

прав Китая в ООН, является вопиющим примером того нетерпимого положения, которое создается засильем империалистических государств и которое самым отрицательным образом сказывается на авторитете Организации Объединенных Наций, на ее способности стать действительно эффективным органом международного сотрудничества. Буржуазные исследователи не хотят признавать кардинального изменения в соотношении сил между социалистическими и капиталистическими странами в пользу социализма, появления в ООН десятков новых государств, сбросивших цепи колониального рабства. Односторонне построенный аппарат ООН является орудием, с помощью которого западные державы использовали Организацию Объединенных Наций как прикрытие политики империалистической экспансии. Ныне созрели условия для реорганизации исполнительного органа ООН, чтобы в нем были в равной мере представлены три группы стран — государства, входящие в военные блоки западных держав, социалистические государства и нейтралистские государства. А реакционные ученые изображают это законное требование о реорганизации аппарата ООН как «советскую экспансию» и отказ от идеи международного сотрудничества в рамках единой Организации Объединенных Наций¹. В то же время реакционная наука при изложении истории ООН одобряет маневры США, в течение многих лет препятствовавшие принятию ООН советских резолюций, намечающих конкретные меры к решению самой глущей проблемы современности — проблемы разоружения².

Реакционная историография «холодной войны» превратилась по существу в одну из составных частей этой «холодной войны» в идеологической области, которую ведет империалистическая реакция против сил демократии и социализма.

¹ См. Н. P a c h t e r, The Meaning of «Peaceful Co-existence», «Problems of Communism», Febr., 1961, pp. 6—7.

² См. R. E. R i g g s, Politics in the United Nations, pp. 87—90

Глава VII
**РЕАКЦИОННЫЕ ИСТОРИКИ — АПОЛОГЕТЫ
КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

1

К числу величайших социальных явлений современной эпохи относится крах колониальной системы империализма. «Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения — второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма»¹. Свыше 40 независимых государств возникло в Африке и Азии на территориях, народы которых освободились от колониального ига. Все шире разворачивается борьба за полное национальное освобождение в Латинской Америке, знаменосцем которой выступает народ героической Кубы.

Империалистические державы во главе с Соединенными Штатами Америки всячески стремятся предотвратить полный крах колониализма, сохранить под видом «помощи» свои позиции в экономике стран, сбросивших колониальное иго, не допустить укрепления их независимости. Идеологи империализма сознают, что одно из главных препятствий в осуществлении этих планов — жгучая ненависть народов освободившихся стран к колониализму, который они отождествляют с господством капитализма. «Опровержение» этой столь неудобной для империалистов точки зрения стало настоящей задачей буржуазных идеологов, среди которых весьма важное место занимают реакционные исто-

¹ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 33.

рики. Последние должны придать видимость убедительности мифу о «благотворной роли» колониализма, поскольку эта задача вряд ли может быть решена сколько-нибудь полно, «доказать», что ненавистный народам колониализм будто бы не связан с буржуазным строем, в особенности с современным капитализмом, для которого якобы характерны освобождение колоний и помощь слаборазвитым странам, сузить самое понятие колониализма, относя его лишь к ушедшим или уходящим в прошлое способам угнетения, но не к новым формам эксплуатации монополиями народов слаборазвитых стран.

Присмотримся же к тому, как буржуазная историография стремится обосновать эти фальшивые тезисы.

Захват и ограбление колоний были, как известно, одним из главных источников первоначального накопления капитала в XV—XVIII веках, в эпоху возникновения буржуазного общества. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»¹. Этот вывод, сделанный К. Марксом в «Капитале» и с тех пор подкрепленный огромной массой фактов, которые были введены в научный оборот исследователями этой эпохи, стремятся «опровергнуть» (а еще чаще — замолчать и обойти) авторы новейших буржуазных работ по истории колониализма.

Для современных реакционных историков колониальные захваты эпохи «первоначального накопления», как правило, — процесс, не связанный с генезисом капитализма. Видный английский социолог и историк Бруген в книге «Цена революции», претендующей на обобщение и осмысление главных тенденций общественно-политического развития в новое и новейшее время, выдвигает для объяснения причин образования колониальных империй так называемую «теорию вакуума». Эта теория по разным поводам служила идейному обоснованию империалистической экспансии, например в недавнее время «оправданию» американской интервенции на Ближнем Востоке («доктрина Эйзенхауэра»).

¹ К. М а р к с, Капитал, т. I, стр. 754.

Британская, голландская и другие империи, по мнению Брорсена, были основаны авантюристами, не обладавшими явным техническим или военным превосходством (оно возникло позднее) над поработаемыми народами Азии и Африки. «Это доказывает,— пишет Брорсен,— что там имелся вакуум власти. Вот что прежде всего следует вспомнить, говоря об империализме. Он сдерживает успех только там, где имеется подобный вакуум, который должен быть кем-либо заполнен»¹.

Подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Как известно, многие страны, захваченные колонизаторами, были странами высокой цивилизации, имевшей тысячелетнюю историю. Европейские завоеватели обладали большим превосходством в вооружении над народами Азии, не говоря уже об Америке или Африке, могли использовать междоусобную борьбу племен, феодальную раздробленность и т. д. В Индии же, где европейцы натолкнулись на более сильное сопротивление, процесс завоевания растянулся на целых три столетия, причем основные захваты происходили здесь уже в канун и в эпоху промышленной революции в Англии, благодаря которой она далеко опередила в своем развитии Индию². «Теория вакуума» нужна Брорсену лишь для оправдания действий колонизаторов. У. Росту слегка видоизменяет эту теорию. «Вакуум», оказывается, создавался в результате неспособности «традиционных обществ» в Азии и Африке создать условия для нормальной торговли. Хотя в целом для буржуазии метрополии якобы было выгодно «просто» торговать, находились отдельные экономические группы, убеждавшие правительство создать в заморских странах «подходящую политическую обстановку» для торговли³. Эта идиллическая картина имеет очень мало общего с реальной кровавой историей колониализма — захватническими войнами, ограблением и истреблением целых народов, работоторговлей с ее чудовищными насилиями и жестокостями и т. д.

К. Маркс справедливо заклеил английских колонизаторов как «негодяев и кровопийц»⁴. В наши дни англий-

¹ D. W. Brogan, The Price of Revolution, pp. 128—129.

² См. К. А. Антонова, Английское завоевание Индии в XVIII веке, ИВЛ, 1958.

³ См. W. W. Rostow, The Stages of Economic Growth, pp. 109—110.

⁴ См. К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.), Госполитиздат, 1947, стр. 71, 91.

ские и американские историки усиленно пытаются обелить историю беззастенчивого колониального грабежа и зверских расправ над населением Индии и других поработенных Англией стран. Они всячески восхваляют правление Ост-Индской компании¹. Буржуазные авторы, как недавно отмечал американский профессор Кэртин, делают все, чтобы перенести акцент на описание торговли, которую вела Ост-Индская компания, оставляя в тени «преступления и достижения Клайва и Гастингса»².

Современные апологеты колониализма объявляют виновниками эксплуатации колоний местные абсолютистские правительства, жадных придворных, феодалов, авантюристов — кого угодно, только не капиталистов Европы и США. Более того, эти историки склонны изображать переход колониальных властей из рук индивидуальных собственников-авантюристов и компаний под непосредственный контроль буржуазных правительств чуть ли не как благодеяние для народов Азии и Африки; они утверждают, что хотя в результате этого, по их словам, и не был создан «идеальный строй», но все же установлен «порядок» и жители ограждены от авантюристов, пиратов и работорговцев³.

Надо обладать поистине неумным стремлением к прославлению колониализма, чтобы оперировать подобными «аргументами». Общеизвестно, что деятельность пиратов и авантюристов веками проводилась при прямом поощрении правительств западноевропейских держав. Работорговля же в течение всего XVII и XVIII веков пользовалась особым благоволением правительства Англии; она являлась не занятием отдельных пиратов, а вполне налаженным «коммерческим» предприятием, в финансировании которого участвовала значительная часть крупной буржуазии и дворянства⁴. Через два столетия работорговля перестала соот-

¹ См. Н. Furber, John, *Company at Work*, Cambr. (Mass), 1951; К. Wallhatch, *Social Policy and Social Change in Western India. 1817—1830*, Oxford, 1957.

² См. P. D. Curtin, *The British Empire and Commonwealth in Recent Historiography*, «American Historical Review», 1959, Oct., p. 84.

³ См. D. W. Brogan, *The Price of Revolution*, p. 129.

⁴ См. Э. Вильямс, *Капитализм и рабство*, ИЛ, 1950; Н. А. Windham, *The Atlantic and Slavery*, L., 1935. О роли буржуазии США в работорговле см. P. H. Foner, *Business and Slavery*, Chapel Hill, 1941.

ветствовать интересам господствующих классов Англии, и неудивительно, что она была прекращена. Приходится лишь удивляться тому, что находятся люди, которые пытаются выдать это за доказательство «благотворности» колониализма. Впрочем, в этом отношении, по-видимому, нет ничего невозможного: ведь сумел английский буржуазный историк Д. Г. Меллор объявить главной движущей силой политики английских колонизаторов «гуманитарные мотивы»¹.

Не менее лживы другие доводы буржуазных ученых. Так, Брoген утверждает, будто английское завоевание было благотворно для Индии, ибо оно... воспрепятствовало дальнейшим войнам европейских держав за обладание этой страной и помешало какому-либо из индийских государств подчинить себе все остальные². Эта фальшивая «версия» смыкается с традиционной точкой зрения апологетов английского господства, сводящейся к тому, что Индия якобы представляла собой конгломерат враждебных рас и племен, пока она не была объединена завоевателями-англичанами³. Приверженцы данной «теории» игнорируют не только давние исторические связи, существовавшие между народами Индии, но и тот факт, что политика английских властей на протяжении всего периода британского владычества была направлена не на объединение, а, напротив, на разжигание розни между различными национальными и религиозными группами.

Широко известно, что в колониальных странах завоеватели сознательно проводили политику, целью которой была консервация феодальных и полуфеодальных отношений. Колониальное иго придало экономическому развитию стран Азии, Африки, Латинской Америки однобокий, уродливый характер. Буржуазная историография зачастую полностью игнорировала это, рисуя картину мнимого «поощрения» метрополией экономического и культурного развития колоний. Часть буржуазных исследователей (в частности, американских) и теперь говорит лишь о «благотворном» влиянии культуры и техники Запада на страны Азии и Африки, полностью абстрагируясь от господства колони-

¹ См. G. K. Mellor, *British Imperial Trusteeship. 1783—1850*, L., 1951, pp. 28, 424.

² См. D. W. Brogan, *The Price of Revolution*, p. 129.

³ См. F. Elvin, *Earl of Birkenhead*, L., 1936, pp. 245—246.

лизма. Так, например, поступила группа профессоров Гарвардского университета во главе с Д. К. Фэрбенком, подготовившая для X Международного конгресса исторических наук в Риме (1955 г.) доклад о воздействии западной науки и техники на Китай и Японию¹. Ныне, однако, уже невозможно сохранить эту грубо апологетическую концепцию в прежнем виде, и она уступает место более утонченной фальсификации. Ее проводники, говоря о колониальной политике, продолжают все же относить успехи экономического развития стран Азии и Африки в актив колонизаторов. Это, однако, не снимает с авторов такого рода работ обязанности как-то объяснить уродливость развития экономики колониальных стран, особенно мучительный для народных масс характер развития капитализма в них. Реакционные историки объясняют данные явления не условиями чужеземного господства и подчинения экономики страны своекорыстным интересам колонизаторов, а тем, что капиталистическое развитие будто бы началось здесь слишком рано и «Восток» якобы еще «не дорос» до тех форм цивилизации, которые принес ему Запад².

В современной империалистической историографии находит все более широкое распространение неомальгузианское «оправдание» колониальной политики. Так, например, американский буржуазный историк Т. Грин объясняет нищету в Индонезии ростом населения, что он рассматривает как доказательство «забот» колониального режима о народе³. Грин делает вид, что ему ничего неизвестно о подлинной причине нищеты народных масс — трехвековой грабеже Индонезии голландскими колонизаторами, не только не уменьшавшемся с течением времени, а, напротив, все более возраставшем из десятилетия в десятилетие. Частично о размерах этого грабежа свидетельствуют цифры превышения вывоза над ввозом (т. е. на практике — неоплаченного экспорта); в 80-х годах XIX в. это превышение составляло 25 млн. гульденов в год, а в 1919 году достигло 1426 млн. гульденов⁴.

¹ См. G. K. Fairbank and others, *The Influence of Modern Western Science and Technology on Japan and China*, «X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Roma, 4—11 Settembre 1955. Relazioni», vol. V., Firenze, 1955.

² См. D. W. Brogan, *The Price of Revolution*, pp. 131, 137.

³ См. F. Green, *The Far East*, N. Y., 1957, p. 465.

⁴ См. Сукарно, Индонезия обвиняет, ИЛ, 1956, стр. 47.

Как откровенно писал американский исследователь У. Томпсон, реакционные ученые весьма озабочены необходимостью оспаривать «коммунистическое» объяснение нищеты и отсталости как наследия колониального гнета, разъяснять народам Азии, что их бедность — это не результат «недостатков бывшего колониализма» или нынешней эксплуатации, а прежде всего следствие «роста числа ртов, которые нужно накормить, в то время как процент смертности быстро снижается»¹. Трудно придумать более циничную и лживую апологию колониального режима, чем эти новейшие измышления буржуазной историографии. Однако концепция лейбориста Д. Стрэчи представляет собой еще более ловкую и вместе с тем более фальсификаторскую интерпретацию исторической роли колониализма.

Колониализм консервировал наиболее отсталые формы общественных отношений, тормозил развитие капитализма. Но вместе с тем колониальные державы в собственных же интересах не могли не способствовать разрушению старых производственных отношений и общественных порядков, развитию — пусть уродливому и однобокому — капитализма. Такова была диалектика самой действительности, на извращении которой и строит свою софистику лейбористский «теоретик». «Легко морализировать по поводу истории империализма (имеется в виду колониализм.— *Е. Ч.*),— пишет Стрэчи,— поскольку эта история включает некоторые наиболее чудовищные события из всей истории человечества. Но это не принесло бы пользы. Например, Британская империя в Индии была несправедливой и благодетельной, она была основана в результате насилия, предательства и ненасытного корыстолюбия, но так же и благодаря несравненному мужеству, выдержке и решительности; империя объединила Индию и расчленила Индию, она служила Индии и она опустошала Индию, она создала современную Индию; империя была эгоистичной и бескорыстной, разрушительной и созидательной, славной и чудовищной»².

Стрэчи выдает себя за исследователя, вскрывающего «противоречивый характер» колониализма. Секрет, однако, заключается в том, что лейбористский автор, сознавая безнадежность отрицания общеизвестных фактов и «лбовой» апологетики, стремится спасти в исторической репутации

¹ W. T h o m p s o n, *Population and Progress in the Far East*, Chi., 1959, pp. 401—402.

² См. J. S t r a c h e y, *The End of Empire*, p. 13.

колониализма максимум возможного. Посредством признания «теневых» сторон Стрэчи хочет связать с колониальным режимом все элементы общественного прогресса, которые имели место в Индии в эпоху английского господства. Он игнорирует тот факт, что они были достигнуты в значительной степени вопреки гнету колонизаторов и что эти успехи, как показывает сравнение с Японией XIX века, могли быть несравнимо большими, если бы не английский гнет.

Попытавшись завоевать доверие читателя фальшивой «диалектикой», Стрэчи далее вступает на путь откровенного восхваления английского колониализма. Современная буржуазная историография заимствовала из старых работ один постоянно повторяющийся прием апологии колониальной политики. Он сводится к частичному признанию преступлений колонизаторов в XVII—XVIII веках, то есть в период прямого ограбления колоний (хотя, как мы видели, и эта эпоха усиленно «обеляется» в новейшей литературе); на подобном фоне легче изобразить в идеализированном виде колониальную политику эпохи промышленного капитализма, когда главным методом грабежа стали «законно» устанавливаемые налоги и неэквивалентный обмен колониального сырья на фабричные изделия метрополии.

Для современной реакционной историографии, как правило, вообще не существует вопроса об экономическом ограблении колоний. Тщетно было бы искать его освещение, например, в последнем, третьем томе «Кембриджской истории Британской империи». Там можно найти сколько угодно сведений о расходах английского правительства на содержание колониальной администрации, на борьбу против работорговли в конце XIX века, о переговорах с доминионами по поводу тарифов и т. д. В крайнем случае можно найти и признание того, что в результате строгого проведения принципов свободной торговли в Индии, в чем особенно были заинтересованы хлопчатобумажные фабриканты Ланкашира, «промышленный прогресс Индии был более медленным, чем он мог бы быть»¹.

Это весьма распространенное в буржуазной историографии возвеличивание «бескорыстия» и «достижений» англий-

¹ «Cambridge History of the British Empire», vol. III, Cambr., 1959, p. 190.

ской администрации в середине и особенно во второй половине XIX века не имеет ничего общего с исторической правдой. В 1881 году К. Маркс писал: «То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них *без всякого эквивалента*, не считая того, что они ежегодно присваивают себе *в самой Индии*, т. е. *стоимость одних только неоплачиваемых продуктов*, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — *превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии!* Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело!»¹. А Стрэчи и его единомышленники, сознательно искажая действительность, утверждают, будто английская колониальная бюрократия во второй половине XIX века заботилась исключительно — даже иногда в ущерб интересам метрополии — о «безмолвных индийских массах», наставниками и защитниками которых она себя искренне считала!²

2

В современной буржуазной историографии широко распространена легенда о якобы коренном изменении в колониальной политике, начавшемся в конце XIX века и приведшем к «самоликвидации» колониализма. Она основана на пресловутой теории превращения «старого» капитализма в «строй всеобщего благоденствия». Стоит проследить вкратце, как эта легенда утверждалась и приобрела современную форму в английской (части американской) историографии.

Авторы работ, выходявших до второй мировой войны, обычно делили британскую колониальную политику на два периода — «фритредерский» (с 1815 по 1870 г.) и империалистический (последняя треть века)³. О первом говорили вскользь — буржуазных историков явно смущали «еретические» антиколониальные высказывания, характер-

¹ Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 19 февраля 1881 г., К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 343.

² См. J. S t r a c h e y, The End of Empire, p. 54.

³ См. R. M u i r, A Short History of the British Commonwealth, vol. II, L., 1937, p. 620.

ные для части английских политиков середины XIX века. Напротив, второй период являлся объектом безоговорочного одобрения и похвал. Эта концепция, отражавшая уверенность в себе, свойственную некогда английскому империализму, оказалась устаревшей в условиях обострения кризиса капиталистической системы после второй мировой войны и быстро развернувшегося процесса распада Британской колониальной империи. Пересмотр начался как будто исподволь. Американский историк Скайлер попытался интерпретировать «фритредерский» период как время создания концепции «новой империи», когда колонии стали рассматриваться не в качестве орудия обогащения, а, напротив, как союзники и партнеры метрополии¹. В новейшей историографии этот тезис подвергается дальнейшему развитию. Реакционные историки стремятся доказать, что в английской колониальной политике существовала преимственность, менялись методы, но сохранялись будто бы те же торговые и гуманитарные цели. Аннексии якобы носили оборонительный характер, они имели лишь целью поставить под защиту Англии территории, которые давно уже служили «хинтерляндом» британских факторий. Иногда главную роль играли стратегические соображения (Египет), мотивы борьбы против рабства и т. п. Да и вообще аннексии в Африке были вызваны, мол, прежде всего необходимостью поддерживать равновесие сил в Европе².

В. И. Ленин подчеркивал, что «финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья, боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподделенного мира или за передел кусков, уже разделенных»³. А современная новейшая реакционная историография силится уверить читателя, что английское правительство (в ту эпоху самое

¹ См. R. Schuyler, *The Fall of the Old Colonial System. A Study in British Free Trade, 1770—1870*, L., 1945, p. 165 and next. Скайлер принимает в расчет только «переселенческие» колонии (Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.), игнорируя более $\frac{9}{10}$ империи, в том числе Индию, «черную» Африку и т. д.

² См. J. Gallagher and R. Robinson, *The Imperialism of Free Trade*, «Economic History Review», 1953, No 1; R. Robinson, *Imperial Problems in British Politics, 1880—1895*, «Cambridge History of the British Empire», vol. III.

³ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, Соч., т. 22, стр. 249.

аннексионистское правительство в мире!) вовсе не стремилось к захвату «всего, что плохо лежит», добровольно отказывалось от возможности присоединения обширных территорий; если оно и было подвержено кратковременно «империалистической горячке», то будто бы только в годы пребывания Джозефа Чемберлена на посту министра колоний (1895—1903 гг.)¹.

Такова картина, которую рисуют Р. Робинзон, Д. Галлахер и другие буржуазные историки, рассматривая именно тот период, когда Англия захватила многие миллионы квадратных миль новых колониальных владений, ввергла в колониальную неволю многочисленные новые страны и народы! Агрессивные действия Англии на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке в XIX — начале XX века изображаются лишь как «оборона» против экспансии царизма²; между тем полная несостоятельность такого объяснения была неоднократно доказана на материалах как русских, так и английских архивов³.

При освещении истории последних десятилетий XIX и начала XX века реакционные историки пытаются всячески отгородить политику колониальных захватов (трактуемую как «извечное» явление) от монополий и капиталистического строя вообще. Не будучи в состоянии просто замолчать общеизвестные данные о вывозе капиталов, о борьбе за колонии, рынки сбыта и источники сырья, буржуазные авторы стараются представить удельный вес этих факторов как крайне незначительный, объявляя главной причиной империалистической экспансии неэкономические и иррациональные мотивы вроде «национализма XIX века», «гуманистических стремлений», религиозных моментов, страсти к путешествиям, пресловутого «бремени белого челове-

¹ См. «Cambridge History of the British Empire», vol. III, pp. 339—340.

² Ibid., p. 101—102.

³ См. А. Л. Нарочницкий, Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895, Изд-во АН СССР, 1956; Е. Л. Штейнберг, История британской агрессии на Среднем Востоке (От Французской буржуазной революции до второй мировой войны), Воениздат, 1951; К. С. Мепоп, «The Russian Bogy», and British Agression in India and Beyond, Calcutta, 1957 и др.

ка» и т. п.¹ В Западной Европе и США до сих пор выходят пухлые труды, проповедующие эти апологетические измышления, хотя они давно разоблачены в работах прогрессивных ученых, в выступлениях деятелей национально-освободительного движения колониальных и зависимых стран.

Характерно, что наиболее оголтелые западногерманские реваншисты открыто пропагандируют колониализм как «биологическую необходимость» и требуют сохранения господства «белых» в Африке². В качестве примеров для подражания реваншистский журнал «Nation-Europa» рекомендует политику расовой сегрегации, практикуемую на Юге США, в Южно-Африканском Союзе, расправы французских «ультра» над алжирцами и т. п.³ В ФРГ возрождено широко распространенное в гитлеровское время прославление «подвигов» немецких колонизаторов в Африке, в частности деятельности Карла Петерса⁴. Ссылаясь на то, что германские империалисты заигрывали с населением колоний своих соперников, пытаясь вызвать там восстания, западногерманские буржуазные историки демагогически уверяют: «В обеих мировых войнах интересы Германии и независимости азиатских народов оказались связанными друг с другом»⁵. Так под пером реваншистов друзьями угнетенных народов становятся кайзер Вильгельм II, людоед Гитлер и находившиеся за их спиной германские монополии.

Все эти фальсификации являются лишь преддверием для извращения общей истории колониализма в XX веке. С наступлением эпохи империализма колониальный гнет, как известно, резко усилился. Значительно возрос экспорт капитала в колонии, где жесточайшая, неограниченная эксплуатация местного населения обеспечивала невидан-

¹ См. R. B r a s e, The Making of the Modern World. From the Renaissance to the Present, A Survey of European History between 1789 and 1939, pp. 663—664; D. K. F i e l d h o u s, Imperialism: An Historiographical Revision, „Economic History Review“, 1961 № 1.

² См. G. W e n z e l, Eine Internationale Anklage gegen den Bonner Neokolonialismus, «Einheit», 1961, Nr. 5, SS. 762—769.

³ См. «Nation-Europa», 1959, Febr., H. 2, S. 27.

⁴ См. М. Н. М а ш к и н, Современная историография германской колониальной политики, «Империализм и борьба рабочего класса», Сб. статей памяти академика Ф. А. Ротштейна, стр. 471—472.

⁵ U. S c h e u n e r, Die nachkoloniale Epoche. Politische Probleme in den Entwicklungsländern Asiens und Afrikas, «Aus Politik und Zeitgeschichte», 10 Febr., 1960, S. 99.

ные прибыли. Вместе с тем, стремясь сохранить колонии и полукolonии в качестве аграрно-сырьевых придатков метрополии, империалисты тормозили развитие важнейших отраслей промышленности в странах Азии и Африки. Появление капиталистических предприятий и плантаций привело к заметному росту численности пролетариата.

После первой русской революции значительно усилилась борьба народов колониальных и зависимых стран¹. Великая Октябрьская социалистическая революция, начало общего кризиса капитализма открыли собой новый этап национально-освободительного движения народов колониального Востока². Освободительная борьба поработанных народов приняла невиданные до того времени масштабы, все большую роль стал в ней играть рабочий класс.

В этих условиях империалисты вынуждены были пойти на некоторые уступки (индийская конституция 1935 г. и др.). Как же изображают эти вынужденные меры современные апологеты колониализма в буржуазной историографии? Английский ученый В. Харлоу в своем докладе о главных тенденциях современной буржуазной историографии Британской колониальной империи, прочитанном на Стокгольмском Конгрессе историков, заявил: «Тот факт, что Содружество (т. е. империя. — *Е. Ч.*) меняется и развивается на наших глазах, .. оказывает глубокое влияние и на тех, кто изучает более ранние периоды... Контроль метрополии над определенным районом изучается как временная и переходная стадия, ведущая к отношениям, построенным на принципе взаимности»³.

¹ См. А. А. Губер, Русская революция 1905—1907 гг. и пробуждение Азии, «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», Сб. статей, ч. II, Госполитиздат, 1956.

² Всемирно-историческая роль Октябрьской революции как фактора, в огромной степени ускорившего крушение колониальной системы империализма, общеизвестна. Однако тщетно мы искали бы даже упоминания об этом почти на 1000 страницах изданного в 1959 году третьего тома «Кэмбриджской истории Британской империи», имеющего репутацию самого «солидного» в буржуазной науке издания по колониальной истории.

³ V. Harlow, The Historiography of the British Empire and Commonwealth since 1945, «XI Congrès International des Sciences Historiques. Rapports», vol. V, göteborg, 1960, p. 4. (Ср. P. D. Curtin, The British Empire and Commonwealth, in Recent Historiography, «American Historical Review», 1959, Oct., p. 83.)

Перед нами пример грубого попрания элементарных принципов историзма буржуазной историографией. Задачей буржуазных апологетов является ныне обоснование, с позволения сказать, тезиса о том, что колониализм возник... чуть ли не как средство для последующего предоставления колониям независимости. Брoген, например, так и пишет, что в Индии английские колонизаторы просто «заполняли вакуум», пока не было создано индийское национальное правительство¹. А английский историк Д. П. Дартфорд утверждает, что цель, которую преследовала Англия, захватив Малайю, была достигнута лишь, когда эта страна превратилась из колонии в самостоятельную Малайскую федерацию².

Известный западногерманский историк Т. Шидер делает даже такое «открытие»: «Нынешние тенденции к политической независимости и процесс освобождения прежних колониальных народов во многих случаях едва ли были бы мыслимы, не будь эры колониального господства»³. Иначе говоря, по уверению Шидера, если бы народы Азии не были поработаны, они не имели бы возможности вести борьбу за освобождение. Подобными заявлениями заполнены десятки и сотни новейших «изысканий» по истории колониальной политики.

Уже к 20-м годам XX в. Британская империя, согласно концепции английской буржуазной историографии, превратилась в своего рода «союз наций». «Если империя ныне имела цель, — говорится в «Кэмбриджской истории Британской империи», — этой целью было побудить государства жить вместе в мире и сотрудничестве... Слабый мог получить защиту и выгоды, возможность существовать в современном мире, не подвергаясь эксплуатации». Более того, Британская империя якобы «открывала пути, ведущие к упорядоченной системе международных отношений, в которой более всего нуждается человечество»⁴. В трудах

¹ См. D. W. Brogan, The Price of Revolution, p. 153.

² См. G. P. Dartford, A Short History of Malaya, L., 1957, p. 191.

³ «Aus Politik und Zeitgeschichte», 25. Mai, 1960, S. 333.

⁴ «Cambridge History of the British Empire», vol. III, p. 16; см. также: A. Le Roy, Butt, The Evolution of the British Empire and Commonwealth from the American Revolution, Boston, 1956; N. Mansergh, Survey of British Commonwealth Affairs: Problems of Wartime Co-operation and Post War Change, 1939—1952, L., 1958; J. D. B. Miller, The Commonwealth in the War,

буржуазных исследователей хищнический колониализм предстает, таким образом, не только благодетелем народов, но даже прообразом будущих отношений между народами. Следует ли удивляться тому, что политика жесточайшего подавления национально-освободительного движения в 20—30-х годах изображается в этих трудах так, как будто ее целью было достижение взаимопонимания английского народа и народов Индии¹.

Подобная картина находится в вопиющем противоречии с действительностью. Достаточно хорошо известно, что в конце XIX века — как раз в то время, когда, по утверждению буржуазных историков, произошел «поворот» в колониальной политике, — Англия, коварно нарушив свои договорные обязательства в отношении племен мотабеле и машона, захватила их земли, названные англичанами Южной Родезией². В 1898 году армия английских колонизаторов, истребив с помощью пулеметов десятки тысяч туземцев, завершила овладение Суданом. В XX веке английское правительство жестоко подавило борьбу народов Кении, Ньясаленда, Северной Родезии, Британского Сомали и многих других районов Африки за независимость. Французские империалисты в конце прошлого века вели истребительные войны против народов и племен Западной Африки, Мадагаскара. Чудовищные злодеяния творили бельгийские колонизаторы в Конго, голландские — в Индонезии. Буржуазные историки попросту игнорируют эти факты, сочиняя свои апологетические версии истории колониализма.

Буржуазная историография настойчиво пропагандирует лживую мысль о том, что национально-освободительное движение было следствием «цивилизаторской» деятельности колониальной администрации, якобы приобщившей население колоний к европейской культуре и идеям «национализма», ранее будто бы чуждым Азии и Африке. Реакционные историки пытаются не замечать, что «идеи» колонизаторов и соответствующие им учреждения не развивали, а душили национальное самосознание народов

L., 1958; J. Jennings, *The Commonwealth in Asia*, Oxford, 1949; е го ж е, *The Approach to Self-Government*, Cambr., 1956.

¹ См. S. G o r a l, *The Viceroyalty of Lord Irwin, 1926—1931*, Oxford, 1957, pp. 138—139 and next.

² См. А. Б. Д а в и д с о н, *Мотабеле и машона в борьбе против английской колонизации 1888—1897*, ИВЛ, 1958.

угнетенных стран. Когда же приходится конкретизировать, что именно из европейской идеологии повлияло на национально-освободительное движение стран Востока, буржуазные историки называют целый комплекс идей, ссылаясь на которые они надеются доказать свой фальсификаторский тезис. Они упоминают об освободительных идеях Французской революции XVIII века и марксизма, действительно оказавших глубокое революционизирующее влияние на народы Азии и Африки, чтобы тут же добавить на равных началах воздействие католической церкви — вернейшего оплота колонизаторов, английского либерализма, доктрины Монро и политики американского президента Вильсона — ярого проводника экспансионистской программы американских миллиардеров¹. Известный американский историк К. Хейс объявил, что одной из главных причин ликвидации колониальной системы было «признание в европейских мирных договорах 1919—1920 годов принципов самоопределения», которые «стимулировали националистические движения на Ближнем и Дальнем Востоке, особенно среди туруков, арабов, персов, индусов и китайцев»². Хейс готов объявить вдохновителями национально-освободительного движения Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо — империалистических хищников и грабителей, деливших под аккомпанемент «демократических» фраз захваченную во время войны колониальную добычу.

В реформистской литературе место друга и покровителя угнетенных народов Азии и Африки занимают правые социалисты. Эту точку зрения развивает, в частности, Д. Стрэчи³. Однако она насквозь фальшива. Оппортунисты выражали настроения рабочей верхушки, подкупленной буржуазией за счет колониальных сверхприбылей и готовых к сотрудничеству с ней в осуществлении колониальной политики. Раньше всего это проявилось в Англии — самой крупной колониальной державе. В 1905 году журнал фабианцев уже провозгласил английское колониальное правительство в Индии «наиболее социалистическим во всем мире»⁴. Газета независимой рабочей партии демаго-

¹ См. H. Deschamps, *La fin des empires coloniaux*, P., 1950, pp. 65 f.

² C. J. Hayes, C. W. Cole, *History of Europe*, vol. II, N. Y., 1956, p. 455.

³ См. J. Strachey, *The End of Empire*, p. 135.

⁴ См. «*Fabian News*», vol. XVI, No 12, p. 47.

гически представляла английскую администрацию защитницей трудящихся Азии и Африки от расовой дискриминации и даже эксплуатации со стороны помещиков и буржуазии¹. Впоследствии правые лейбористы заняли место либералов не только в разращении рабочих в самой Англии, но и в обслуживании колониальной политики английского империализма.

Отличный, с точки зрения колонизаторов, «послужной список» и у правых социалистов Франции; достаточно напомнить только многолетние колониальные войны в Индокитае и Алжире после второй мировой войны, когда у власти находились правительства, в которых видную роль играли «социалистические» министры. Руками бельгийских и голландских правых социалистов осуществлялись многие черные дела колонизаторов в Индонезии, Конго и других колониях.

Конечно, у народов Европы есть прочная антиколониальная традиция. Но она, чего упорно не желает признать буржуазная историография, тесно связана с революционным рабочим движением. В Англии уже в конце XVIII века идеологи революционного движения мануфактурного пролетариата и ремесленников не только клеймили зверства колонизаторов, но и выражали убеждение, что если английского генерал-губернатора и его приспешников вышвырнут из Индии, это будет счастливым событием как для индусов, так и для народных масс самой метрополии². Антиколониальная традиция была продолжена чартистами³. Она нашла свое высшее воплощение в марксистско-ленинской идеологии революционного пролетариата, в деятельности коммунистических и рабочих партий.

Один из методов фальсификации колониального вопроса в реакционной буржуазной литературе — утверждение о том, будто империалистические государства потеряли потребность в колониях⁴. Стрэчи утверждает, например, что в Англии либеральные реформы (начиная с реформ Ллойд Джорджа), в США «новый курс» Рузвельта якобы

¹ См. «Labour Leader», Apr. 6, 1906.

² J. T. C a l l e n d e r, The Political Progress of Britain, or an Impartial Account of the Principal Abuses in the Government of this Country etc., part I, Edinburgh, 1793, pp. 11—13.

³ См. Н. А. Е р о ф е е в, Чартизм и колониальная политика, «Новая и новейшая история», 1957 г., № 1.

⁴ См. W. R o s t o w, The Stages of Economic Growth, p. 156.

настолько расширили внутренний рынок, что сделали излишними колонии как рынки сбыта и сферы приложения капитала¹. Это «открытие» с восторгом подхватили английские ревизионисты, заявляющие, будто, «вопреки Ленину», крушение колониальной системы не представляет особого значения и не является свидетельством кризиса капитализма². Фальсификаторы истории доходят здесь до крайних пределов извращения истины. Это видно хотя бы из статистических данных, касающихся главной империалистической страны — США. С 1945 по 1949 год частные прямые капиталовложения США за рубежом выросли с 14,7 млрд. до 44,8 млрд. долл. Только за три года (с 1950 по 1953 г.) прямые инвестиции США в колониях и зависимых странах возросли с 6,2 млрд. до 8,2 млрд. долл.³ Следует учесть, что уровень прибыли в колониальных и зависимых странах значительно выше (часто во много раз), чем в метрополии. Но именно это и побуждает монополистические объединения концентрировать в своих руках экспорт капитала. Даже роль колоний как рынка сбыта товаров империалистических держав на протяжении новейшего времени не падала, а, напротив, быстро возрастала. Достаточно привести, например, данные о доли колоний и зависимых стран во внешней торговле Англии в период мифической «самоликвидации колониализма» (в %)⁴:

	1913 г.	1929 г.	1938 г.	1953 г.
Импорт	25,0	29,4	40,4	52,4
Экспорт	37,0	44,4	49,9	51,5

Во внешней торговле Франции и США та же тенденция проявлялась в еще более заметной степени.

Таким образом, «экономическая база», которую Д. Стрэчи пытается подвести под лживую теорию «самоликвидации» колониализма, рассыпается при первом же ознакомлении с реальными фактами. «Экономический» вариант апологии колониализма в буржуазной историографии ока-

¹ См. J. Strachey, *The End of Empire*, pp. 117, 120, 135.

² См. M. B. Brown, *Imperialism Yesterday and Today*, «New Left Review», 1960, No 5, p. 45.

³ См. С. Тюльпанов, *Колониальная система империализма и ее распад*, Соцэкгиз, 1958, стр. 33 и др.

⁴ Там же, стр. 65.

зывается на поверку такой же фальсификацией, как и остальные, рассмотренные выше приемы извращения истории: колониальной системы и ее крушения.

3

Очевидно, сознание шаткости попыток приукрасить колониализм побуждает реакционных историков прилагать все усилия к дискредитации исторической роли национально-освободительного движения (иногда под маской лицемерного «сочувствия» ему).

Как и во многих других случаях, реакционные ученые пытаются использовать в своих целях противоречия реального исторического процесса. «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»¹.

Как известно, буржуазные историки объявляют идею государственного суверенитета «устаревшей» и «реакционной». Этот прием нужен им для извращения исторически прогрессивного характера освободительного движения народов колоний и зависимых стран, переживающих период борьбы за создание и укрепление независимых национальных государств.

В то же время, демагогически выпячивая тенденцию к интернационализации производства и обмена, уничтожению национальной замкнутости, усилению взаимозависимости народов и хозяйственному объединению территорий, реакционные авторы замалчивают, что эта тенденция проявлялась и проявляется при капитализме не в форме сотрудничества, а посредством насильственного подчинения

¹ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 124.

сильными государствами более слабых стран. Результатом всех этих искажений служит идея, что «национализм» угнетенных народов якобы противоречит общей тенденции исторического развития. Уже упоминавшийся выше Д. Перкинс, признавая, что ныне «в духе времени» выступать против господства одного народа над другим, в своем «президентском послании» обратился в декабре 1956 года к съезду Американской исторической ассоциации с риторическим вопросом: «Всегда ли, во всех случаях данный народ объективно заинтересован в независимости? Способны ли все народы к самоуправлению?». Какова точка зрения автора, видно из его дальнейших рассуждений: «Разве не империализм, который является бранным словом, создал прочный порядок, который обеспечил возможность ввоза иностранного капитала, поставил технические знания на службу населению подчиненных стран и гарантировал внутреннее развитие и прогресс — основу для более широкого распространения процветания... Можно ли считать обязательно выигрышем, если менее зрелые народы мира добывают прогресс тяжким трудом масс, отказываясь от опеки, сурово обращаются с иностранным капиталом, который обеспечил или мог бы обеспечить возможность развития, и настаивают на самостоятельном развитии»¹. Перкинс сформулировал отнюдь не свою личную точку зрения, а взгляды большой группы реакционных историков, своего рода «программу действия» для буржуазной историографии. Осуждение «неразумности» национально-освободительного движения мотивируется ссылками на «достижения» колониализма, о лживости которых уже говорилось выше.

Следуя указанной «методологии», многочисленные единомышленники Перкинса приложили немало усилий, чтобы оклеветать историю национально-освободительной борьбы, в частности героические восстания народов Азии и Африки против колониального гнета. Реакционная историография замалчивает множество народных волнений, революционных выступлений трудящихся колоний, даже крупных антиколониальных восстаний. Это должно придать видимость убедительности рассказам о «мире», «по-

¹ «American Historical Review», 1957, Jan., pp. 307—308. (Ср. Т. Р о s s о n у, Colonial Problems in Perspective, «Idea of Colonialism». Ed. by R. Strausz-Hüpe and H. W. Hazard, N. Y., 1958, pp. 17—43.)

рядке» и «благоденствии», которые колониализм якобы принес угнетенным народам. Те же восстания, которые невозможно просто замолчать, изображаются в виде отдельных «вспышек», не пользовавшихся поддержкой народа. Как известно, народное восстание 1857 года в Индии было кульминационным пунктом почти столетней борьбы против колониального гнета¹. Между тем английская буржуазная историография не только продолжает отрицать его национально-освободительный характер, но и трактует это восстание как «печальный эпизод», мешавший прогрессивному развитию Индии².

Закрывая глаза на жесточайшую эксплуатацию колоний иностранным капиталом, реакционные историки пытаются отрицать существование реальных экономических противоречий между империализмом, с одной стороны, и народными массами, а также национальной буржуазией колониальных и зависимых стран — с другой. В поисках «причин» национально-освободительного движения буржуазные исследователи не гнушаются прибегать к самым нелепым измышлениям. Так, в коллективном труде «Европейское наследие», издаваемом под редакцией таких известных буржуазных историков, как Э. Баркер, Д. Кларк и П. Вошер, история национально-освободительной борьбы излагается в разделе «Русская экспансия на Ближнем и Среднем Востоке». Здесь мы находим «открытия» вроде утверждения, что сочувствие Советского Союза борьбе угнетенных народов Азии, в частности народов стран Британской империи, было не более не менее, как... «запоздалым мщением» за поражение царизма в войне против Японии в 1904—1905 годах. Другие авторы этого «труда» борьбу колониальных народов объявляют «частью огромного азиатского движения, имеющего целью подготовить для Азии нечто вроде расового мщения Европе, чей престиж был частично подорван первой мировой войной»³. Трактовку национально-освободительного движения в виде бунта «цветных» против белой расы, принесшей Азии и Африке современную цивилизацию, некоторые буржуаз-

¹ См. S. B. Chaudhuri, *Civil Disturbances during the British Rule in India. 1765—1857*, Calcutta, 1955, p. 219.

² Подлинную историю этого события воссоздают исследования советских и индийских историков, собранные в сборнике «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.», ИВЛ, 1957.

³ «The European Inheritance», vol. III, p. 205.

ные авторы пропагандируют даже на страницах исторического журнала ЮНЕСКО, призванного развивать международное научное сотрудничество¹.

Измышления о «реакционности» антиимпериалистической борьбы смыкаются в трудах Тойнби, Даусона и ряда других буржуазных историков с утверждениями о том, будто ослабление империализма в результате крушения колониальной системы — это «упадок Европы», виновником которого является «национализм неевропейских народов»². Наконец, то в скрытой форме, то вполне откровенно в буржуазной историографии используется еще один фальсификаторский тезис — о «бесполезности» национально-освободительного движения. Выпячивая случай получения некоторыми странами независимости невоенным путем и скрывая, что она была также достигнута благодаря натиску народов этих стран на империализм, буржуазные ученые изображают антиколониальные восстания и войны, происходящие в последние полтора-два десятилетия (Индонезия, Индокитай, Малайя, Ближний Восток, Алжир и т. д.), как следствие «экстремизма», «нетерпеливости», которые якобы часто замедляли, а не ускоряли завоевание независимости. При освещении новой истории и даже первого этапа общего кризиса капитализма буржуазная историография склонна всячески замалчивать или сводить к минимуму роль антиколониальных восстаний; в отношении же послевоенного периода преобладает другая линия. Мнимая «необходимость» ведения колониальных войн обосновывается фальшивыми ссылками на интересы европейских наций, которым будто бы угрожает «агрессивный национализм» угнетенных народов, даже на «интересы демократии» и т. п.³

Реакционная наука хотела бы скрыть от народов стран метрополий, что они так же, как народы колоний, кровно заинтересованы в прекращении колониальных войн и лик-

¹ См. E. Fisher, *Rebellion against the European Man in the Nineteenth Century*, «Cahiers d'Histoire Mondiale», vol. II, No 2.

² См. C. Dawson, *Dynamics of World History*, N. Y., 1956, p. 407. (Даусон имеет здесь в виду не только народы Азии и Африки, но и США, пытающиеся вытеснить своих европейских соперников); F. S. C. Northrop, *The Meeting of East and West*, N. Y., 1947; его же, *The Taming of the Nations*, N. Y., 1954.

³ См. F. Catroux, *Deux actes du drame indochinois*, P., 1959.

видации колониализма. Как указывал Н. С. Хрущев в своей речи на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 1960 г., колониализм «несет беды и страдания не только народам поработанных стран. Беды и страдания, слезы и лишения ложатся и на плечи народов стран-метрополий. Кто может сказать, что матери Франции, чьи дети умирают на полях Алжира, менее несчастны, чем алжирские матери, которые хоронят сыновей на своей земле»¹.

В числе легенд, с особым упорством развиваемых в реакционной историографии, находится миф о якобы «исконном» антиколониализме США. Буржуазные историки при этом ссылаются на незначительные размеры колониальных владений США. Захваты, осуществленные ими, даже более серьезные из исследователей склонны изображать как временную, сугубо преходящую «империалистическую горячку», а последующую колониальную политику США — как «отказ от империи»². Действительность не имеет ничего общего с этой схемой. За первые 80 лет существования (1775—1853) Соединенные Штаты расширили свою территорию более чем в восемь раз. История последних десятилетий — это летопись грубого вмешательства правящих кругов США во внутренние дела стран Латинской Америки и Азии.

Искажая колониальную политику США, буржуазные авторы чаще всего приводят Филиппины и Пуэрто-Рико в качестве образчика стран, «облагодетельствованных» американскими монополистами. Эти примеры свидетельствуют как раз о противоположном. Филиппины были захвачены Соединенными Штатами в конце XIX — начале XX века после длительной войны против местного населения³. Президент США Мак-Кинли предписывал тогда «усмирить филиппинских повстанцев, даже если бы пришлось истребить их всех до единого». Американская военщина сгоняла мирных жителей в концлагеря, подвергала тысячи пленных варварским пыткам. В 1946 году под давлением национально-освободительного движения и вооруженной борьбы народных масс Вашингтон вынужден был пойти на

¹ Н. С. Хрущев, За мир, за разоружение, за свободу народов! Госполитиздат, 1960, стр. 39.

² См. J. W. Pratt, *America's Colonial Experiment*, N. Y., 1950, p. 311 and next.

³ См. А. А. Губер, Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, ИВЛ, 1961; Л. Ю. Слезкин, Испано-американская война 1898 года, Изд-во АН СССР, 1956.

предоставление Филиппинам «независимости», сохранив, однако, все главные позиции в экономике стран.

Не лучше обстоит дело с Пуэрто-Рико. Остров был превращен в сахарную плантацию крупных монополий США. В стране с населением немногим более 2 млн. человек в начале 50-х годов насчитывалось 0,5 млн. бездомных и сотни тысяч безработных, обреченных на вымирание. Доведенные до отчаяния, пуэрториканцы подняли в 1950 году восстание, которое было подавлено американскими войсками.

В условиях крушения колониализма финансовый капитал, и прежде всего американские монополии, стремятся с помощью новых методов продолжать и расширять эксплуатацию народов бывших колоний. «Монополии пытаются удержать в своих руках рычаги экономического контроля и политического влияния в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Эти усилия направлены к тому, чтобы сохранить старые позиции в экономике освободившихся стран и захватить новые позиции под видом экономической «помощи», вовлечь освободившиеся страны в военные блоки, насадить в них военно-диктаторские режимы, создать военные базы»¹. Однако и «старый», и «новый» колониализм представляет собой лишь разновидность одной системы колониального грабежа.

Главные носители неоколониалистских методов — монополии США, внедряясь в колонии других держав, упорно стремятся сохранить там, где это возможно, «старые», «испытанные» методы колониального гнета, дополняя их новыми способами эксплуатации и подчинения (Ангола, Конго, английские колонии в Африке и т. д.). Буржуазная историография, однако, вообще отрицает тот факт, что США являются мировым эксплуататором и главной силой современного колониализма². Но даже, по признанию английского историка М. Белова, освещение действий американского империализма (например, в Южной Корее или в Южном Вьетнаме), как будто бы «принципиально отличных» от «обычной» колониальной политики, не встречает

¹ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 34—35.

² См. об этом М. А. Гречев, Колониальная политика США после второй мировой войны, Изд-во АН СССР, 1958.

понимания у азиатских народов¹. Лицемерно осуждая на словах прежние методы колониальной политики, реакционные авторы сопровождают это скрытым ее оправданием и клеветой по адресу народов Востока. Так, американский исследователь истории политики нефтяных монополий в колониальных и зависимых странах Б. Шудрэн как будто критикует откровенные методы колониального грабежа и изъятия монополиями подавляющей части доходов от добычи нефти. Но он в то же время объявляет, что это никак нельзя считать причиной нищеты стран, где добывалась нефть. Тех средств, которые англо-иранская компания передала правительству Ирана в оплату за концессию, было бы, по признанию Шудрэна, достаточно для развития страны; но он утверждает, будто «иранцы вследствие их отсталости не были в состоянии использовать доходы от нефти для социальных целей и для экономического развития своей страны»². Эта лживая «концепция» призвана обелить «неоколониалистский» грабеж американскими монополиями народов слаборазвитых стран³. Аналогичные примеры можно найти у американской исследовательницы Е. Хэммер, уже упоминавшегося Грина и у других авторов, мобилизующих «опыт истории», чтобы изобразить современный колониализм как явление, качественно отличное от «старого»⁴.

Порой ученые проповедники неоколониализма выступают и с открытым забралом. Так, группа американских профессоров в коллективной работе «Идея колониализма» упрекает народы бывших колониальных и зависимых стран за то, что те приписывают ответственность за свою нищету колониализму. Реакционеры от науки уверяют, будто цель современного западного колониализма «заключается не в эксплуатации туземцев, а в развитии естествен-

¹ См. M. Beloff, *The Great Powers, Essays in Twentieth Century Politics*, p. 206.

² B. Shwadrin, *The Middle East, Oil and the Great Powers*, N. Y., 1959, p. 176.

³ Следует отметить, что у некоторых буржуазных авторов разоблачение «старой» колониальной политики носит более серьезный характер, а уступки идеологии неоколониализма скорее противоречат основному содержанию работ. (См., например, P. P a r a f, *L'ascension des peuples noirs. Le réveil politique, social et culturel de l'Afrique au XX siècle*, P., 1958.)

⁴ См. E. J. H a m m e r, *The Struggle for Indochina*, Stanford University Press, 1954; F. G r e e n, *The Far East*, p. 452; J. B a u l i n, *Face au nationalisme arabe*, P., 1959, pp. 161—162 and next.

ных богатств». После этого они объявляют, что народы Азии, Африки и Латинской Америки якобы не имеют права на полезные ископаемые их собственных стран, которые должны служить «общим нуждам». «Страны НАТО, — пишут американские профессора, — по меньшей мере должны создать новую концепцию законности владения важнейшими видами полезных ископаемых, например нефтью, и контроля над ними»¹. Под видом «исторического» и социологического исследования перед нами — оголтелый призыв к новому колониальному порабощению экономически слаборазвитых стран.

Попытки отказаться от кабальных займов, предоставляемых империалистами, создание преград для внедрения иностранного монополистического капитала и особенно политика индустриализации слаборазвитых стран должны, по утверждению буржуазных историков, привести к установлению в этих странах антидемократического тоталитарного режима². Эта фальсификаторская теория призвана скрыть тот факт, что в действительности как раз перечисленные меры приводят к укреплению демократии, экономической и политической независимости стран, освободившихся от империалистического угнетения.

4

Стремясь оправдать колониальную политику и обосновать «необходимость» неокOLONИализма, реакционная историография прилагает отчаянные усилия, чтобы фальсифицировать политику СССР и других социалистических государств, позицию международного революционного движения по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Октябрьская революция, освободившая от национального и колониального гнета многие народы бывшей царской России, оказала огромное воздействие на все народы

¹ «The Idea of Colonialism», pp. 29, 432, 446—447, 465—466.

² См. J. K. Fairbank and others, *The Influence of Modern Western Science and Technology on Japan and China*, «X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Roma, 4—11 Settembre 1955. Relazioni» vol. V., p. 266. (Об этих вымыслах реакционных ученых см. Б. А. Шабад, *О современных формах идеологии колониализма*, «Проблемы востоковедения», 1960 г., № 6, стр. 14—27.)

мира. Постоянное революционизирующее влияние на трудящихся стран Востока оказывает последовательная ленинская национальная политика Коммунистической партии Советского Союза, которая привела к невиданному расцвету экономики и культуры ранее угнетавшихся царизмом народов.

На протяжении всей своей истории Советский Союз неизменно поддерживал борьбу народов за независимость, провозглашенную при основании нашего государства. Апологеты колониализма стремятся любой ценой исказить отношение СССР и других социалистических стран к освободительному движению угнетенных империалистами народов. С этой целью в буржуазной историографии применяется целый набор приемов, которые можно встретить почти в любой буржуазной работе по колониальному вопросу.

Спекулируя на тождестве интересов Советского Союза и других социалистических стран — оплота революционных и демократических сил во всем мире — с интересами международного рабочего движения, реакционные историки утверждают, будто коммунисты поддерживают национально-освободительную борьбу только в государственных интересах «Москвы», а не народов своих собственных стран. На основе этой фальсификации построена, например, книга Д. Берснера «Большевики и национально-колониальный вопрос»¹. Находятся так называемые «либеральные» историки типа М. Д. Кеннеди, считающего, что без «большевистской пропаганды» колониальные народы не были бы способны повести борьбу за свободу, и представляющего даже таких деятелей национально-освободительного движения, как Сунь-Ят-сен, Сукарно, Ганди, Неру, как вольных или невольных «агентов большевизма»². Однако в целом буржуазная историография применяет ныне другую тактику. Реакционные ученые нередко антиисторически отождествляют освободительное движение угнетенных стран нашего времени с буржуазно-демократическими революциями доимпериалистической эпохи и на этом «основании» твердят о «неорганичности» коммунистического движения на Востоке. В действительности создание революционных партий пролетариата диктовалось всем ходом

¹ См. D. Boersner, *The Bolsheviks and the National and Colonial Question. 1917—1928*, pp. XII, 275.

² См. M. D. Kennedy, *A Short History of Communism in Asia*, L., 1957.

классовой борьбы, всем развитием освободительного движения угнетенных народов Востока в современную эпоху. Коммунистические партии активно борются за доведение до конца демократической революции, за образование государства национальной демократии, за коренное улучшение жизни трудящихся масс. Цели, за которые ведут борьбу коммунисты, отвечают высшим интересам нации.

Буржуазные историки стремятся доказать, что у пролетариата империалистических стран и народов колоний нет объективных общих интересов. Поддержка революционным рабочим движением борьбы угнетенных народов колониальных и зависимых стран изображается как результат мнимых «маневров Коминтерна»¹.

Английский буржуазный историк Х. Сетон-Уотсон утверждает, будто международное коммунистическое движение, поддерживая борьбу народов колониальных и зависимых стран за независимость, «ослабляло» позиции пролетариата, поскольку благодаря победе над империализмом укреплялись позиции национальной буржуазии². До сих пор даже реакционные историки редко оперировали смехотворным доводом о «невыгодности» для пролетариата участвовать в буржуазных революциях, поскольку в результате их усиливается буржуазия. Ныне же поборники колониализма готовы ухватиться и за подобные лживые «аргументы».

Рабочий класс является наиболее революционным классом в странах Востока, как и во всем мире. Пролетариат имеет союзника в лице трудящегося крестьянства, коренные интересы которого совпадают с интересами рабочего класса. В отличие от буржуазии империалистических государств национальная буржуазия колониальных и зависимых стран, как писал В. И. Ленин, «еще идет с народом против реакции»³. Это не исключает неустойчивости национальной буржуазии, склонности в определенных условиях к сделке с империализмом и феодализмом⁴. Пролетариат и трудящееся крестьянство, выступая совместно с нацио-

¹ См. «Handbuch des Weltkommunismus», p. 101.

² См. H. S e t o n - W a t s o n, From Lenin to Khrushchev, p. 128 and next.

³ В. И. Ленин, Отсталая Европа и передовая Азия, Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 167.

⁴ См. «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, Москва, ноябрь 1960 года», стр. 36.

нальной буржуазией против империализма, наряду с этим решительно противодействуют ее попыткам сузить рамки революций, достичь компромисса с силами империализма и его агентурой (феодалы, компрадорская буржуазия и пр.). Различные классы и партии предлагают различные решения выдвигаемых жизнью социальных проблем. Какой путь развития избрать, — это внутреннее дело самих народов, достигших независимости. Народные массы во главе с рабочим классом борются за вступление на наилучший путь ликвидации вековой отсталости и улучшения их жизни — путь некапиталистического развития.

Современная буржуазная историография извращает весь процесс складывания, развития и крушения колониальной системы. Апологетическое освещение сущности колониализма — один из наиболее очевидных примеров буржуазной фальсификации истории. Реакционные историки все в большей степени используются империалистической реакцией для идейного обоснования и прямой пропаганды колониализма.

Но тщетны ухищрения буржуазных идеологов. Национально-освободительная борьба угнетенных народов — одна из тех мощных сил современности, которые, сливаясь в общий поток, подмывают и разрушают основы империалистической системы. Освобождение многих сотен миллионов людей от колониального гнета открывает новые широкие перспективы ускорения общественного прогресса в направлении коммунизма.

Полная ликвидация колониального режима является настоящим требованием времени. Она повелительно диктуется всем ходом мировой истории со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

Заключение

Буржуазная историография новейшей истории прямо поставлена на службу интересам империалистической реакции. Более чем в какой-либо другой области буржуазной исторической науки субъективистские принципы здесь сознательно или бессознательно положены в основу всей исследовательской работы, всего освещения и интерпретации основных событий XX века. Ни в какой другой отрасли исторического знания буржуазный субъективизм не ведет к такому открытому извращению действительности, попранию истины, как в освещении истории современной эпохи. И это вполне понятно, так как социальный заказ, который выполняет реакционная историография новейшего времени, состоит не просто в искажении, а в попытке представить весь исторический процесс в виде, полностью противоположном действительному ходу общественного развития.

Углубление общего кризиса капитализма, обостряя кризис буржуазной исторической мысли, в то же время усиливает ее стремление к изобретению новых апологетических теорий развития капиталистического строя, которые не могут иметь иной «основы», кроме методологии самого неприкрытого субъективизма. Иначе говоря, «историческая» апология современного капитализма немыслима без фальсификации истории, а обоснование этой фальсификации — без обращения к субъективистской методологии в ее различных разновидностях. Ограничивается ли этот субъективизм отрицанием исторических закономерностей или доходит до утверждения о принципиальной невозможности объективного познания исторических явлений — суть дела остается от этого неизменной.

Различие научных и политических позиций буржуазных, правосоциалистических и ревизионистских историков не может скрыть наличия у них по существу единой глубоко антинаучной концепции общественного развития в современную эпоху. Взамен реального общего кризиса капиталистической системы буржуазная историография рисует мифическое превращение капитализма в строй всеобщего благоденствия. Отрицая устами многих своих наиболее влиятельных представителей идею прогресса, реакционная историография на практике делает лишь одно исключение, представляя в качестве прогрессивного развития капитализма процесс его упадка, загнивания и исторически неизбежной гибели.

Теория «старого» и «нового» капитализма придает фальсификаторский характер реакционным работам, написанным на самые различные, нередко специальные темы. Наряду с открытым антиисторизмом буржуазная историография взяла на вооружение воинствующий лжеисторизм, наряду с апологией капитализма прошлого — отречение от него как якобы принципиально отличного от современного капитализма. Для буржуазной мысли конца XIX — начала XX века был характерен отказ от прогрессивного прошлого и возвеличивание реакции. Для буржуазной мысли нашей эпохи — эпохи бурного роста прогрессивных сил — типично отречение от всего прошлого и лживое изображение империалистической реакции в качестве главной прогрессивной силы современности. Если до недавнего времени преобладало «отречение» от капиталистического строя прошлого века, то теперь на смену ему идет такое отречение от империализма первых десятилетий XX столетия.

Однако параллельно с этим «отречением» продолжает развиваться и прямая апология не только «нового», но и «старого» капитализма, капитализма как общественного строя. Главным способом возвеличивания капитализма является отделение от сущности капиталистического строя порождаемых им общественных явлений — эксплуатации, нищеты масс, национального гнета, колониализма, милитаризма, фашизма и империалистических войн. Одновременно в актив капитализма вписывается весь рост производительных сил в XX веке, хотя капиталистические производственные отношения служили важнейшим тормозом на пути прогрессивного экономического развития и приво-

дили к огромному разрушению производительных сил общества в результате кризисов, войн и т. д. Не менее фальшива и попытка занесения в число преимуществ буржуазного строя всех социальных завоеваний, которых удавалось добиться трудящимся в ходе ожесточенной классовой борьбы против буржуазии.

В рамках лживой теории «старого» и «нового» капитализма буржуазная историография полностью извращает историю пролетариата — могильщика капиталистического общества. Реакционные историки изобрели миф об исчезновении революционности пролетариата и даже исчезновении его как класса в условиях современного капитализма, отрицают антикапиталистическую направленность рабочего движения, рекламируют оппортунизм как якобы выражение подлинных интересов рабочего класса. Буржуазная историография заполнена нападками на марксизм-ленинизм, на международное коммунистическое движение, на социалистические революции, на СССР и другие страны социализма.

Буржуазная наука не только стремится снять с капитализма ответственность за все бедствия, которые он принес человечеству, но и возложить вину за них на народные массы. Опираясь антинаучным вымыслом о «народном национализме», буржуазные ученые объявляют его причиной фашизма и империалистических войн, колониальной политики и национального гнета. Лжетеория «народного национализма» используется для клеветы на социалистические страны и их миролюбивую внешнюю политику, для отрицания интернациональной солидарности пролетариата, для возвеличивания ревизионизма.

Буржуазная историческая наука извращенно освещает проблему мирного сосуществования и на этой «основе» фальсифицирует картину взаимоотношений между Советским Союзом, а позднее между всеми странами социалистического лагеря и капиталистическим миром. В работах реакционных ученых Советскому Союзу клеветнически приписывается политика «насаждения Советов» в других странах, «экспансии», «нарушения международных договоров» и т. п. Антисоветская интервенция Антанты, многочисленные попытки удушения Советской России путем экономической блокады, иногда даже гитлеровское нападение на СССР и особенно все агрессивные действия империалистических держав после второй мировой войны пред-

стают в трудах реакционных историков как «оборона» от никогда не существовавшей «экспансии» Советского Союза. Буржуазная историография усердно представляет «исторические аргументы» реакционным силам, противящимся ликвидации международной напряженности и угрозы новой войны. Воинствующий антикоммунизм — такова идейная сущность всей реакционной историографии, прикрывающейся маской объективности и беспристрастия.

Буржуазные историки проявляют большую изощренность и изобретательность в нахождении самых различных аргументов и доказательств, но эти доводы бессильны сделать убедительными порочные в самой своей сути реакционные концепции истории XX века. Лихорадочное нагнетание все новых «аргументов» в защиту теорий, опровергаемых всей жизнью, всем ходом истории, лишь еще более углубляет кризис буржуазной историографии как составной части кризиса всей буржуазной идеологии и науки. Тщетно стремится буржуазия противопоставить успехам социализма все более активную идейную обработку масс и удержать их в плену буржуазной идеологии. Наша эпоха — время невиданного торжества великого учения марксизма-ленинизма, ставшего идеологией сотен миллионов людей во всем мире.

«Марксизм-ленинизм одерживает все новые и новые победы, — справедливо говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза. — Он побеждает потому, что выражает жизненные интересы рабочего класса, огромного большинства человечества, стремящегося к миру, свободе, прогрессу, выражает идеологию нового общества, идущего на смену капитализму»¹.

Марксистское освещение новейшей истории — эпохи перехода от капитализма к коммунизму — служит острым оружием в борьбе против буржуазных апологетических теорий, призванных продлить существование обреченного на гибель капиталистического строя. Разоблачение антинаучных реакционных концепций новейшей истории является важной составной частью борьбы за высвобождение трудящихся масс от духовной кабалы буржуазной идеологии, за распространение передовых идей, обеспечивающих общественный прогресс.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза» стр. 55.

XX век — столетие коренных перемен в судьбах человечества. Великая международная армия коммунистов возглавила героическую борьбу трудящихся масс за осуществление светлого коммунистического будущего. Невиданно ускорился ход истории, семимильными шагами приближается час всемирной победы коммунизма. На его стороне правда истории. Ничто не в состоянии отворотить окончательное торжество коммунизма, являющегося закономерным результатом общественного развития, исторической необходимостью XX века.

О Г Л А В Л Е Н И Е

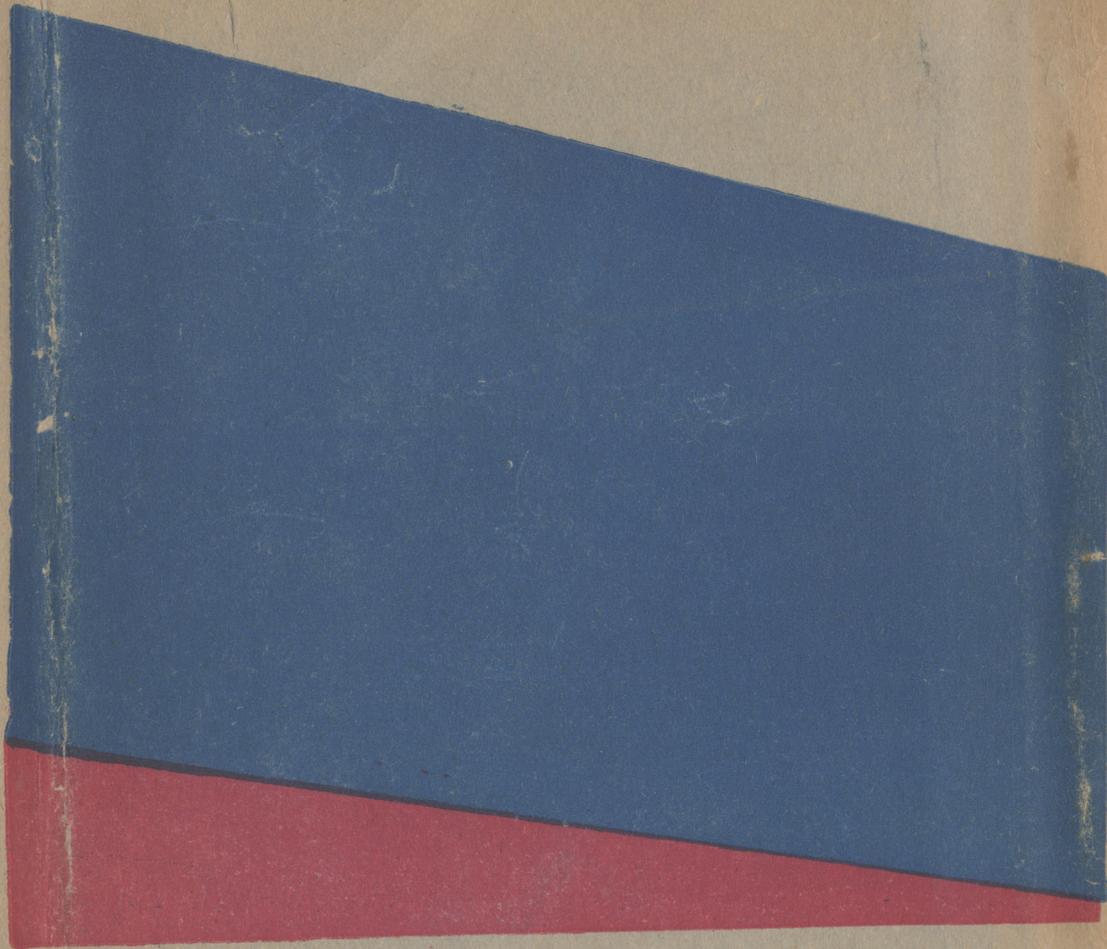
В в е д е н и е	3
Г л а в а I. О формах и методах буржуазной фальсификации истории	11
Г л а в а II. Критика реакционных концепций истории рабочего движения	81
Г л а в а III. Буржуазная историческая наука о фашизме .	159
Г л а в а IV. Как реакционные историки извращают причины первой и второй мировых войн	185
Г л а в а V. Против фальсификации характера современной эпохи	233
Г л а в а VI. Проблема мирного сосуществования в освещении буржуазных ученых	287
Г л а в а VII. Реакционные историки—апологеты колониальной системы	334
З а к л ю ч е н и е	363

Цена 92 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМО

Е. Б. Черняк • ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

Цена 92 коп.

Е. Д. Черняк • **ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ**